

**Казанский
федеральный
УНИВЕРСИТЕТ**

Филология и культура. Philology and Culture

*Журнал основан в 2003 году. Выходит 4 раза в год.
Учредитель и издатель – ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»*

*Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-47510 от 23.11.2011 г.*

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ
Материалы журнала размещаются на сайте Научной электронной библиотеки, включаются в национальную
информационно-аналитическую систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)*

Редакционный совет журнала:

Бак Дмитрий Петрович – профессор Российского государственного гуманитарного университета, директор Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля (Государственного литературного музея) (Россия).

Головко Евгений Васильевич – член-корреспондент Российской академии наук, директор Института лингвистических исследований Российской академии наук (Россия).

Гусейнова Махира Наги Кызы – профессор, декан филологического факультета, проректор по международным связям Азербайджанского государственного педагогического университета (Азербайджан).

Дзиффер Джорджо – профессор Университета в Удине (Италия).

Кибрик Андрей Александрович – профессор, директор Института языкознания Российской академии наук (Россия).

Леблан Сесиль – профессор университета «Париж-3, Новая Сорбонна» (Франция).

Лефельдт Вернер – профессор Гёттингенского университета (Германия).

Онер Мустафа – профессор Эгейского университета (Турция).

Сривастава Анамика – научный сотрудник Глобального Университета Джиндал (Индия).

Шаймердинова Нурила Габбасовна – профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Казахстан).

Шайтанов Игорь Олегович – профессор, зав. кафедрой истории литературы Российского государственного гуманитарного института.

Ширинова Раима Хакимовна – доктор филологических наук, профессор, проректор по международным связям Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека (Узбекистан).

Главный редактор – **Замалетдинов Радиф Рифкатович**, д-р филол. наук, проф., директор Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Заместитель главного редактора – **Ярмакеев Искандер Энгелевич**, д-р пед. наук, проф., зам. директора по научной деятельности Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Состав редколлегии:

Агеева Юлия Викторовна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры русского языка как иностранного, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Арсентьева Елена Фридриховна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры романо-германской филологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Аюпова Роза Алляметдиновна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры романо-германской филологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Бакиров Марсель Хаернасович, д-р филол. наук, профессор, науч. сотр. Отдела исследования и сохранения традиционной культуры, ГБУ «Ресурсный центр внедрения инноваций и сохранения традиций в сфере культуры Республики Татарстан».

Богоявленская Юлия Валерьевна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

Бочина Татьяна Геннадьевна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков в сфере международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Бреева Татьяна Николаевна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Галимуллина Альфия Фоатовна, д-р пед. наук, доцент, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Галиуллина Гульшат Раисовна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры татарского языкознания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Ерофеева Ирина Валерьевна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Есин Радий Германович, д-р мед. наук, профессор, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Закамулина Миляуша Нуруллоевна, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков, Казанский государственный энергетический университет.

Закирзянов Альфат Магсумзянович, д-р филол. наук, профессор, и.о. зав. отделом литературоведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан.

Закирова Ильсеяр Гамиловна, д-р филол. наук, доцент, глав. науч. сотр. отдела народного творчества Института языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан.

Зинин Сергей Александрович, д-р пед. наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания литературы, Московский педагогический государственный университет.

Крылов Вячеслав Николаевич, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Кулькова Мария Александровна, д-р филол. наук, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Мардиева Ляйля Агьдасовна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Мухаметзянова Лилия Хатиповна, д-р филол. наук, доцент, глав. науч. сотр. отдела народного творчества, Институт языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан.

Мухаметшина Резеда Фаилевна, д-р пед. наук, профессор, декан Высшей школы русского языка и межкультурной коммуникаций им. И.А. Бодуэна де Куртенэ Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Нефедова Лилия Амриановна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации, Челябинский государственный университет.

Пашкуров Алексей Николаевич, д-р филол. наук, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Поляков Олег Юрьевич, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет.

Садыкова Аида Гумеровна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Сайфулина Флера Сагитовна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры татарской литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Салехова Ляйля Леонардовна, д-р пед. наук, доцент, профессор кафедры билингвального и цифрового образования, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Солнышкина Марина Ивановна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Соловьев Валерий Дмитриевич, д-р физ.-мат. наук, профессор, профессор НИЛ «Текстовая аналитика», Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Файзуллина Гузель Чахваровна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры теории и методики начального и дошкольного обучения, Тобольский педагогический институт им. Д. И. Менделеева (филиал Тюменского государственного университета в г. Тобольск).

Фаттахова Наиля Нурийхановна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Хабибуллина Лилия Фуатовна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Харисов Фираз Фахразович, д-р пед. наук, профессор, профессор кафедры татарского языкознания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Юсупова Альфия Шавкетовна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания и тюркологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Явгильдина Зилия Мухтаровна, д-р пед. наук, профессор, проректор по научной работе, Казанский государственный институт культуры.

Сотрудники:

Ответственный редактор:

Хабутдинова М. М., кандидат филологических наук.

Выпускающий редактор:

Умарова Л. Д., кандидат филологических наук.

Ведущие редакторы:

Свирина Л. О., кандидат филологических наук.

Хасанова Л. И.

Компьютерная верстка – Герасимова Н. В.

Адрес издателя: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

Адрес редакции: 420021, г. Казань, ул. Татарстан, д. 2

Контактный телефон: (843) 292-92-06

Сайт журнала: <http://philology-and-culture.kpfu.ru>

E-mail: journal@ifi.kpfu.ru

Подписной индекс: 66015

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Лингвистика

- Вольская А., Николаева Н.* Лексические новации Моисея Гумилевского в его переводе Ареопагитик XVIII века. 5
- Зельдин А.* Применение эвклидовой метрики для измерения межфонемных расстояний. 10
- Иордани Н.* О субъекте при инфинитиве с частицей *бы* в старорусском и современном русском языке. 14
- Колосова Е., Гимранова Т., Чу Цзинжу* Функции анекдота в политическом дискурсе (на материале публичных выступлений В.В. Путина). 20
- Коренецкая И.* Лингвокультурная репрезентация имиджевых характеристик членов британской королевской семьи (на материале британского массмедийного дискурса). 27
- Ли Хайнин* Языковые средства воздействия на адресата в социальной рекламе о COVID-19. 35
- Манерко Л., Лю Минсюань* Выявление концептуальных признаков страны посредством целенаправленной корпоральной метафоры. 44
- Низамбиева И.* Анализ языкового портрета репрессированной женщины-татарки на примере главной героини романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза». 53
- Рудяков А.* Об актуальности функционального подхода для орфографии современного русского языка. 58
- Рудяков Л.* Особенности описания терминологического аппарата в рамках изучения городского языка. 65
- Салахова А.* Формы обращения в рассказе Г. Яхиной «Мотылек»: лингвокультурный комментарий. 71
- Фаттахова Н., Рахимова Д.* Превентив в гороскопическом тексте. 76
- Хадыева Т.* Эволюция форм дательного, творительного и местного падежей множественного числа **О*-склонения по материалам древнерусских и старорусских памятников деловой письменности. 81
- Чжан Юаньцзэ* Особенности изучения военной терминологии в русском языке. 89
- Чжэн Чжунь* Функционирование русских приставочных глаголов движения с точки зрения когнитивистики (на материале современных русских песен). 94
- Юрикова К.* Топонимика г.Елабуга и особенности её изучения. 98
- Ячина Н., Низамбиева И.* Влияние процессов глобализации на исчезновение диалектов русского языка. 103

Литературоведение

- Бакиров М., Хабутдинова М.* «Холстомер» Льва Толстого на татарской сцене. 109
- Бекметов Р., Казем Нежад Дахкаи Седиге* Роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина» в интерпретациях иранских литературоведов. 117
- Миннуллин О.* Документальное начало в художественной литературе в свете ценностно-онтологического подхода. 127
- Сабиров Н.* Время и пространство как специфические стороны жанра путевых произведений. 138
- Хавжокова Л.* Метрика адыгского стиха: специфика освоения силлабо-тонических размеров. 144

ПЕДАГОГИКА

- Васильева В., Галева Г.* Технология «Техно-Р» в повышении качества образования в области иностранных языков. 149
- Гордеева Л., Юсупова З.* К вопросу о типологии текстов по русскому языку как иностранному. 156
- Ерофеева И., Файзуллина Н.* Развитие навыков словообразовательного анализа в китайской аудитории. 161
- Юсупова Н., Юсупов А.* Проблемные аспекты в преподавании татарской литературы. 167
- Яковлева Е.* Реализация ситуационных когнитивных моделей в англоязычном учебном дискурсе (на материале малоформатных текстов по чтению УМК «English unlimited» (Elementary)). 173

CONTENTS

PHILOLOGICAL STUDIES

Linguistics

- Volskaya, A., Nikolaeva, N.* Lexical innovations of Moses Gumilyevsky in his Areopagitica translation of the 18th century. 5
- Zeldin, A.* The Euclidean metrics applied to the interphonemic distance measurements. 10
- Iordani, N.* On the subject of the subjunctive infinitive in Middle Russian and Modern Russian. 14
- Kolosova, E., Gimranova, T., Chu Jingru* Functions of a joke in political discourse (based on Vladimir Putin's public speeches). 20
- Korenetskaya, I.* Linguo-cultural representation of the image characteristics of the British royal family members (based on the British mass media discourse). 27
- Li Haining* Language means of influencing the addressee in social advertising about Covid-19. 35
- Manerko, L., Liu Mingxuan* Identifying conceptual features of the country through purposeful corporate metaphor. 44
- Nizambieva, I.* Analyzing the linguistic portrait of a repressed Tatar woman in the lessons with inophone students (based on the main female character from G. Yakhina's novel "Zuleikha Opens Her Eyes"). 53
- Rudyakov, A.* On the relevance of the functional approach to the modern Russian language orthography 58
- Rudyakov, L.* Features of describing terminological apparatus within urban language studies. 65
- Salakhova, A.* Vocative forms in G. Yakhina's short story "A Moth": Linguistic and cultural issues. 71
- Fattakhova, N., Rakhimova, D.* The preventive in the horoscope text. 76
- Khadyeva, T.* Evolution of the dative, instrumental and locative plural forms in *ō/*jō-declension based on Old Russian monuments of business writing. 81
- Zhang Yuanze* Peculiarities of studying military terminology in the Russian language. 89
- Zheng Zhongyi* Functions of Russian prefix verbs of motion in terms of cognitive studies (based on modern Russian songs). 94
- Yurikova, K.* Toponymy of Yelabuga and features of its study. 98
- Yachina, N., Nizambieva, I.* The influence of globalization processes on the disappearance of the Russian language dialects. 103

Literary Studies

- Bakirov, M., Khabutdinova, M.* "Kholstomer" by Leo Tolstoy on the Tatar stage. 109
- Bekmetov, R., Kazem Nejad Dahkaei Sedigheh* Leo Tolstoy's novel "Anna Karenina" in interpretations of Iranian literary critics. 117
- Minnullin, O.* Documentary principles in fiction in the light of the value-ontological approach. 127
- Sabirov, N.* Time and space as specific aspects of the travelogue genre. 138
- Khavzhokova, L.* Metrics of the Adyghe verse. 144

PEDAGOGY

- Vassilieva, V., Galeeva, G.* "Techno-R" technology in improving the quality of foreign language learning. 149
- Gordeeva, L., Usupova, Z.* On text typology in Russian as a foreign language. 156
- Erofeeva, I., Faizullina, N.* Developing the skills of a word-formation analysis in Chinese students. 161
- Yusupova, N., Yusupov, A.* Problem aspects in teaching Tatar literature. 167
- Yakovleva, E.* Linguo-cognitive model analysis of low-format texts in educational discourse (in the course book "English Unlimited" Elementary). 173

УДК 811.163.1(47)

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-5-9

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ НОВАЦИИ МОИСЕЯ ГУМИЛЕВСКОГО
В ЕГО ПЕРЕВОДЕ АРЕОПАГИТИК XVIII ВЕКА**

© Анастасия Вольская, Наталия Николаева

**LEXICAL INNOVATIONS OF MOSES GUMILYEVSKY
IN HIS AREOPAGITICA TRANSLATION OF THE 18th CENTURY**

Anastasia Volskaya, Nataliya Nikolaeva

The article analyzes some lexical units (nouns) from the first Russian translation of Areopagitica, made in the 18th century by hieromonk Moses Gumilyovskiy, which is of great interest from the point of view of the Russian literary language history of that period. These units are not recorded in lexicographic sources, but most of them are formed according to regular word-formation models of the Russian language. Some of them are structural calques or semi-calques of Greek equivalents. It is noteworthy that even when making a calque, Gumilyevskiy tended to create a semantic translation. The purpose of the work is the lexical and word-formation analysis of such word usage. To achieve it, we classified the studied units in accordance with their representations in historical lexicographic sources. As a result of the fulfilled research, we have found that Gumilyevskiy's new words are primarily nomina abstracta with the meaning of quality, less often of action (or its result) in accordance with the textual and genre affiliation of the treatise translated by him and its content features. Even within the framework of a small volume of the analyzed vocabulary, we have traced the main trends of Gumilyevskiy's translation as a whole: the translation of substantives by suffix formations, the preference for names with the meaning of abstract quality and the semantically oriented transmission of the original text.

Keywords: Areopagitica, Moses Gumilevsky, semantic translation, Russian literary language of the 18th century, historical lexicography, word formation

В статье анализируются некоторые лексические единицы (имена существительные) из первого русского перевода Архопагитик, выполненного в XVIII веке иеромонахом Моисеем Гумилевским и представляющего большой интерес с точки зрения истории русского литературного языка того периода. Данные единицы не зафиксированы в лексикографических источниках, однако в большинстве своем образованы по регулярным словообразовательным моделям русского языка. Некоторые из них представляют собой структурные кальки или полукальки греческих эквивалентов. Обращает на себя внимание, что даже в калькировании проявилась склонность Гумилевского к созданию смыслового перевода. Цель работы состоит в лексико-словообразовательном анализе таких словоупотреблений. Для ее достижения была проведена классификация исследуемых единиц в соответствии с их представленностью в исторических лексикографических источниках. В результате проведенного исследования было установлено, что новые слова Гумилевского представляют собой прежде всего nomina abstracta со значением качества, реже действия (или его результата) в соответствии с тексто-жанровой принадлежностью переводимого им трактата и его содержательных особенностей. Даже в рамках небольшого объема исследуемой лексики были замечены основные тенденции перевода Гумилевского в целом: перевод субстантивов суффиксальными образованиями, предпочтение имен со значением абстрактного качества, ориентация на смысловую передачу оригинального текста.

Ключевые слова: Архопагитики, Моисей Гумилевский, смысловой перевод, русский литературный язык XVIII века, историческая лексикография, словообразование

Для цитирования: Вольская А.С., Николаева Н.Г. Лексические новации Моисея Гумилевского в его переводе Архопагитик XVIII века // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №1 (71). С. 5–9. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-5-9

Перевод Ареопагитик на славянорусский язык [1, с. 98], выполненный в последней четверти XVIII века иеромонахом (впоследствии епископом Феодосийским и Мариупольским) Моисеем Гумилевским, от всех предшествующих переводов, а также и современных ему, отличается ясностью изложения, использование обычной для произведений такого жанра (исторический богословский трактат) лексики, принадлежащей высокому стилю, порой славянизированной, но не вычурной или не калькирующей некоторые греческие конструкции (например, субстантивированные глагольные формы), чем еще увлекались даже его современники, ориентированные на церковнославянскую, но не русскую языковую парадигму (как, например, Паисий Величковский и др. [2]).

Однако оригинальный текст содержит большое количество авторских неологизмов, особенно в области словосложений, так что любой перевод Ареопагитик не избежал и не избежит некоторых языковых экспериментов и новаций с целью адекватной передачи первоисточника. Так, например, современные переводы, выполненные Г. М. Прохоровым, содержат множество сложных слов-калек с греческого, часто в славянизированном духе, чтобы отразить эллинистически сложный по способу выражения мысли оригинал в изложении на современном русском языке [3, с. 130].

Материалом для нашего исследования послужил один из двух трактатов, переведенных иеромонахом Моисеем, – «О небесном священноначалии», изданный в 1786 году [4]. Примеры из этого издания и из словарей приводятся в дальнейшем в упрощенной орфографии.

Место лексических новаций, обнаруженных в переводе Гумилевского, в языковой системе того периода мы определяли по данным словаря церковнославянского языка Г. Дьяченко [5], на основании церковнославянского и старорусского подкорпусов НКРЯ и основного корпуса, фиксирующего употребление слов с начала XVIII века [6], но в первую очередь, безусловно, по данным Словаря русского литературного языка XI–XVII века [7], Словаря русского языка XVIII века [8]. Привлекая все доступные нам источники, мы понимаем ограниченность наших возможностей: исторические словари не могут в силу объективных причин описать весь лексический фонд эпохи и перечислить все значения для каждого из зафиксированных слов. Тем не менее, с их помощью возможно проследить некоторые тенденции, связанные с языковыми предпочтениями переводчика и его способностью использовать

словообразовательные потенции языка. Необходимой базой нашего исследования стал и первый перевод Ареопагитик на славянский, выполненный на Афоне в XIV веке [9], поскольку с него начинается текстология славянских Ареопагитик и в нем искали опору в решении переводческих задач почти все переводчики этих трактатов в последующие эпохи.

Все лексические новации, обнаруженные в переводе иеромонаха Моисея, можно классифицировать следующим образом:

1. Графико-фонетические варианты слов, которые фиксируются словарями: *властеначалие* [4, с. 56] vs. *властоначалие* [8].

2. Словообразовательные варианты: *звъровидие* [4, с. 102] vs. *звъровидѣние* [7, вып. 5, с. 351]; в том числе за счет вариантности производящих основ: *образописание* [4, с. 14] vs. *образописание* [7, вып. 12, с. 140].

3. Слова, фиксируемые словарями в другом значении. Так, слово *трение* Гумилевский употребляет в современном значении [4, с. 95], как и его современник М. В. Ломоносов [6], а в Словаре русского литературного языка XI–XVII века оно еще фиксируется со значением «распиливание» [7, вып. 30, с. 121]. Слово *неспособность* [4, с. 80] употребляется в переводе также в современном значении, которое встречается и в узусе современников Гумилевского [6] – в Словаре русского литературного языка XI–XVII века его значение описано как «неудобство, непригодность» [7, вып. 11, с. 303].

4. Слова, различающиеся аффиксами в своей структуре и образованные разными способами, но имеющие одинаковое значение. Из двух слов *безсловесие* [4, с. 22] и *безсловесность* [4, с. 21] – оба слова суть кальки греческого *ἀλοῦγία* – Словарь русского литературного языка XI–XVII века [7, вып. 1, с. 169] и Словарь русского языка XVIII века [8] фиксируют только *безсловесие*, но у Гумилевского вариант *безсловесность* употребляется в том же значении. С точки зрения словообразовательных отношений внутри русского языка *бессловесность* – это отадъективное суффиксальное производное, а *бессловесие* – конфиксальное образование. Лексическая единица *бессловесность* фиксируется начиная с XIX века и не представляется нам невозможной для конца XVIII века, потому что образована по продуктивной словообразовательной модели с регулярным значением. В связи с этим вряд ли можно считать ее новацией Гумилевского. То же можно сказать о слове *лишенность*, притом, что словари фиксируют только единицу *лишение*, а *лишенность* появляется только в XX веке. Хотя в

этой паре разница, как минимум в словообразовательном значении, очевидна: *лишение* представляет процесс или результат действия, а *лишенность* – свойство.

5. Наибольшую группу представляют слова, незафиксированные в лексикографических источниках, однако представленные в них однокорневыми единицами, с большинством из которых они находятся в деривационных связях разного типа: *безпричастие* vs. *беспричастный* (здесь и далее первый пример приводится из текста перевода Моисея Гумилевского [4], примеры после знака vs. – из словарей [5], [7], [8]); *благопослушность* vs. *благопослушание*, *благопослушный* и др.; *богомудрец* vs. *богомудрый*; *богомудрый*, *богомудрие*; *богообразие* vs. *богообразный*; *богопрятие* vs. *богоприятный*; *вмѣстительность* vs. *вмѣстительный*; *воспростираение* vs. *воспростирати*; *дождерождение* vs. *дождеродный*; *дольность* vs. *дольный*; *златообразие* vs. *златообразный*; *превыспренность* vs. *превыспренный*; *руководствование* vs. *руководствие*, *руководствовати*; *скоролетание* vs. *скоролетаемый*, *скоролетательный*, *скоролетающий*; *соименование* vs. *именование*; *сопресвитер* vs. *пресвитерь*; *свѣтопрятие* vs. *свѣтоприятный*; *таинственность* vs. *таинственный*; *тайноначалие* vs. *тайноначальный*; *тайносовершитель* vs. *тайносовершительный*.

Очевидно, что в большинстве случаев словарями фиксируются производящие для образований из текста Гумилевского слова: *благопослушный* > *благопослушность*, *богомудрый* > *богомудрец*, *воспростирати* > *воспростираение*, *пресвитер* > *сопресвитер* и т. д. В ряде случаев производящее мы обнаруживаем, напротив, у Гумилевского: *тайносовершительный* < *тайносовершитель*, *тайноначальный* < *тайноначалие* (*тайноначальный* как имеющий отношение к *тайноначалию*) и т. п. В случае с лексемой *скоролетание* в словарях зафиксированы причастия от восстанавливаемого глагола **скоролетати* (*скоролетаемый*, *скоролетающий*), в то время как сам глагол лексикографическими источниками не фиксируется. Следует помнить, что большинство словосложений в Ареопагитиках являются кальками с греческого, но, будучи восприняты на славяно-русской почве, вступают уже в системе языка в деривационные отношения с зачастую такими же по происхождению кальками. В тексте Ареопагитик их отношения характеризуются взаимной соотнесенностью, хотя обыкновенно в таких случаях мотивирующим является прилагательное. Кроме упомянутой выше пары *тайноначальный* < *тайноначалие*, где соотнесенность была обратная, что обусловлено в немалой сте-

пени значением этих богословских терминов, это другие пары такого типа: *беспричастие* – *беспричастный*, *богопрятие* – *богоприятный*, *златообразие* – *златообразный* и т. п.

Слова *действенность*, *непременность* и *погрешность* также не обнаруживаются в исторических словарях (в них присутствуют однокорневые им слова, объединенные с названными лексическими единицами деривационными отношениями разного рода), но они фиксируются НКРЯ в произведениях первой половины XVIII века. У слова *богоподобие* НКРЯ фиксирует однокорневое *богоподобный*.

В целом, почти все слова этой группы появляются в русском языке полвека спустя, НКРЯ представляет их в текстах начала XIX века, и только в редких случаях еще одним столетием позже. Все это говорит о том, что Гумилевский использовал естественные словообразующие потенции русского языка в тех случаях, когда использовал эти слова.

6. Отдельную группу образуют существительные, образованные от глаголов несовершенного вида, в то время как лексикографические источники фиксируют соответствующие производные от глаголов совершенного вида. Видимо, это черта индивидуального стиля переводчика. Ср.:

воззирание (< *воззирати*) vs. *воззръние* (< *воззръти*);

возникание (< *возникати*) vs. *возникновение* (< *возникнути*);

очищатель (< *очищати*) vs. *очиститель* (< *очистити*);

предлагание (< *предлагати*) vs. *предложение* (< *предложити*);

преподавание (< *преподавати*) vs. *преподание* (< *преподати*).

7. Наконец, есть группа слов, отличающая перевод Гумилевского не только от данных лексикографии, но и от первого перевода Ареопагитик. Это простые слова *безобувение* (τὸ ἀνυπόδητον), *сразмърность* (по *сразмърности*, ἀναλόγως) и ряд сложных: *богозачатие* (θεοπλαστία), *богопричастие* (θέωσις), *жребопадение* (по *жребопадению*, ἀποκλήροτικὸς), *любоиспытатель* (φιλοθεάμων), *образоздание* (τοποπλαστία), *первоисполнитель* (πρωτοουρῶς), *первоприниматель* (πρωτοουρῶς), *священносовершитель* (ιεροτελεστής), *стадоначалие* (ἀγέλαρχία), *тмотворение* (σкотопοία), *умоизобретение* (ἀνάπλασις).

Среди перечисленных слов только одно совпадает с переводом XIV века – в нем так же слово σкотопοία передано как *тмотворение* [9, л. 24]. И еще два являются точной структурной

калькой греческого слова: *стадоначалие* – ἀγελαρχία и *священносовершитель* – ἱεροτελεστής.

Не вполне удачный вариант *безобувание* произошел в рамках замены греческих субстантиватов на суффиксальные образования, которая в общем была свойственна переводу Гумилевского.

Остальные случаи показывают его творческий подход к переводу, в котором превалировал приоритет смысла над формой. Так, в двух случаях переводчик передает греческое наречие предложно-падежным сочетанием (*по сразмърности, по жребопадению*). Два схожих по структуре греческих композита переводит с разными вариантами второй основы: θεοπλαστία и τυлоπλαστία как *богозачатие*, но *образоздание* (и если *здание* является вполне регулярным способом передачи греческого –πλαστία, то *зачатие* – новация Гумилевского, обусловленная содержанием ближайшего контекста, где говорится о Благовещении). Полукалькой является слово *любоиспытатель*, дословный перевод – *любозритель* – мы находим в предыдущих переложениях трактата, Гумилевский же придал созерцательности исследовательский оттенок (тот, кто не просто созерцает, но при этом и испытует, то есть исследует). Одна и та же греческая лексема πρωτοουρως (букв. ‘первый творец, деятель’) передается двумя разными способами в зависимости от контекста: *первоисполнитель* точно отражает значение греческого слова, а *первоприниматель* несет оттенок пассивности, что связано с тем, что речь идет о боговидных умах, которые, согласно иерархическому учению Ареопагита, не могут быть первыми исполнителями божественных деяний, а могут лишь в силу своих возможностей принимать их. Наконец, в двух случаях переводчик заменяет простые слова сложными, что вполне соответствует славянской переводческой традиции и служит именно для раскрытия смысла. Так, один из центральных терминов Ареопагита θεωσις ‘обожение’ Гумилевский переводит по смыслу – *богопричастие*, то есть приобщение к Богу. А для греческого слова ἀνάπλασις ‘выдумка’ переводчик находит эквивалент *умоизобретение*.

Нужно отметить, что все нововведения Гумилевского находятся, с одной стороны, в рамках языкового узуса, а с другой – вполне органичны для тексто-жанровой принадлежности трактата, за исключением только авторского неологизма *безобувание*, который остался не вполне удачным гапаксом.

В целом следует подчеркнуть, что за прозрачностью и понятностью перевода иеромонаха

Моисея Гумилевского стоит кропотливый труд по поиску эквивалентов, которые бы не нарушали законы жанра и не выходили бы за рамки регулярных словообразовательных моделей. Малое количество слов, принадлежащих только этому тексту, говорит о том, что переводчик успешно использовал имеющиеся языковые ресурсы (в том числе потенциальные).

Список источников

1. Николаева Н. Г. Метафоры пословного перевода XVIII века и их влияние на славяно-книжный стандарт // Филология и культура. Philology and culture. 2021. № 1 (63). С. 94–99.
2. Кузовенкова А. И. Традиционное и новое в грамматике переводов сочинений Псевдо-Дионисия Ареопагита XVIII века // И. А. Бодуэн де Куртене и мировая лингвистика. Труды и материалы Международной конференции. В 2-х томах. Под общей редакцией К. Р. Галиуллина, Е. А. Горобец, Э. А. Исламовой. Казань: Казанский федеральный университет, 2019. С. 117–120.
3. Николаева Н. Г. Проблемы языка и стиля богословских сочинений (на материале переводов Ареопагитик XIX–XX вв.) // Церковь и проблемы современной коммуникации. Нижний Новгород: Нижегородская духовная семинария, 2007. С. 121–132.
4. Святого Дионисия Ареопагита о Небесной Иерархии, или Священноначалии. Москва: б / и, 1786. 107 с.
5. Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь [Репр. воспр. изд. 1900г.]. М.: Отчий дом, 2001. 1120 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Djachenko/polnyj-tserkovnoslavjanskij-slovar/ (дата обращения: 07.11.2022).
6. Национальный корпус русского языка. URL: ruscorpora.ru/ (дата обращения: 07.11.2022).
7. Словарь русского литературного языка XI–XVII века. М: Наука, 1975–2011. Вып. 1–29; М., СПб.: Нестор История, 2015. Вып. 30.
8. Словарь русского языка XVIII века. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991. Вып. 1–6; СПб.: Наука. С.-Петерб. отд-ние, 1992–... Вып. 7.... URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 07.11.2022).
9. Das Corpus des Dionysios Areopagites in der slavischen Übersetzung von Starec Isaija (14. Jahrhundert) / Дионисий Ареопагит в славянском переводе старца Исаяи (XIV век) // Monumenta Linguae Slavicae Dialectis Veteris. T. LVI. Freiburg i.Br.: Weiher Verlag, 2011. 683 p.

References

1. Nikolaeva, N. G. (2021). *Metamorphozy poslovnogo perevoda XVIII veka i ikh vliianie na slaviano-knizhnyi standart* [Metamorphosis of Word-by-Word Translations in the 18th Century and Their Influence on the Slavic Standard Language]. *Filologiya i kul'tura*. No. 1 (63), pp. 94–99. (In Russian)

2. Kuzovenkova, A. I. (2019). *Traditsionnoe i novoe v grammatike perevodov sochinenii Pseudo-Dionisiia Areopagita XVIII veka* [The Traditional and the New in the Grammar of Translations of Pseudo-Dionysius the Areopagite's Works of the 18th Century]. I. A. Boduen de Kurtene i mirovaya lingvistika. Trudy i materialy Mezhdunarodnoi konferentsii. V 2-kh tomakh. Pod obshchei redaktsiei K. R. Galiullina, E. A. Gorobets, E. A. Islamovoi. Pp. 117–120. Kazan, Kazanskii federal'nyi universitet. (In Russian)
3. Nikolaeva, N. G. (2007). *Problemy yazyka i stilya bogoslovskikh sochinenii (na materiale perevodov Areopagitik XIX – XX vv.)* [Problems of the Language and Style in Theological Writings (Based on Translations of the Areopagitics of the 19th – 20th Centuries)]. Tserkov' i problemy sovremennoi kommunikatsii. Pp. 121–132. Nizhnii Novgorod, Nizhegorodskaya dukhovnaya seminariya. (In Russian)
4. *Svyatogo Dionisiya Areopagita o Nebesnoi Ierarkhii, ili Sviashchennonachalii*. (1786) [By Saint Dionysius the Areopagite on the Celestial Hierarchy]. 107 p. Moscow. N.p. (In Russian)
5. D'yachenko, G. (2001). *Polnyi tserkovnoslavianskii slovar'* [The Complete Church Slavonic Dictionary. Reprint of the Publication of 1900]. 1120 p. Moscow, Otchii dom. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Djachenko/polnyj-tserkovnoslavjanskij-slovar/ (accessed 07.11.2022). (In Russian)
6. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language]. URL: ruscorpora.ru/ (accessed 07.11.2022). (In Russian)
7. *Slovar' russkogo literaturnogo yazyka XI–XVII veka (1975–2011)* [Dictionary of the Russian Literary Language of the 11th–17th Centuries]. Moscow, Nauka. Vol. 1–29; (2015) Moscow, St. Petersburg, Nestor Istorii. Vol. 30. (In Russian)
8. *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka (1984–1991)* [Dictionary of the Russian Literary Language of the 18th Century]. Leningrad, Nauka. Leningr. otd-nie. Vol. 1–6; (1992 –) St. Petersburg, Nauka. St. Petersburg otd-nie. Vol. 7–... URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (accessed 07.11.2022). (In Russian)
9. *Das Corpus des Dionysios Areopagites in der slavischen Übersetzung von Starec Isaija (14. Jahrhundert)* (2011) [Dionysius the Areopagite in the Slavic Translation of the Starets Isaiah (14th Century)]. Monumenta Linguae Slavicae Dialectis Veteris. 683 p. T. LVI. Freiburg i. Br., Weiher Verlag. (In German, in Old Slavonic)

The article was submitted on 17.02.2023
Поступила в редакцию 17.02.2023

Вольская Анастасия Сергеевна,
преподаватель,
Казанский государственный медицинский
университет,
420012, Россия, Казань,
Бутлерова, 49;
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
sdeminna@mail.ru

Николаева Наталия Геннадьевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский государственный медицинский
университет,
420012, Россия, Казань,
Бутлерова, 49;
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
natalia.nikolaeva@kazangmu.ru

Volskaya Anastasia Sergeevna,
Assistant Professor,
Kazan State Medical University,
49 Butlerov Str.,
Kazan, 420012, Russian Federation;
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
sdeminna@mail.ru

Nikolaeva Nataliya Gennadievna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan State Medical University,
49 Butlerov Str.,
Kazan, 420012, Russian Federation;
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
natalia.nikolaeva@kazangmu.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ЭВКЛИДОВОЙ МЕТРИКИ ДЛЯ ИЗМЕРЕНИЯ МЕЖФОНЕМНЫХ РАССТОЯНИЙ

© Анатолий Зельдин

THE EUCLIDEAN METRICS APPLIED TO THE INTERPHONEMIC DISTANCE MEASUREMENTS

Anatoly Zeldin

The similarity or dissimilarity of the spoken words is generally rendered by intuition, depending on the personal orientation or the personal traits of a listener/speaker. The existing methods of phonetic encoding of words suffer from a number of shortcomings, the main one being the impossibility of weighing spoken words in quantitative terms. Moreover, the existing methods may be related to a certain language or language family. The algorithm advanced in the present paper compares the characteristics of different phonemes that make up a word. The paper treats phonemic frequency and sonority as elements common both for consonants and vowels, backness and openness, as features pertaining to vowels, and the place of articulation pertaining to consonants only. The algorithm in question permits to compare in quantitative terms the words of different length, whether formed by open or closed syllables. The inter-phonemic distances are calculated by employing Euclidean metrics. The paper suggests fields of application of the method treated in the paper: this scheme can be applied in the fields of comparative linguistics, in medicine, when the hearing disorders are scrutinized, as well as in the brain cortex mapping.

Keywords: phoneme, consonant, vowel, frequency, sonority

Вопрос «похожести» / «непохожести» двух или более слов одного или разных языков оценивается, как правило, интуитивно, в зависимости от индивидуальных особенностей аудиторного восприятия. Существующие методы фонетического описания слов обладают рядом недостатков, основным из них является невозможность количественной оценки и сравнения различных слов. Кроме того, предложенные алгоритмы могут быть ориентированы на конкретный язык или языковую семью. Предлагаемый метод основан на количественном сравнении отдельных параметров фонем, из которых состоит слово. В качестве параметров, общих для гласных и согласных фонем, предлагается рассмотреть высоту и сонорность, характеризующих только гласные – подъем и ряд, характеризующих только согласные – место образования. Межфонемные расстояния вычисляются по Эвклидовой метрике. Рассматриваемый алгоритм позволяет сравнивать в количественных условных единицах слова различной длины, которые состоят из различных видов слогов – как закрытых, так и открытых. Предложены области применения предлагаемого метода: эта схема может применяться в области сравнительного языкознания, в медицине при изучении нарушений слуха, а также при картировании коры головного мозга.

Ключевые слова: фонема, согласные, гласные, частота, сонорность

Для цитирования: Зельдин А. Применение эвклидовой метрики для измерения межфонемных расстояний // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №1 (71). С. 10–13. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-10-13

“Why, if a fish came to me, and told me he was
going on a journey,
I should say “With what porpoise”?
“Don’t you mean “purpose”? – said Alice.
“I mean what I say”, the Mock Turtle replied
in an offended tone”.
“Alice in the Wonderland”

As the father of the modern linguistics put it, “the first linguists, who knew nothing about the physiology of articulated sounds, were constantly falling into a trap, to me, it means a first step in the direction of truth, for the study of sounds themselves furnishes the desired prop” [2, p. 32]. As a rule, the mutual understanding or misunderstanding stems from the shared phonetic structure of a word (or a

lexeme), and, to a lesser extent, from the shared semantics common for a speaker and a listener.

The word (or a lexeme) consists of phonemes. Or, citing de Saussure again “language...is a system based on the mental opposition of auditory impressions, just as a tapestry is a work of art produced by the visual oppositions of threads of different colors...” [Ibid.,p. 39]. The phonemes are classified as the consonants and vowels, we do not consider for the moment the clicks found almost exclusively in the Khoisan languages. The consonants may be pulmonic and non-pulmonic; the phonetic systems that include the non-pulmonic consonants are few and far between, and so far we exclude them from the discussion.

The main feature that differentiates the human speech from other species' communication systems is the use of words or lexemes which consist of phonemes. A phoneme is the smallest meaningful 'sound unit' in language (*cat* vs. *bat*, *cat* vs. *cut*, *cat* vs. *can*). The IPA defines the common consonant phonemes as shown in Fig. 1. The arrangement of rows in the table is clear – from the most outer sound (bilabials /m/, /b/ etc. moving deeper into the mouth cavity toward the 'deepest' ones – the glottal consonants, like /ʔ/. On the contrary, the up-down order of the consonant rows is purely arbitrary – nasals traditionally occupy the upper row, stops – the second upper row and so on.

The vowels are more strictly organized – each sound occupies the position in the vowel chart (Fig. 2) according to the tongue height at the moment of vocalization and backness (the tongue position relative to the back of mouth). A vowel position could be easily pinpointed on a chart; to map a consonant is a much harder task – only one axis coordinate is provided.

The problem is expressed in the difficulties one can face while trying to quantitatively define a phoneme and, consequently, a whole word. We suppose that the solution may bear on the distinguishing of phonetic and even phonemic proximity of different phonemes, syllables, words and expressions, and could be applied in various fields (aka comparative linguistics, neurolinguistics, auditory impairments treatment).

When a need to determine an inter-phonemic distance arises, first and foremost the Levenstein distance comes to mind [5]. Among its shortcomings are the artificialness and the over-relating to orthography. Beside this, only the letters' order is of importance, due to this the differences in the phonetic vicinity or remoteness are wiped away. Hence, the lexemes *but* – *cut* – *hut* – *gut* – *nut* – *tut* (*tit* for *tut*) occupy the same position in terms of mutual distance when the Levenstein method is applied, alt-

hough the phonemic perception in each case is different, of course. To our mind, *but* is closer to *gut* than to *cut*, and *nut* is still more far away. One should take into consideration that the relative closeness of the sounds (or phonemes) and words is a rather subjective perception and varies from one person to another.

The popular algorithm SoundEx (based on the Germanic languages and applied predominantly to the Germanic words) [4] ignores the individual sound features, as does the Levenstein distance. The same may be said of the Metaphone phonetic algorithm [8].

“Speech can be produced rapidly because the phonemes are processed in parallel. They are taken apart into their constituent featured...” [6, p. 454]. The algorithm advanced in the present paper is based on the acoustic properties of a phoneme, these properties are expressed quantitatively and taken in an array. As mentioned above, the IFA consonant table while providing the exhaustive phonetic account of the world languages, nevertheless has a significant shortcoming – an arbitrary arrangement of rows that display the manner of vocalization. Thus, the row of nasal consonants could as well be changed with the row of plosives, etc.

We can use the index of the 'consonant deepness' that shows the place of articulation, i.e. how deep a consonant in the vocal cavity is produced. Index 1 stands for the bilabial sounds, 2 – for the labio-velar sounds... 13 – for the glottal sounds. But for the sake of acoustic closeness evaluation of phonemes pertaining to different classes, we need at least one more quantitative parameter. As such, so called COG can be used. “The center of gravity of a spectrum (COG) is in a sense, the “mean” frequency” [10, p.1530]. Also, a phoneme sonority may be used, although determining this feature is not a simple task, albeit it is easily perceived intuitively. For example, the sonority was described as “the loudness relative to that of other sound with the same length, stress and pitch” (Ladefoged) [cit.: 3, p. 20].

To visualize the vowels and the consonants in a unitary frame of reference, we chose the features of the sonority and the frequency (the deepness is unfit for vowels, the openness and backness are used instead). The quantitative values were cited from the following sources - S_i (the sonority of sound i) [3], F_i (the frequency or COG of sound i) [10]. The x-axis marks sonority, the y-axis marks the mean frequency measured in Hz. So, /m/ (17; 18), /n/ (15; 19), /p/ (7; 39), /f/ (7;4), /a/ (24; 38). The distance between syllables or the whole words will be calculated according the standard Euclidian metrics:

$$D(A_1, A_2) = \sqrt{\sum_{i=1}^n (x_i^{(1)} - x_i^{(2)})^2}$$

To apply the metrics in a special case, one can transform the equation in the following way:

$$D(A_1, A_2) = \sqrt{\mu_1(x_1 - x_2)^2 + \mu_2(x_1 - x_2)^2 + \mu_3(x_1 - x_2)^2},$$

where μ_i - the specific weight of every parameter; it describes the subjective or personal experience of every phoneme and could be determined by experimental approach.

However, we are facing the problem of dimensionality, i.e. the units of measurement, which we choose to describe the properties of a certain phoneme. To solve the problem of alignment acoustic and metric units, we should normalize the numbers or transform them into unidimensional units:

$$\bar{x} = \frac{1}{n} * (x_1 + x_2 + \dots + x_n) = \frac{1}{n} * \sum_{i=1}^n x_i,$$

where \bar{x} is the average of a given parameter, n - the total number of phonemes in question.

If a normal distribution takes place, the equation will look like:

$$\bar{x}_i = (x_i - \bar{x}) / \sqrt{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2}$$

The divisor is the standard deviation of a considered value. As long as we are not safe that the distribution in question is a normal one, it is safer to apply a more general case of transformation:

$$\tilde{x}_i = (x_i - x_{min}) / (x_{max} - x_{min}) \in [0,1];$$

The sonority values are: $S_{max} = 29$, $S_{min} = 0$ [Dineen & Miller 1995, 20]; the mean frequency values: $F_{max} = 400$ Hz, $F_{min} = 18$ Hz [van Son & Pols 1996, 1531]; the place of articulation (or "deepness") relative to the most front consonant: $D_{max} = 13$, $D_{min} = 1$.

Therefore: $\bar{S}_m = (S_m - S_{min}) / (S_{max} - S_{min}) = 0.59$; $\bar{S}_n = 0.52$; $\bar{S}_p = 0.244$; $\bar{S}_f = 0.24$; $\bar{S}_a = 0.83$;

The same about COG or the mean frequency: $\bar{F}_m = (F_m - F_{min}) / (F_{max} - F_{min}) = 0.02$; $\bar{F}_n = 0.023$; $\bar{F}_p = 0.077$; $\bar{F}_f = 1$; $\bar{F}_a = 0.077$;

The relative deepness of a phoneme or the place of articulation: $\bar{D}_m = (D_m - D_{min}) / (D_{max} - D_{min}) = 0.077$; $\bar{D}_n = 0.307$; $\bar{D}_p = 0.077$; $\bar{D}_f = 0.154$;

As for the vowels we can use the axis of backness (Fig. 2) - values 0, 1, 2, 3 or 4, and openness - values from 0 to 8. So, $B_a = 1$, $\bar{B}_a = 0.25$; $O_a = 1$, $\bar{O}_a = 0.125$;

Ultimately, the phonemic matrix of *mama* word will look like: $[\bar{S}_m | \bar{F}_m | \bar{D}_m; \bar{S}_a | \bar{F}_a | \bar{B}_a | \bar{O}_a; \bar{S}_m | \bar{F}_m | \bar{D}_m; \bar{S}_a | \bar{F}_a | \bar{B}_a | \bar{O}_a] = [0.59 | 0.02 | 0.077; 0.83 | 0.077 | 0.25 | 0.125; 0.59 | 0.02 | 0.077; 0.83 | 0.077 | ? | ?]$. The matrix of *nana*: $[0.52 | 0.023 | 0.307; 0.83 | 0.077 | 0.25 | 0.125; 0.52 | 0.023 | 0.307; 0.83 | 0.077 | 0.25 | 0.125]$, of *papa*: $[0.24 | 0.077 | 0.077; 0.83 | 0.077 | 0.25 | 0.125; 0.24 | 0.077 | 0.077; 0.83 | 0.077 | 0.25 | 0.125]$, of *fafa*: $[0.24 | 0.95 | 0.154; 0.83 | 0.077 | 0.25 | 0.125; 0.24 | 0.95 | 0.154; 0.83 | 0.077 | 0.25 | 0.125]$.

The inter-word distances finally should be calculated in the following way:

$$\begin{aligned} d(mama, nana) &= \sqrt{(S_m - S_n)^2 + (F_m - F_n)^2 + (\bar{D}_m - \bar{D}_n)^2 + (\bar{S}_a - \bar{S}_a)^2 + (\bar{F}_a - \bar{F}_a)^2 + (\bar{B}_a - \bar{B}_a)^2 + (O_a - O_a)^2 + (\bar{S}_m - \bar{S}_n)^2 + (\bar{F}_m - \bar{F}_n)^2 + (\bar{D}_m - \bar{D}_n)^2 + (\bar{S}_a - \bar{S}_a)^2 + (\bar{F}_a - \bar{F}_a)^2 + (\bar{B}_a - \bar{B}_a)^2 + (O_a - O_a)^2} = \sqrt{(0.59 - 0.24)^2 + (0.02 - 0.077)^2 + (0.077 - 0.077)^2 + (0.83 - 0.83)^2 + (0.077 - 0.077)^2 + (0.25 - 0.25)^2 + (0.125 - 0.125)^2 + (0.59 - 0.24)^2 + (0.02 - 0.077)^2 + (0.077 - 0.077)^2 + (0.83 - 0.83)^2 + (0.077 - 0.077)^2 + (0.25 - 0.25)^2 + (0.125 - 0.125)^2} = \sqrt{0.11578} = 0.342 \\ d(mama, papa) &= 0.501 \\ d(mama, fafa) &= 1.409 \end{aligned}$$

As one might expect, the *mama* word phonetically (or phonologically) is closer to *nana* than to *papa*, and the more so, to *fafa*. Along with this, the phonetic closeness and remoteness can be easily compared. Hence, an **abcd* (A_1) word would be twice closer to **efgh* (A_2) than to **ijkl* (A_3). Of course, the vowels are not to be neglected. Thus, we may compare *mama* with *mimi*. $\bar{S}_i = 0.758$, $\bar{F}_i = 0.077$; $O_a = 1$, $\bar{O}_a = 0.125$, $B_a = 1$, $\bar{B}_a = 0.25$; $O_i = 8$, $\bar{O}_i = 1$, $B_i = 4$, $\bar{B}_i = 1$. Hence, $d(mama, mimi) = 1.63$. So, we can infer that these words seem rather dissimilar by the auditory perception.

In conclusion, an obvious question must be asked: how C (a consonant) and V (a vowel) are to be compared? In other words, when there is no evident syllables' alignment like CVC-CVC or VCV-VCV, how could the inter-word distance between lexemes like CV and VC be calculated? We deem the comparing with zero would be the best way to tackle the problem. Let's consider two words A_1 -CV (or C_1V_1), A_2 -VC (or V_2C_2), like *be* and *of*, to be compared. The distance required should be calculated in the following way: $D(A_1, A_2) = \sqrt{(\bar{S}_{c1} - \bar{S}_{v2})^2 + (\bar{F}_{c1} - \bar{F}_{v2})^2 + (\bar{D}_{c1} - 0)^2 + (0 - \bar{O}_{v2})^2 + (0 - \bar{B}_{v2})^2 + (\bar{S}_{v1} - \bar{S}_{c2})^2 + (\bar{F}_{v1} - \bar{F}_{c2})^2 + (0 - \bar{D}_{c2})^2 + (\bar{O}_{v1} - 0)^2 + (\bar{B}_{v1} - 0)^2}$;

The same may be applied to the words of different length. For example, if $V_1C_1V_2$ and C_2V_3 (like *era* and *to* words) are considered, the equation will look like this:

$$d(A_1, A_2) = \sqrt{(\bar{S}_{v1} - \bar{S}_{c2})^2 + (\bar{F}_{v1} - \bar{F}_{c2})^2 + (0 - \bar{D}_{c2})^2 + (\bar{O}_{v1} - 0)^2 + (\bar{B}_{v1} - 0)^2 + (\bar{S}_{c1} - \bar{S}_{v3})^2 + (\bar{F}_{c1} - \bar{F}_{v3})^2 + (\bar{D}_{c1} - 0)^2 + (0 - \bar{O}_{v3})^2 + (0 - \bar{B}_{v3})^2 + (\bar{S}_{v2} - 0)^2 + (\bar{F}_{v2} - 0)^2 + (\bar{O}_{v2} - 0)^2 + (\bar{B}_{v2} - 0)^2}$$

Conclusions

The outlined method is just a preliminary proposition. We do not consider so far such features as the specific weight of different sound properties (labeled μ_i) at their phonetic perception, the impact of a

phoneme surrounding [6] and the stressed/unstressed syllable, the vowel longevity, tone, etc. The laboratory experiments for the refinement of the proposed method are needed. Besides this, the method in its present form seems to be a little cumbersome, demanding multiple and tedious calculations, but when an appropriate software is developed, the task of inter-word distance calculations will become much easier and ready-to-hand like the determining of the semantic distance according the WordNet algorithm [7].

The advanced scheme can be applied in the fields of comparative linguistics, especially in the case when a phoneme shift like *satum-kentum* is considered in the historic perspective, in medicine, when the hearing and hearing disorders are scrutinized, as well as in the brain cortex mapping, following the phonotopic principle, according to which, every phoneme pins a certain point or a patch of cortex [9].

References

1. Crystal, D. (1987). *The Linguistic Use of Sound*. The Cambridge Encyclopedia of Language. Cambridge University Press. (In English)
2. De Saussure, F. (1959). *Course in General Linguistics*. New York, The Philosophical Library. (In English)
3. Dineen, N., Miller, D. (1995). *The Derivation of a Sonority Hierarchy from the Syllable Contact Law (SCL) and the Productivity of the SCL in American English*. George Mason University Working Papers in Linguistics. Vol. 5, pp. 19–47. (In English)
4. Knuth, D. (1973). *The Art of Computer Programming*. V. 3: Sorting and Searching. Addison-Wesley. (In English)
5. Levenshtein, V. (1966). *Binary Codes Capable of Correcting Deletions, Insertions, and Reversals*. Soviet Physics Doklady. No. 10 (8), pp. 707–710. (In English)
6. Lieberman, A. M., Cooper, F. S., Shankweiler, D. P., Studdert-Kennedy, M. (1967). *Perception of the Speech Code*. Psychological Review. No. 74(6), pp. 431–461. (In English)
7. Pedersen, T., Patwardhan, S., Michelizzi, J. (2004). *WordNet: Similarity – Measuring the Relatedness of Concepts*. Proceedings of the XIX Nat. Conf. on Artificial Intelligence (AAAI-04). July 25-29, pp.1024-1025 San Jose, CA (Intelligent Systems Demonstration). (In English)
8. Philips, L. (1990). *Hanging on the Metaphone*. Computer Language Magazine. No. 7 (12), pp. 39-44. (In English)
9. Pulvermüller, F., Huss, M., Kherif, F., Moscoso del Prado Martin, F., Hauk, O. (2006). *Motor cortex map articulatory features of speech sounds*. PNAS. No. 103(20), pp. 7865-7870. (In English)
10. Van Son, R. J. J. H., Pols, L. C. W. (1996). *An Acoustic Profile of Consonant Reduction*. Proceeding of Fourth International Conference on Spoken Language Processing ICSLP'96. Pp. 1529-1532. (In English)
11. Vinogradov, V. (1990). *Fonema [The Phoneme]*. Lingvisticheskii Entsiklopedicheskii Slovar'. Yartseva V. (ed.-in-chief), Sovetskaya Entsiklopediya, Pp. 552-554. Moscow. (In Russian)

The article was submitted on 10.09.2022

Поступила в редакцию 10.09.2022

Зельдин Анатолий,
соискатель,
Управление государственной службы,
76300, Реховот, Израиль.
anatolyz@moia.gov.il

Zeldin Anatoly,
Ph.D. applicant,
Civil Service Commission,
Rehovot, 76300, Israel.
anatolyz@moia.gov.il

О СУБЪЕКТЕ ПРИ ИНФИНИТИВЕ С ЧАСТИЦЕЙ *БЫ* В СТАРОРУССКОМ И СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

© Наталья Иордани

ON THE SUBJECT OF THE SUBJUNCTIVE INFINITIVE IN MIDDLE RUSSIAN AND MODERN RUSSIAN

Natalia Iordani

The article explores the subject valency filling of the subjunctive infinitive in Middle Russian and Modern Russian. Our research is based on the handwritten collections of *zagovory* dated the 17th and 18th centuries and the materials from the National Corpus of the Russian Language. Usually, both in the modern Russian language and in the Middle Russian period, the subjunctive infinitive was used with agent subjects, referring to creatures with will and consciences. This kind of restriction can be overcome only through personification, as a result of which the non-agent subject is reinterpreted as an agentive one.

The restriction on the compatibility of the subjunctive infinitive with non-agent subjects follows from its grammatical semantics: in the Middle Russian language, this verb form expressed an imperative meaning that could be realized if the subject of the action had will and consciousness and was able to control the situation. Over time, the subjunctive infinitive has lost its imperative semantics and in Modern Russian is used in contexts with evaluative meanings. Its usage only with agentive subjects has been preserved as a result of the lost imperative semantics.

Keywords: grammatical semantics, subjunctive infinitive, imperative, dative subject, agency

В статье рассматриваются особенности заполнения субъектной валентности при инфинитиве с частицей *бы* в старорусском и современном русском языках. В качестве материала для исследования были использованы данные Национального корпуса русского языка и рукописные сборники заговоров XVII–XVIII вв. Как в современном русском языке, так и в старорусский период инфинитив с частицей *бы* сочетается только с агентивными субъектами – лексемами, имеющими референцию к существам, наделенным волей и сознанием. Такого рода запрет может быть преодолен только посредством персонификации, в результате которой неагентивный субъект переосмысливается как агентивный.

Ограничение на сочетаемость инфинитива с частицей *бы* с неагентивными субъектами вытекает из его грамматической семантики: в старорусском языке эта глагольная форма выражала побудительное значение, которое может реализоваться, если субъект действия обладает волей и сознанием и способен контролировать ситуацию. С течением времени инфинитив с частицей *бы* утратил императивную семантику и в современном русском языке закрепился за контекстами с оценочным значением. Способность выступать только с агентивными субъектами, характерная для этой глагольной формы в старорусский период, сохранилась как память об утраченной императивной семантике.

Ключевые слова: грамматическая семантика, сослагательный инфинитив, императив, дативный субъект, агентивность

Для цитирования: Иордани Н.П. О субъекте при инфинитиве с частицей *бы* в старорусском и современном русском языке // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №1 (71). С. 14–19. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-14-19

1. Современный русский язык

Инфинитив с частицей *бы*, или сослагательный инфинитив (как эта языковая единица именуется в «Корпусной грамматике русского языка» [1, с. 17]), в современном русском языке занимает периферийное положение, употребляясь значи-

тельно реже, чем сослагательное наклонение (6 % (56 примеров) против 90 % (831 пример)) [2, с. 92]. Выражает эта глагольная форма оценочные значения, которые можно конкретизировать как *желательность* и *необходимость*, хотя в некоторых контекстах различия между ними могут ней-

трализоваться [Там же, с. 46]. Приведем некоторые примеры, которые можно обнаружить в Национальном корпусе русского языка:

(1) *«Тебе бы поехать куда-нибудь», – вздохнул он, дотрагиваясь до её затылка* (Ирина Муравьева. Мещанин во дворянстве (1994)) [3] (здесь и далее разрядка наша – Н. И.);

(2) *Он всё беспокоится о моём здоровье, а ему бы о своём подумать* (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого (2000)) [Там же].

Оценка, выражаемая инфинитивом с частицей *бы*, может исходить как от говорящего, так и от самого субъекта действия. Как показали исследования Ю. П. Князева, определяется это порядком слов. В случае, если форма Д. п. стоит перед частицей *бы*, ситуация может рассматриваться как желательная или необходимая как со стороны говорящего, так и самого субъекта действия. Обратимся к примерам, рассмотренным Ю. П. Князевым:

(3) *Ей бы покаяться матери: виновата, а она молчит* (И. Грекова. Перелом (1987)) [4, с. 144].

Однако в контекстах, где датив «линейно следует за частицей *бы*, субъектом оценки является говорящий» [Там же, с. 140]:

(4) – *Выпить бы ему, товарищ капитан, перед этим, – осторожно вмешался Толик, чуть побледневший и наглость свою малость утративший* (Вячеслав Кондратьев. Сашка (1979)) [Там же].

Формы сослагательного наклонения, которые также могут выражать оценочное значение, устроены таким же образом: привязка оценки субъекту в И. п. возникает тогда, когда субъект предшествует частице *бы*:

(5) *Ты бы посидел ещё полчаса на всякий случай* (Виктор Пелевин. Желтая стрела (1993)) [Там же, с. 153].

В противном случае – при инверсии частицы *бы* и субъекта – оценка исходит только от говорящего.

Однако при всем своем сходстве между формами сослагательного наклонения и инфинитива с частицей *бы* существует важное различие: сослагательный инфинитив не способен присоединять неагентивные субъекты. Сослагательное наклонение, в свою очередь, не имеет каких бы то ни было ограничений на сочетаемость. Так, например, контекст, приведенный в примере (6), является абсолютно корректным с точки зрения языковой системы, в отличие от (7):

(6) *Расцвела бы скорей листва золотая* (Шуан Аноре. Расцвела бы скорей листва золотая (2015)) [5];

(7) **Расцвести бы листве золотой!*

Возникает вопрос: что является причиной ограничения в выборе субъекта, присущего инфинитиву с частицей *бы*? Возможно, ответ можно найти, обратившись к истории этой языковой единицы.

2. Старорусский язык

Инфинитив с частицей *бы* широко представлен в старорусских деловых и бытовых документах XVI–XVII вв. наряду с другими глагольными формами со значением ирреальности. По своему происхождению он является модификацией конструкции с независимым инфинитивом: в состав сказуемых, оформленных сослагательным наклонением от глагола *быти*, могли включаться инфинитивы, прилагательные и другие единицы, а *л*-причастие *было* опускалось как избыточное. В таком случае частица *бы* становилась единственным показателем ирреальности [6, с. 22].

Как показывает анализ текстов XVI–XVII вв., инфинитив с частицей *бы* способен выражать два значения: не только оценочное, как в современном русском языке, но и побудительное [7, с. 352].

Противопоставление побудительного и оценочного значений строится вокруг такого параметра, как контроль над ситуацией. В случае с императивом этот признак проявляется двояко: с одной стороны, ситуация должна находиться под контролем исполнителя, с другой – сам говорящий должен иметь какое-то влияние на субъект действия, чтобы оно могло воплотиться в действительности [8, с. 20]. М. Б. Бергельсон называет контроль первого типа пропозициональным, а второй – коммуникативным [9, с. 15].

Подавляющее число контекстов с инфинитивом с частицей *бы* в деловых и бытовых документах XVI–XVII вв. составляют императивные употребления:

(8) *А взять бы тебе, Василей, с собою старосту и крестьян, которые знают, где чистить мои сенные покосы. А от большой бы вам дороги перелеску о ставить, чтобы было сенных покосов не видеть* (Память Б. И. Морозова приказчику В. Гнездову и К. Нагаеву (1652)) [3].

Пример (8) представляет собой выдержку из памяти – делового документа, содержащего распоряжения от вышестоящего лица – боярина Б. И. Морозова – подчиненным – приказчикам одного из его поместий. По этой причине можно с уверенностью определить значение, которое развивает инфинитив с частицей *бы* в этом контексте, как императивное.

Контексты, в которых *бы* было представлено оценочное значение, оказываются весьма редки. Приведем один из примеров:

(9) *А другое, господине, то слыши: житье еси прожил все в мирьской суе, ино, господине, хотя бы старость ту отдати бы богу, попеци бы ся о своей души, и поскорбети бы о гресех* (Формулярный извод послания некоего старца его мирскому духовному сыну (1470–1530)) [Там же].

Низкая частотность такого рода употреблений, на наш взгляд, объясняется тем, что деловые и бытовые документы посвящены решению насущных проблем, поэтому в силу своей прагматики они ориентированы на выражение спектра побудительных значений. Оценочное значение, которое возникает при отсутствии контроля пишущего над адресатом, видимо, плохо сочеталось с коммуникативной установкой такого рода текстов. Так, например, контекст (9), был обнаружен в источнике, написанном гибридным языком. Этот текст посвящен вопросам о спасении души – более абстрактной проблематике, чем деловые и бытовые документы, поэтому оценочное значение в нем успешно реализуется.

Выступая в побудительном значении, сослагательный инфинитив в ряде контекстов ведет себя как семантический и функциональный дублет по отношению к формам повелительного и сослагательного наклонений и инфинитива, выступающего без частицы *бы*.

Особый интерес в рамках исследования функционирования сослагательного инфинитива представляет вопрос о способе заполнения субъектной валентности при нем, о чем было сказано выше. Дело в том, что в роли субъекта в данном случае могут выступать разные языковые единицы, выбор которых зависит от такого параметра, как агентивность.

В данной статье мы будем рассматривать агентивность как совокупность свойств, присущих субъекту действия. Например, В. А. Плунгян определяет агенса следующим образом: «Агенса: активный, обычно наделенный волей и сознанием участник ситуации, расходующий собственную энергию в процессе деятельности и контролирующей ход событий (*солдат бежит, старик разжег костер, сестра рассказала сказку*)» [10, с. 161–162].

Ю. П. Князев предлагает рассматривать агентивность как признак, который может проявляться с разной степенью интенсивности: такое оказывается возможным, поскольку в некоторых контекстах агенса может терять ряд своих свойств [11, с. 147].

Признаки, свойственные агенсу, могут быть разделены между различными участниками ситуации: в таком случае можно говорить о неполной агентивности. Одним из примеров неполной

агентивности можно считать интересующие нас в рамках данной статьи императивные конструкции. Дело в том, что говорящий, употребляя императив, пытается каузировать совершение некоторого действия, которое эксплицитно указано в высказывании [8, с. 16]. Следовательно, императив обозначает две ситуации одновременно: с одной стороны, акт произнесения побудительного высказывания, с другой – само каузированное им действие. Получается, что субъект речевого акта приобретает часть свойств агенса, несмотря на то, что действие он не совершает, в то время как субъект действия, каузированного императивом, «выполняя это действие, фактически подчиняется чужой воле, причем делает то, что при нормальном развитии событий сам бы делать не стал» [11, с. 148].

Семантика языковой единицы, выступающей в роли субъекта действия в императивной конструкции, также определенным образом влияет на агентивность. По этой причине исследователи [8, с. 10], [12, с. 65] предлагают использовать так называемую иерархию агентивности: в таком случае в императивных конструкциях «верховный» контроль принадлежит говорящему, который подчиняет своей воле адресата высказывания. Следующую ступень занимает субъект действия – слушающий, который, «обладает полным контролем над действием, включая всех, кто этим действием может быть затронут», поскольку невозможно каузировать ситуацию, находящуюся за пределами сферы влияния адресата императива [8, с. 173].

Субъект действия, на которого направлено побуждение, может стоять как во 2-м, так и 3-м лице, что определенным образом влияет на агентивность: субъект во 2-м лице характеризуется большей степенью агентивности, чем 3-е лицо, которое подразумевает опосредованную каузацию [Там же].

Существительные, обозначающие животных, предметы, вещества и др., занимают самое низкое положение в иерархии одушевленности [12, с. 65]. Очевидно, что лексемы, имеющие референцию к явлениям неживой природы, являются неагентивными субъектами, поскольку они не способны быть активными участниками ситуации и контролировать ее в силу отсутствия сознания и мышления. Животные, несмотря на то что они могут быть активными участниками ситуации и контролировать ее, приобретая ряд свойств агенса, не обладают волей и сознанием в той же мере, что и человек.

Если в норме в роли субъекта при форме с императивным значением выступает человек или существо, обладающее сходными когнитивными

способностями, то лексемы, занимающие низшее положение в иерархии агентивности, могут употребляться в таких контекстах только при возникновении персонификации: в случае, если сам говорящий наделяет их свойствами, присутствующими человеку, – волей и сознанием.

Возникают такого рода употребления в заговорах, достаточно широко представленных в старорусской рукописной традиции XVII–XVIII вв., поскольку в отличие от текстов других жанров, которые, как правило, регламентируют отношения между людьми, в этих текстах важное место занимает предметный мир. Например, на Руси были широко распространены воинские заговоры, где человек обращался к вражескому оружию, чтобы оградить себя от опасности:

(10) *Ои вы есте мои дѣти стрѣльные желѣзца и свинчатые пулки... не ходите вы на того раба бж҃я, имѣк, к тѣлу его вострие^м не ходите и не падаите тѣла его не вредите* [13, л. 44];

(11) *ои еста мои дѣти стрѣные желе^зца не ходите вы на то^г раба бж҃я имѣ, о стрела его не о кровавите и дѣи его не оско^рбите воротите^с вы желе^зца острее^м на старо^г дря* [14, л. 16–16 об.].

Сходным образом в старорусском языке мог употребляться и сослагательный инфинитив, если агентивность субъекта повышалась за счет контекста. Употребления, где субъектная валентность заполняется лексемами, имеющими референцию к животным, встречаются в охотничьих и пастушеских заговорах:

(12) *Тако тому же нетопырю не срыскивати по белому свету, так бы черному ворону и воронице, сорокам и воронам по моим лушкам, р(аба) Б(ожия) и(мярек), по пленицам не рыскивати черному ворону и воронице, и сорокам, и воронам, летучим птицам не хаживати и добытка моего не ясти* [15, л. 3];

(13) *У того ж нетопыря не бывать глазам, по сему белому свету не хаживать, так бы не видати черному летучему ворону и воронице, воронам и сорокам, летучим птицам не хаживати по моему ухажью, р(аба) Б(ожия) и(мярек)* [Там же, л. 3 об.].

Можно было бы предположить, что выбор инфинитива с частицей *бы* в качестве способа оформления предиката в примерах (12) и (13) мог быть обусловлен употреблением инфинитива в первой части сложного предложения. Однако есть контексты, где первый предикат оформляется личной формой глагола, что исключает такую возможность:

(14) *Как сей камен(ь) не двинется с места сег(о), так бы лошади от меня проч(ь) не отходит(ь) век* [16, с. 114].

В заговорах от вражеского оружия влияние оказывается на предметы, которые могут нанести увечья человеку, произносящему магический текст:

(15) *Как так мыталю¹ прямо лететь не может, скоро и тяжело упасти, так бы на меня, раба Божия имрока, стрелам бы и пиццлем, и ядрам из саналов, из пушак и из ручных прямо летети* [16, с. 436];

(16) *Как роженица дитя тименем не разраживат, так бы вам, стрелам и пулкам, не выхаживать, и пушечным ядрам, всякому ратному орюжию не разраживатца, и себѣ не выпускать ко мне, рабу Божию, и к моим таварищам к пяти стам трицетми чело-векам* [17, л. 23 об.].

Получается, как в старорусском языке, так и в современный период формы с императивным значением в норме сочетаются только с субъектами, занимающими высокое положение в иерархии агентивности. Случаи, когда эту позицию занимают лексемы, имеющие референцию к субъектам, волей и сознанием не обладающим, являются последствиями персонификации, в результате которой неагентивный субъект переосмысливается как агентивный.

3. О причинах ограничения на сочетаемость инфинитива с частицей *бы* с неагентивными субъектами в современном русском языке

Как было описано выше, в старорусский период инфинитив с частицей *бы* мог выражать побудительное значение, как и форма императива. Побудительная семантика влияла на сочетаемость глагольной формы: субъектную валентность могла заполнять только единица, занимающая высокое положение в иерархии агентивности.

В процессе исторического развития русского языка инфинитив с частицей *бы* утратил побудительное значение, перестав обозначать контролируемые ситуации. Однако ограничение на сочетаемость с неагентивными субъектами у этой глагольной формы сохранилось, вероятно, как память о былой императивной семантике. Именно по этой причине контексты, аналогичные (18), кажутся неестественными:

¹ Комментарий А. Л. Топоркова: «Текст испорчен. Вероятно, в протографе было примерно следующее: «Как мотыль прямо лететь не может, скоро и тяжело упадет, так бы на меня, раба Божия <...> стрелам бы не лететь» [16, с. 563]

(17) *Кончилась бы поскорее эта ночь с невеселыми мыслями...* (Анна Берсенева. Возраст третьей любви (2005)) [3];

(18) **Кончиться бы поскорее этой ночи с невеселыми мыслями...*

Сочетание инфинитива с частицей *бы* с субъектами, характеризующимися низкой степенью агентивности, возможны только в результате персонификации, благодаря которой они наделяются качествами, свойственными человеку. В Национальном корпусе русского языка можно обнаружить несколько подобных примеров:

(19) *Вот тут бы собакам и сделать вывод, что человек не друг ей, а самый что ни на есть смертельный враг* (Юрий Кашкин. Человек – друг собаки?..(2014)) [Там же];

(20) *Осице бы заскрипеть, задрожать, закачаться, замахать ветками, осыпаясь густым мокрым снегом, предупредая, умоляя Анну побережись да отвадить от себя глупенького красавчика* (Анатолий Азольский. Монахи (2000)) [Там же].

Персонификации регулярно встречаются и в случае с формами императива:

(21) *Вы растите, цветы полевые, украшайте поля и леса* (Яна Воронец. Полевые цветы (2016)) [18];

(22) *Лейся, песня, на просторе, не скучай, не плачь, жена* (Андрей Апсолон. Лейся, песня, на просторе (1936)) [19].

Следовательно, ограничение на сочетаемость инфинитива с частицей *бы* с неагентивными субъектами возникло еще в старорусский период: такого запрета требовала императивная семантика, характерная для этой глагольной формы в XVI–XVIII вв. С течением времени ослабительный инфинитив утратил побудительное значение, но сохранил тяготение к субъектам с высокой степенью агентивности.

Список источников

1. Падучева Е. В. Конструкция с независимым инфинитивом. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М., 2017. URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения: 20.12.2022)
2. Добрушина Н. Р. Семантика косвенного наклонения: корпусное исследование грамматической полисемии: дис. ... д-ра филол. наук: Москва, 2016. 425 с.
3. Национальный корпус русского языка. 2003–2022. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.12.2022).
4. Князев М. Ю. О взаимодействии порядка слов и семантики в инфинитивной конструкции с частицей *бы* // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Русский язык:

грамматика конструкций и лексико-семантические подходы. СПб.: Наука, 2014. С. 140–154.

5. Шуан А. Расцвела бы скорей листва золотая. URL: <https://stihi.ru/2015/04/07/2429> (дата обращения: 20.12.2022).

6. Пичхадзе А. А. Средства выражения императивной и оптативной семантики в древнерусских и старорусских прескриптивных памятниках // Вопросы языкознания, 2010, № 5. С. 14–24.

7. Булаховский Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев: Рядянська школа, 1958. 488 с.

8. Гусев В. Ю. Типология специализированных глагольных форм императива: дис. ... канд. филол. наук: Москва, 2005. 297 с.

9. Бергельсон М. Б. Проблема контроля в побудительных высказываниях // Бирюлин Л. А., Храковский В. С. (ред.). Функционально-типологические аспекты анализа императива. Т. II. Л.: Ленингр. отд-ние Ин-та языкознания, 1990. С. 13–18.

10. Плузьян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. 672 с.

11. Князев Ю. П. Агентивность как шкала градаций // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности, Вып. 14. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2016. С. 146–156.

12. Бонч-Осмоловская А. А. Конструкции с дативным субъектом в русском языке: опыт корпусного исследования: дис. ... канд. филол. наук: Москва, 2003. 324 с.

13. Заговоры для идущих в бой, XVIII в. Российская государственная библиотека, Фонд 299, № 70. 66 л.

14. Сборник заговоров, сер. XVII в. Российская государственная библиотека, Фонд 122, № 32. 149 л.

15. Сборник заговоров и молитв, втор. пол. XVIII в. Российская государственная библиотека, Фонд 199, № 358.1. 11 л.

16. Русские заговоры из рукописных источников XVII–первой половины XIX в. Составление, подготовка текстов, статьи и комментарии А. Л. Топоркова. М.: Индрик, 2010. 832 с.

17. Сборник Травников и заговоров, XVIII в. Государственный исторический музей, Собрание рукописей Е. В. Барсова, № 2257. 40 л.

18. Воронец Я. Полевые цветы. Стихи. URL: <https://proza.ru/2016/08/30/17> (дата обращения: 20.12.2022).

19. Апсолон А. Лейся, песня, на просторе. URL: <https://clck.ru/334mq7> (дата обращения: 20.12.2022).

References

1. Paducheva, E. V. (2017). *Konstruktsiya s nezavisimym infinitivom. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki. Na pravakh rukopisi* [A Construction with an Independent Infinitive. Materials for the Project of of the Russian Grammar Corpus Description]. Moscow, 17 p. URL: <http://rusgram.ru> (accessed: 20.12.2022). (In Russian)

2. Dobrushina, N. R. (2016). *Semantika kosvennogo nakloneniya: korpusnoe issledovanie grammaticheskoy polisemii: dis. ... d-ra. filol. nauk* [The Semantics of the Indirect Mood: A Corpus Study of Grammatical Polysemy: Doctoral Thesis]. Moscow, 425 p. (In Russian)
3. *The Russian National Corpus*. URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (accessed: 20.12.2022). (In Russian)
4. Knyazev, M. Yu. (2014). *O vzaimodeistvii poryadka slov i semantiki v infinitivnoi konstruktsii s chastitsej by* [On the Interaction of Word Order and Semantics in an Infinitive Construction with the Particle *By*]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvистических issledovaniy RAN. Russkii yazyk: grammatika konstruktsii i leksiko-semanticheskie podkhody*. Vol. X, part 2, pp. 140–154. St. Petersburg. (In Russian)
5. Shuan, A. *Rastsveta by skorei listva zolotaya* [If Only Golden Foliage Bloomed Soon]. URL: <https://stihi.ru/2015/04/07/2429> (accessed: 20.12.2022). (In Russian)
6. Pichkhadze, A. A. (2010). *Sredstva vyrazheniya imperativnoi i optativnoi semantiki v drevnerusskikh i starorusskikh preskriptivnykh pamyatnikah* [Means of Expressing Imperative and Optative Semantics in Ancient Russian and Old Russian Prescriptive Texts]. *Voprosy yazykoznaniiya*. No 5. pp. 14–24, Moscow, Nauka. (In Russian)
7. Bulahovskii, L. A. (1958). *Istoricheskii kommentarii k russkomu literaturnomu yazyku* [Historical Commentary on the Russian Literary Language]. 488 p. Kiev, Ryadyans'ka shkola. (In Russian)
8. Gusev, V. Yu. (2005). *Tipologiya spetsializirovannykh glagol'nykh form imperativa: dis. na soiskanie uchenoi stepeni kand. filol. nauk* [Typology of Specialized Verbal Imperative Forms: Ph.D. Thesis]. Moscow, 297 p. (In Russian)
9. Bergel'son, M. B. (1990). *Problema kontrolya v pobuditel'nykh vyskazyvaniyakh* [The Problem of Control in Imperative Statements]. L. A. Biryulin, V. S. Khrakovskii (red.). *Funktsional'no-tipologicheskie aspekty analiza imperativa*. T. II, pp. 13–18. Leningrad, Leningr. otd-nie in-ta yazykoznaniiya. (In Russian)
10. Plungyan, V. A. (2011). *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znachenie i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to Grammatical Semantics: Grammatical Meanings and Grammatical Systems of the Languages of the World]. 672 p. Moscow, Rossiyskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. (In Russian)
11. Knyazev, Yu. P. (2016). *Agentivnost' kak shkala gradatsii* [Agentivity as a Scale of Gradations]. *Psiholingvистicheskie aspekty izucheniya rechevoi deyatel'nosti*. No 14, pp. 146–156. Ekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. (In Russian)
12. Bonch-Osmolovskaya, A. A. (2003). *Konstruktsii s dativnym sub'ektom v russkom yazyke: opyt korpusnogo issledovaniya. Rukopis' dissertatsii* [Constructions with a Dative Subject in Russian: Corpora-Based Research: Ph.D. Thesis, a Manuscript]. Moscow, 324 p. (In Russian)
13. *Zagovory dlya idushchih v boi* [Zagovory for Those Going to Battle]. Rossiyskaya gosudarstvennaya biblioteka. Fond 299, No 70, XVIII vek. 66 p. (In Russian)
14. *Sbornik zagovorov* [A Collection of Zagovory]. Rossiyskaya gosudarstvennaya biblioteka. Fond 122, No 70, XVII vek. 149 p. (In Russian)
15. *Sbornik zagovorov i molitv* [A Collection of Zagovory and Prayers]. Rossiyskaya gosudarstvennaya biblioteka. Fond 199, No 358.1, XVIII vek. 11 p. (In Russian)
16. Toporkov, A. L. (2010). *Russkie zagovory iz rukopisnykh istochnikov XVII–pervoi poloviny XIX* [Russian Zagovory from Handwritten Sources of the 17th – Early 19th Centuries]. 832 p. Moscow, Indrik. (In Russian)
17. *Sbornik travnikov i zagovorov* [A Collection of Travniki and Zagovory]. Gosudarstvennyi istoricheskii muzei. Sobraniye rukopisei Ye. V. Barsova. No 2257, XVIII vek. 40 p. (In Russian)
18. Voronets, Ya. *Polevye tsvety. Stikhi*. [Wildflowers. Poems]. URL: <https://proza.ru/2016/08/30/17> (accessed: 20.12.2022). (In Russian)
19. Apsolon, A. *Leisya, pesnya, na prostore*. [Flow, Song, in the Open]. URL: <https://clck.ru/334mq7> (accessed: 20.12.2022). (In Russian)

The article was submitted on 03.01.2023

Поступила в редакцию 03.01.2023

Иордани Наталья Павловна,
аспирант,
Московской государственной университет,
119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, 1;
младший научный сотрудник,
Институт русского языка
имени В. В. Виноградова РАН,
119019, Россия, Москва,
Волхонка, 18/2.
iordani.natasha@yandex.ru

Iordani Natalia Pavlovna,
graduate student,
Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory,
Moscow, 119991, Russian Federation;
Junior Researcher,
The V. V. Vinogradov Russian Language
Institute of the Russian Academy of Sciences,
18/2 Volhonka Str.,
Moscow, 119019, Russian Federation.
iordani.natasha@yandex.ru

УДК 81'37

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-20-26

ФУНКЦИИ АНЕКДОТА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ В. В. ПУТИНА)

© Елена Колосова, Татьяна Гимранова, Чу Цзинжу

FUNCTIONS OF A JOKE IN POLITICAL DISCOURSE (BASED ON VLADIMIR PUTIN'S PUBLIC SPEECHES)

Elena Kolosova, Tatiana Gimranova, Chu Jingru

The current article studies functions of a joke in political discourse. We focus on the identification of the most common practices of the joke use in the public speeches of Vladimir Putin, the current President of the Russian Federation, and his individual manner of creating expressivity in the context of public speeches. The leading method of our research is the descriptive method, which allowed us to summarize our findings. Furthermore, we used contextual and component types of analyzing the language material, which was continuously sampled. Thus, we have established that Vladimir Putin uses various thematic jokes (historical, ethnic and traditional) quite often in his speeches, which help create an informal atmosphere. It is often that he gives a brief explanation after each joke to summarize the idea. It is important to note that the Russian president primarily uses referential (situational) jokes targeted not only at Russian speakers, but also at international listeners. As a result of the conducted study, we have come to the conclusion that speakers use jokes in political discourse not only due to their main functions of exerting impact and drawing attention, but also due to their ability to act as an evidence base during an argument; at the same time, they highlight the obviousness of existing concepts.

Keywords: joke, genre specifics, functions of a joke, political discourse, Vladimir Putin's speeches

Статья посвящена рассмотрению функций анекдота в политическом дискурсе. Особое внимание уделяется выявлению наиболее частотных приемов при использовании анекдотов в публичных выступлениях президента Российской Федерации В. В. Путина, анализируется в целом его индивидуальная манера для создания экспрессивности в пределах публичного выступления. Ведущим методом исследования стал описательный метод, который позволил авторам статьи провести обобщения; кроме этого, применялся контекстуальный и компонентный виды анализа языкового материала, отобранного методом сплошной выборки. Так, было установлено, что В. В. Путин довольно часто использует в своих публичных выступлениях различные тематические анекдоты (исторические, этнические, семейные и т. д.), которые дают возможность создать эффект непринужденной беседы, часто выступающий дает пояснение после рассказанного анекдота, подводит итог. Надо отметить, что в своих речах президент РФ прежде всего использует референциальные (ситуативные) анекдоты, ориентированные не только на носителя языка, но и на широкий круг иностранных слушателей. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу о том, что использование анекдота в политическом дискурсе связано не только с основной функцией воздействия и привлечения внимания, но и с возможностью снятия напряжения при обсуждении острых вопросов, с концентрацией или переключением внимания слушающих; анекдот выступает в ряде случаев в качестве доказательной основы в аргументации и в то же время подчеркивает очевидность существующих понятий.

Ключевые слова: анекдот, жанровая специфика, функции анекдота, политический дискурс, выступления В. В. Путина

Для цитирования: Колосова Е.И., Гимранова Т.А., Чу Цзинжу. Функции анекдота в политическом дискурсе (на материале публичных выступлений В.В. Путина)// Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №1 (71). С. 20–26. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-20-26

Как известно, важной составляющей имиджа любого политика является его речевой портрет. В этом плане языковая личность Владимира Пу-

тина одна из самых ярких на современном политическом олимпе. К характерным особенностям его публичных выступлений относится включе-

ние в речь разговорных элементов, идиом (иногда перефразированных), прочих неформальных высказываний. Юмор нынешнего российского президента, на наш взгляд, можно уже рассматривать как своеобразный жанр политического дискурса. Со временем это мастерство было им отточено. И если вначале этот юмор был несколько резок, грубоват, нередко сдобрен жаргонизмами (вспомним нашу емкую эмоциональную фразу «Мочить в сортире», произнесенную в бытность премьер-министром) и чаще всего не был ориентирован на широкую публику, то сейчас анекдоты, которые президент использует в своих публичных выступлениях, больше похожи на притчи, в которых, безусловно, есть некий скрытый смысл, намеки, но по большей мере это очень емкое обобщение определенной ситуации, а также ее ироничная оценка.

Целью данного исследования является выявление специфики функционирования анекдота в политическом дискурсе посредством анализа отдельных анекдотов в публичных выступлениях российского президента В. В. Путина. Иными словами цель – выяснить, как и для чего используется «смешное» в «серьезном». В процессе исследования методом сплошной выборки были отобраны контексты из публичных выступлений В. В. Путина, основным методом для их комментирования и обобщения стал описательный метод, кроме этого, применялись контекстуальный и компонентный виды анализа. Материалом послужили публикации выступлений В. В. Путина, размещенные в интернете на порталах: Российская газета (RGRU) [1], РИА Новости [2], Новые известия [3], Царьград [4].

Анекдот как уникальное культурное явление давно стал объектом изучения исследователей, в том числе лингвистов. Широкий спектр их интересов и, соответственно, аспектов изучения анекдота: от его жанровой и национальной специфики до характеристики личности рассказчика. Полагаем, что большой интерес к анекдоту не случаен, поскольку его феномен заключается в синтезе таких параметров, как краткость, смеховая сущность и значительная сила воздействия на реципиента. Однако интересен не только сам анекдот, но и контекст, в который он бывает включен, а именно определенный тип дискурса, в рамках которого анекдот находит свое воплощение. Так, анекдот, включенный в канву политического дискурса, на первый взгляд может показаться там не вполне органичным вследствие стереотипного представления: «политика – дело серьезное». Но именно о том, что юмор и ирония весьма приемлемы и даже важны в отдельных политических жанрах, находим значительное ко-

личество исследований в последние десятилетия (см. раб. А. Д. Шмелева, Е. Я. Шмелевой [5], [6]; М. В. Воробьевой [7], А. В. Худякова [8] и др.). В большинстве из них в качестве основной функции анекдота отмечается функция воздействия на аудиторию (см. раб. В. И. Карасика [9], Е. Курганова [10] и др.). Обратимся непосредственно к материалам выступлений В. Путина для выяснения и конкретизации прочих возможных функций анекдота в политическом дискурсе.

Следует очертить рамки используемого нами понятия «политический дискурс» в силу его неоднозначности и множества трактовок в работах ученых. В данной статье мы следуем за идеями Е. И. Шейгал и называем политическим дискурсом все те формы общения, «в которых к сфере политики относится хотя бы одна из трех составляющих: субъект, адресат или содержание общения» [11, с. 46]. Необходимо отметить также, что политический дискурс тесно связан с медийным дискурсом, который, в свою очередь, является «основным каналом осуществления политической коммуникации» [Там же, с. 47]. Последнее уточнение связано с тем, что анекдоты в речи Владимира Путина находим в его неформальном или условно формальном общении с публикой, где речь политика менее регламентирована протокольными рамками.

Также считаем необходимым конкретизировать некоторые вопросы, связанные с характеристикой анекдота. По определению современных исследователей, анекдот – это «короткий устный смешной рассказ о вымышленном событии с неожиданной остроумной концовкой» [5, с. 20]. Данная трактовка анекдота представляется нам весьма емкой и точной. Важно подчеркнуть и то, что обращение к анекдоту в процессе коммуникации бывает вызвано подходящей для этого ситуацией. Анекдот выполняет свою основную функцию лишь тогда, когда он рассказан «к месту», в продолжение обсуждаемой ситуации, а не спонтанно. Несомненно, анекдот ценен своевременностью, то есть тем, что он должен быть рассказан вовремя, в соответствии с обсуждаемой проблемой, то есть быть ситуативно обусловленным. Вероятно, поэтому анекдот имеет своеобразный прикладной характер, «его рассказ „прикладывается“ к теме разговора, к осмыслению некоего жизненного события» [12, с. 6].

Не менее важно подчеркнуть и то, что рассказанный анекдот требует адекватной реакции реципиента. Для этого воспринимающая сторона должна быть в определенной степени подготовленной, поскольку текст анекдота может включать в себя прецедентные высказывания, игру слов и проч., восприятие чего требует опреде-

ленных знаний и опыта. Так что не только политика, но и «смех – дело серьезное»¹. Несмотря на свою фольклорную сущность, анекдот возникает и имеет хождение в среде демократической городской интеллигенции. Подобная социокультурная функция «определяет и содержание анекдота, и его жанровое разнообразие, и его национальное своеобразие, и характер специфически-анекдотического юмора» [Там же, с. 7].

В настоящей статье вопросы структуры и композиции анекдотов, использованных Владимиром Путиным в своих выступлениях и взятых нами в качестве материала исследования, не стали предметом рассмотрения, поскольку наиболее важной в данном случае является их содержательная сторона. Не столь принципиально, монолог или диалог представлен в анекдоте, каков его объем, присутствует ли кольцевая композиция и проч. Гораздо важнее для достижения поставленной нами цели выяснить, на какую аудиторию был рассчитан рассказанный анекдот, какую цель преследовал при этом рассказчик и насколько адекватно анекдот был воспринят и понят.

По справедливому мнению Г. Г. Фёфеловой, «рассказчик должен хорошо владеть языковой картиной мира реципиента, чтобы при создании определенной речевой ситуации <...> она была понятна, но если слушателем окажется представитель другой культуры, иностранец, то могут возникнуть определенные сложности при переводе текста» [13, с. 770]. Данное замечание учебного весьма важно учитывать в нашем исследовании, поскольку речь политика такого высокого ранга, как президент страны, безусловно, ориентирована не только на соотечественников, но и на зарубежных слушателей. Даже в том случае, если общение происходит в русскоязычной аудитории, непременно учитывается тот факт, что на встрече могут находиться иностранные граждане либо речь президента может быть позднее услышана в переводном варианте.

Традиционно в зависимости от того, каким образом создается комический эффект в анекдотах, они делятся на ситуативные, когда обыгрывается комизм какой-либо ситуации, ее нелепость, несоответствие наших представлений и ожиданий тому, как разворачиваются события в анекдоте, и языковые, в которых комизм связан с языковой игрой, основанной на многозначности слов, омонимии, стилистической маркированности слов и т. д. Очевидно, что анекдоты первого

типа доступны для понимания как носителей языка, так и иностранцев, а второго – требуют для адекватного восприятия не только хорошего владения языком, но и умения чувствовать его, обладать так называемым языковым чутьем, интуицией – всем тем, что в большей степени присуще носителю данного конкретного языка. Из этого следует, что иностранцам более доступны для понимания анекдоты первого типа, то есть ситуативные.

Кроме того, вполне очевидно, что целью использования анекдота в политическом дискурсе, а конкретно в выступлениях Владимира Путина, является не только и не столько развлекательный момент, сколько стремление акцентировать внимание на каком-либо вопросе; в иносказательной, притчевой форме донести до слушателей важную мысль, заставить запомнить какую-то информацию, преподнести ее в необычном виде, в форме анекдота и т. д. Рассмотрение конкретных примеров позволит нам сделать более конкретные выводы относительно функций анекдота в политическом дискурсе.

Для анализа нами были отобраны несколько анекдотов, рассказанных В. В. Путиным во время его выступлений в разные годы и на разных мероприятиях. Объединяет все эти выступления диалогичность при общении с аудиторией, которая придает коммуникации менее формальный характер и допускает само использование анекдота в публичной речи.

Как неоднократно отмечалось исследователями, анекдот помогает разрядить обстановку, снять создавшееся в процессе коммуникации напряжение. Пожалуй, это одна из основных функций анекдота в политическом дискурсе, что подтверждается использованием анекдота в определенных ситуациях общения Владимиром Путиным. Так, на официальном мероприятии в честь открытия Еврейского центра в Москве в 2000 году им был рассказан анекдот о привычке представителей еврейского народа всегда быть готовыми ко всяким испытаниям, быть во всеоружии. В анекдоте говорится о еврее, который даже в своей квартире не может расслабиться, ходит обнаженным, но при галстукке. На вопрос жены: «А галстук зачем?» супруг отвечает: «А вдруг кто придёт?» Далее последовало пояснение В. Путина: «После открытия центра можно будет расслабиться и снять галстук» [4].

Интересен тот факт, что Владимир Путин практически всегда дает небольшие комментарии к рассказанным анекдотам, вероятно, стремясь не допустить даже малейшего недопонимания.

¹ «Смех – дело серьезное, поэтому и надо серьезно к нему относиться» – слова Аркадия Райкина; цитата из фильма «Люди и манекены» (1974, 1975 г.).

Ещё один пример анекдота, использованного для нейтрализации создавшегося напряжения, – это анекдот про израильскую армию, рассказанный президентом на форуме «Российская энергетическая неделя» (октябрь 2017 г.). Тогда Путин обратил внимание на повышенный интерес к своей персоне и пошутил, вспомнив анекдот о молодом солдате израильской армии, которого спрашивают о том, что он будет делать в случае, например, если на него идут террористы, танки, летят самолеты. Анекдот заканчивается вопросом недоумевающего солдата: *«Господин генерал, а я что, один воюю в нашей армии?»* [3]. Здесь также после анекдота последовал комментарий рассказчика: *«И я вас хотел спросить: я что, один разве здесь на этой панели выступаю?»* [3]. В данной ситуации, полагаем, действительно было необходимо пояснение, в связи с чем рассказан анекдот, поскольку обсуждаемая на мероприятии тема (энергетика) никак не коррелировала с содержанием анекдота, так как он касался создавшейся ситуации.

Анекдот, благодаря своим свойствам, о которых говорилось нами выше, способен не только привлечь внимание собеседника, но и сделать акцент на особенно важных вопросах. Обращение к истории, упоминание имен авторитетных личностей, событий, связанных с ними, безусловно, может привлечь внимание слушателя. К тому же, если эта история облечена в форму анекдота, она воспринимается еще лучше и легче. Путин умело использует в своей речи исторические анекдоты, комментируя текущее положение дел в стране. Проблема борьбы с коррупцией, о которой Путин говорил на пресс-конференции в декабре 2012 года, была прокомментирована рассказом о том, как Петр I предложил казнить за воровство, а в ответ на это генерал-прокурор Павел Ягужинский ответил ему: *«С кем останешься, государь, мы же все ворует»* [3]. Историческая достоверность в данном случае не столь значима. Гораздо важнее здесь подчеркнуть актуальность проблемы для России во все времена. Поэтому отсылка к истории и к историческому лицу в подобном контексте весьма уместна.

Некоторые анекдоты, рассказанные В. Путиным, демонстрируют еще одну их функцию, а именно помогают смягчить острый вопрос, не каяться в каких-либо упущениях, еще не решенных проблемах, а признать их и при этом суметь посмеяться над своими недостатками. Подобное мы видим, когда речь заходит о такой важной проблеме для страны, как коррупция. Отвечая на серьезные вопросы об этом зарубежных представителей, Путин рассказал им анекдот «в тему»:

«У генерала спрашивают: а ваш сын может стать генералом? – Может. – А маршалом? – А у маршала свой сын есть». И последующее добавление президента РФ: *«Мы будем с этим бороться»* [3].

Вот еще один похожий пример, когда Путин посредством анекдота прокомментировал тему, связанную с российским бюрократизмом. В 2011 году В. В. Путин занимал пост Председателя правительства и участвовал в заседаниях при Президенте России, активно выступая в свойственной ему эмоциональной манере. Мы имеем в виду его выступление в Оренбурге о проблемах местного самоуправления, тогда им также был рассказан анекдот о том, что некий человек пришел на Лубянку и сознался в том, что он шпион. Пришел сам сдаваться, но после огромного количества уточняющих вопросов относительно его национальности, наличия оружия, связи с центром, конкретного задания и так далее ему посоветовали служащие: *«Ну идите и исполняйте, не мешайте людям работать!»* [3].

Еще одна иллюстрация – анекдот, рассказанный на ежегодной пресс-конференции в 2015 году, где президенту задали вопрос о том, когда российская экономика выйдет из кризиса:

Встречаются два приятеля, один другого спрашивает, ну, мол, как дела? – Тот отвечает, что жизнь в полоску и вот сейчас у него черная полоса. Проходит какое-то время, снова встречаются, снова – ну, как дела теперь? – Да, черная полоса! – Как же так, ведь в прошлый раз была черная. – Как выяснилось, в прошлый раз это была белая... [1] (Здесь и далее орфография и пунктуация авторов сохранены – Е. К., Т. Г., Ч. Ц.).

В некоторых случаях, как мы отметили в процессе своего исследования, Владимир Путин использует анекдот вместо ответа на конкретный вопрос. Например, вопросы, о том, будет ли он баллотироваться на следующий президентский срок, как правило, Путин оставляет без прямого ответа, предпочитая иносказание. Так, отвечая на завуалированный вопрос американских политологов в 2006 году о своем возможном преемнике и, соответственно, уходе с поста президента, он рассказывает анекдот о старом директоре, который, отправляясь на пенсию, оставляет своему молодому преемнику три конверта с просьбой открывать их по мере срока службы: в начале, в середине и в конце. Иносказание заключается в том, что в конвертах даны советы, как поступать: в первом – *«Вали все на меня»*, во втором – *«Обещай людям все, что они хотят»*, в третьем – *«Готовь три конверта»*. [1].

Иногда глава государства прибегает к помощи анекдота, уловив в репликах собеседников какую-то деталь и, заострив на ней внимание, проводит параллели. Этот прием он использовал в Сочи в 2017 году, когда его спросили об участии в предстоящих президентских выборах. Акцентируя внимание на чьей-то реплике о том, что мировая общественность будет скучать по нему, если он больше не будет президентом, Путин вспомнил анекдот:

Разорился олигарх. Приходит к жене и говорит: нам придется продать Mercedes и переселиться на «Ладу». Она отвечает: ну, ладно. Он говорит: придется продать особняк на Рублевке и переехать в обычную квартиру. Она: ну, ладно. Он спрашивает: но ты будешь меня любить? Она: буду любить... и скучать» [3].

В некоторых выступлениях, отвечая на вопросы и желая подчеркнуть очевидность какой-то ситуации, Путин вновь использует анекдот. Так, например, в 2017 году президент РФ на встрече с представителями СМИ, отвечая на вопросы о росте военных расходов и сокращении социальных выплат, вспоминает анекдот про мальчика, сына офицера, который обменял кортик на часы, при этом именно отец мальчика, герой анекдота, как бы отвечает на вопрос журналистов: *А если завтра придут бандиты к нам, убьют меня, мать, братьев твоих, сестру изнасилуют. А ты им что скажешь? Добрый вечер, московское время 12 часов 30 минут?* [3].

И после анекдота следует неременное путинское пояснение: *Мы же не хотим с вами такого развития событий?* [Там же].

Кстати, комментарий, который президент дает после рассказанного анекдота, – это в некоторых случаях стремление более четко подчеркнуть собственную позицию по каким-либо вопросам. В 2014 году на заседании дискуссионного клуба «Валдай» он, говоря о международной ситуации, вспомнил известный старый анекдот о пессимистах и оптимистах, которые по-разному воспринимают свою жизненную ситуацию. При этом Путин, как обычно, подводит итог, резюмируя: *Лучше быть пессимистом, который пьет коньяк, чем оптимистом, который нюхает клопов* [Там же].

Пожалуй, одним из последних анекдотов, публично рассказанных В. Путиным, стал анекдот на злобу дня, касающийся антироссийских санкций Запада и рассказанный президентом на очередном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». Этот анекдот стал ответом на вопрос: что Владимир Путин мог бы сказать простым жителям западных стран? Речь

в анекдоте идет о разговоре сына с отцом, в котором взрослый, отвечая на вопрос ребенка, почему дома так холодно (предположительно действие происходит в Германии), говорит о том, что Россия напала на Украину, о том, что введены санкции против русских, чтоб им было плохо, в результате чего ребенок снова задает вопрос: *«А мы что, русские?»* [1].

Любопытно, что реакция на этот ответ российского президента не замедлила себя ждать и появилась на страницах не только русских, но и зарубежных изданий и интернет-порталов, таких, например, как китайский портал «Гуанча». По сообщению агентства РИА Новости, читатели этого портала очень бурно отреагировали на выступление Путина и, особенно, на анекдот, рассказанный им.

Многие пользователи высоко оценили речь российского лидера, что отразилось в их комментариях:

Искусство этой речи в том, что вместе с сардоническим юмором она раскрывает суть вопроса.

Фэншуй получается. Рейган любил рассказывать советские анекдоты.

Немцы могут на этот раз замерзнуть дома, не заезжая в Сталинград [2].

Реакция иностранцев на подачу информации в виде анекдота показывает, что они уловили комизм ситуации, описанной в нем, и адекватно восприняли суть высказанной в нем мысли. Следовательно, анекдот выполнил свою функцию.

Таким образом, проведенное исследование показало, что основной функцией, выполняемой анекдотом в политическом дискурсе, несомненно, является функция воздействия на слушателя и привлечения его внимания. Кроме того, анекдот используется с целью снятия напряжения при обсуждении острых вопросов как своего рода коммуникативная разрядка. Анекдот способен не только разрядить обстановку, но и сконцентрировать внимание слушателей на чем-то важном для говорящего или, напротив, переключить внимание, уйти от прямого ответа. Довольно часто анекдот применяется для подчеркивания очевидности ситуации, выступает в качестве яркого выразительного средства в речи политика и служит доказательной основой, сближается с притчей.

Список источников

1. Российская газета (RGRU). URL: <https://rg.ru/2022/10/27/putin-rasskazal-anekdot-dlia-zhitelej-evropejskih-stran.html>, <https://rg.ru/2014/10/24/anekdot-anons.html> (дата обращения: 12.11.2022).

2. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20221029/anekdot-1827729973.html> (дата обращения: 12.11.2022).
3. Интернет-издание «Новые известия». URL: <https://newizv.ru/news/society/17-12-2017/ria-novyuy-den-nachalo-sobirat-anekdoty-ot-putina> (дата обращения: 12.11.2022).
4. Царьград. URL: https://tsargrad.tv/articles/anekdoty-ot-putina-o-chjom-shutit-prezident-rossii_224370 (дата обращения: 12.11.2022).
5. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002. 143 с.
6. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Политический анекдот: типы коммуникативных неудач. М.: Знание, 2002. 25 с.
7. Воробьева М. В. Анекдот как феномен повседневной культуры советского общества (на материале анекдотов 1960–1980-х годов): автореф. дис. ... канд. культуролог. наук: Екатеринбург, 2008. 24 с.
8. Худяков А. В. Лингвокогнитивные особенности президентского дискурса конца XX – начала XXI веков (на материале дискурсов президентов России и Франции): дис. ... канд. филол. наук: Тамбов, 2018. 196 с.
9. Карасик В. И. Анекдот как предмет лингвистического изучения // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. Вып.1. С. 144–153.
10. Курганов Е. Похвальное слово анекдоту. СПб.: Изд-во журн. «Звезда», 2001. 285 с.
11. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.; Волгоград: Перемена, 2000. 367 с.
12. Кagan М. С. Анекдот как феномен культуры // Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С.5–16.
13. Фефелова Г. Г. Композиционные и структурные характеристики текста анекдота // Филология и искусствознание. Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21. №3. С. 768–771.
3. Internet-media “Noviye Izvestiya” [Online Edition “New Tidings”]. URL: <https://newizv.ru/news/society/17-12-2017/ria-novyuy-den-nachalo-sobirat-anekdoty-ot-putina> (accessed: 12.11.2022). (In Russian)
4. Tsar'grad [Tsargrad]. URL: https://tsargrad.tv/articles/anekdoty-ot-putina-o-chjom-shutit-prezident-rossii_224370 (accessed: 12.11.2022). (In Russian)
5. Shmeleva, E. Ya., Shmelev, A. D. (2002). *Russkii anekdot: Tekst i rechevoi zhanr* [A Russian Joke: Text and Speech Genre]. 143 p. Moscow, Yazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian)
6. Shmeleva, E. Ya., Shmelev, A. D. (2002). *Politicheskii anekdot: tipy kommunikativnykh neudach* [A Political Joke: Types of Communicative Failures]. 25 p. Moscow, Znaniye. (In Russian)
7. Vorobyeva, M. V. (2008). *Anekdot kak fenomen povsednevnoi kul'tury sovetskogo obshchestva (na materiale anekdotov 1960–1980-kh godov): avtoref. dis. ... kand. kul'turolog. nauk* [A Joke as a Phenomenon of Soviet Society's Daily Culture (Based on the Jokes of 1960–1980s): Ph.D. Thesis Abstract]. Yekaterinburg, 24 p. (In Russian)
8. Khudyakov, A. V. (2018). *Lingvokognitivnye osobennosti prezidentskogo diskursa kontsa XX–nachala XXI vekov (na materiale diskursov prezidentov Rossii i Frantsii): dis. ... kand.filolog. nauk* [The Linguo-Cognitive Aspects of Presidential Discourse of the Late 20th–Early 21st Centuries (Based on the Russian and French Presidents' Discourse): Ph.D. Thesis]. Tambov, 196 p. (In Russian)
9. Karasik, V. I. (1997). *Anekdot kak predmet lingvisticheskogo izucheniya. Zhanry rechi* [A Joke as an Object of Linguistic Research. Speech Genres]. 1st izd., pp. 144–153. Saratov, Kolledzh. (In Russian)
10. Kurganov, E. (2001). *Pokhval'noe slovo anekdotu* [A Praise to the Joke]. 285 p. St. Petersburg, izd. Zvezda. (In Russian)
11. Sheigal, E. I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse]. 367 p. Moscow, Volgograd, Peremena. (In Russian)
12. Kagan, M. S. (2002). *Anekdot kak fenomen kul'tury. Materialy kruglogo stola 16 noiabria 2002 g.* [A Joke as a Cultural Phenomenon. Materials of the Round Table, Nov. 16, 2002]. Pp. 5–16. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo. (In Russian)
13. Fefelova, G. G. (2016). *Kompozitsionnye i strukturnye kharakteristiki teksta anekdota. Filologiya i iskusstvovedenie* [Compositional and Structural Text Characteristics of a Joke]. Vol. 21, No. 3, pp. 768–771. Vestnik Bashkirskogo universiteta. (In Russian)

References

The article was submitted on 10.12.2022
Поступила в редакцию 10.12.2022

Колосова Елена Ивановна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,

Kolosova Elena Ivanovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,

420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
hkolosova@yandex.ru

Гимранова Татьяна Александровна,
кандидат филологических наук,
преподаватель,
Второй пекинский институт иностранных
языков,
Китай, Пекин, Чаоян.
tgimranova@163.com

Чу Цзинжу,
кандидат филологических наук,
преподаватель,
Второй пекинский институт иностранных
языков,
Китай, Пекин, Чаоян.
chu.jingru@163.com

18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
hkolosova@yandex.ru

Gimranova Tatiana Aleksandrovna,
Ph.D. in Philology,
Assistant Professor,
Beijing International Studies University,

China, Beijing, Chaoyang.
tgimranova@163.com

Chu Jingru,
Ph.D. in Philology,
Assistant Professor,
Beijing International Studies University,

China, Beijing, Chaoyang.
chu.jingru@163.com

УДК 81-119

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-27-34

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИМИДЖЕВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЧЛЕНОВ БРИТАНСКОЙ КОРОЛЕВСКОЙ СЕМЬИ (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКОГО МАССМЕДИЙНОГО ДИСКУРСА)

© Ирина Коренецкая

LINGUO-CULTURAL REPRESENTATION OF THE IMAGE CHARACTERISTICS OF THE BRITISH ROYAL FAMILY MEMBERS (BASED ON THE BRITISH MASS MEDIA DISCOURSE)

Irina Korenetskaya

The article presents the linguocultural image of the royal family and its representation in media texts. The linguistic and cultural image is defined as a set of stereotyped features that are positively assessed by the target audience and have deep national and cultural connotations. The analysis of the modern English media discourse, carried out within the framework of the article, made it possible to identify the main linguocultural attitudes forming the basis of the British royal family image. We describe the following integral characteristics of the image representation of the persons belonging to the royal family: nepotism and love of children, skepticism towards everything new and foreign, orientation towards the queen as a symbolic and valuable core of the royal family, their pride in the great historical past while simultaneously feeling the burden of imperialism. The article notes that members of the royal family are making attempts to modernize their own image characteristics in order to adapt them to the linguocultural realities of the modern epoch.

Keywords: mass media discourse, linguocultural image, image, representation, linguo-culture

В статье рассматриваются лингвокультурный имидж королевской семьи и его репрезентация в текстах СМИ. Лингвокультурный имидж определяется как набор стереотипизированных признаков, положительно оцениваемых целевой аудиторией и имеющих глубинные национально-культурные коннотации. В ходе исследования было выявлено, что медийные тексты о королевской семье Великобритании базируются на триединой модели формирования лингвокультурного образа: ориентация на стереотипные представления; индивидуализация имиджевых признаков представителя королевского круга; опора на ключевые ценностные установки и концепты британской лингвокультуры. Проведенный в рамках статьи анализ современного английского медиадискурса позволил выделить основные лингвокультурные установки, на базе которых строятся имиджи королевских особ Великобритании. В качестве неотъемлемых характеристик имиджевой репрезентации лиц, входящих в королевскую семью, отмечены: семейственность и чадолубие, скепсис ко всему новому, непохожему на традиционное и иностранному, ориентация на королеву как на символическое и ценностное ядро королевской семьи, гордость за великое историческое прошлое при одновременном ощущении бремени империализма. Отмечено, что члены королевской семьи предпринимают попытки по модернизации собственных имиджевых характеристик, для того чтобы адаптироваться к лингвокультурным реалиям современности.

Ключевые слова: массмедийный дискурс, лингвокультурный имидж, имидж, репрезентация, лингвокультура

Для цитирования: Коренецкая И.Н. Лингвокультурная репрезентация имиджевых характеристик членов британской королевской семьи (на материале британского массмедийного дискурса) // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №1 (71). С. 27–34. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-27-34

Психологический словарь определяет имидж в качестве целостного, стереотипизированного и эмоционально окрашенного комплекса репрезентируемых личностных характеристик, которые, в свою очередь, структурированы рамками социокультурных и исторических установок, прису-

щих широкой общественности [1, с. 195]. Л. С. Чикилева отмечает, что имидж многомерен по своей структуре: он включает в себя визуальный, вербальный, контекстный и событийный аспекты [2, с. 221]. В визуальный «слой» имиджа включены физиологические параметры репрезентируемой личности, одежда, прическа, макияж, аксессуары, манера поведения, мимика и жестикуляция. Вербальный компонент личностного имиджа формируется посредством риторического стиля, лексикона, тональности коммуникации, паравербальных характеристик речи и смежных категорий. Контекстное изменение личности подразумевает ее «встраивание» и нахождение в конкретной исторической обстановке, связь с предыдущими историческими этапами и культурами (что особенно актуально для данной статьи), сферу деятельности личности, круг общения и оппонентов – явных, косвенных или подразумеваемых. Наконец, событийный аспект персонального имиджа формируется на базе нормативно-этической составляющей поступков (точнее, их репрезентации и оценки), поведения, репутационного «шлейфа».

Имидж известной личности может иметь глобальный, космополитичный характер и не нести важных индикаторов той лингвокультуры, к которой относится носитель имиджа. Некоторые имиджи, напротив, культурно-маркированы, они не могут восприниматься в «вакууме», в отрыве от той страны, которую представляет личность. Имиджи членов королевской семьи Великобритании, изучение которых находится в фокусе настоящей статьи, являются примерами имиджей, в максимальной степени культурно-детерминированных – таких, которые воспринимаются исключительно в историко-культурном контексте и, более того, являются символическими компонентами всей лингвокультуры Великобритании и ряда англоговорящих стран. В данной связи возникает необходимость рассмотрения сущности имиджа с лингвокультурной точки зрения.

В целях исследования лингвокультурной специфики и средств репрезентации имиджа А. Д. Макарова использует терминологическую категорию «лингвокультурный образ» [3]. По ее мнению, подобный образ следует рассматривать «в единстве языка, сознания и культуры». Исследователь дефинирует лингвокультурный образ как образ, обладающий (1) национально-культурными признаками, значимыми для конкретного лингвокультурного сообщества, и (2) стереотипизированными признаками, что в целом присуще любому образу (в данном случае термин «образ», как очевидно, отождествляется с термином

«имидж»). Обе группы признаков, составляющих лингвокультурный образ, находят отражение в речи носителей лингвокультуры [Там же, с. 244], что, собственно, и отличает лингвокультурный образ (имидж) от имиджа в целом.

Все тексты, которые затрагивают события, связанные с членами королевской семьи Великобритании, обладают рядом признаков имиджевых текстов: их авторы не просто описывают новостные события, представляют интервью или аналитический материал – они в той или иной степени отражают культурные коннотации. Следовательно, медийные материалы о королевской семье можно считать культурно-маркированными имиджевыми текстами. В статье Т. Л. Музычук и А. М. Литовкиной имиджевый текст определяется в качестве медийного продукта, отражающего запросы общественности в отношении той или иной публичной личности с потенциальной возможностью влияния на общественное сознание [4, с. 840].

Вербальные характеристики имиджевых текстов довольно вариабельны: автор такого текста адаптируется к адресату, регулируя параметры доступности, сложности, меры аналитичности текста, порождаемого им. В изданиях, ориентированных на разную целевую аудиторию, можно встретить совершенно разные стилистические приемы, вокабуляр и разную степень эмотивности и оценочности [5, с. 116].

Медийные тексты о королевской семье Великобритании исходят из триединой модели формирования лингвокультурного образа: во-первых, они ориентированы на известные стереотипные представления; во-вторых, они индивидуализируют имиджевые признаки того или иного члена королевского круга или даже опровергают сложившиеся стереотипы; в-третьих, они опираются на ключевые ценностные установки и концепты британской лингвокультуры. Данные принципы построения можно назвать своеобразной «тройной» моделью адаптации языкового материала к запросам, ожиданиям и интересам англоязычной (в большей степени – британской) публики.

Медиадискурс – «самоорганизующаяся система циркуляции социального знания», источник «мировоззренческих и языковых стереотипов обыденного сознания» [4, с. 841]. Лингвокультурный имидж британской королевской семьи и каждого из ее членов представляется нам уникальным массовым конструктом, формируемым средствами массовой информации. Тематика королевской семьи – одна из наиболее распространенных во всех типах медийных источников Великобритании. Сегодня мы наблюдаем растущую

плюрализацию журналистских мнений и оценок в освещении вопросов, связанных с британской монархией, расширение проблематики и возрастание числа критических материалов.

Уникальность того сегмента английского медийного дискурса, который посвящен монаршим особам, проявляется также и в том, что лингвокультурный имидж членов королевской семьи имеет черты, присущие репрезентации имиджа политических деятелей, с одной стороны, и черты, характерные для публикаций о селебрити (певцов, актеров, светских особ, активистов, инфлюенсеров), – с другой.

Имидж членов королевской семьи, безусловно, может рассматриваться с позиции имиджа политического деятеля. В данной связи целесообразно говорить о так называемом драматургическом подходе к изучению имиджа, отмеченном, помимо прочих, С. Н. Бредихиным и Б. Г. Гасановым. Следуя данному подходу, можно прийти к выводу о том, что имиджевые компоненты выявляются в репрезентации образа деятеля исключительно в рамках общественного института, политико-социальной роли, «которая намеренно конструируется в соответствии со сценическим замыслом» и «ожиданиями электората» [6, с. 112]. С другой стороны, дискурс монарших особ Великобритании изобавлен от ведущей цели политического дискурса – борьбы за власть, следовательно, социальная манипуляция не будет являться доминантной иллюкутивной целью репрезентации «королевской» тематики. Имидж представителей королевской семьи существенно отличается от имиджа политических деятелей хотя бы по причине того, что они не включены в так называемое «общество пиджаков» [7, с. 49].

Анализируя медийную репрезентацию членов королевской семьи в публикациях, можно отметить, что их имидж формируется посредством как произвольного самовыражения (речь идет о тех публикациях, которые подразумевают сознательную подачу нужной информации), так и непровольного самовыражения (публикации, которые неподконтрольны носителям имиджа). В рамках драматургического подхода два пути репрезентации имиджа, отмеченные выше, можно сопоставить со сценическим пространством, где имеют место передний, декоративный план и «закулисы», где впечатление становится неуправляемым [6, с. 112]. Таким образом, формирование имиджа анализируемых нами личностей происходит как целенаправленно, так и неконтролируемо, в том числе и за счет слухов, которые занимают важное место в англоязычном медиадискурсе. Слух Г. Ш. Хакимова называет до-

вольно «живучей и устойчивой формой передачи информации, способной успешно адаптироваться к новым условиям, несмотря на свою архаичность» [8, с. 28].

Как указано выше, лингвокультурный имидж представителей королевской семьи является медийно-опосредованным, что, в свою очередь, означает наличие особых виртуальных образов личностей [9, с. 178]. В связи с вышеизложенным особое значение приобретают исследования, которые позволяют ответить на вопросы о том, какие ключевые языковые маркеры – как позитивные, так и негативные, являются наиболее важными в формировании лингвокультурного имиджа личности [10, с. 61].

Перейдем к рассмотрению языковых средств выражения лингвокультурных имиджей представителей королевской семьи Великобритании. Образ правителей, привилегированного сословия, наделенного символично-церемониальными полномочиями, сформированный ранее, был несколько «разбавлен» посредством включения в семью таких фигур, как Диана Спенсер – воплощение общественного активизма, а в последующем – Меган Маркл как представителя артистической среды. Включение их в состав семьи сформировало у общественности ее восприятие в качестве «культуры селебрити».

Королевская семья – это ключевой выразитель лингвокультурных ценностей в стране. Именно ее члены воплощают в себе классические представления о культуре и менталитете англичан. Согласимся с Е. А. Соловьевой в следующем: «Монаршая семья является символом английской нации, ее хранителем и строгим блюстителем старинных британских традиций» [11, с. 148]. Соответственно, рассмотрение средств, формирующих лингвокультурные образы представителей английской монархии, будет способствовать обнажению черт национального характера, английской картины мира.

По результатам исследования Е. А. Соловьевой, *семейственность* и *чадолюбие* являются одними из наиболее ярких черт английской лингвокультуры; более того, данная ценностная установка выражена и в имидже членов династии Виндзоров [Там же, с. 148]. В выборке выступлений принцессы Дианы, к примеру, концепт «семья» получает глубокую реализацию, а его репрезентантами являются лексемы *mother* – 45 %, *children* – 25 %, *support* – 22 %, *love* и *care* – 9% и 9% [Там же, с. 160]. Для проверки данного тезиса нами были отобраны все публикации онлайн-издания «Гардиан» с января по август 2022 г., посвященные королевской семье (189 материалов). Вышеперечисленные лексемы так-

же оказались весьма употребительными: *mother* – 32 случая, *children* – 46 случаев, *support* – 13 случаев, *love* – 14 случаев, *care* – 9 случаев; кроме того, данный концепт был реализован в лексеме *family* (вне устойчивой фразы *royalfamily*) – 37 случаев, а также репрезентантами *son*, *father*, *daughter*, *granny*, *mom*.

Приведем ряд наиболее показательных примеров: *On his granny's secret service: Prince William interns at MI5* [12] – ‘На секретной службе своей бабушки: Принц Уильям проходит стажировку в МИ5’. Указание на родственные связи – типичная черта публикаций на данную тематику: *William was flanked by his cousins Zara Tindall and Peter Phillips, the Queen's eldest grandson at 44* [Там же] – ‘Рядом с Уильямом находились его двоюродные братья Зара Тиндалл и 44-летний Питер Филлипс, старший внук королевы’. Британская общественность склонна воспринимать членов королевской семьи, в первую очередь, как группу близких людей (следует предположить, что в таком контексте следить за их жизнью – браками, конфликтами, дружбой или враждой – становится еще более интересно). В следующем отрывке М. Маркл указывает, что наиболее важное звание, которое она получила в результате союза с принцем – это титул матери: *The most important title I will ever have is 'Mom'* [Там же]. – ‘Самый важный титул, который у меня когда-либо будет, – «Мама»’. Зачастую журналисты, описывая совместные действия членов королевской семьи, указывают, в первую очередь, на их семейный статус и положение относительно членов семейной группы: *brothers*, *Queen's son* и т. п.

Как указано выше, чадолюбие принято считать характеристикой, присущей менталитету британцев. Данная лингвокультурная черта находит свое отражение и в медийной репрезентации королевской семьи: в отобранных нами публикациях 11 текстов было посвящено наиболее младшим наследникам престола, причем тональность таких публикаций была абсолютно позитивной. Н. Р. Мухутдинова приходит к схожему умозаключению и в качестве примера приводит ситуацию медийного «хайпа», сформированного еще в 2011 г. вокруг фигуры 3-летней Грейс ван Катсем, крестницы принца Уильяма, именуемой в СМИ «хмурой цветочной девочкой» [13, с. 29].

Существует стереотипное представление о том, что британцы склонны выражать *скепсис ко всему новому, непохожему на традиционное и иностранному*. Данная черта неоднократно подтверждается примерами из истории, художественной литературы, политической жизни страны. Отчасти проявлением данной характеристики

можно считать негативно-оценочные номинации новой представительницы королевской семьи Меган Маркл. О. В. Литвяк с соавторами в результате объемного дискурсивного анализа медиатекстов издания «Daily Mail» пришли к выводу о том, что британское СМИ склонно к регулярному противопоставлению Кейт Миддлтон как «социально одобряемой принцессы» и Меган Маркл как «принцессы-бунтарки». Меган Маркл неоднократно подвергается критике, тогда как Кейт Миддлтон описывают как «идеальную королевскую особу» [14, с. 209].

Отрицательная оценка Меган в медиатекстах была выражена посредством лексем с отчетливой негативной оценочной семантикой: *annoying*, *vanity*, *to burn alive*, *irritating*, *barren* и проч. [Там же, с. 210]. Можно отметить, что в нашей выборке данная оценочность не была представлена столь же интенсивно; кроме того, найдены и примеры репрезентации Меган Маркл в качестве положительного «персонажа» дискурса (3 случая), к примеру: *She's educated, divorced, a woman of colour, a feminist – and a radical addition to the royal family* [12] – ‘Она образованна, разведена, она имеет афроамериканские корни, она феминистка и она – радикальное дополнение к королевской семье’.

Тем не менее изобличающих публикаций было найдено больше (из 14 статей 6 содержали негативные оценочные характеристики, к примеру: *Do not pretend celebrity princess Meghan Markle can meaningfully advance the cause of racial justice* [Там же] – ‘Не притворяйтесь, что звездная принцесса Меган Маркл сможет значительно продвинуть решение проблемы расовой дискриминации’; *No Cinderella: Margo Jefferson on the real Meghan Markle* [Там же] – ‘Отнюдь не Золушка: Марго Джефферсон рассказывает о настоящей Меган Маркл’. При этом не было найдено пейоративной лексики или единиц с прямой отрицательной оценочной семантикой, что, безусловно, можно объяснить характером выбранного СМИ (публикации «Гардиан», как правило, стремятся к объективности и нейтралитету). Негативное отношение к этой фигуре как «чужой» для британцев демонстрировалось, скорее, косвенно, иногда – посредством эвфемизмов: *Extended members of the royal family also do not have right....* [Там же] – ‘Новые члены королевской семьи также не имеют права на...’ и т. п. Таким образом, инаковость фигуры Меган Маркл – ее ключевая имиджевая характеристика в выбранном издании: *'A California girl': how Meghan Markle's home state shaped her identity* [Там же] – ‘«Девушка из Калифорнии»: как

родной штат Меган Маркл повлиял на становление ее как личности».

Отметим, что, если рассматривать ранние публикации о Кейт Миддлтон (2011-2013 гг.), можно также встретить схожие неодобрительные, скептические материалы, в которых подчеркивается то, что она – чужая в монарших кругах: *Kate, the 'plastic princess'* [Там же] – ‘Кейт – принцесса из пластика’; *duchess as varnished mannequin selected only for breeding* [Там же] – ‘герцогиня – как лакированный манекен, отобранный исключительно для разведения потомства’; *How 'commoner' Kate Middleton won Prince William's heart* [Там же] – ‘Как «простолюдинка» Кейт Миддлтон покорила сердце принца Уильяма’; *the glimpse of earrings imply lifts her to the status of Sloane, rather than merely proletarian* [Там же] – ‘проблеск серьги просто возвышает ее до статуса аристократки, а не просто женщины из народа’; *the commoner turned down the proposal* – ‘простушка отклонила предложение’; *Kate Middleton is no snooty Sloane* [Там же] – ‘Кейт Миддлтон – свой человек’. По прошествии десятилетия тон публикаций сменился в противоположную сторону, и современные журналисты позиционируют Кейт Миддлтон в качестве образцового примера члена королевской семьи. Сегодня прежний ключевой репрезентант имиджа Кейт Миддлтон (*commoner* – ‘простолюдинка, простушка’) сменился на лаконичное *Duchess* – ‘герцогиня’ (употребленное в нашей выборке 88 раз). Все вышеизложенное, безусловно, можно расценивать как подтверждение мнения о недоверчивости англичан к новому или, в радикальной репрезентации, – о снобизме и подчеркнутой аристократичности, не допускающей проникновения в ее круги посторонних «элементов».

Говоря о королеве как своеобразном символическом и ценностном ядре концепта «королевская семья», следует отметить положительный лингвокультурный имидж данной фигуры. В публикациях информация о королеве подается таким образом, что она выступает олицетворением справедливости, как лицо, имеющее реальное политическое влияние, как правитель, проявляющий великодушие. Репрезентантами подобных характеристик являются лексемы *justice* (4 случая), *incompromising* (2 случая), *majesty* (11 случаев), *monarch* (5 случаев), *crown* (9 случаев). Доброту, великодушие, заботу пожилой женщины подчеркивают такие обязательные атрибуты правительницы, как аксессуары, домашние животные, автомобили (*Four-legged farewells: Queen's corgis and pony... – ‘Четвероногое прощание: корги и пони Королевы...’*; *Queen's horse Reach For The Moon ruled out of Derby* – ‘Лошадь

королевы «Полет до Луны» исключена из Дерби», *rainbow of hats and clothing* – ‘радуга шляпок и нарядов’ и проч.). Л. Клэнси указывает, что именно за счет особого имиджа королевы королевская семья создает особый, «магический» тип репрезентации. Исследователь утверждает, что имидж королевы «репрезентационно близок к религиозному» (перевод наш – И. К.) [15, с. 427].

Великобритания – страна с крайне богатым историческим прошлым, империалистическими завоеваниями и колоссальным количеством проведенных военных действий. Все это, без сомнения, выражается и в имидже представителей королевской семьи. К. Джордан говорит о том, что британская монархия в значительной степени полагается «на продукты памяти» – таким образом она поддерживает связь со своими подданными [16, с. 15]. В данном аспекте можно наблюдать некоторую двойственность в репрезентации имиджевых характеристик. С одной стороны, бремя империализма заставляет британцев и королевскую семью игнорировать данный исторический этап в публичной риторике либо сглаживать возможные противоречия: *'My respect would be increased': Prince William urged to learn Welsh* [12] – ‘Я буду воспитывать в себе уважение: Принц Уильям спешит приступить к изучению валлийского языка’; *Prince William speaks of 'profound sorrow' for slavery in address to Jamaican PM* [Там же] – ‘Принц Уильям заявил о «глубокой печали» по поводу рабства при обращении к премьер-министру Ямайки’; *Prince William accused of 'whitesaviour' mentality in Africa wildlife film* [Там же] – ‘Принца Уильяма обвинили в менталитете «белого спасителя» в фильме о дикой природе Африки’. С другой стороны, поддержание имиджа страны-завоевателя в лице мужчин, входящих в монаршие круги, остается актуальным и на современном этапе: *William and Harry in military uniform as Queen's grandchildren hold vigil* [Там же] – ‘Внуки Королевы Уильям и Гарри предстали в военной форме во время заупокойной молитвы’).

Такая лингвокультурная черта английского народа, как *любовь к охоте*, репрезентирована в медийных текстах с негативной точки зрения; очевидно, что в данном контексте традиционные ценности Великобритании вступают в конфликт с современными этическими идеалами: *Prince William criticised for justifying trophy hunting* [Там же] – ‘Принца Уильяма раскритиковали за оправдание охоты на «трофейных» животных».

Как отмечено выше в статье, лингвокультурный имидж королевской семьи является продуктом целенаправленных усилий пиар-менеджеров и пресс-службы, но при этом он также являет со-

бой результат неуправляемой массовой рецепции, основанной на эмоциональных личностных оценочных установках. При этом массовая общественность в последние десятилетия неоднократно поднимала вопрос о легитимности и целесообразности содержания института монархии в государстве. Следует также учитывать *утрату важности института монархии*, возникающие споры об «устаревшей, ненужной помпезности» [14, с. 262], которые ставят британскую королевскую семью в шаткое положение. Тем не менее британская монархия привлекает к себе неизменное актуальное внимание как внутри страны, так и в международном сообществе [13, с. 26].

На протяжении XXI в. монархия становилась все менее популярным институтом. Тем не менее социологические исследования говорят о том, что население Великобритании воспринимает институт монархии как важную часть своего культурного наследия. Цепочка событий и внутрисемейных конфликтов существенно подорвали авторитет королевской семьи в массовом сознании. Несмотря на положительный лингвокультурный имидж самой королевы Елизаветы II, множество англичан воспринимают монархию как социально-политический рудимент, как группу традиционалистов, следующих устаревшим и неэтичным принципам. В данной связи королевская семья начала принимать ряд мер по восстановлению имиджа семьи, отказавшись тем самым от ряда традиционных для лингвокультуры характеристик, ассоциируемых с монархическими кругами. Следовательно, сегодня члены королевской семьи активно продвигают новые имиджи, основанные на реформировании собственных взглядов и устоев королевского сообщества. Данная тенденция отразилась и в тексте отобранных нами публикаций и репрезентировалась в таких гранях имиджевой репрезентации, как: «принц-благотворитель»: *Prince William to become air ambulance pilot* [12] – ‘Принц Уильям станет пилотом санитарной авиации’; «принц-реформатор»: *Prince William will be a 'more relaxed heir' to the throne* [Там же] – ‘Принц Уильям будет «более расслабленным наследником» престола’; «принцесса-реформатор»: *The Princess of Wales: Kate will 'create her own path' for the role* [Там же] – ‘Принцесса Уэльская: Кейт «создаст свой собственный путь» для этой роли’; «эмансипированная принцесса»: *Kate Middleton will not promise to 'obey' in royal wedding service* [Там же] – ‘Кейт Миддлтон не будет произносить фразу «клянусь повиноваться своему мужу» на церемонии бракосочетания’ и пр.

Возможно, именно эти имиджевые усилия помогут королевской семье продолжить свое

существование в качестве политико-социального актора на британской политической арене. Вполне ожидаемо, что парадигмальные смены в лингвокультурном пространстве порождают необходимость смены базисных установок, на которых строится имидж публичной личности в данной лингвокультуре.

Таким образом, в результате исследования удалось прийти к следующим умозаключениям и выявить следующие закономерности:

Во-первых, лингвокультурный имидж следует дефинировать в качестве набора стереотипизированных признаков, положительно оцениваемых целевой аудиторией и имеющих глубинные национально-культурные коннотации.

Во-вторых, анализ современного английского медиадискурса позволяет выделить основные лингвокультурные установки, на базисе которых строятся имиджи королевских особ Великобритании. В качестве неотъемлемых характеристик фигур, входящих в королевскую семью, отмечены *семейственность* и *чадолюбие*.

В-третьих, подтверждены представления о том, что британцы склонны выражать скепсис ко всему новому, непохожему на традиционное и иностранному. Данная черта неоднократно подтверждается примерами негативно-оценочных номинаций новой представительницы королевской семьи Меган Маркл, а также схожих номинаций в отношении Кейт Миддлтон в публикациях, датированных 2011–2013 гг..

В-четвертых, выявлено, что королева является символическим и ценностным ядром концепта «королевская семья», ей присущ отчетливо положительный лингвокультурный имидж.

В-пятых, отмечается свойственная британцам гордость за великое историческое прошлое. Анализ лингвокультурной имиджевой репрезентации данного аспекта показал двойственность в подаче подобных имиджевых характеристик: с одной стороны, бремя империализма заставляет британцев и королевскую семью игнорировать данный исторический этап в публичной риторике, с другой – поддержание имиджа страны-завоевателя до сих пор актуально.

В-шестых, доказано, что члены королевской семьи предпринимают попытки по модернизации собственных имиджевых характеристик, стремясь обозначить себя как правителей-реформаторов, благотворителей и людей с современными взглядами на мироустройство.

Список источников

1. Психология: словарь. М.: Политиздат, 1990. 494 с.

2. Чикилева Л. С. Роль вербальных и невербальных средств в создании имиджа // Российский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5, № 2. С. 220–232.

3. Макарова А. Д. Лингвокультурный образ: сущность понятия // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. №33. С. 243–245.

4. Муzychuk Т. Л. Имидж в масс-медийном пространстве: лингводискурсивный портрет / Т. Л. Муzychuk, А. М. Литовкина. // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8, № 4. С. 839–843.

5. Егорова Л. Г. Имиджевый текст как феномен современного информационного пространства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2008. № 21(60). С. 115–119.

6. Бредихин С. Н. К проблеме делимитации образа и имиджа в политическом медиадискурсе / С. Н. Бредихин, Б. Г. Гасанов // Научная мысль Кавказа. 2022. №1(109). С. 110–116.

7. Мерзлякова В. Н. Celebrity culture в системе современных культурных индустрий: особенности производства публичности в структуре новых медиа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 47–63.

8. Хакимова Г. Ш. Медиатизация слухов как феномен современного дискурса СМИ (на материале англоязычных медиа) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2022. №19(2). С. 28–36.

9. Казяба В. В. Лингвистическая характеристика кэпшн интернет-публикаций англоязычных инфлюенсеров / В. В. Казяба, Д. Э. Бармина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2022. Т. 21, № 3. С. 176–191.

10. Катермина В. В. Сетевой дискурс в отношении британского премьер-министра Бориса Джонсона: положительная vs отрицательная тональность в Twitter / В. В. Катермина, А. Гнедаш // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2022. Т. 21, № 4. С. 59–71.

11. Соловьева Е. А. Доминантные лингвокультурологические концепты в речах представителей английской королевской семьи // Язык и культура (Новосибирск). 2015. №20. С. 146–153.

12. UK latest news. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news> (дата обращения: 20.09.2022).

13. Мухутдинова Н. Р. Новые интернет-мемы как индикаторы популярности образа британской королевской семьи // Universum: филология и искусствоведение. 2022. №6 (96). С. 25–29.

14. Литвяк О. В. Выражение категории оценочности в британских медиатекстах / О. В. Литвяк, О. П. Давыдова, А. А. Мочалова // Современное педагогическое образование. 2021. №12. С. 209–212.

15. Clancy L. 'Queen's Day – TV's Day': the British monarchy and the media industries / L. Clancy // Contemporary British History. 2019. № 33:3. Pp. 427–450.

16. Jordan C. From private to public: Royal family memory as prospective collective memory in A Jubilee Tribute to The Queen by The Prince of Wales (2012)

// Journal of Aesthetics & Culture. 2019. № 11. Pp. 15–25.

References

1. *Psikhologiya: slovar'* (1990) [Psychology: A Dictionary]. 494 p. Moscow, Politizdat. (In Russian)

2. Chikileva, L. S. (2016). *Rol' verbal'nyh i neverbal'nyh sredstv v sozdanii imidzha* [The Role of Verbal and Non-Verbal Means in Creating an Image]. L. S. Chikileva. Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal. T. 5, No. 2, pp. 220–232. (In Russian)

3. Makarova, A. D. (2011). *Lingvokul'turnyi obraz: sushchnost' ponyatiya* [Linguistic and Cultural Image: The Essence of the Concept]. A. D. Makarova. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. No. 33, pp. 243–245. (In Russian)

4. Muzychuk, T. L. (2019). *Imidzh v mass-mediinom prostranstve: lingvodiskursivnyi portret* [Image in the Mass Media: A Linguo-Discursive Portrait]. T. L. Muzychuk, A. M. Litovkina. Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. T. 8. No. 4, pp. 839–843. (In Russian)

5. Egorova, L. G. (2008). *Imidzhevyi tekst kak fenomen sovremennogo informatsionnogo prostranstva* [Image Text as a Phenomenon of Modern Information Space]. L. G. Egorova. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. No. 21(60), pp. 115–119. (In Russian)

6. Bredikhin, S. N. (2022). *K probleme delimitatsii obraza i imidzha v politicheskom mediadiskurse* [On the Problem of Differentiation of the Picture and the Image in Political Media Discourse]. S. N. Bredihin. Nauchnaya mysl' Kavkaza. No.1(109), pp. 110–116. (In Russian)

7. Merzlyakova, V. N. (2021). *Celebrity culture v sisteme sovremennykh kul'turnykh industrii: osobennosti proizvodstva pblchnosti v strukture novykh media* [Celebrity Culture in the System of Modern Cultural Industries: Features of the Production of Publicity in the Structure of New Media]. V. N. Merzlyakova. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny. No. 5, pp. 47–63. (In Russian)

8. Khakimova, G. Sh. (2022). *Mediatizatsiya sluhov kak fenomen sovremennogo diskursa smi (na materiale angloyazychnykh media)* [Mediatization of Rumors as a Phenomenon of Modern Media Discourse (based on the English-Language Media)]. G. Sh. Khakimova. Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika. No. 19(2), pp. 28–36. (In Russian)

9. Kazyaba, V. V. (2022). *Lingvisticheskaya kharakteristika keshn internet-publikatsii angloyazychnykh inflyuenserov* [Linguistic Characteristics of Caption Internet Publications of English-speaking Influencers]. V. V. Kazyaba, D. E. Barmina. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie. T. 21. No. 3, pp. 176–191. (In Russian)

10. Katermina, V. V. (2022). *Setevoi diskurs v otnoshenii britanskogo prem'er-ministra Borisa Dzhonsona: polozhitel'naya vs otritsatel'naya tonal'nost' v Twitter* [Online Discourse on British Prime Minister Boris Johnson: A Positive vs. a Negative Tone on Twitter]. V. V.

V. Katermina, A. A. Gnedash. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie. T. 21. No. 4, pp. 59–71. (In Russian)

11. Solov'eva, E. A. (2015). *Dominantnye lingvokul'turologicheskie kontsepty v rechah predstavitelei angliiskoi korolevskoi sem'i* [Dominant Linguoculturological Concepts in the Speeches of Representatives of the English Royal Family]. E. A. Solov'eva. *Yazyk i kul'tura* (Novosibirsk). No. 20, pp. 146–153. (In Russian)

12. *UK Latest News*. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news> (accessed: 20.09.2022). (In English)

13. Mukhutdinova, N. R. (2022). *Novye internet-memy kak indikator populyarnosti obraza britanskoi korolevskoi sem'i* [New Internet Memes as Indicators of the Popularity of the Image of the British Royal Family].

N. R. Mukhutdinova. *Universum: filologiya i iskusstvovedenie*. No. 6 (96), pp. 25–29. (In Russian)

14. Litvyak, O. V. (2021). *Vyrazhenie kategorii otsenchnosti v britanskikh mediatekstakh* [The Expression of the Category of Appraisal in British Media Texts]. O. V. Litvyak, O. P. Davydova, A. A. Mochalova. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*. No. 12, pp. 209–212. (In Russian)

15. Clancy, L. (2019). 'Queen's Day – TV's Day': *The British Monarchy and the Media Industries*. L. Clancy. *Contemporary British History*. No. 33:3, pp. 427–450. (In English)

16. Jordan, C. (2019). *From Private to Public: Royal Family Memory as Prospective Collective Memory in A Jubilee Tribute to the Queen by the Prince of Wales (2012)*. *Journal of Aesthetics & Culture*. No. 11, pp. 15–25. (In English)

The article was submitted on 10. 02.2023

Поступила в редакцию 10.02.2023

Коренецкая Ирина Николаевна,
кандидат педагогических наук,
Псковский государственный университет,
180000, Россия, Псков,
пл. Ленина, 2.
i.korenetskaya@pskgu.ru

Korenetskaya Irina Nikolaevna,
Ph.D. in Pedagogy,
Pskov State University,
2 Lenin Sq.,
Pskov, 180000, Russian Federation.
i.korenetskaya@pskgu.ru

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АДРЕСАТА В СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ О COVID-19

© Ли Хайнин

LANGUAGE MEANS OF INFLUENCING THE ADDRESSEE IN SOCIAL ADVERTISING ABOUT COVID-19

Li Haining

The purpose of the article is to identify the most typical linguistic means of influencing the addressee in social advertising, warning about the danger of the Coronavirus pandemic. An analysis of materials that appeared on various social networks, videos on Youtube.com and on the Stopcoronavirus.rf website for the period from May 2020 to March 2022 showed the high-frequency use of language games (50% of videos) and neologisms (50%) in the first period of the pandemic. During the period of mass vaccination against coronavirus, the number of “language games” and “neologisms” in social advertising decreased to 42.3% and 34.6%, respectively. Based on the data obtained, the author conducts an analytical examination and draws a conclusion about the strategic shift that occurred in the model of the “social advertising” speech genre during the pandemic. The use of the imperative form of the verb in incentive sentences is the most active morphological tool in constructing the addressing of social advertising about COVID-19, regardless of the period of the pandemic. This is due to the most basic goal of social advertising - to encourage people to do or not to do something in their personal interests, as well as in the interests of society.

Keywords: social advertising, COVID-19, coronavirus, speech strategy, language tools, language impact

Целью статьи является выявление наиболее типичных языковых средств воздействия на адресата, предупреждающих об опасности пандемии Коронавируса, в социальной рекламе. Анализ материалов, появившихся в различных социальных сетях, видеороликах в Youtube.com и на сайте Стопкоронавирус.рф за промежуток времени с мая 2020 года по март 2022 года, показал, что в первый период пандемии высокочастотным являлось использование языковой игры (50% роликов), неологизмов (50%). В период массовой вакцинации от коронавируса количество приемов «языковая игра» и «неологизмы» в социальной рекламе сократилась до 42,3% и 34,6% соответственно. На основании полученных данных автор проводит аналитическую экспертизу и делает вывод о стратегическом сдвиге, произошедшем в модели речевого жанра «социальная реклама» в период пандемии. Использование императивной формы глагола в побудительных предложениях служит наиболее активным морфологическим средством при построении адресации социальной рекламы о COVID-19 вне зависимости от периода пандемии. Это связано с самой основной целью социальной рекламы – побудить людей делать либо не делать что-то в личных интересах, а также в интересах социума.

Ключевые слова: социальная реклама, COVID-19, коронавирус, речевая стратегия, языковые средства, языковое воздействие

Для цитирования: Ли Хайнин. Языковые средства воздействия на адресата в социальной рекламе о COVID-19 // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №1 (71). С. 35–43. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-35-43

1. Введение

В период недавней пандемии многими исследователями отмечалось увеличение доли социальной рекламы в общественной жизни. Под социальной рекламой, как правило, понимают способ передачи информации, цель которой направ-

лена на «достижение общественно полезных и благотворительных целей, а также защиты государственных интересов» [1]. Исследователи Н. П. Аржанов, Т. А. Пирогова трактуют термин «социальная реклама» как вид некоммерческой рекламы, которая направлена на осуществление

изменений имеющихся моделей общественного поведения, а также на решение других социально-значимых задач [2, с. 102]. Следовательно, социальная реклама является инструментом, позволяющим «формировать нравственные ценности общества и в целом осуществлять его гуманизацию» [3]. Такое влияние обеспечивает подбор языковых средств, которые имеют не только психолингвистическую, но и когнитивную [4, с. 168], социолингвистическую [5, с. 79], прагматическую направленность [6, с. 48].

2. Языковые средства воздействия

Для определения особенностей использования языковых средств воздействия был проведен анализ 46 видеороликов социальной рекламы, появившихся на телевидении, в социальных сетях (ВКонтакте), видео-хостингах (Youtube.com), а также размещенных на сайте Стопкоронавирус.рф. Ролики социальной рекламы рассмотрены за период с мая 2020 года по март 2022 года. Выявленные средства можно разбить на три группы: прагматические, лексические и морфологические.

1. Прагматические средства

Для определения особенностей использования языковых средств воздействия был проведен анализ 46 текстов социальной рекламы, которая была представлена в виде роликов на телевидении, в социальных сетях и видео-хостингах.

А. Фактологическая обоснованность

В первое время пандемии (до появления вакцины) в текстах социальной рекламы часто приводятся статистические данные, которые призваны оказывать сильное влияние на реципиентов. Позже, во время вакцинации населения, в социальной рекламе стала использоваться положительная статистика – примером служат несколько рекламных роликов «Статистика – это я» [7] о привитых людях, которые легко перенесли заболевание или не заболели вообще. Это способ воздействия на реципиента через заверение адресата путем приведения статистических данных и реальных показателей [5], например: «По статистике всего лишь 5% тяжело перенесли заболевание. ... Статистика – это я!» [8] или «По статистике 99% людей переносят вакцину без тяжелых последствий» [9]. Таким образом, имеет место приём подтверждения фактами.

Б. Средства креолизации текста

Обращение, которое направлено к зрителю, подкреплено также визуальным дополнением фото- или видеорядом, практически в каждом социальном рекламном ролике озвучивались или показывались статистические цифры: какое ко-

личество знакомых может заразиться, какое количество людей умрёт; информацию сопровождала классическая минорная музыка – то есть использовалось аудиоатрибутирование. Необходимо отметить, что данный прием использовался и в нейтральных, и позитивных рекламных роликах. В качестве примера можно привести социальную рекламу об открытиях, которые можно сделать дома на самоизоляции, – побыть с семьей, пообщаться с детьми [10]. Данный ролик не имеет речевого сопровождения, но полностью аудиоатрибутирован, что позволяет расставить акценты на отдельных моментах видеоряда.

В. Эхо-фраза

Отличительной особенностью данной тактики являются повторы, направленные на сохранение того, с чем люди имеют дело ежедневно, в массовом сознании, а потом уже и концентрацию внимания на определенных понятиях. Достижения влиятельного эффекта происходит за счет избыточности – повтор усиливает экспрессивность и, соответственно, выполняет апеллятивную функцию и удерживает внимание реципиентов [6, с. 64]. Весьма интересным в этом плане выступает ролик с участием работников красной зоны, когда они говорят о необходимости вакцинироваться [11], – в финале ролика все его герои повторяют слово «Да!».

Г. Апелляция к авторитетам и принадлежности к группе

В данной группе можно выделить несколько вариантов: а) использование авторитетного мнения, б) влияние на реципиента через его социальную аффилиацию и в) доверие к профессионалам.

а) Ссылка на авторитет – также стратегия манипулирования, известная еще как «трансфер». Ее особенность основывается на ненавязчивом и, на первый взгляд, незаметном распространении известной или влиятельной личности [5, с. 83], на фиксированном поведении, вследствие чего возникает иллюзия, что тот, на кого ссылаются, согласен с адресатом. Примером этому может служить социальная реклама с Л. Рошалем, который, несомненно, является авторитетом среди известных российских врачей. В социальной рекламе он описывает свой опыт вакцинации: «Другого пути, как уйти от инфекции, как прививка, у нас с вами нет. Я сам пришёл к этому. У меня было достаточно много противопоказаний, и не только возраст. Зато я сегодня могу быть спокоен за свою жизнь. Прививайтесь, пожалуйста, прошу вас» [12]. Как всем известно, Леонид Рошаль является президентом Национальной медицинской палаты, его основная миссия заключается в выдаче рекомендаций и советов с про-

фессиональной точки зрения. Он не только служит образцом для реализации информационной стратегии (Я, У меня), но и объясняет преимущества вакцинации (стратегия оценивания – спокоен за свою жизнь), тем самым вызывая согласие общественности в реализации тактики – просьба (Прививайтесь, прошу вас).

б) Активизация психологических механизмов, ориентированных на желание человека принадлежать к определенному сообществу [13, с. 32]: например, рекламный ролик «Будь как Петя!» [14]. В нем говорится о том, как передается заболевание, как формируются цепочки инфицированных, а также о том, как личная безответственность может отразиться на других людях. Но герой ролика так не делает, «он умный», поэтому «будь как Петя». При этом комбинирование разноразрядных средств речи, таких как сравнение, определенный образ героя, призыв, позволяет правильно расставить смысловые акценты, способствуя незаметному воздействию на когнитивную, эмоциональную и поведенческую сферы жизнедеятельности адресата [15], создавая иллюзию самостоятельного принятия решений. Петя – серия картинок-мотиваторов про умного Петю, который не делает раздражающих вещей (стала распространяться в соцсетях в январе 2016 года). Такой фиксированный образ (умный) действует как стимул к подражанию.

в) В некоторых роликах роли первого плана – это врачи, медсестры, санитары. Например, это ролик, где медицинские работники разных возрастов и рангов указывают на то, что люди перестали соблюдать социальную дистанцию, носить маски [16]. Мы отступаем на второй план, и все, что нам надо делать, – быть сознательными и ответственными, хотим мы этого или нет. Позже, когда появилась вакцина, в качестве главных героев появились обычные люди, от которых вдруг зависит все, хотя они этого или нет. Например, это ролик «Вакцина помогает даже тем, кто сомневается» [17]. Хотя героем ролика является врач, всё же смысл его заключается в том, что с появлением вакцины всё зависит от человека.

II. Лексические средства

А. Языковая игра – преднамеренное нарушение системных отношений языка с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у слушателя / читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект [6, с. 65]. Примерами трансформированных паремий, которые психологически воздействуют на носителя языка, поскольку апеллируют к архетипическим

представлениям культууроформирующей дихотомии правильно -VS- ошибочно (опасно), выступают следующие: *На бога надейся, а руки помой!* (вместо *На Бога надейся – а сам не плошай*) или *Переболела – гуляй смело!* (вместо *Сделал дело – гуляй смело*).

Б. Неологизмы

С появлением пандемии коронавируса в лексиконе россиян появились новые, связанные с этой ситуацией слова (неологизмы) [18, с. 61]: *коронавирус, ковид, ковидный, локдаун, самоизоляция*. Данные слова, достаточно быстро ставшие общеупотребительными, не случайно введены и в рекламу. COVID-19 представляет собой аббревиатуру, образованную с помощью нескольких английских слов: «COronaVirus Disease или CO – корона, VI – вирус, а D – болезнь. 19 – это год начала эпидемии» [19, с. 980]. Данный неологизм является лексическим, образованным сложением начальных букв словосочетаний. Эти лексические конструкции часто смешиваются, и их основная функция состоит в том, чтобы привлечь внимание читателя или слушателя (непонимание-любопытство) и тем самым привести к последующему введению информации (побуждение).

Используя семантическую классификацию, предложенную М. Кронгаузом [20], можно представить способы образования слов по данной теме (см. табл. № 1)

Таблица 1

Тематические группы неологизмов, связанных с возникновением и распространением коронавирусной инфекции

Тематические группы неологизмов	Способы словообразования неологизмов	Примеры
неологизмы, производные от слова «ковид»	неологизмы, образованные суффиксальным способом.	<i>Ковидор</i> (ковид + коридор); <i>Ковидница</i> (ковид + больница); <i>Ковидиот</i> (ковид + идиот); <i>Ковидарность</i> (ковид + солидарность);
неологизмы, производные от слова «коронавирус»	неологизмы, образованные путем сложения основ без соединительной гласной	<i>Коронаскеттик</i> (коронавирус + скептик); <i>Коронойя</i> (коронавирус + паранойя); <i>Коронафобия</i>

		(коронавирус + фобия); <i>Коронаречь</i> (коронавирус + речь);
неологизмы, функционирующие в профессиональной речи	медицинские сокращения	<i>ПЦ</i> – полимеразная цепная реакция; <i>ИВЛ</i> – аппарат искусственной вентиляции лёгких;
неологизмы, обозначающие социальные процессы в обществе	неологизмы, образованные способом сложения основ с соединительной гласной.	<i>Самоизоляция</i> (сложение двух слов «сам» и «изоляция» с помощью соединительной гласной о); <i>Маскобесие</i> (от сочетания «маска» и «мракобесие» с помощью соединительной гласной о);
неологизмы, обозначающие группы людей	неологизмы, образованные путем сложения в сочетании с суффиксальным способом.	<i>Карантье</i> (карантин + рантье); <i>Суперспредер</i> или <i>суперраспространитель</i> (образовано от двух английских слов <i>super</i> – ‘супер’ и <i>spreader</i> – ‘распространитель’);
неологизмы, обозначающие предметы, связанные с заболеванием	Неологизмы, образованные путем сложения без соединительной гласной в сочетании с суффиксальным способом словообразования.	<i>Карантинка</i> – картинки о карантине, пересылаемые в социальных сетях. Образовалось с помощью сращения с наложением слов <i>карантин</i> и <i>картинка</i> .
неологизмы, относимые к табуированной лексике	Способом образования неологизмов являются сложение слов, сложение основ, сращение, аффиксация.	<i>Ковидла</i> – разговорное обозначение коронавируса. Образовано от слов <i>ковид</i> и <i>падла</i> . Преобладающими способами словообразования вышеприведен-

		ных неологизмов являются сложение и префиксация.
--	--	--

Опираясь на проведенный анализ неологизмов, связанных с коронавирусом, можно определить, что основные составляющие модели неологизмов связаны с корневыми компонентами названий болезней «ковид» и «коронавирус». Основными способами образования в рассматриваемой модели неологизмов являются сложение слов, сложение основ, сращение, суффиксация. Стоит отметить, что префиксы редко используются при образовании неологизмов, а большинство новых лексических словоформ образованы путем сращения с одновременным наложением корней слов: *ковидиот*, *ковидор*, *карантинка*.

В. Градация

Градация обозначает фигуру поэтической речи, в которой используются синтаксические повторы и такое расположение слов и выражений, что происходит нарастание смысловой значимости предшествующего слова или нисхождение смысла выражения. [18, с. 64]. Например, важность ношения масок подчеркивается градацией в социальной рекламе, связанной с COVID-19: «Защити себя – защити своих детей – защити будущее страны, надень маску!» [21] И в китайской рекламе: 人与人 家庭与家庭 省份与省份之间请保持距离 [22] – ‘Соблюдайте дистанцию от человека к человеку, от семьи к семье, от провинции к провинции’.

Г. Эпитет

Рекламодатели используют эпитеты для того, чтобы придать рекламируемому товару или предложению положительную оценку. Это и есть основная задача в социальной рекламе. Кроме того, в социальной рекламе обозначилась тенденция именования коронавируса «новым», например, на плакатах [23], а также в некоторых роликах [24]. Суггестивный потенциал использования слова *новый* (новая, новое, новые) имеет своей целью апеллирование к эмоциогенным зонам сознания, а в сочетании с общественно-политической лексикой происходит образование сенсоритмомелодийной континуальности речи [25, с. 175] (эпитеты должны заставлять увидеть картину будущего, почувствовать эмоции, они восполняют недостаток зрительного ряда в данном канале коммуникации, а также отсутствие прямого контакта с аудиторией), открывается доступ к подсознательным ресурсам.

Например: New virus = new life = new world, please protect your new self! [26] – ‘Новый вирус = новая жизнь = новый мир, пожалуйста, защитите

нового себя!» Здесь четыре употребления слова *новый* имеют разные значения: в первом случае имеется в виду «новый вид» вируса, во втором – «новое состояние» жизни, в третьем – «новая структура» мира и в последнем – «новый образ жизни» человека.

Д. Сленг

Интересным приемом также является использование разнообразных сленговых выражений, которые позволяют приблизить сообщение социальной рекламы к зрителю:

Коронавирус как босс среди вирусов. И его пора грохнуть! [27]

Слово *грохнуть* (бросить, уронить что-л. с сильным шумом, грохотом) напрямую объясняет негативный образ нового коронавируса и устоявшееся отношение общества к нему (недружественное).

или:

Тебе нравится тусить с друзьями! Коронавирус тоже любит тусоваться. Устрой ему облом! Общайся с друзьями онлайн [28].

Слова *тусить* и *облом* являются молодежным сленгом, которые сближают отношения с подростковой аудиторией. Использование лексического повтора (*тусить*, *тусоваться*) подчеркивает характеристики, присущие вирусным заражениям (*тусить с друзьями – коронавирус тусуется*), реализует речевую стратегию информирования через речевое средство – сравнение. При этом отношение к коронавирусу обозначается употреблением сленга *облом* (речевая стратегия – оценивание).

III. Морфологические средства

Активно в социальной рекламе о коронавирусе используется моделирование личности адресата. Как утверждает Р. Макки, «там, где раньше была реклама, сегодня должна быть эмпатия» [29, с. 201]. Так, в сетевом сообществе моделируется ситуация «автор и адресат – знакомые люди». Поэтому очевидно, что вербальный компонент, охватывая использование адресного компонента, выраженного личными (*вы, ты, мы*) и притяжательными (*твой, ваш, наши*)

местоимениями (*Если вы заболели – вот койки...; Если вы начнете задыхаться – этот прибор покажет, сколько осталось от вас их легких*) [30], создает иллюзию приближения предмета рекламы к адресату и выделения его среди других по принципу «только специально для тебя».

Другим средством, которое широко употребляется в социальной рекламе, является императивная форма глагола, с помощью которой передаются различные значения, указывая на возможность / невозможность действия, ее неизбежность и необходимость и тому подобное [6, с. 78]. Тексты, применяемые в ролике или размещенные на баннере, носят рекомендательный характер: *надевайте маску, правильно надевайте маску при выходе на улицу, надевайте медицинскую хирургическую маску, откройте окна, проветривайте помещение, не собирайтесь вместе, не посещайте общественные места, в частности, торговые центры, театры, цирки, вокзалы и т. д.* Например, ролик: «Оставайся дома!» [31]. Побудительные предложения больше всего способствуют привлечению людей к определенному действию [5, с. 84]. Такой вид призыва к действиям не воспринимается как навязывание мнения, поскольку он базируется на качествах и нормах, с которыми потенциальный адресат соглашается. Это скорее инструкции, подразумевающие благоприятное следствие. Побудительные конструкции с императивом в социальной рекламе служат для выражения совета, предостережения, предупреждения, инструкции и запрета.

В таких сообщениях широко применяется модальный глагол *мочь*, например: *Теперь вместе мы сможем победить!* [32] или *Оставайтесь дома! Это помогает спасти жизни!* [33]. Он влияет на преодоление неуверенности у адресата, напоминает о способности действовать.

3. Выводы

В результате анализа текстов социальной рекламы о коронавирусной инфекции можно сделать следующие выводы (см. табл. №2):

Таблица 2

Средства, используемые в социальной рекламе о коронавирусной инфекции

Время	Вид	Лексические средства		Прагмалингвистические средства		Морфологические средства	
		Способы образования	% в выборке	Вид	% в выборке	Вид	% в выборке
Период до разработки вакцины от	Языковая игра		50,0	Фактологическая обоснованность	5,0	Неопределенная форма глагола	45,0

коронавируса	Неологизмы		50,0	Средства креолизации текста	30,0	Императивная форма глагола в побудительных предложениях	55,0
	Градация		5,0	Эхо-фраза	0,0	Модальный глагол <i>мочь</i>	5,0
	Эпитет		40,0	Апелляция к авторитетам и принадлежности к группе	5,0		
	Сленг		3,5				
Период массовой вакцинации от коронавируса (январь 2021 – текущий период)	Языковая игра		42,3	Фактологическая обоснованность	15,4	Неопределенная форма глагола	38,5
	Неологизмы	сложение слов	34,6	Средства креолизации текста	11,5	Императивная форма глагола в побудительных предложениях	61,5
		сложение основ					
		сращение					
		аффиксация					
	Градация		4,7	Эхо-фраза	7,7	Модальный глагол <i>мочь</i>	10,0
	Эпитет		30,0	Апелляция к авторитетам и принадлежности к группе	19,2		
Сленг		1,7					

По сравнению с данными двух периодов применение прагмалингвистических средств претерпело большие изменения. Например, средство «эхо-фраза» стало использоваться в социальных рекламах (рост доли с 0% до 7,7%); использование «фактологической обоснованности» увеличилось на 15,4%; частота использования «апелляции к полномочиям и принадлежностям к группе» также значительно увеличилось (с 5,0% до 19,2%). Это связано с тем, что изменились цели социальной рекламы (не соблюдать самоизоляцию, а вакцинироваться), а также поменялись условия, в которых реализуется социальная реклама. Таким образом, произошли изменения используемых лингвистических средств. Стоит отметить, что использование императивной формы глагола в побудительных предложениях является наиболее активным морфологическим средством при построении адресации социальной рекламы о COVID-19 вне зависимости от периода пандемии. Это связано с самой основной целью социальной рекламы – побудить людей делать / не делать что-то в личных интересах и в интересах социума.

Список источников

1. Федеральный закон «О рекламе» от 13.03.2006 N 38-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (дата обращения: 11.03.2022)

2. Аржанов Н. П., Пирогова Т. А. История отечественной рекламы // Галерея рекламной классики. М.; Харьков: Студцентр, 2004. 304 с.

3. Николайшвили Г. Социальная реклама как технология влияния в публичной политике // Социальная реклама. ru. URL: http://www.socreklama.ru/analytics/list.php?ELEMENT_ID=4989&SECTION_ID=107 (дата обращения: 22.03.2022)

4. Фернхэм А. Реклама: вклад прикладной когнитивной психологии // Прикладная когнитивная психология. 2019. М.: Изд. Когнитивная наука, Т. 33. № 2. С. 168–175.

5. Воеводина Е. В., Морковкина А. А. Коммуникативные характеристики социальной рекламы и ее влияние на поведение молодежи: социалингвистическое исследование // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2022. Т. 11. № 1. С. 79–86.

6. Кожина М. Н. Классификация и внутренняя дифференциация функциональных стилей // под ред. Кожиной М. Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Z]. М.: Изд. Флинта Наука, 2011. С.147.

7. Мифы о вакцинации. Как протекает COVID-19 после вакцинации. [видеоролик] // YouTube-канал «Стопкоронавирус.рф». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Jmcyiw7AMAc> (дата обращения: 12.03.2022)

8. Мифы о вакцинации. Статистика это я! [видеоролик] // YouTube-канал Стопкоронавирус.рф. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Jmcyiw7AMAc> (дата обращения: 12.03.2022)

9. Мифы о вакцинации. Опасные побочные эффекты [видеоролик] // YouTube-канал «Стопкоронавирус.рф». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NzkCSHgXtoo> (дата обращения: 12.03.2022)
10. Спасибо, что остались дома! [видеоролик] // YouTube-канал «Стопкоронавирус.рф». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jcJt9hk450Q> (дата обращения: 20.03.2022)
11. Стоит ли делать прививку? [видеоролик] // YouTube-канал «Стопкоронавирус.рф». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nDjJhUT4aeY> (дата обращения: 12.03.2022)
12. Вакцинация. Личный опыт. Леонид Рошаль. [видеоролик] // YouTube-канал «Стопкоронавирус.рф». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fmJ7bNUjbPc> (дата обращения: 25.03.2022)
13. Лошаков В. В. Социальная реклама в деятельности государственных структур // Аспирант. 2018. №. 1. С. 30–33.
14. Будь как Петя! [видеоролик] // YouTube-канал «Стопкоронавирус.рф». URL: https://www.youtube.com/watch?v=iLqVMrG8RRA_ (дата обращения: 12.03.2022)
15. Медведева Е. В. Рекламная коммуникация. М.: Едиториал УРСС, 2003. 280 с.
16. Стоит ли делать прививку? [видеоролик] // YouTube-канал «Стопкоронавирус.рф». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nDjJhUT4aeY> (дата обращения: 12.03.2022)
17. Вакцина помогает даже тем, кто сомневается. [видеоролик] // YouTube-канал «Стопкоронавирус.рф». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qVB6gI4O2JU> (дата обращения: 12.03.2022)
18. Потанчук Е. Ю., Лабзина Ю. Е., Маркова М. А., Мамаева Д. М. Специфика социальной рекламы в условиях пандемии COVID-19: международный контекст // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 8. С. 59–67.
19. Колмакова В. В., Нерода Е. В. Структура – семантические особенности неологизмов, вызванных распространением коронавирусной инфекции // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. 2021. Вып. 5. С. 978–986.
20. Кронгауз М. А. Слово за слово. О языке и не только. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 480 с.
21. Русская социальная реклама, связанная с COVID-19 // «Центр развития ребенка – детский сад № 2». URL: <http://2detsad.ru/news/v-detskom-saduproshla-akciya-zashhiti-sebya-naden-masku/> (дата обращения: 12.03.2022)
22. Китайская социальная реклама о коронавирусе: Соблюдайте социальную дистанцию, чтобы повысить осведомленность о профилактике заболеваний // SOHU. URL: https://www.sohu.com/a/452056406_100211283 (дата обращения: 12.03.2022)
23. Профилактика новой коронавирусной инфекции в организациях // Волгоградская областная детская клиническая больница (ГБУЗ «ВОДКБ»). URL: <http://водкб34.рф/news/профилактика-новой-коронавирусной-и/> (дата обращения: 12.03.2022)
24. Профилактика коронавирусной инфекции [видеоролик] // YouTube-канал «Стопкоронавирус.рф». URL: <https://www.youtube.com/watch?app=desktop&v=d2Sbr3P2u3A> (дата обращения: 12.03.2022)
25. Коэн А. С., Дроми С. М. Рекламная мораль: Сохранение морального достоинства в стигматизированной профессии // Теория и общество. 2018. Т. 47. №. 2. С. 175–206.
26. Рекомендации для населения: Коронавирусная болезнь (COVID-19) // Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). URL: <https://www.who.int/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public> (дата обращения: 12.03.2022)
27. Боишься вирусов – правильно делаешь! [видеоролик] // YouTube-канал «Стопкоронавирус.рф». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PTRUSj6vlig> (дата обращения: 12.03.2022)
28. Профилактика COVID-19 у подростков [видеоролик] // YouTube-канал «Стопкоронавирус.рф». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mmlPatDcAt8> (дата обращения: 24.03.2022)
29. Макки Р. Сториномика: маркетинг, основанный на историях, в пострекламном мире / Роберт Макки; пер. И. Евстигнеева. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 278 с.
30. Не платите жизнью за экскурсию по больнице [видеоролик] // YouTube-канал «Стопкоронавирус.рф». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BOBtJvc1O1g> (дата обращения: 12.03.2022)
31. Спасибо, что оставались дома! [видеоролик] // YouTube-канал «Стопкоронавирус.рф». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jcJt9hk450Q> (дата обращения: 15.03.2022)
32. Вакцинация поможет. Оружие в борьбе с коронавирусом [видеоролик] // YouTube-канал «Стопкоронавирус.рф». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dwgfрHYeVpo> (дата обращения: 25.03.2022)
33. Оставайтесь дома – это помогает спасти жизни [видеоролик] // YouTube-канал «Стопкоронавирус.рф». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ww45vjJvfi> (дата обращения: 12.03.2022).

References

1. *Federal'nyi zakon "O reklame" ot 13.03.2006 N 38-FZ (poslednyaya redaktsiya)* [Federal Law "On Advertising" dated March 13, 2006 N 38-FZ (last edition)]. Konsul'tantPlyus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (accessed: 11.22.2022). (In Russian)
2. Arzhanov, N. P., Pirogova, T. A. (2004). *Istoriya otechestvennoi reklamy* [History of Russian Advertising]. Galereya reklamnoi klassiki. 304 p. Moscow. Khar'kov, Studtsentr. (In Russian)
3. Nikolayshvili, G. *Sotsial'naya reklama kak tekhnologiya vliyaniya v publichnoi politike* [Social Advertising as a Technology of Influence in Public Policy]. Sotsial'naya reklama. ru. URL: http://www.socreklama.ru/analytics/list.php?ELEMENT_ID=4989&SECTION_ID=107 (accessed: 22.03.2022). (In Russian)
4. Furnham, A. (2019). *Reklama: vklad prikladnoi kognitivnoi psikhologii* [Advertising: The Contribution of

- Applied Cognitive Psychology]. *Prikladnaya kognitivnaya psikhologiya*. T. 33. No. 2, pp. 168–175. Moscow. Izd. Kognitivnaya nauka. (In Russian)
5. Voevodina, E. V., Morkovkina, A. A. (2022). *Kommunikativnye kharakteristiki sotsial'noi reklamy i ee vliyaniye na povedeniye molodozhi: sotsiolingvisticheskoe issledovanie* [Communicative Characteristics of Social Advertising and Its Impact on Youth Behavior: A Sociolinguistic Study]. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki*. T. 11. No. 1, pp. 79–86. (In Russian)
 6. Kozhina, M. N. (2011). *Klassifikatsiya i vnutrennyaya differentsiatsiya funktsional'nykh stiley* [Classification and Internal Differentiation of Functional Styles]. Pod red. M. N. Kozhina. *Stilisticheskii entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka (Z)*. 147 p. Moscow, Flint, Nauka. (In Russian)
 7. *Mify o vaktsinatsii. Kak protekayet COVID-19 posle vaktsinatsii (videorolik)* [Myths about Vaccination. How Does COVID-19 Progress after Vaccination? (video)]. YouTube-kanal “Stopkoronavirus.rf”. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Jmcyiw7AMAc> (accessed: 12.03.2022). (In Russian)
 8. *Mify o vaktsinatsii. Statistika eto ya! (videorolik)* [Myths about Vaccination. Statistics Is Me! (video)]. YouTube-kanal. “Stopkoronavirus.rf.” URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Jmcyiw7AMAc> (accessed: 12.03.2022). (In Russian)
 9. *Mify o vaktsinatsii. Opasnyye pobochnyye efekty (videorolik)* [Myths about Vaccination. Dangerous Side Effects (video)]. YouTube-kanal. “Stopkoronavirus.rf.” URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NzkCSHgXtoo> (accessed: 12.03.2022). (In Russian)
 10. *Spasibo, chto ostalis' doma! (videorolik)* [Thank You for Staying at Home! (video)]. YouTube-kanal. “Stopkoronavirus.rf.” URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jcJt9hk450Q> (accessed: 20.03.2022). (In Russian)
 11. *Stoit li delat' privivku? (videorolik)* [Should I Get Vaccinated? (video)]. YouTube-kanal. “Stopkoronavirus.rf.” URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nDjJhUT4aeY> (accessed: 03.12.2022). (In Russian)
 12. *Vaktsinatsiya. Lichnyi opyt. Leonid Roshal' (videorolik)* [Vaccination. Personal Experience. Leonid Roshal (video)]. YouTube-kanal. “Stopkoronavirus.rf.” URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fmJ7bNUjbPc> (accessed: 25.03.2022). (In Russian)
 13. Loshakov, V. V. (2018). *Sotsial'naya reklama v deyatel'nosti gosudarstvennykh struktur* [Social Advertising in the Activities of State Structures]. *Aspirant*. No. 1, pp. 30–33. (In Russian)
 14. *Bud' kak Petya! (videorolik)* [Be Like Petya! (video)]. YouTube-kanal. “Stopkoronavirus.rf.” URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iLqVMrG8RRA> (accessed: 12.03.2022). (In Russian)
 15. Medvedeva, E. V. (2003). *Reklamnaya kommunikatsiya* [Advertising Communication]. 280 p. Moscow, Editorial URSS. (In Russian)
 16. *Stoit li delat' privivku? (videorolik)* [Should I Get Vaccinated? (video)]. YouTube-kanal. “Stopkoronavirus.rf.” URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nDjJhUT4aeY> (accessed: 12.03.2022). (In Russian)
 17. *Vaktsina pomogayet dazhe tem, kto somnevayetsya* [The Vaccine Helps Even Those Who Doubt (video)]. YouTube-kanal. “Stopkoronavirus.rf.” URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qVB6gI4O2JU> (accessed: 03.12.2022). (In Russian)
 18. Potapchuk, E. Yu., Labzina, Yu. E., Markova, M. A., Mamaeva, D. M. (2021). *Spetsifika sotsial'noi reklamy v usloviyakh pandemii COVID-19: mezhdunarodnyi kontekst* [Specificity of Social Advertising in the Context of the COVID-19 Pandemic: International Context]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. No. 8, pp. 59–67. (In Russian)
 19. Kolmakova, V. V., Neroda, E. V. (2021). *Struktura – semanticheskie osobennosti neologizmov, vyzvannykh rasprostraneniym koronavirusnoi infektsii* [Structure - Semantic Features of Neologisms Caused by the Spread of Coronavirus Infection]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya istoriya i filologiya*. Issue 5, pp. 978–986. (In Russian)
 20. Krongauz, M. A. (2015). *Slovo za slovo. O yazyke i ne tol'ko* [One Word after Another. About the Language and Not Only]. 480 p. Moscow, Izdatel'skii dom “Delo” RANKhiGS. (In Russian)
 21. *Russkaya sotsial'naya reklama, svyazannaya s COVID-19* [Russian Social Advertising Related to COVID-19]. “Tsentr razvitiya rebenka — detskiy sad No. 2”. URL: <http://2detsad.ru/news/v-detskom-sadu-proshla-akciya-zashhiti-sebya-naden-masku/> (accessed: 12.03.2022). (In Russian)
 22. *Kitayskaya sotsial'naya reklama o koronaviruse: Soblyudayte sotsial'nuyu distantsiyu, chtoby povysit' osvedomlennost' o profilaktike zabolevanii* [Chinese PSA about Coronavirus: Maintain Social Distance to Raise Disease Prevention Awareness]. SOHU. URL: https://www.sohu.com/a/452056406_100211283 (accessed: 12.03.2022). (In Russian)
 23. *Profilaktika novoi koronavirusnoi infektsii v organizatsiyakh* [Prevention of a New Coronavirus Infection in Organizations]. *Volgogradskaya oblastnaya detskaya klinicheskaya bol'nitsa (GBUZ “VODKB”)*. URL: <http://vodkb34.rf/news/prevention-of-new-coronavirus-i/> (accessed: 12.03.2022). (In Russian)
 24. *Profilaktika koronavirusnoy infektsii (videorolik)* [Prevention of Coronavirus Infection (video)]. YouTube-kanal. “Stopkoronavirus.rf.” URL: <https://www.youtube.com/watch?app=desktop&v=d2Sbr3P2u3A> (accessed: 12.03.2022). (In Russian)
 25. Cohen, A. S., Dromi, S. M. (2018). *Reklamnaya moral': Sokhranenie moral'nogo dostoinstva v stigmatizirovannoi professii* [Advertising Morality: Preservation of Moral Dignity in a Stigmatized Profession]. *Teoriya i obshchestvo*. T. 47. No. 2, pp. 175–206. (In Russian)
 26. *Rekomendatsii dlya naseleniya: Koronavirusnaya bolezni' (COVID-19). Vsemirnaya organizatsiya zdavoookhraneniya (VOZ)* [Recommendations for the Public: Coronavirus Disease (COVID-19). World Health Organization (WHO)]. URL: <https://www.who.int/emergencies/diseases/novel->

- coronavirus-2019/advice-for-public (accessed: 12.03.2022). (In Russian)
27. *Boish'sya virusov – pravil'no delayesh'!* (videorolik) [If You Are Afraid of Viruses, You Are Doing the Right Thing! (video)]. YouTube-kanal. "Stopkoronavirus.rf." URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PTRUSj6vlig> (accessed: 12.03.2022). (In Russian)
28. *Profilaktika COVID-19 u podrostkov* [Prevention of COVID-19 in Adolescents (video)]. YouTube channel "Stopkoronavirus.rf". URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mmlPatDcAt8> (accessed: 24.03.2022). (In Russian)
29. McKee, R. (2019). *Storinomika: marketing, osnovannuyu na istoriyakh, v postreklamnom mire* [Storynomics: Story-Based Marketing in the Post-Advertising World]. Robert Makki; per. I. Yevstigneyeva. 278 p. Moscow, Alpina non-fiktshn. (In Russian)
30. *Ne platite zhizn'yu za ekskursiyu po bol'nitse* (videorolik) [Do Not Pay with Your Life for a Tour of the Hospital (video)]. YouTube-kanal. "Stopkoronavirus.rf." URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BOBtJvc1O1g> (accessed: 12.03.2022). (In Russian)
31. *Spasibo, chto ostavalis' doma!* (videorolik) [Thank You for Staying at Home! (video)]. YouTube-kanal. "Stopkoronavirus.rf." URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jcJt9hk450Q> (accessed: 15.03.2022). (In Russian)
32. *Vaktsinatsiya pomozhet. Oruzhiye v bor'be s koronavirusom* (videorolik) [Vaccination Will Help. Weapons in the Fight against Coronavirus (video)]. YouTube-kanal. "Stopkoronavirus.rf." URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dwgfPHYeVpo> (accessed: 25.03.2022). (In Russian)
33. *Ostavaytes' doma – eto pomogayet spasat' zhizni* (videorolik) [Stay at Home - It Helps to Save Lives (video)]. YouTube-kanal. "Stopkoronavirus.rf." URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-ww45vjJvfl> (accessed: 12.03.2022). (In Russian)

The article was submitted on 25.01.2023

Поступила в редакцию 25.01.2023

Ли Хайнин,
аспирант,
Санкт-Петербургский государственный
университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7–9–11В.
st082603@student.spbu.ru

Li Haining,
graduate student,
Saint Petersburg State University,
7–9–11В Universitetskaya Emb.,
St. Petersburg, 199034, Russian Federation.
st082603@student.spbu.ru

УДК 81-119

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-44-52

ВЫЯВЛЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ СТРАНЫ ПОСРЕДСТВОМ ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОЙ КОРПОРАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ

© Лариса Манерко, Лю Минсюань

IDENTIFYING CONCEPTUAL FEATURES OF THE COUNTRY THROUGH PURPOSEFUL CORPORATE METAPHOR

Larissa Manerko, Liu Mingxuan

The article deals with the issue of rethinking the image of the state with the help of the anthropomorphic metaphor COUNTRY IS A PERSON. Taking into account the anthropocentric paradigm of linguistic knowledge, we believe that in the process of their nomination and characterization in the language, objects, surrounding a person, become similar to a native speaker. The experiment was carried out in the form of a survey, in which respondents described Russia through a metaphor with the HUMAN source sphere. 100 people took part in the survey: 70 respondents aged from 18 to 40 and 30 above the age of 40. The proposed method of analyzing anthropomorphic metaphorical modelling of the country image has shown its applicability for identifying the essential attitude characteristics towards the country. Seven cognitive features were identified: a strong-willed character, conservatism, desire to help, militancy, changeability, coldness and patience, which demonstrate a certain level of variability both within the cognitive framework itself and their dependence on the age of the respondents. In particular, we suggest that the most significant feature should be a stronger manifestation of the conceptual sphere “unfriendliness” among the responses of younger respondents, and a more obvious manifestation of the feature “strong-willed character” among the older generation.

Keywords: anthropomorphic metaphor, country image, body part, corporal metaphor, cognitive attribute, cognitive frame

В статье рассматривается вопрос переосмысления образа государства при помощи антропоморфной метафоры СТРАНА – это ЧЕЛОВЕК. На основе антропоцентрической парадигмы лингвистического знания, автор полагает, что объекты, окружающие человека, в процессе их номинации и характеристики в языке приобретают сходство с носителем языка. На этом основании проведен эксперимент в форме свободного опроса с запросом, где респонденты описывают Россию посредством метафоры со сферой-источником ЧЕЛОВЕК. Всего в опросе приняло участие 100 человек: 70 в возрасте от 18 до 40 лет и 30 в возрасте старше 40 лет. Предложенная методика анализа антропоморфного метафорического моделирования образа страны показала свою применимость для выявления существенных характеристик отношения людей к стране. Были выявлены 7 когнитивных признаков: волевой характер, консерватизм, стремление прийти на помощь, воинственность, переменчивость, неприветливость и терпеливость, которые демонстрируют определенный уровень вариативности как внутри самого когнитивного фрейма, так и в зависимости от возраста респондентов. В частности, наиболее значимым представляется проявление концептуального признака «неприветливость» среди ответов более молодых респондентов, и более явное проявление признака «волевой характер» среди представителей старшего поколения.

Ключевые слова: антропоморфная метафора, образ страны, корпоральная метафора, когнитивный признак, когнитивный фрейм

Для цитирования: Манерко Л.А., Лю Минсюань. Выявление концептуальных признаков страны посредством целенаправленной корпоральной метафоры // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №1 (71). С. 44–52. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-44-52

Введение

Антропоцентрическая парадигма лингвистического знания заключается в признании того, что окружающая человека действительность, включающая физические характеристики мира и его духовные основы, осознается человеком как носителем языковой картины мира при сравнении с самим собой.

Именно поворот в сторону антропоцентризма позволил рассматривать триединство человека, языка и культуры как взаимосвязанное целое [1, с. 16]; [2, с. 59]. По мнению Е. С. Кубряковой, понимание «антропологического феномена» происходит в тесной связи с рассмотрением языковых явлений через соотношение «язык и человек», при этом «антропоцентрический принцип» определяется такими сущностными аспектами, как «язык и духовная активность человека; язык, мышление и сознание человека; язык и физиология человека; язык и культура; язык и коммуникация; язык и ценности человека» [3, с. 214].

Представляется, что антропоцентризм является универсальным свойством мышления человека, репрезентированного посредством языка, однако человек подвержен влиянию национальной картины мира, а конкретные аспекты проявления антропоцентризма в рамках языковых категорий обусловлены контекстом определенной культуры. Понятие культуры представляет собой сложное явление, динамическую сущность, которая включает самого человека с его мыслительно-деятельностными характеристиками.

Антропоцентрический подход в языке «проявляется также через субъективность сознания его носителя, проецирующего на язык особенности своего организма, специфику ассоциативного механизма», при этом выбор ракурса изучения того или иного отрезка реальной действительности напрямую опирается на культурную принадлежность и многие другие экстралингвистические факторы, появляющиеся в коммуникации [4, с. 54]. По мнению А. В. Кравченко, «точкой отсчета и мерой всего является человек» [5, с. 94]. Антропоморфизм как один из принципов когнитивно-дискурсивной парадигмы языкового знания становится отправной точкой множества прикладных исследований, в том числе, например, при изучении специальных дискурсов [6], [7].

При этом безусловной характеристикой является социальность жизни и деятельность человека, организующегося в общественные группы, обладающие территориальными и национальными характеристиками, что привело к появлению государственных образований.

Данное исследование направлено на выявление антропоцентрических особенностей и репрезентации образа государства в сознании носителей русской лингвокультуры. Этот образ осуществляется посредством метафорической модели «СТРАНА – это ЧЕЛОВЕК». В качестве предмета нашего исследования выступает совокупность антропоморфных концептуальных признаков государства (страны) в рамках анализируемой метафоры.

Данная цель предполагает теоретическое рассмотрение антропоморфной метафоры, разработку процедуры лингвистического эксперимента с постановкой задачи по порождению целенаправленной корпоральной метафоры в речи участников эксперимента, анализ полученных результатов и идентификацию основных признаков антропоморфного восприятия России носителями русского языка.

Обзор научной литературы

Образ страны и родины представлена антропоморфной мифологемой во многих лингвокультурах: *Родина-мать*, *Отечество*, *Fatherland*, *Motherland*. Осмысление государственного устройства через призму родственных отношений в семье является важной константой китайской политической традиции, предопределенной еще Конфуцием, который «уподоблял государство живому организму. Государство... должно напоминать большую семью, где правитель, как отец, заботится о подданных, а подданные почитают его и любят друг друга, как братья» [8, с. 108].

С лингвистической точки зрения антропоморфизм рассматривался в ряде работ авторов, в которых показывались особенности метафоры и, в частности, антропоморфной метафорической модели. А. П. Чудинов, описывая метафоры в политической картине мира, где сферой-источником выступают лексемы, относящиеся к концептуальной сфере ЧЕЛОВЕК, отмечает, что подобная модель действительности является полностью антропоцентрической. При этом ученый указывает: «как Бог создал человека по своему образу, так и человек метафорически создает (концептуализирует) политическую действительность в виде некоего подобия своего тела и составляющих его органов, своих физиологических и иных действий и потребностей, своих генетических и иных связей с собственными родственниками» [9, с. 77].

В этом свете концептуальные представления о государстве как о человеке, прежде всего как о «матери» или об «отце», кажутся универсальными, а концептуальные метафоры «СТРАНА – это ЧЕЛОВЕК», «ГОСУДАРСТВО – это ТЕЛО» мо-

гут определяться как базовые с минимальными культурно-специфическими отличиями. Однако исследования, проведенные на материале разных языков в последние годы, показывают, что универсальность тела человека как сферы-источника не обязательно свидетельствует об универсальности всей метафорической модели.

Например, широко известны исследования А. Музольфа, который рассматривает метафору «ТЕЛО – это СТРАНА» для представления разных государств [10, с. 215]. Проект по рассмотрению осмысления своей страны через части тела А. Музольф начал с эксперимента, который предполагал интерпретацию концептуальной метафоры «НАЦИЯ – это ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА» респондентами из разных стран. Исследование А. Музольфа было сосредоточено на изучении межкультурных вариаций метафорического представления страны в образе тела человека.

Изначально получившиеся обширные вариации в интерпретации предложенной метафоры не предугадывались из теоретических предпосылок классической теории концептуальной метафоры. Автор указывает, что некоторые из информантов обращали особое внимание на метафоричность и при этом развивали свои собственные вариации метафоры «на основе своего культурно-исторического опыта с целью усиления прагматического эффекта» [Там же, с. 212]. Например, носители китайской лингвокультуры в основном опирались на использование географии страны в качестве сферы-цели, а для жителей Европы важным оказывалась такая черта, как государственное устройство, при этом представители США в качестве сферы-цели использовали разный национальный состав своего государства. Ученый также попытался сравнить имплицатуры метафорической модели, которые представлены в английском, турецком, греческом и венгерском языках [11, с. 118].

Ученый уверен, что вариации метафоры «НАЦИЯ – это ЧЕЛОВЕК» опирается на межкультурные прагматические основы. Наблюдаемые модели вариаций могут быть связаны с культурно-специфическими дискурсивными традициями и тенденциями в мышлении и высказываниях о своей нации. В то время как общая метафора «НАЦИЯ как ТЕЛО», по-видимому, основана на универсальном опыте человека и универсальном фрейме, культурно-специфические особенности, связанные с прагматикой, лучше всего отражаются на уровне концептуальных сценариев (ВСЕГО ТЕЛА, ГЕОТЕЛО, ЧАСТИ ТЕЛА, ЧАСТИ ЭГО, ХАРАКТЕР) [12, с. 22].

Метафорическая модель «СТРАНА – это ОРГАНИЗМ» также была изучена в исследова-

нии В. А. Бабкиной. Автор опирается на фрейм-словотворную модель в процессе анализа метафор и выявляет особенности метафорического образа России в немецких СМИ. Исследователь пришла к выводу о том, что образ России как единого биологического организма «способствует упрощению восприятия таких сложных для описания явлений, как внутреннее устройство и развитие России, оценка внешнеполитического курса страны, ее взаимодействие с другими акторами на международной арене, эффективность / неэффективность антироссийской санкционной политики» [13, с. 16].

В нашем предыдущем исследовании была проанализирована метафорическая репрезентация КИТАЯ через сферу-источник ЧЕЛОВЕК. Мы выявили, что образы человека, используемые для описания страны, во многом иконичны и взяты из известных описаний людей (*волевой и решительный мужчина* и *мягкая заботливая женщина*). При этом наиболее значимыми характеристиками Китая явились решительность, воля, твердость (спина, глаза), кротость, мягкость, доброта (рот, глаза) и развитость, трудолюбие (ноги, руки). Подобное представление во многом отражает видение населением своей страны во внешней и внутренней политике и отражает основные характеристики китайской нации [14, с. 102].

Материал и методы исследования

В данной работе на основании исследования А. Музольфа [12, с. 6] мы попытались провести анализ корпоральных фреймов, характерных для концептуализации образа России в русской лингвокультуре. В качестве основного метода нами был использован опрос с пожеланием применить в ответе метафору «СТРАНА – это ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА», что позволяет выявлять вариации предложенной метафоры в их культурной обусловленности.

Однако, как известно, существует два измерения культурной вариации метафор: интеркультурное и интракультурное [15, с. 115], [16, с. 36].

В нашей работе мы будем опираться на интракультурное измерение и проанализируем вариативность метафоры «СТРАНА – это ЧЕЛОВЕК» среди представителей русской лингвокультуры.

Формулировка нашего опроса была таковой: «Представьте, что Россия – это человек. Какого этот человек пола? Опишите его внешность и характер. С чем соотносятся разные части тела человека-России?». Вопрос об определении «пола страны» позволяет выявить влияние морфологи-

ческих признаков рода на концептуальное осмысление страны.

Всего в опросе приняло участие 100 человек: 70 в возрасте от 18 до 40 лет и 30 в возрасте старше 40 лет. Подобное разделение по возрастам позволяет сопоставить внутрикультурную вариативность концептуальной метафоры, так как люди старше 40 формировались в совершенно других социально-экономических условиях, что может сказаться на их восприятии России. Пол отвечающих на вопрос анкеты при анализе результатов не принимался во внимание, однако укажем, что 55% респондентов – это женщины, 45% – это мужчины.

Ответы, полученные на анкету с вопросом, явились материалом настоящего исследования.

Результаты исследования

В результате анализа ответов респондентов была выявлена высокая степень вариативности в использовании соматизмов для переосмысления образа страны как человека (см. рис. 1). Одним из первых следует уделить внимание полученным результатам по выделению «гендерной принадлежности» России.

1. «Пол» страны является основным аспектом, который нас интересовал.

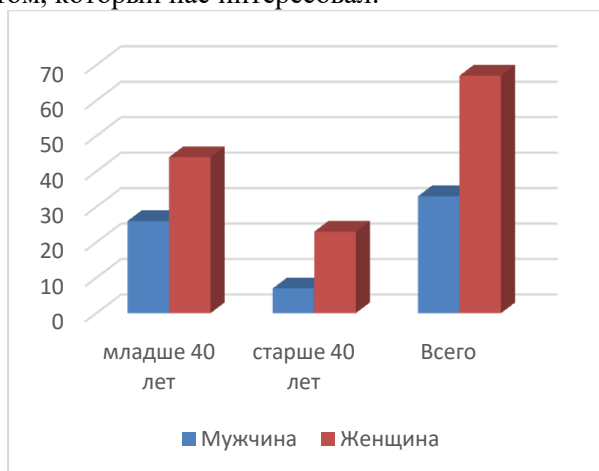

Рис. 1. Результаты опроса участников по определению образа России

По результатам анализа (рис.1) мы можем наблюдать, что большинство участвующих в опросе указывают на доминирующее восприятие России в образе женщины (67%), что во многом соотносится с высоким уровнем «феминности» культуры России. Эти параметры культурных измерений были предложены Г. Хофстеде, который выделил шесть основных пунктов [17, с. 380], куда также относятся дистанцированность от власти, мужественность, избегание неопределенности и стратегическое мышление.

При этом интересно, как нам кажется, то, что респонденты младше 40 лет (37%) представляли Россию в образе мужчины, а те участники опроса, кому больше 40 лет, соотнесли Россию с женщиной только в 23%. То есть большее количество молодых людей соотносит Россию не с женщиной. Это объясняется, вероятно, усилением роли мужчины как защитника отечества, в решении им политических и экономических вопросов в государстве, основанной на известной идеологии «Родина-мать». Граждане России младше 40 лет несколько по-другому представляют концептуальный образ своей страны.

Образ страны в виде женщины чаще всего соотносится с силой, терпением и волевым характером. Например: *Сильная женщина, которая умеет вовремя адаптироваться в любой ситуации; Неприхотливая терпеливая девушка, не сказать, что красавица, но что-то в ней есть манящее, привлекательное, кто-то посмотрит на неё и попытается отвернуть взгляд, а кто-то влюбится раз и навсегда и останется с ней рядом.* Кроме того, информанты отмечали, что ей не чужд ручной тяжёлый труд, об этом можно судить по её крепкому телосложению; *Женщина кажется доброй и дружелюбной, но при этом имеет стержень, который невозможно сломать.* В некоторых высказываниях содержатся прецедентные высказывания, которые опираются на известные литературные произведения.

Отметим, что именно коннотации, связанные с трудолюбием, доминировали в ответах респондентов старше 40 лет.

Образ России как женщины также соотносится с внешней красотой, которая отражает национально-культурные стереотипы. Среди ответов встречаются следующие фразы: *Красивая женщина с длинными русыми волосами, голубыми глазами, с добрым улыбающимся лицом; Это сильная, красивая, здоровая женщина высокого роста. На ней надет красный сарафан и кокошник; Мне она напоминает Маргарет Тетчер, только МТ ассоциируется с серой цветовой гаммой, а Россия разноцветная, яркая; Голубые глаза, блондинка, не худая и не толстая, с формами; Если представлять Россию исходя из национальных особенностей, то мне на ум первое приходит образ молодой девушки в фольклорной одежде с венком на голове, с хлебом и солью в руках; Россия – это женщина в русском сарафане и кокошнике, с веснушками и глубокого синего цвета глазами, немного смуглой кожей, обязательно с кувшином молока в руке.* В ответах мы видим, что на концептуализацию внешнего образа России во многом наложил отпечаток лу-

бочный стиль русского искусства, картины русских живописцев и особенности традиционного национального костюма. Следует отметить, что такой образ России-женщины доминировал среди респондентов младше 40 лет.

Нельзя не отметить, что весьма частотным было упоминание о переменчивости характера России-женщины: *Высокого роста, темные волосы, голубые глаза, стройная, но очень требовательная по характеру и весьма изменчива в настроении; Щедрая, умная, «с характером»; Это сильная, полная женщина с румяным круглым лицом и длинными косами. Характер горячий, руководит скорее эмоциями, чем разумом.*

Подобная характеристика наверняка связана с историческим развитием России, полным оборонительных войн. Этот факт также отражается в мужественности, готовности постоять за себя и дать отпор врагу, отчасти «воинственности» в случае необходимости, что в целом характерно для образа России на протяжении столетий. Например: *Она может постоять за себя и свою семью, если нападет обидчик; Россия – сильная и мудрая женщина, которая пережила, мягко сказать, немало страданий и в настоящий момент все ещё борется; Характер у нее дружелюбный, но только на некоторое время, пока не произойдет что-то плохое; Несмотря на нежность своей натуры, она может постоять за себя и свою семью.*

Образ России как мужчины не столь монотипный в описании, как образ женщины. В ответах респондентов имеются даже противоположные по смыслу когнитивные сценарии. Сравните: *Мужчина из Сибири с бородой, характер – жёсткий, brutальный, однозначный; Внешний вид: высокий, среднего телосложения, чистый, опрятный, с прямой спиной и поднятой головой, задумчивый, грустный; Это мужчина среднего или пенсионного возраста, но не глубокий старик. В шерстяном костюме, при галстуке, слегка пахнущий нафталином и Толстый человек, с большим брюхом, в большой шубе, с доброй улыбкой и ямочками на щеках, но с хитрыми глазами.*

При этом единым является некая угрюмость, неприветливость и жесткость России-мужчины: *Многим он кажется неприятным из-за своей некой безличности, даже если его намерения чисты; Высокий brutальный мужчина с русыми волосами и светлыми глазами, решительный, гордый, ответственный, добрый, но жёсткий; Угрюмый, неразговорчивый с незнакомцами, но с друзьями добрый и даже слишком услужливый (которому трудно отказать), скрытый; Он уп-*

рям, недоверчив, любит выпить, надеется на лучшее, немного верит в бога.

Еще одной показательной характеристикой России-мужчины можно отметить стремление прийти на помощь, быть полезным: *Сильный, мужественный, всегда готовый защитит слабого; Радушный, на вид добродушный, иногда слишком громкий, человек, готовый всегда прийти на помощь товарищам; Разумный и справедливый, добрый и заботливый, порой в ущерб своим интересам.*

Очевидно, что образ России как угрюмого мужчины, который при этом старается помочь всем, является отражением внешней политики страны. Россия исторически считается центром славянской цивилизации и старается помочь союзникам и дружественным народам. Например, в Китае до сих пор помнят и ценят помощь СССР, оказанную на финальном этапе и после второй мировой войны.

Общей характеристикой для образа России-женщины и России-мужчины является ярко выраженный традиционный характер и консерватизм, что четко прослеживается в многочисленных ответах респондентов: *политическое мировоззрение – консервативное, притом мудрый и опытный; Предпочитает традиционный подход к делу, избегает современных технологий.* Безусловно, консерватизм образа страны как человека демонстрирует содержание отчасти «охранительного» идеологического курса Президента России В. В. Путина, который по всему миру воспринимается как «поборник традиционных ценностей» [18].

Нельзя не отметить, что в ответах респондентов присутствовали и некоторые негативные характеристики образа России, имеющиеся у представителей русской лингвокультуры: *Но в душе откровенный раздир, внутри очень много проблем, но эта женщина не решает их, лишь укрывает себя и тратит внутренние ресурсы на окружающих; Душой добрый, но больная голова. Вечно готовый к работе, прямолинейный, «загнанный» мыслями о том, как выжить; Любая халва сразу воспринимается как данность и никакой благодарности; Желание постоянно ругаться и выяснять, у кого жизнь хуже.* Негативные концептуальные сценарии образа России были более частотными среди респондентов младше 40 лет, что, вероятно, отражает определенное недовольство молодого поколения социально-экономическим положением в стране.

Представим наглядно основные когнитивные признаки образа России как человека в сводной диаграмме (см. рис. 2).

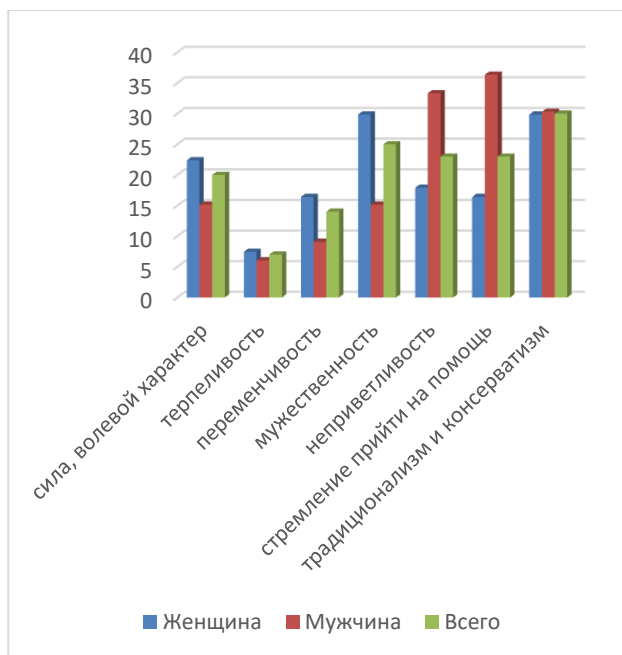

Рис. 2. Основные когнитивные признаки в образе России как человека

Прежде чем предложить интерпретацию и анализ представленных в рис. 2 данных, поясним, что относительные величины проявлений разных когнитивных сценариев высчитывались нами по простой формуле процентной пропорции. В качестве 100% учитывалось количество проявлений того или иного сценария в определенной возрастной группе респондентов и / или относительно репрезентации России в образе мужчины или женщины.

Далее рассмотрим последовательно выявленные когнитивные сценарии.

1. Сила, волевой характер

Этот признак образа России как человека указывается довольно частотно, он встретился в 20% анкет респондентов. При этом его выделили треть респондентов старше 40 лет, что в два раза больше, чем среди более молодых участников опроса. Мы полагаем, что подобная разница может быть связана с личным жизненным опытом: старшее поколение, заставшее перестройку и последствия развала Советского Союза, формировалось в более сложных бытовых условиях, и персональный опыт перенесения бытовых трудностей мог отразиться на восприятии государства. Важным является еще и «память поколения» о годах Великой Отечественной войны, где участвовала в основном мужская часть населения страны. Также отметим, что этот параметр более характерен для описания России-женщины. Это, как мы указывали выше, связано с фемининностью восприятия культуры России. Отметим, что под силой в данном параметре подразумевается не физическая мощь, а духовный стержень, стой-

кость характера. Такое концептуальное осмысление России, безусловно, связано также с историческим наследием, прежде всего со второй мировой войной, когда русский и другие народы СССР одержали победу в результате значительного напряжения всех внутренних ресурсов страны.

2. Терпеливость

Этот когнитивный признак можно отнести к разряду второстепенных, он был выявлен в 7% ответов респондентов. Он так же, как и «волевой характер», больше соотносится с образом России-женщины и в процентном соотношении примерно одинаково представлен в разных возрастных категориях. Мы полагаем, что концепт «терпение» весьма характерен для русской культуры, что явно проявляется в известных русских пословицах: *Терпение и труд – все перетрут; Терпенье дает уменье; Сам потерпи, а другого не выдай; На хотенье есть терпенье.*

3. Мужественность, готовность дать отпор врагу

Признак «мужественность» имеет очень четкое концептуальное содержание в ответах респондентов, четверть которых указало его как значимый для образа России как человека. Мужественность в ответах респондентов описана как «готовность дать отпор внешнему врагу», «способность к защите своей Родины». Более значим этот признак в ответах представителей старшего поколения (30%). Важным является проявление этого параметра для образа России-женщины (29,85%) по сравнению с образом России-мужчины (15,15%). На первый взгляд, такой результат кажется нелогичным, так как обычно воин – это мужчина. Однако в России есть укорененный в сознании образ: «Родина-мать зовет», визуально закрепленный плакатом военных лет и знаменитым памятником в Волгограде. Мы полагаем, что именно этот образ во многом лег в основу восприятия респондентами России как воинственной женщины-матери.

4. Угрюмость, неприветливость

Этот когнитивный признак проявился довольно явно и встретился в ответах 23 респондентов, при этом мы видим, что более «угрюмым» представляется образ России как мужчины. Также нельзя не отметить, что более молодые респонденты чаще отмечали этот признак (27,14%).

5. Стремление прийти на помощь

Довольно интересно, что этот когнитивный признак, который содержательно практически является противоположным «закрытости и жесткости», проявился в абсолютно идентичном количестве ответов участников опроса (23%). При

этом также образ России-мужчины представлен наделенным этим признаком. Очевидно, что в этом проявляется определенный дуализм национального характера русского народа, который, с одной стороны, является закрытым и не всегда приветливым с другой – всегда открытым для друзей. Кроме того, как мы указывали выше, концепт помощи, который проявился в этом когнитивном признаке, может быть связан с историческим развитием России, которая всегда приходила на помощь своим союзникам, иногда в ущерб собственным интересам.

6. Консерватизм

Этот признак нашел свое отражение в наибольшем количестве ответов респондентов и является доминирующим (30%). Отметим, что он характерен и для образа России-мужчины, и для образа России-женщины. При этом консерватизм чаще отмечали представители более молодого поколения. Этот признак четко коррелирует со всеми вышеперечисленными и отчасти отражает содержание понимания образа России на современном этапе развития страны.

Выводы и заключение

Таким образом, в работе были выявлены некоторые концептуальные признаки образа России в картине мира носителей русского языка посредством целенаправленной метафорической модели «РОССИЯ – это ЧЕЛОВЕК».

В качестве теоретической основы были рассмотрены мнения ученых, изучавших участие корпоральных метафор в языке. Был разработан и проведен собственный лингвистический эксперимент, который позволил выявить некоторые признаки антропоморфного восприятия России представителями русской картины мира.

Проведенный эксперимент показал доминирование образа России-женщины. Результаты позволили нам выявить семь основных концептуальных признаков, среди которых традиционализм, мужественность, стремление прийти на помощь, волевой характер, переменчивость и не приветливость. Наиболее значимыми среди выделенных респондентами стали традиционализм, который способствует сохранению, поощрению традиционных семейных ценностей, и мужественность как черта, проявляющаяся в готовности встать на защиту своей Родины. Отметим, что некоторые качества были отмечены респондентами как свойственные России-мужчине (неприветливость и стремление прийти на помощь), а некоторые – России-женщине (мужественность и волевой характер).

Разделение респондентов на две возрастные группы (младше и старше 40 лет) позволило нам

выявить внутрикультурную вариативность исследуемого метафорического фрейма. В частности, наиболее значимым представляется более сильное проявление концептуального признака «неприветливость» среди ответов более молодых респондентов и более явное проявление признака «волевой характер» среди старшего поколения.

Таким образом, метафорическое представление России как человека позволяет выявить существенные концептуальные признаки страны в представлении носителей русской лингвокультуры. Отметим, что выявленные характеристики отражают амбивалентность и многогранность образа России, в котором соединяются разные, иногда противоположные по оценке, характеристики.

Список источников

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. Москва: «Языки русской культуры», 1999. 896 с.
2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов // Семантические универсалии и описание языков. Москва: Языки русской культуры, 1999. 287 с.
3. Кубрякова Е. С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. Москва: Наука, 1991. 238 с.
4. Магировская О. А. Антропоцентричность концептуальной организации языка // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2006. № 3. С. 53–56.
5. Кравченко А. Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1996. 159 с.
6. Манерко Л. А. Когнитивное терминоведение как отражение антропоцентрического и конструирующего взгляда на терминосистемы и специальный дискурс // Когнитивные исследования языка. 2018. Т. 34. С. 720–725.
7. Манерко Л. А. Концептуальная метафора в англоязычном научном дискурсе и ее отражение в переводе // Русский язык и культура в зеркале перевода. М.: Издательство Московского университета, 2021. Т. 1. С. 96–102.
8. Горелов А. А. История мировых религий. 5-е изд. Москва: Флинта, 2011. 357 с.
9. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография. Екатеринбург: изд-во УрГПУ. 2001. 238 с.
10. Musolff A. Cross-cultural variation in deliberate metaphor interpretation. *Metaphor and Social World*. 2016. № 6(2), Pp. 205–224.
11. Musolff A. *National Conceptualisations of the Body Politic*. Singapore: Springer Singapore, 2021a. 207 p.
12. Musolff A. *Metaphors for the Nation: Conceptualization of Its BODY and/or PERSON* // *Cultural Conceptualisations in Language and Communication*:/

Second Language Learning and Teaching. Springer: University of East Anglia, 2020. Pp. 3–23.

13. Бабкина В. А. Физиологическая метафора как средство создания образа современной России в немецких средствах массовой информации // Научный диалог. 2017. № 3. С. 9–14.

14. Лю, М. Моделирование антропоморфной метафоры как способ выявления образа страны // Вопросы романо-германской и русской филологии. 2021. Т. 1. С. 99–103.

15. Калинин О. И. Внутрикультурная вариативность концептуальной метафоры со сферой-целью ВОЙНА: зависимость от профессионального и личного опыта // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18. No 3. С. 103–117.

16. Гурулева Т. Л., Калинин О. И. Метафоричность как культурно обусловленная характеристика дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. Т. 3. С. 26–40.

17. Hofstede G. Cultures and Organizations: Software of the Mind. London: McGraw Hill, 1991. 440 p.

18. Путин В. В. Выступление президента России Владимир Путин на заседании клуба «Валдай», 2022. URL: <https://ria.ru/20221027/tsennosti-1827279544.html> (дата обращения: 17. 12. 2022).

References

1. Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. 2-e izd., ispr. 896 p. Moscow, “Yazyki russkoi kul'tury”. (In Russian)

2. Vezhbitskaya, A. (1999). *Ponimanie kul't ur cherez posredstvo kliuchevykh slov* [Understanding Cultures through Keywords]. Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov. 287 p. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. (In Russian)

3. Kubryakova, E. S. (1991). *Chelovecheskii faktor v yazyke. Yazyk i porozhdenie rechi* [Human Factor in Language. Language and the Production of Speech]. 238 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

4. Magirovskaya, O. A. (2006). *Antropotsentrichnost' kontseptual'noi organizatsii yazyka* [Anthropocentricity of the Conceptual Organization of the Language]. Pp. 53–56. Vestnik KGPU im. V. P. Astafeva. (In Russian)

5. Kravchenko, A. (1996). *Yazyk i vospriyatie: kognitivnye aspekty yazykovoï kategorizatsii* [Language and Perception: Cognitive Aspects of Language Categorization]. 159 p. Irkutsk, izd-vo Irkut. un-ta. (In Russian)

6. Manerko, L. A. (2018) *Kognitivnoe terminovedenie kak otrazhenie antropotsentricheskogo i konstruiruiushchego vzglyada na terminosistemy i spetsial'nyi diskurs* [Cognitive Terminology as a Reflection of the Anthropocentric and Constructive View of Term Systems and Special Discourse]. Т. 34, pp. 720–725. Kognitivnye issledovaniya yazyka. (In Russian)

7. Manerko, L. A. (2021). *Kontseptual'naya metafora v angloyazychnom nauchnom diskurse i ee otrazhenie v perevode* [Conceptual Metaphor in the Eng-

lish Scientific Discourse and Its Reflection in Translation]. Pp. 96–102. Russkii yazyk i kul'tura v zerkale perevoda. Т. 1. Moscow, izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian)

8. Gorelov, A. A. (2011). *Istoriya mirovykh religii* [History of World Religions]. 357 p. 5-e izd. Moscow, Flinta. (In Russian)

9. Chudinov, A. P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991–2000)* [Russia in the Metaphorical Mirror: a Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000)]. 238 p. Ekaterinburg, izd-vo UrGPU. (In Russian)

10. Musolff, A. (2016). *Cross-cultural Variation in Deliberate Metaphor Interpretation*. Metaphor and Social World. No. 6(2), pp. 205–224. DOI: 10.1075/msw.6.2.02mus. (In English)

11. Musolff, A. (2021a). *National Conceptualizations of the Body Politic*. Singapore, Springer Singapore. (In English)

12. Musolff, A. (2020). *Metaphors for the Nation: Conceptualization of Its BODY and/or PERSON*. Cultural Conceptualizations in Language and Communication: Second Language Learning and Teaching. Pp. 3–23. Springer, University of East Anglia. (In English)

13. Babkina, V. A. (2017). *Fiziologicheskaya metafora kak sredstvo sozdaniya obraza sovremennoi rossii v nemetskikh sredstvakh massovoi informatsii* [Physiological Metaphor as a Means of Creating the Image of Modern Russia in the German Media]. No. 3, pp. 9–14. Nauchnyi dialog. (In Russian)

14. Liu, M. (2021). *Modelirovanie antropomorfnoi metafory kak sposob vyivleniia obraza strany* [Modeling an Anthropomorphic Metaphor as a Way to Identify the Image of the Country]. Voprosy romano-germanskoi i russkoi filologii. Т. 1, pp. 99–103. (In Russian)

15. Kalinin, O. I. (2020). *Vnutrikul'turnaia variativnost' kontseptual'noi metafory so sferoi-tsel'iu VOINA: zavisimost' ot professional'nogo i lichnogo opyta* [Intracultural Variability of the Conceptual Metaphor with the Sphere-Goal WAR: Dependence on Professional and Personal Experience]. Т. 18. No 3, pp. 103–117. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiya. (In Russian)

16. Guruleva, T. L., Kalinin, O. I. (2021). *Metaforichnost' kak kul'turno obuslovlennaya kharakteristika diskursa* [Metaphoricity as a Culturally Conditioned Characteristic of Discourse]. Т. 3, pp. 26–40. Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki. (In Russian)

17. Hofstede, G. (1991). *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. 440 p. London, McGraw Hill. (In English)

18. Putin, V. V. (2022). *Vystuplenie prezidenta Rossii Vladimira Putina na zasedanii kluba “Valdai”* [Russian President Vladimir Putin’s Speech at a Meeting of the Valdai Club]. URL: <https://ria.ru/20221027/tsennosti-1827279544.html> (accessed: 17. 12. 2022). (In Russian)

The article was submitted on 10.01.2023
Поступила в редакцию 10.01.2023

Манерко Лариса Александровна,
доктор филологических наук,
профессор,
Высшая школа перевода (факультет),
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, 1.
wordfnew@mail.ru

Лю Минсюань,
аспирант,
Институт иностранных языков,
ФГБОУ ВО «Московский педагогический
государственный университет»,
119571, Россия, Москва,
пр. Вернадского, 88.
liu.mingxuan@bk.ru

Manerko Larissa Aleksandrovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Higher School of Translation and Interpreting
(Department),
Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskiye Gory,
Moscow, 119991, Russian Federation.
wordfnew@mail.ru

Liu Mingxuan,
graduate student,
Institute of Foreign Languages,
Moscow State Pedagogical University,
88 Vernadskogo Prospect,
Moscow, 119571, Russian Federation.
liu.mingxuan@bk.ru

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-53-57

**АНАЛИЗ ЯЗЫКОВОГО ПОРТРЕТА РЕПРЕССИРОВАННОЙ
ЖЕНЩИНЫ-ТАТАРКИ НА ЗАНЯТИЯХ СО СТУДЕНТАМИ-
ИНОФОНАМИ (НА ПРИМЕРЕ ГЛАВНОЙ ГЕРОИНИ РОМАНА
Г. ЯХИНОЙ «ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»)**

© Ильдания Низамбиева

**ANALYZING THE LINGUISTIC PORTRAIT OF A REPRESSED TATAR
WOMAN IN THE LESSONS WITH INOPHONE STUDENTS
(BASED ON THE MAIN FEMALE CHARACTER FROM G. YAKHINA'S
NOVEL "ZULEIKHA OPENS HER EYES")**

Idaniya Nizambieva

This article analyzes the linguistic portrait of a repressed woman. To provide a detailed description, the image of the main female character in the novel under study is compared with the totally opposite image of her mother-in-law; at the same time, these images are closely intertwined. The heroine's vocabulary, the sentence structure in speech, the punctuation marks, the ratio of internal and external speech (the internal monologues help to describe the main character Zuleikha most accurately) and the dynamics of these characteristics, as the storyline develops, are the most important elements of creating her linguistic portrait. We note the significance and importance of studying the linguistic picture of the world of our authors (in this case, the study is based on the novel by the modern author Guzel Yakhina) within the integrative paradigm of linguistics and the general need to study the language of G. Yakhina's text with the aim of introducing inophone students to the Russian language and literature. This analysis allows students of the Russian language not only to improve their communication skills, but also introduces them to the key moments of our history, the culture of Russia and the region of residence (in this case, Tatarstan) – since the culture of speech is not only the ability to speak eloquently and correctly, but also the knowledge of the people's specific features.

Keywords: linguistic portrait, culture of speech, language personality, communication skills, image of a woman

В статье представлен анализ языкового портрета репрессированной женщины. Для детальной характеристики образ главной героини исследуемого романа сопоставляется с абсолютно противоположным, но в то же время с тесно переплетающимся образом свекрови, имя которой не упомянуто в произведении. Лексика героя, построение предложений в речи, знаки препинания, соотношение внутренней (внутренние монологи помогают описать главную героиню Зулейху наиболее точно) и внешней речи и динамика данных характеристик с развитием сюжетной линии – важнейшие элементы описания языкового портрета героя. Отметим необходимость и важность исследования языковой картины мира отечественных авторов (на примере романа современного автора Гузель Яхиной) в координатах интегративной парадигмы лингвизации и общей потребностью изучения языка текста Г. Яхиной в рамках приобщения студентов-инофонов к русскому языку и литературе. Данный анализ позволяет изучающим русский язык не только совершенствовать свои коммуникативные навыки, но и знакомит с ключевыми моментами истории, с культурой России и региона пребывания (Республики Татарстан) – ведь культура речи есть не только умение красиво и правильно говорить, но и знание специфики народа.

Ключевые слова: языковой портрет, культура речи, языковая личность, коммуникативные способности, образ женщины

Для цитирования: Низамбиева И.И. Анализ языкового портрета репрессированной женщины-татарки на примере главной героини романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза»// Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №1 (71). С. 53–57. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-53-57

Высшее образование в современном поликультурном мире обретает особую важность в свете необходимости реализации устойчивого развития социума на пути экономических реформ, построения правового государства и гуманизации взаимоотношений людей при контакте друг с другом. Для успешной реализации этих целей и достижения результата обществу нужны высококвалифицированные, эрудированные специалисты с высоким уровнем коммуникативных способностей.

В рамках высшего образования задачу обучения «великому и могучему» выполняет курс «Культура речи», который призван актуализировать базовые знания бакалавров по русскому языку. Овладение культурой речи позволяет студентам избежать помех в общении. На занятиях создаётся алгоритм овладения полным спектром необходимых условий успешного общения. Владение нормами литературного языка открывает для человека широкие перспективы, характеризует его как образованную, развитую, духовно богатую личность. Однако важно помнить, что качественная речь – результат большого труда. Поэтому очень важно правильно оценивать значимость этого короткого курса в высших учебных заведениях.

В вузах XXI века преподавание дисциплины «Культура речи» для студентов-инофонов предполагает владение педагогом не только методикой преподавания русского языка как иностранного, но и знание основ социо- и этнолингвистики. В ходе многолетней работы со студентами-иностранцами была выявлена интересная закономерность: освоение русского языка и приобщение к русской литературе, к русской культуре протекает легче в группах, изучающих язык на примере анализа отечественных художественных произведений. Именно так, как представляется, происходит наиболее эффективная интеграция целостного образа русского языка в сознании иностранца.

Актуальность работы предопределена, таким образом, необходимостью и важностью исследования языковой картины мира отечественных авторов (в данном случае романа Г. Яхиной) в координатах интегративной парадигмы лингвознаия и общей потребностью изучения языка текста Г. Яхиной в рамках приобщения студентов-инофонов к русскому языку и литературе.

Научная новизна заключается в том, что исследование строится на абсолютно новом языковом материале – на основе романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза», несмотря на то, что учёные-филологи (М. Ю. Чотчаева, К. И. Кизина, Д. А. Салимова, Е. Л. Яковлева) уже обращались к данной тематике.

Объектом анализа выступают характерологические слова-маркеры языкового портрета главной героини романа «Зулейха открывает глаза».

Базисный материал исследования – это 200 примеров из указанного романа, которые были отобраны методом сплошной выборки.

Специфика изучаемого материала обусловила использование следующих методов в работе: описательный, интерпретационный, статистический и метод сплошной выборки.

Выбор романа данного автора обусловлен тем, что Гузель Яхина даёт возможность с современной точки зрения взглянуть на ключевые переломные моменты в истории России, что и является особенностью идиостиля автора. Так, Яхина, описывая начало 20 века, строит фундамент повествования на актуальных для современности проблемах.

Также характерной чертой пера Яхиной можно считать то, что в основе её изложения лежат фольклор, история и мифология. Автор мастерски переплетает в тексте не только татарскую и русскую культуры, но и, удивительным образом, два языка.

Прежде всего, несомненно, нужно обратиться к теоретической части вопроса. Необходимо обратиться к раскрытию понятия языковой личности. В отечественном языкознании вопросы теории языковой личности разрабатывал Ю. Н. Караулов. Более глубокому исследованию понятие языковой личности подвергалось в трудах В. И. Карасика, А. В. Баранова, Т. В. Кочетковой и других. Так, определение «языковая личность», согласно В. И. Карасику, являет собой «обобщённый образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [1, с. 26]. Ю. Н. Караулов языковой личности даёт следующее определение: «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, целевой направленностью» [2, с. 38].

Делая выводы, можно вывести следующее определение понятия «языковая личность» – это способность и умение человека использовать различные виды речевых и мыслительных операций (вслух, про себя, мысленно, громко и т. д.) в коммуникативных ситуациях. Понятие «языковая личность» является чрезвычайно важным инструментом формирования статусно-функциональных разновидностей языка. Коммуникативное поведение человека во многом определяет

статус личности и принадлежность носителя языка к той или иной группе социума.

В современном мире, в эпоху расцвета феминизма и идей о равенстве мужчин и женщин, неоднозначную оценку вызвало произведение «Зулейха открывает глаза» Гузель Яхиной. Муж Зулейхи жестоко и холодно с ней обращается (ругается, рукоприкладствует и прочее), свекровь ненавидит ее, унижает при каждом удобном случае. Все заботы по дому и хозяйству женщина берет на себя; после смерти мужа Зулейха оказывается репрессированной – ее отправляют в Сибирь, где она вместе с сыном борется за выживание в условиях суровой природы и новых порядков. Героиня с каждым новым испытанием закаляет свой характер, эволюционирует: тяжелая жизнь, страдания и трудности не сломят ее, а сделают сильнее и умнее в борьбе за жизнь.

Эволюцию этого художественного образа можно разобрать с точки зрения лингвистики: как автор раскрывает личность Зулейхи сквозь призму ее высказываний и мыслей.

Важно отметить, что в начале романа героиня показана как типичная представительница татарской национальной культуры: скромна, тиха, покорна. В первой части романа автор не дает внешних описательных характеристик Зулейхе, словно это не так важно, поскольку героиня не может чувствовать себя полноправным членом общества (ее этого права лишают). Женщинам-татаркам, находящимся замужем, не позволялось много говорить, любое лишнее высказывание считалось пустословием и строго наказывалось. Вся ее речь построена из внутренних монологов и обращений к самой себе: *Как там мама говорила? Работа отгоняет печаль. Ох, мама, моя печаль не слушается твоих поговорок...* [3, с. 36].

Преобладание внутренней речи Зулейхи над прямой обусловлены ее бесправием и одиночеством в доме мужа. Подобное положение женщины находит выражение в доминирующем большинстве предложений с семантикой запрета, которые напрямую переплетены с центральным образом Зулейхи. Семантика запрета описана в указанных предложениях отрицательной частицей *не* с предикатом (*...не разрешалось притрагиваться; Не касайся!; не надейся; не любишь; не чтишь; не жди; не больно*), а также посредством использования категории состояния *нельзя*, «определяющим абсолютную нереальность совершения какого-либо действия» [4, с.685], то есть представляющим собой абсолютный запрет (*дома оставить нельзя...; уходить с места нельзя...*). Помимо этого, *нельзя* не отметить и то, как невестка становится постоянным объектом инвективной лексики для своей свекрови Упырихи.

Ярко заметны оскорбительные формулировки обращений в адрес снохи в следующих ее высказываниях: *мокрая курица, лентяйка, девчонка, немота, фэхишэ* и т. д.

Зулейха часто молчит, покорно кивает головой и не поднимает глаз. Она знает, что любое ее возражение (даже невербально выраженное) обернется против нее самой. Ей часто указывают, что нужно сделать, перечисляют список дел, призывают ее приказом, и где бы она ни была, она должна в ту же минуту оказаться на месте. Поэтому в ее лексиконе часто присутствуют слова: *Лечу, лечу...; Как скажете; Конечно, я все сделаю...; Уже бегу...* В жизни Зулейхи нет места ее чувствам, переживаниям, желаниям, потребностям. Она делает только то, что от нее хотят муж и его мать. Скорее всего, она так воспитана – интересы супруга первостепенны.

Заметим также, что супруг Зулейхи, несмотря на то, что и не использует бранную лексику (инвективы), зовет ее исключительно «женщиной», как бы указывая ей на ее место в этой иерархии семейных ролей: *Иди к себе, женщина; Просыпайся, женщина, приехали*. Он не относится к ней как к чему-то, к кому-то близкому, а лишь обобщенно называет её нейтральным словом. Не воспринимает Зулейху даже как свою законную супругу.

Языковую картину мира образа главной героини на данном этапе маркирует пассивность, полная несамостоятельность. Центром ее вселенной является муж, от которого она полностью зависит, и это находит отражение в ее речи, словах, выражениях: *Сколько лет она замужем? Надо будет спросить у Муртазы, когда он будет в настроении, – пусть подсчитает* [3, с. 56] – ведь удивительно, что даже касаемую лично её информацию молодая жена вынуждена (иначе и не сформулировать) уточнять у мужа; *Хороший муж ей достался, грех жаловаться* [Там же] – это её мысли при размышлении о своей бесправной судьбе. Помимо этого, Муртаза оказывается единственным потенциальным собеседником для Зулейхи. Однако не интересны ему беседы с ней, он не поддерживает контакта с женой. Заметно, что молодой женщине недостаточно общения, коммуникации с миром, и при появлении хоть небольшого шанса, вероятности диалога, она стремится наладить коннект в полном объеме, подробно описывая своё внутреннее состояние (используя распространенные предложения), но не находит нужной встречной реакции ни в одном из членов своей небольшой семьи. Поэтому часто в романе можно наблюдать внутренние монологи героини, которые с каждой главой обретают всю большую силу и значимость. Она

часто задает мужу вопросы, интересуется окружающим ее миром, природой, однако Муртаза не придает никакого значения ее словам. Зулейха покорно живет с мужем, который проявляет самые худшие качества рядом с ней, потому что другой жизни она не видела и не знает, каково это быть женой любящего мужа. Она смиренно терпит все; благодарит его просто за то, что он есть и однажды не оставил ее в лесу в метель на съедение волкам. Это ли есть счастье? Можно ли назвать счастьем такую жизнь? Задумывается ли сама героиня об этом?

Более полно раскрыть речевой портрет Зулейхи и ее образ в целом помогает другой персонаж, это образ-антагонист главной героини – ее свекровь. Зулейха прозвала ее «Упырихой», что в переводе означает «вурдалак» или «кровосос». В общеславянской мифологии – это покойник, умерший неестественной смертью, встающий по ночам из могилы. У свекрови нет в романе собственного имени, так ее называет невестка. Именно свекровь превращает в ад жизнь молодой женщины. В начале романа речи Упырихи отведена большая часть, что лишним раз подчеркивает главенствующую роль этой женщины в данной семье. Именно через речь свекрови читатель и узнаёт о невыносимом, тяжёлом положении Зулейхи. Для её речевого портрета характерны грубость, властность, прямота, гневливость, что отражают такие лексемы, как *зычно кричит, ворчит, повышает голос, цедит, командует*. Интересен и тот факт, что не отказывается Упыриха и от ненормативной лексики. На уровне синтаксиса ее нетерпимость к Зулейхе и властность находит выражение в императивах: *Уйдет, уйдет Муртаза к другой, которая крепче и бить, и любить будет!.. Парь лучше – а не то ведь ударю!* [Там же, с. 28].

Упыриха с презрением относится к своей невестке, открыто проявляя агрессию, враждебность и ненависть. Заметно, что свекровь всей душой и телом буквально ненавидит выбор своего сына. Зулейха в своих внутренних монологах говорит, что устает от такого отношения свекрови, плачет по ночам, но ничего с этим не может сделать: *Слезы подступают к горлу, веревкой свивают глотку – Зулейха плачет* [Там же, с. 46]. Если она ослушается свекровь, та выгонит ее из дома, а муж изобьет или найдет другую – и это самый большой страх Зулейхи.

При обращении к Зулейхе свекровь часто использует предложения с императивными конструкциями, которые вынуждают сноху подчиняться: *Ты ими возишь по тазу туда-сюда, как ложкой суп помешиваешь, а надо – месить, как тесто...; Давай же, давай, мокрая курица! Разо-*

грей мои старые кости!.. Злее работай, бездельница! [Там же, с. 19]. Такое бесчеловечное отношение Упырихи к своей, казалось бы, родной невестке объясняется тем, что определяющим, центральным понятием ее жизни выступает «сила», как физическая, так и духовная, равнозначные в ее сознании понятию «жизнь»: *Где же твоя сила, курица? Ты же еще не умерла пока!; Сила – она свыше дается* [Там же, с. 20]. Само слово *сила* и его однокоренные слова выступают своего рода маркером сущности самой Упырихи. За своё очень короткое время в романе она обращается к данной лексической группе больше 15 раз. Считая Зулейху полностью лишившейся силы, абсолютно неспособной давать жизнь (Зулейха за годы замужества родила 4 дочерей, «и те и дня не прожили», а наследника «до сих пор не родила»), она относится к Зулейхе с нескрываемым презрением и насмешкой, что находит выражение в таких инвективах, как *жидкокровая, худокостая*. Заметим также, что оскорбления используются Упырихой для того, чтобы спровоцировать Зулейху на агрессию, с намерениями обозлить сноху. Авторские неологизмы-инвективы, в свою очередь, персонализируют, делают более глубоким языковой портрет Упырихи.

В таком признании происходящей действительности проявляется житейская сущность столетней Упырихи. Она груба и жестока, однако это следствие ее убежденности в своей «правде жизни», которую Упыриха нажила долгим опытом. Неслучайно в выражения женщины гармонично включаются афористичные, характерные пожилым людям, оригинальные выражения: *Иногда хочется сесть на обочине и вытянуть ноги – пусть все катится мимо, хоть в самую преисподнюю, – садись, вытягивай, можно!* [Там же, с. 41].

Трансформация образов свекрови и невестки (Упырихи и Зулейхи) происходит после смерти Муртазы, параллельно меняется и их речевой портрет. Зулейха во время отправки по этапу и жизни в ссылке все больше замыкается в себе, мы наблюдаем лишь внутренние монологи молодой мусульманки: *Прости, Муртаза, что не исполнила твой наказ. Не смогла. Впервые в жизни ослушалась тебя* [Там же, с.127].

Упыриха умерла и призраком является своей невестке, речь ее теперь не язвительная, не гневная, однако все так же отражает враждебность по отношению к невестке. Однако нет больше той силы у этой женщины, с которой она гордо противостояла беззащитной невестке. Кульминационным моментом во взаимоотношениях этих двух женщин, ярко раскрывающим их речевой портрет, является диалог между ними в конце

романа. Здесь уже Зулейха прибегает к инвективной лексике по отношению к свекрови, обращаясь к ней *старая карга, ведьма*. Если в начале всей сюжетной линии героиня *сдавленно шептала* или же вовсе молчала в ответ на обвинения, претензии в свой адрес, то теперь молодая женщина сама использует императивные предложения, приказывая свекрови: *Уходи, – говорит Зулейха зло и внятно. – Убирайся!* [Там же, с. 380]. Примечательно, как Зулейха говорит: *Ты давно умерла! И сын твой тоже!* [Там же]. Мы видим, что в ее сознании Муртаза теперь отделен от нее, это больше не ее муж, они не семья, и он принадлежит к прошлой жизни. Упыриха, наоборот, более пассивна в их разговоре, она практически замолчала, *шитит еле слышно* и может сказать лишь: *Накажет... За все накажет....* Это уже не полные предложения, которыми она говорила в начале романа, а отрывистые фразы – так подчеркивается утраченная ею роль. Далеко не просто так образ Упырихи на протяжении всего романа существует в сознании Зулейхи; эти два женских образа на всю жизнь связаны между собой кровными узами: в жилах сына Зулейхи течет кровь ее мужа и матери ее мужа, многое из предсказаний и сновидений свекрови свершилось в действительности. Эта невидимая связь, несомненно, присутствует и в языковом обрамлении мыслей и переживаний героев.

Во взаимодействии героини со свекровью, в ходе анализа их диалогов и монологов, более детально удалось разобрать образ самой Зулейхи и ее языковой портрет. К концу романа Зулейха не меняется внешне, остается такой же кроткой, тихой, молчаливой, самостоятельно переживает горе и смиренно проходит жизненные трудности. Однако внутренне она становится сильнее, словно в ней обнажается внутренний стержень силы и воли. Она была вынуждена измениться – поменялась привычная, однообразная жизнь. Сложно дать однозначный ответ на вопрос, где жить ей было сложнее: в родном доме с ненавистной свекровью и мужем-тираном или в глухой тайге в ссылке. Хотя и в подсознании любого читателя данного романа однозначно проскальзывает мысль о том, что ссылка уж не так страшна в дан-

ной ситуации. Вся жизнь ее от начала до самого конца состоит из череды трудностей и испытаний.

Гузель Яхина талантливо сочетает литературные и языковые приемы для построения содержательной и целостной языковой картины мира героев. В ее романах можно увидеть сложные, многоструктурные речевые портреты персонажей, развивающиеся в динамике и проходящие не только и не столько внешнюю, сколько внутреннюю и жизненную трансформации.

Используя подобный анализ художественных произведений отечественных авторов на занятиях «Культура речи», «Русский язык как иностранный», студенты-инофоны учатся не только понимать язык, но и воспринимать, запоминать и анализировать культурные коды страны, в которой им предстоит учиться.

Список источников

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 477 с.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность: учебное пособие. М.: Наука, 2004. 264 с.
3. Яхина Г. Ш. Зулейха открывает глаза. М.: Изд-во АСТ, 2015. 512 с.
4. Назари Фатеме. Способы выражения запрета в русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2011. №6 (2). 685 с.

References

1. Karasik, V. I. (2004). *Yazykovoï krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. 477 p. Moscow, Gnozis. (In Russian)
2. Karaulov, Yu. N. (2004). *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost': uchebnoye posobiye* [Russian Language and Linguistic Personality: A Textbook]. 264 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
3. Yakhina, G. Sh. (2015). *Zuleykha otkryvayet glaza* [Zuleikha Opens Her Eyes]. 512 p. Moscow, izd-vo AST. (In Russian)
5. Nazari Fateme (2011). *Sposoby vyrazheniya zapreta v russkom yazyke* [Ways of Expressing Prohibition in Russian]. No. 6(2), 685 p. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo, Nizhny Novgorod. (In Russian)

The article was submitted on 20.01.2023
Поступила в редакцию 20.01.2023

Низамбиева Ильдания Ильдусовна,
старший преподаватель,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Ildaniya2009@mail.ru

Nizambieva Ildaniya Ildusovna,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Ildaniya2009@mail.ru

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА ДЛЯ ОРФОГРАФИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

© Александр Рудяков

ON THE RELEVANCE OF THE FUNCTIONAL APPROACH TO THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE ORTHOGRAPHY

Alexander Rudyakov

The article deals with the principles of analysis and description of the Russian language based on the functional approach. The aim of the study is to identify the role of orthography in society and language, and the features characterizing the implementation of the general patterns of language units' functions (graphemes, phonemes, morphemes), which determine the formation of orthography principles. Taking into account modern linguistic theory, we demonstrate, based on the mechanism for implementing positional variants of language units, the regularities of applying the morphological principle not only to the way individual morphemes are written, but also to the structure of the Russian language as a whole. In this regard, we propose to consider orthography not as a set of rules, but as the most important means of maintaining the unity of the oral and written forms of the language. Thus, we conclude that literacy is not limited to observing the norms of the literary language, orthography norms reflect the desire to most adequately reflect the standard of its units (morphemes) in the written form of the language existence, and this must be taken into account when forming a system of orthography rules. Accordingly, orthography, as one of the most important components in the Russian language learning, should be taught through the prism of a reference image formation of a certain circle of words whose knowledge determines the level of literacy.

Keywords: phoneme, functionalism, orthography, grapheme, morphological principle

В статье рассматриваются принципы анализа и описания русского языка на основе функционального подхода. Целью исследования является определение роли орфографии в социуме и в языке, а также особенностей реализации общих закономерностей функционирования единиц языка (графемы, фонемы, морфемы), которые обуславливают формирование принципов орфографии. С учетом современной лингвистической теории на примере механизма реализации позиционных вариантов языковых единиц продемонстрированы закономерности применения морфологического принципа не только к написанию отдельных морфем, но и устройству русского языка в целом. В связи с этим предлагается рассматривать орфографию не как набор правил, а как важнейшее средство сохранения единства устной и письменной форм языка. На основе проведенного исследования делается вывод о том, что грамотность не сводится к соблюдению норм литературного языка, орфографические нормы отражают стремление максимально адекватно отразить в письменной форме бытия языка эталонность его единиц (морфем), и при формировании системы орфографических правил необходимо это учитывать. Соответственно, орфография как один из важнейших компонентов при обучении русскому языку должна преподаваться через призму формирования эталонного облика определенного круга слов, знание которых и определяет уровень грамотности.

Ключевые слова: фонема, функционализм, орфография, графема, морфологический принцип

Для цитирования: Рудяков А.Н. Об актуальности функционального подхода для орфографии современного русского языка // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №1 (71). С. 58–64. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-58-64

Наша жизнь регулярно подсказывает те направления исследования, которые наиболее актуальны для лингвистики. Так было в далеких уже 80-х, когда судьба подарила мне возможность осознать ограниченность представлений о лекси-

ке как совокупности слов, вследствие чего возникла функциональная семантика [1]. Необходимость осознать те теоретические основы, которые необходимо преподать студентам в ходе чтения курсов «Введение в языкознание» и

«Общее языкознание», привели меня к созданию регулятивной концепции естественного языка [2]. А поручение выступить на заседании Верховного Совета Автономной Республики Крым в 2006 году привело меня к вопросам языковой политики и – к георусистике [3].

Не так давно в роли такого «катализатора» выступил «Проект краткого свода основных правил русской орфографии», который рассматривался Правительственной комиссией по русскому языку в 2021–2022 гг., членом которой я являюсь. И хотя орфография далеко, казалось бы, отстоит от семантики и планетарного русскоязычного мира, она заставила меня вновь вернуться к таинству знаковой системы, к ее удивительной и начисто нами игнорируемой чудесной способности сохранять возможность социального взаимодействия носителей языка в бесконечном множестве ситуаций.

Орфография заставила задуматься о себе не как о стандартной необходимости «правильно писать» [4, с. 350], но как о важнейшем инструменте сохранения единства устной и письменной форм языка. Конечно, при этом решающим фактором, на мой взгляд, оказалась приверженность постулатам моего же варианта функционализма и определения языка как важнейшего знакового орудия регуляции [1], существующего как совокупность различных вариантов [5].

Во время заседаний комиссии при Министерстве просвещения Российской Федерации споры двух оппонировавших сторон не вызвали у меня интереса, поскольку аргументация была достаточно стандартной для предмета обсуждения (более того, вопросы орфографии и пунктуации представлялись мне уже решенными в достаточной мере и закрепленными в соответствующем справочнике [6]). Однако после того, как профессор С. А. Кузнецов прислал мне сам проект «Свода» и попросил высказать свое мнение, я не мог не обратить внимание на первые же строки, которые, учитывая то – несомненное для меня – громадное просветительское и официальное значение будет иметь данный труд, нивелировали все завоевания и усилия русистики:

«Русское письмо буквенное: его основные единицы – буквы. Они предназначены для обозначения звуков языка. Соотношение букв и звуков определяется правилами чтения письменного текста и правилами записи произнесенного текста. Базовые правила чтения и записи называются правилами графики. Правила графики сами по себе не во всех случаях дают возможность однозначно прочесть написанный текст (это определяется правилами орфоэпии) и однозначно записать текст. Нормы, опреде-

ляющие общепринятую запись слов, называются орфографическими нормами, или нормами орфографии. Формулировки, помогающие определить нормы орфографии в случаях, когда они вызывают сомнение, называются правилами орфографии, или орфографическими правилами.

В данном кратком своде сформулированы лишь орфографические правила, задающие основные нормы, соблюдение которых необходимо для того, чтобы письмо могло считаться грамотным» (здесь и далее разрядка наша – А.Р.) [7].

Хочу обратить внимание читателя, что в преамбуле, по сути, содержится кредо составителей «Свода». Но что именно обращает на себя внимание в первую очередь? Целый ряд не просто «расхожих», а, на мой взгляд, откровенно противоречащих утверждений, имеющих мало общего с теорией языка, которая уже отражена в учебниках и, казалось бы, должна прочно войти в обиход практического изучения его [8, с. 156–157]. Во-первых, судя по всему, поэтическое по своей сути выражение «русское письмо» должно обозначать письменную форму русского языка, которая не существует в отрыве, в изоляции от формы устной. Во-вторых, говоря о «единицах русского письма», авторы утверждают, что это «буквы», не считая нужным указать, какие именно это «буквы»: строчные, прописные, печатные, рукописные... А ведь «Д», «д», «Д», «D», «d», скажем, достаточно отчетливо различаются по своим субстанциональным качествам (носители языка привычно абстрагируются от этих различий, но ученые не имеют на это права).

Далее утверждается, что буквы «...предназначены для обозначения звуков языка», но, как всегда, важнейшее для адекватного отражения устройства знаковой системы, слово *языка* утрачивается и далее остается только формулировка «соотношение букв и звуков». Все просто, привычно и понятно: буквы обозначают звуки. Отсюда вытекает следующее утверждение: «Общее требование к орфографически правильной записи слов состоит в том, что среди возможных прочтений записанного слова, отвечающих общим правилам чтения, должно быть такое, которое соответствует реальному произнесению данного слова (запись, удовлетворяющая данному требованию, называется графически правильной)» [7].

Я вернусь к «реальному произнесению» далее, здесь хотелось бы остановиться на еще одном, на мой взгляд, не столько спорном, сколько поверхностном утверждении, гласящем, что «Соотношение букв и звуков определяется пра-

вилами чтения письменного текста и правилами записи произнесенного текста» [Там же].

Само по себе упоминание «чтения» и «записи» в контексте определения того, как соотносятся «звуки и буквы», очень уместно. Это касается и выражения «общепринятая запись слов», и определения «правил орфографии», и формулировки самой цели создания «Проекта» – представить набор правил, минимально необходимых, чтобы «письмо могло считаться грамотным». Но чем же на самом деле определяется «соотношение букв и звуков»? Что стоит за так называемой «общепринятой записью слов» и зачем существует насущная необходимость в том, чтобы «письмо могло считаться грамотным»? Иначе говоря, в чем заключается подлинная роль орфографии в нашей жизни, то есть в важнейшем для самого существования общества обеспечении успешности социального взаимодействия носителей русского языка?

На самом деле все очень просто. Для этого нужно осознать, каким замечательным образом устроен естественный язык. Мы – носители русского языка – привычно не обращаем внимания на поистине безграничное субстанциональное варьирование языковых единиц в наших «устах» (так поэтично назовем артикуляторный аппарат) и в «устах» нашего собеседника, а также в процессе фиксации этих же единиц на письме и в различных печатных текстах.

Задумайтесь, каким образом мы из множества почерков и шрифтов выявляем и понимаем именно то слово, которое адресовал нам субъект речи? Задумайтесь, каким образом мы оказываемся способны услышать и понять именно то слово, которое имеет виду произносящий его собеседник? И наконец, задумайтесь, каким именно образом носитель языка оказывается способен отождествить устную и письменную форму существования этого слова?

Повторю еще раз: все очень просто. Все дело в умении сохранять и лелеять идеальный (эталонный) облик морфемы [9]. Иначе говоря, понимание обеспечивается морфологическим принципом устройства русского языка во всех его формах. Важно, однако, отчетливо осознавать, что же это такое – «эталонный облик морфемы» – и какие именно механизмы его сохранения существуют в естественном языке.

Напомню, что в ярусной схеме устройства языка минимальная значимая единица – морфема – образует отдельную подсистему. Равно, как и минимальная односторонняя единица – фонема. В функциональной регулятивной лингвистике я объединяю их в особую подсистему строительных единиц языка.

В системе русского языка, на так называемом «уровне языковой абстракции» [10], обладание которой присуще всем носителям русского языка (в разной степени, разумеется; степени этого «обладания» (владения языком) образуют поле с ядерной и периферийной зоной), хранятся те эталонные единицы, которые русский язык включил в свою систему. Систему эталонных, образцовых единиц строительных, номинативных, коммуникативных и регулятивных. Именно «эталонность» и воспроизводимость этой «эталонности» делает возможным понимание речи (устной и письменной) и само социальное взаимодействие.

Легче всего увидеть это на простом примере. В системе русского языка существует морфема <вод->, означающее (прекрасный термин Ф. де Соссюра, избавляющий от пустых споров) которой формируют три русские фонемы <в>, <о>, <д>. Очень важно понимать, что морфема не сводима к своему означающему. Морфема является двусторонней единицей, и каждая морфема имеет означаемое (смысл, значение). Так, морфема <вод-> (точнее, одна из морфем) имеет значение «прозрачная, бесцветная жидкость, образующая ручьи, реки, озёра, моря и представляющая собой химическое соединение водорода с кислородом» [11, с. 139].

Носитель русского языка не нуждается в правилах и «проверках» для того, чтобы знать абсолютно аксиоматическую истину: что бы он ни услышал (а слышит он – [вЛда]) и что бы он ни произнес, для номинации этой реалии он использует именно эту морфему, состоящую именно из этих фонем. Это и есть эталонный образцовый облик морфемы, прочно закрепленный за этим – эталонным – означаемым.

Каким бы ни было «реальное произношение», о котором пишут авторы цитируемого труда и не только они, носители русского языка будут оперировать только этим эталоном... Мне кажется, что если бы в нашей лингвистической и образовательной практике мы в большей мере использовали семантику, то и «проверок» нужно было бы намного меньше.

Грамотность – это знание эталонных единиц, а не знание правил. И вот здесь удивительный феномен: именно орфография в реальности демонстрирует нам этот идеальный облик наглядно! Именно орфография проецирует эталонный фонемный облик морфемы в доступную непосредственному восприятию форму. И для реализации этой функции в языке существует соответствующий механизм, но не *звуко-буквенный*, а *фонемно-графемный*.

Если произнести слово *вода* можно только одним способом: [вЛда] (хотя сама морфема в других позициях может звучать иначе, например, [вѣд'и^еной]), то написать это слово можно самыми разными буквами: строчными, заглавными, разными почерками и шрифтами... При этом начертания букв могут достаточно серьезно различаться. Каким образом механизм языка снимает эти субстанциональные различия? С помощью функциональных тождеств.

Я уверен, что внимательный читатель был удивлен, почему я не пояснил, каким образом носитель русского языка, услышав [вЛда], понимает, что это <вод>? В этом (и в безграничном множестве подобных случаев) работает «механизм фонемы», которым неосознанно владеют все носители русского языка и о котором я писал ранее. Он интегрирован с «механизмом графемы» – языковой единицы, соответствующей фонеме в письменной форме языка. Не «буквы обозначают звуки», но графема обозначает фонему [4, с. 117].

Фонему нельзя произнести, графему нельзя написать. Фонема и морфема – такие же абстракции, как *Homo sapiens*, который реализуется в бесконечном множестве индивидов.

В почти непосредственном ощущении, в физиологически почти доступном восприятии, которое так любят сторонники субстанциональной (дерегулятивной) лингвистики, фонема дана нам в виде «ряда» или микрополя своих вариантов, своих реализаций в той или иной фонетической позиции (в одной из своих статей я писал о том, что в эпоху полинациональных языков эти варианты зависят не только от внутрисистемных фонетических позиций, но и от того, в каком именно национальном варианте русского языка они существуют [12, с. 140–152]). Я говорю «почти», потому что в констатации этой доступности есть серьезное преувеличение: доступен конкретный звук, произведенный или воспринятый в речи. Говоря о микрополе вариантов, я имею в виду типичный звук, звук, очищенный от индивидуальных и ситуативных свойств, но существующий в системе языка исключительно для того, чтобы быть манифестацией фонемы в конкретной фонетической позиции.

Принципиально важно осознавать, что «механизм фонемы», позволяющий нам реализовать «морфологический принцип» устройства нашего понимания, основан на феномене функционального тождества. Это означает, что [Л] в [вЛд], равно как и в любом ином слове, в первом ударном слоге никаким образом не может быть отождествлен с [о] как основным вариантом фонемы <о>. Для любого человека, имеющего хоть

самые поверхностные представления о классификации русских гласных, очевидно, что [о] и [Л] не могут быть отождествлены на основе субстанционального (ряд, подъем, лабиализация...) подобия. Но! Они тождественны функционально как варианты выражения фонемы в разных позициях. Собственно говоря, то, что я именую «механизмом фонемы», и есть обретаемая нами с овладением русским языком способность видеть, понимать и использовать функционально тождественные манифестации фонем, обеспечивающие стабильность морфемы.

Заменяя в наших учебных программах и различных «сводах» фонему «простым» и «наглядным» звуком, мы кардинальным образом разрушаем с немалым трудом завоёванные русистикой «высоты». Это и подобные упрощения, якобы «для блага», «для простоты», «для понимания», приводят, с моей точки зрения, к диаметрально противоположному результату.

Принципиально важное требование сохранения единства устной и письменной форм языка подразумевает бытие лингвистической единицы, соответствующей фонеме. Разумеется, единицы функциональной.

Я не открою нового лингвистического знания, а, скорее, напомним постепенно забываемое, сказав, что единицей графики является графема [8], [13]. Новым станет утверждение о принципиальной функциональности графемы. И, на мой взгляд, утверждение об органической системной связи графемы и фонемы. Связи, которая может показаться устанавливаемой произвольно, путем некоего социального договора, но, по сути дела, существующей объективно и фиксируемой социумом с определенной мерой адекватности. С моей точки зрения, русская графика в высокой степени соответствует звуковому строю русского языка.

Почему графема функциональна? Потому что реализующие ее варианты настолько порой различаются субстанционально, что отождествление их по сходству написания или печати невозможно. То разнообразие почерков и шрифтов, с которым сталкивается человек в ходе социального взаимодействия с использованием письменной формы языка, заведомо меньше, чем с использованием устной, но и оно велико. Но основная причина в том, что все лингвистическое всеобщее функционально [2].

В этом отношении мне понравилось выражение «анатомия буквы», обозначающее совокупность элементов формирования каждого графического символа и использующееся в полиграфии. Очевидно же, что анатомия «Д» и «д» не просто разная, а, скорее, диаметрально разли-

чающаяся. А «А» и «а»? И так далее... Для меня как для последовательного регулятивного функционалиста очевидно, что носители языка объединяют все это множество «анатомически» разных начертаний в одну графему на основе их функционального тождества в качестве вариантов этой графемы в разных позициях («позиция» в данном случае – это строчная, прописная, рукописная или печатная, а также созданная тем или иным шрифтом или почерком).

Много писали о том, что русское произношение все в большей степени приближается к написанию [14], [15]. Это объяснимо: написание проявляет эталонный облик вариантов фонем. Графема соответствует фонеме. Фонема предполагает графему. Фонема есть «предвестник» графемы. Возможны ли в теории случаи, когда возникает письменная форма языка, а затем – устная? Думаю, да. Хотя моделирование условий таких ситуаций достаточно фантастично.

Это не пустые теоретизирования – все это проецируется в коллективную грамотность социума. Подменяя понимание устройства системы языка «проверками», мы – русисты – должны осознавать нашу ответственность за сегодняшнее положение дел с почитанием и соблюдением норм русского языка [16, с. 227]. Тем более в ситуации, когда русский язык как государственный приобретает все большее значение для самого бытия государства. В этом отношении весьма показательны дискуссии, которые велись в 60-х годах прошлого века в период реформы русской орфографии ([17], [18]) и которые наглядно демонстрируют, с одной стороны, ряд нерешенных, по сути, проблем, а с другой – значимость орфографии в социальном плане, когда она выступает не как средство кодификации, а как связующее звено между различными формами существования русского языка.

Грамотность нельзя сводить исключительно к соблюдению норм литературного языка [19, с. 57]. Необходимо видеть за, на поверхностный взгляд, субъективно (ведь социум тоже субъективен) устанавливаемыми нормами стремление максимально адекватно отразить в письменной форме бытия языка эталонность его морфем.

В связи с этим стоит отметить, что роль «проверок» в определении правильного написания очень преувеличена [20]. Грамотность – это знание эталонного облика морфемы, которое приобретается в процессе чтения текстов, написанных на кодифицированном (осознанном с точки зрения бережного отношения к эталонности) языке. Мне как носителю русского языка, обладающему соответствующей компетенцией, вовсе не нужно «проверять», вариантом какой

именно фонемы является гласный в первом слоге слова *собака*. Я знаю, что в русском языке означающее морфемы <-собак-> состоит именно из такого набора фонем. И именно такой эта морфема и должна использоваться носителями языка согласно морфемному принципу устройства его системы.

Очень важное замечание для «практики» и «практиков», которые так истово и, к сожалению, заслуженно не любят теорию. Исходя из логики моих рассуждений и признания того факта, что грамотность есть следствие владения эталонным обликом морфемы (здесь мы можем абстрагироваться от единства устной и письменной форм языка), нельзя не признать, на мой взгляд, приносящими объективный вред традиционные и массовые упражнения «вставьте пропущенную букву» (см. перечень таких упражнений, например в [21, с.162–170]). Почему? Да потому что они и нарушают последовательно и упрямо этот самый эталонный облик морфемы. Причем именно в позициях наиболее проблемных. Нечем заменить такие упражнения? Отнюдь! Извольте: «определите в приведенных словах те гласные (согласные), написание которых может вызвать трудности: *вода, телевизор* и так далее. Безусловно, новый тип заданий потребует и новых подходов к его созданию и выполнению, но в то же время будет способствовать пониманию сути орфографии как связующего компонента между устной и письменной формами языка. И мы таким образом снимаем абсолютизацию «проверок» как основы грамотности.

В наших сегодняшних условиях непрерывное навязывание в школьных учебниках эталонного облика определенного круга слов (кстати, и отбор этих слов должен соответствовать нашему «сегодня», а не «вчера»: меньше *овец* и *прудов*, больше *смартфонов* и *планшетов*) важно еще и потому, что большинство из школьников в последующие годы с высокой долей вероятности не будут эти эталоны видеть в печатном тексте вообще. Или видеть в режиме речевой игры или попросту безграмотного текста.

В рамках предложенной статьи я, по сути дела, выполнил главный завет регулятивного функционализма: определил русскую орфографию по трем видам качеств: «природным», функциональным и системным. Теперь ее сущность отчетлива видна и не может быть затенена бесконечными попытками примитивизации ее высочайшего предназначения в качестве интегратора устной и письменной форм русского языка.

Таким образом, отчетливо проявлены, на мой взгляд, смысл и ценность всех орфографических

усилий: максимально возможная поддержка единства устной и письменной форм существования системы означающих русского языка, максимально последовательное сохранение эталонного облика морфемы, применение морфологического принципа не только в процессе написания, но и при анализе устройства русского языка. Именно благодаря функциональному и регулятивному подходу отчетливо видно, что так называемый «морфологический принцип русской орфографии» – это «принцип» устройства «всего» языка и что привычный термин «звукобуквенное письмо» не просто затеняет, а начисто разрушает адекватные представления об орфографии. Поэтому нельзя терять уже обретенное предшественниками знание, как нельзя из Возрождения возвращаться в Средние века.

Список источников

1. Рудяков А. Н. Лингвистический функционализм и функциональная семантика. Симферополь: Таврия-плюс, 1998. 224 с.
2. Рудяков А. Н. Язык, или Почему люди говорят: опыт функционального определения естественного языка. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2012. 158 с.
3. Рудяков А. Н. Георусистика: русский язык в глобальном мире. М.: ЛЕКSRUS, 2016. 320 с.
4. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 682 с.
5. Дорофеев Ю. В. Лингвистический функционализм и вариантность языка. Симферополь: «Таврида», 2012. 306 с.
6. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М.: АСТ, 2009. 432 с.
7. Проект краткого свода основных правил русской орфографии. Отв. ред. А. Д. Шмелев. Сост.: С. В. Друговейко-Должанская, М. М. Ровинская, Д. Н. Чердаков. Рукопись.
8. Современный русский язык: Учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «Филология». Под ред. П. А. Леканта. 3-е изд. М.: Дрофа, 2002. 560 с.
9. Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М.: Высш. шк., 1979. 255 с.
10. Соколовская Ж. П. Проблемы системного описания лексической семантики. Киев: Наук. думка, 1990. 182 с.
11. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2008. 1536 с.
12. Рудяков А. Н. Лингвистика и её «скелеты в шкафу». М.: Издательский центр «Азбуковник», 2020. 416 с.
13. Князев С. В., Пожарицкая С. К. Современный русский литературный язык: Фонетика, орфоэпия, графика и орфография: Учебное пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2011. 430 с.

14. Бабайцева В. В. Избранное. 2005–2010: Сборник научных и научно-методических статей / Под ред. д-ра филол. наук проф. К. Э. Штайн. М– Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. 400 с.

15. Лопатин В. В. Многогранное русское слово: избранные статьи по русскому языку / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. 743 с.

16. Юдина Н. В. Русская орфография и пунктуация в XXI веке: «человек» и «закон» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 227–233.

17. Арутюнова Е. В. Реформа русской орфографии и пунктуации 1960-х годов: неизвестные страницы истории // Сибирский филологический журнал. 2016. № 3. С. 5–15.

18. Касаткин Л. Л. Современный русский язык. Фонетика : учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. 3-е изд., испр. М.: Издательский центр «Академия», 2014. 272 с.

19. Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б. М. Бим-Бад. Москва: Большая рос. энцикл., 2002. 528 с.

20. Коваль Н. А. Проблема формирования орфографической зоркости на уроке русского языка // Молодой ученый. 2022. № 46 (441). С. 115–117.

21. Кайдалова А. И., Калинина И. К. Современная русская орфография: Учеб. пособие для вузов по спец. «Журналистика». 4-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк. 1983. 240 с.

References

1. Rudyakov, A. N. (1998). *Lingvisticeskii funktsionalizm i funktsional'naya semantika* [Linguistic Functionalism and Functional Semantics]. 224 p. Simferopol', Tavriya-plyus. (In Russian)
2. Rudyakov, A. N. (2012). *Yazyk, ili Pochemu lyudi govoryat: opyt funktsional'nogo opredeleniya estestvennogo yazyka* [Language, or Why People Speak: An Experience of the Functional Definition of Natural Language]. 2-е изд. 158 p. Moscow, Flinta, Nauka. (In Russian)
3. Rudyakov, A. N. (2016). *Georustistika: russkii yazyk v global'nom mire* [Georustistika: Russian Language in the Global World]. 320 p. Moscow, LEKSRUS. (In Russian)
4. *Yazykoznanie. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'* (2000) [Linguistics. Big Encyclopedic Dictionary]. Gl. red. V. N. Iartseva. 2-е изд. 682 p. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya. (In Russian)
5. Dorofeev, Y. V. (2012). *Lingvisticeskii funktsionalizm i variantnost' yazyka* [Linguistic Functionalism and Language Variance]. 306 p. Simferopol', "Tavrida". (In Russian)
6. *Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik* (2009) [Rules of Russian Orthography and Punctuation]. Pod red. V. V. Lopatina. 432 p. Moscow, AST. (In Russian)
7. *Proekt kratkogo svoda osnovnykh pravil russkoi orfografii* [Draft Short Set of Basic Rules of Russian Or-

- thography]. Otv. red. A. D. Shmelev. Sost: S. V. Drugoveiko-Dolzanskaya, M. M. Rovinskaya, D. N. Cherdakov. Rukopis'. (In Russian)
8. *Sovremenniy russkii yazyk* (2002) [Modern Russian Language]. Ucheb. dlya stud. vuzov, obuchaiushchikhsya po spets. "Filologiya". Pod red. P. A. Lekanta. 3-e izd. 560 p. Moscow, Drofa. (In Russian)
9. Panov, M. V. (1979). *Sovremenniy russkii yazyk. Fonetika* [Modern Russian Language. Phonetics]. 255 p. Moscow, Vyssh. shk. (In Russian)
10. Sokolovskaya, Zh. P. (1990). *Problemy sistemnogo opisaniya leksicheskoi semantiki* [Problems of Systemic Description of Lexical Semantics]. 182 p. Kiev, Nauk. dumka. (In Russian)
11. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* (2008) [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Gl. red. S. A. Kuznetsov. 1536 p. St. Petersburg, "Norint". (In Russian)
12. Rudyakov, A. N. (2020). *Lingvistika i ee "skelety v shkafu"* [Linguistics and Its "Skeletons in the Locker"]. 416 p. Moscow, izdatel'skii tsentr "Azbukovnik". (In Russian)
13. Knyazev, S. V., Pozharitskaya, S. K. (2011). *Sovremenniy russkii literaturnyi yazyk: Fonetika, orfoepiya, grafika i orfografiya* [Modern Russian Literary Language: Phonetics, Orthoepy, Graphics and Orthography]. Uchebnoe posobie dlya vuzov. 2-e izd., pererab. i dop. 430 p. Moscow, Akademicheskii Proekt; Gaudeamus. (In Russian)
14. Babaitseva, V. V. (2010). *Izbrannoe. 2005–2010: Sbornik nauchnykh i nauchno-metodicheskikh statei* [Selected Works. 2005–2010: Collection of Scientific and Scientific-Methodological Articles]. Pod red. dra filol. nauk prof. K. E. Shtain. 400 p. Moscow-Stavropol', izd-vo SGU. (In Russian)
15. Lopatin, V. V. (2007). *Mnogogrannoe russkoe slovo: izbrannye stat'i po russkomu yazyku* [The Multifaceted Russian Word: Selected Articles on the Russian Language]. Rossiiskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. 743 p. Moscow, izdatel'skii tsentr "Azbukovnik". (In Russian)
16. Yudina, N. V. (2016). *Russkaya orfografiya i punktuatsiya v XXI veke: "chelovek" i "zakon"* [Russian Orthography and Punctuation in the 21st Century: "Man" and "Law"]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. No. 3, pp. 227–233. (In Russian)
17. Arutyunova, E. V. (2016). *Reforma russkoi orfografii i punktuatsii 1960-kh godov: neizvestnye stranitsy istorii* [Reform of Russian Orthography and Punctuation in the 1960s: Unknown Pages of History]. Sibirskii filologicheskii zhurnal, No. 3, pp. 5–15. (In Russian)
18. Kasatkin, L. L. (2014). *Sovremenniy russkii yazyk. Fonetika* [Modern Russian Language. Phonetics]. Ucheb. posobie dlya stud. uchrezhdenii vyssh. prof. obrazovaniya. 3-e izd., ispr. 272 p. Moscow, izdatel'skii tsentr "Akademiya". (In Russian)
19. *Pedagogicheskii entsiklopedicheskii slovar'* (2002) [Pedagogical Encyclopedic Dictionary]. Gl. red. B. M. Bim-Bad. 528 p. Moscow, Bol'shaya ros. entsykl. (In Russian)
20. Koval', N. A. (2022). *Problema formirovaniya orfograficheskoi zorkosti na uroke russkogo yazyka* [The Problem of the Formation of Orthography Vigilance in the Russian Language Lesson]. Molodoi uchenyi. No. 46(441), pp. 115–117. (In Russian)
21. Kaidalova, A. I., Kalinina, I. K. (1983). *Sovremennaya russkaya orfografiya* [Modern Russian Orthography]. Ucheb. posobie dlya vuzov po spets. "Zhurnalistika". 4-e izd., ispr. i dop. 240 p. Moscow, Vyssh. shk. (In Russian)

The article was submitted on 05.03.2023
Поступила в редакцию 05.03.2023

Рудяков Александр Николаевич,
доктор филологических наук,
профессор,
Крымский республиканский институт
постдипломного педагогического
образования,
Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского,
295000, Россия, Симферополь,
Ленина, 15.
krippo@krippo.ru

Rudyakov Alexander Nikolaevich,
Doctor of Philology,
Professor,
Crimean Republican Institute of Postgraduate
Teacher Education,
Crimean Federal University named
after V. I. Vernadsky,
15 Lenin Str.,
Simferopol, 295000, Russian Federation.
krippo@krippo.ru

УДК 811.112

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-65-70

ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА В РАМКАХ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДСКОГО ЯЗЫКА

© Леонид Рудяков

FEATURES OF DESCRIBING TERMINOLOGICAL APPARATUS WITHIN URBAN LANGUAGE STUDIES

Leonid Rudyakov

Throughout their millennia of history, cities have been linguistically diverse. Urban language differs from other forms of language existence, including literary language at all linguistic levels: phonological, grammatical, syntactical, lexical and idiomatic. This article deals with the terminological apparatus within the framework of sociolinguistic research into the German-speaking tradition, which belongs to the studies of linguistic variability of German speaking groups, living in big cities: “urbanlect”, “metropolitanlect”, “regional language”, “city language” and “local language”. The article attempts to distinguish these concepts. In the sphere of sociolinguistics, the variety of the terminological apparatus, used to describe various forms of language existence, is not only a consequence of the need to describe a large number of diverse language phenomena within different categories (territorial division, social stratification, national attribute, etc.), but also a consequence of its basic concepts uncertainty and their interaction on which this apparatus is based: language, a language norm and a dialect. Thus, the problem, associated with the definition of the status of a particular language variety as a separate language or as a dialect of some language is still open. This in turn leads to difficulties in distinguishing, for instance, the notions of “regiolect” and “regional language” within general categories. The purpose of this article is to find the most appropriate set of concepts and terms that can be applied in the study of the linguistic variation of urban vernaculars at the phonological and phonetic levels, taking into account the peculiarities of the German urban colloquial language.

Keywords: sociolinguistics, sociophonetics, urban vocabulary, urban language, regional vocabulary, metrolect

На всем протяжении многотысячелетней истории города отличались исключительным языковым многообразием. Городской язык отличается от других форм существования языка, в том числе и от литературного, на всех языковых уровнях: фонологическом, грамматическом, синтаксическом, лексическом и идиоматическом. Данная статья посвящена рассмотрению терминологического аппарата в рамках социолингвистических исследований немецкоязычной традиции, который относится к области исследований языковой вариативности групп носителей немецкого языка, проживающих в больших городах: «урбанолект», «метролект», «региональный язык», «городской язык», «местный язык». Предпринимается попытка разграничить данные понятия. Разнообразие терминологического аппарата в сфере социолингвистики, используемого для описания различных форм существования языка, является не только следствием необходимости описания большого количества разнообразных языковых явлений в рамках различных категорий (территориальное деление, социальная стратификация, национальный признак и т. д.), но и следствием некоторой неопределенности базовых понятий и их взаимодействия, на которые этот аппарат опирается: язык, языковая норма, диалект. Проблема, связанная с определением статуса конкретной разновидности языка как отдельного языка либо как диалекта какого-то языка, до сих пор остается открытой. Это в свою очередь ведет к трудностям в разграничении, например, понятий «региолект» и «региональный язык» в рамках общих категорий. Основной целью статьи является поиск наиболее подходящего набора понятий и терминов, которые можно применять в рамках изучения языковой вариативности городского просторечия на фонологическом и фонетическом уровнях, учитывая особенности немецкого городского разговорного языка.

Ключевые слова: социолингвистика, социофонетика, урбанолект, городской язык, региолект, метролект

Для цитирования: Рудяков Л.А. Особенности описания терминологического аппарата в рамках изучения городского языка // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №1 (71). С. 65–70. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-65-70

Интерес современных отечественных и зарубежных исследователей к изучению языка с точки зрения социолингвистики определяется постоянными изменениями, фиксируемыми на всех уровнях языковой системы. В основе подобных языковых процессов лежит вариативность, вызванная взаимодействием языковых и социальных структур. При рассмотрении основных направлений развития литературной нормы конкретного языка неизбежно возникает вопрос о том, какие факторы оказывают решающее влияние на формирование нормы языка.

В рамках деятельности научной школы социофонетики и фоностилистики профессора А. Д. Петренко особое внимание уделяется исследованиям в области вариативности языка, в частности на фонологическом и фонетическом уровнях. Разнообразие терминов, используемых для описания различных форм существования языка, в сфере социолингвистики является отражением необходимости изучения широкого спектра этих форм. Вопрос изучения языковой вариативности, обусловленной стратификацией общества на различные слои, группы, до сих пор окончательно не решен и остается одним из ключевых в современном языкознании [1]. Данная статья посвящена рассмотрению терминологического аппарата в рамках социолингвистических исследований, который относится к области изучения языковой вариативности групп носителей немецкого языка, проживающих в больших городах: «урбанолект», «метролект», «региональный язык», «городской язык», «местный язык». Предпринимается попытка разграничить данные понятия.

Основной целью статьи является поиск наиболее подходящего набора понятий и терминов, которые можно было бы использовать в рамках изучения языковой вариативности городского просторечия на фонологическом и фонетическом уровнях, учитывая особенности немецкого городского разговорного языка.

Местные языки (Lokalsprachen) или региональные языки (Regionalsprachen) – это те формы существования языка, где данное различие невозможно и несколько мест или даже целый регион имеют определенный диалект [2, с. 10]. «Местный диалект» (Ortsdialekt), или «местное наречие» (Ortsmundart), – это диалект или наречие какого-либо места, где этот диалект лингвистически достаточно сильно отличается от язы-

ков, на которых говорят в окрестностях данного места, и может быть выделен отдельно.

Словарь социолингвистических терминов дает следующее определение понятию «местный язык»: «1) языки национальных меньшинств в многонациональном государстве, если к тому же носители этого языка являются двуязычными; 2) территориальные диалекты и обиходно-разговорная речь города (городское просторечие) в однонациональных странах. Основная форма реализации М.я. – устная, основные формы применения – быт, хозяйственная деятельность. М.я. используется главным образом в устном неофициальном общении» [3, с. 118].

Если первое определение является более конкретным проявлением языковых явлений в области исследования билингвизма и обладает набором конкретных критериев (язык национальных меньшинств, многонациональное государство, билингвизм), то вторая дефиниция используется для обозначения языкового феномена городского просторечия, не подверженного влиянию других языков или миграционной культуры.

В зависимости от административного статуса места иногда также используются термины «деревенский диалект» (Dorfdialekt), «диалект общины» (Gemeindedialekt), «диалект городского района» (Stadtteildialekt) и «городской диалект» (Stadtdialekt).

Поскольку многие города «выросли» из более мелких административных единиц в результате слияния, может случиться так, что старые местные диалекты останутся в городе и не образуется единого городского диалекта, например, как в Крефельде – Krieewelsch Platt с его вариантами, Ödingsch (Ürdinger Platt) и Hölisch Platt (Hülser Platt). Схожим образом может произойти слияние или объединение нескольких местных диалектов в один городской диалект (как, например, в г. Кельн – Kölsch).

Ясно различимые местные диалекты встречаются особенно часто в районах со значительным языковым разделением в переходных зонах между диалектными группами диалектного континуума [4, с. 144], например, в Центральном Гессене (Mittelhessische Dialekte), такие как Hinterländer Platt, Wittgensteiner Platt, Rhöner Platt, в Рейнской области (Rhenish Fan). Это особенно ярко выражено в районах со значительным географическим разделением и относительно изолированными поселениями, например, в Валлиссских диалектах и на небольших островах.

Местный диалект на острове (например, Öömrang) в разговорном языке может называться *островным диалектом (Inseldialekt)*. Данное понятие, однако, с лингвистической точки зрения, следует разграничить с понятием *языковой остров (Dialektinsel)*, который представляет из себя языковой эксклав, полностью окруженный ареалом другого языка или языков. Возникновение таких островов возможно в следующих случаях: иммиграция небольших языковых групп в иноязычные районы (пример: каталонцы в Сардинии); иммиграция доминирующей языковой группы и последующая почти полная ассимиляция – за исключением нескольких языковых общин – первоначального населения (пример: лужицкие сербы в Восточной Германии); вымирание языка в промежуточной области по отношению к области распространения (пример: вельский датский – Viöler Dänisch) [5]. Местный диалект острова и диалект языкового острова будут представлять из себя разные языковые явления и объекты исследования.

Говоря об «урбанолекте» (Urbanolekt) или «городском языке» (Stadsprache), принято рассматривать разновидность языка, на котором говорят в городе или городском регионе. Подобно региолекту (Regiolekt), это некодированный разговорный язык, который находится между местным диалектом или диалектами окружающей местности, с одной стороны, и разговорным стандартным языком или литературным языком – с другой, и является посредником между ними [6, с. 202]. Урбанолект часто классифицируется как социолект, поскольку его носителями являются только определенные группы населения, по крайней мере, на начальном этапе. Если урбанолект значителен или широко распространен за пределами непосредственного городского региона, если он оказывает сильное влияние на языки окружающей местности или если он возник из смеси очень разных по происхождению языков, например, в контексте волн иммиграции в городскую среду, его скорее можно назвать метролектом (Metrolekt), чем урбанолектом [7, с. 301].

В русистике урбанолект определяют и как полудиалект, наддиалектную форму существования языка: «Полудиалект / урбанолект представляет собой возникшую на базе диалекта, нивелированную, по происхождению чаще городскую или узкорегionalную разговорную наддиалектную форму существования языка, занимающую в иерархии всех промежуточных форм низшую (более близкую к диалекту) ступень» [8, с. 285], [9, с. 3–4]. В. В. Иванов называл вопрос изучения языка большого города «одним из самых акту-

альных в рамках современных социолингвистических исследований» [10, с. 43].

В отличие от урбанолекта, метролект – это разновидность языка, на котором говорят в мегаполисе [11, с. 53]. Это устный разговорный язык, но на историю его развития более сильное влияние оказали волны иммигрантов. Таким образом, старые диалектные субстраты стали не только малочисленные, но и попали под влияние более отдаленных языковых групп. Например, берлинский язык, как и рурский вариант немецкого языка, представляет собой городскую смесь языков, которая является результатом не только регионального происхождения, но и смешения диалектов разного генезиса. В случае берлинского языка, например, следует особо отметить влияние нижненемецкого и голландского языков, идиша и французского языка, а также польского и силезского языков. Последние два также оказали сильное влияние на рурский вариант немецкого языка, хотя и гораздо позже.

Метролект развивается из одного или нескольких социолектов, поскольку во время их возникновения только определенные группы населения говорят на развивающемся метролекте, в то время как другие, более лингвистически консервативные социальные группы, осваивают и учатся применять данную форму существования языка.

Явно чаще, чем региолект или даже урбанолект, метролект формирует центр языковых изменений, и его инновации оказывают влияние на развитие языка в окружающем регионе [Там же, с. 84].

Рассматривая такие понятия, как урбанолект и метролект, можно сказать, что первый чаще классифицируется как социолект, поскольку его носителями являются только определенные группы населения, а второй, ввиду того, что он развивается из одного или нескольких социолектов в городской среде, является скорее производной от урбанолекта и отображает возможную тенденцию языковых изменений. В отечественном языкознании понятие «метролект» не распространено и чаще совпадает с понятием «городской язык».

Региональный язык – это лингвистический термин, а также одно из основных понятий, если речь идет об определении языковой политики любого конкретного государства. Для термина «региональный язык», как и для термина «язык меньшинств», еще не выработано общепринятого точного концептуального лингвистического определения [12, с. 110–112]. Часто не проводится точного различия между региональными языками и языками национальных меньшинств [Там

же]. В Европе термин «региональный язык», скорее всего, определяет не имеющий гражданства автохтонный «отстоящий язык» (Abstandsprache) или «развитый язык» (Ausbausprache), который имеет минимальную стандартизацию [11], [12]. Это относится, например, к валлийскому языку в Великобритании и баскскому в Испании и Франции как к «отстоящему языку» и к галисийскому в Испании как дополнительному языку [11]. Эльзасский, например, не является региональным языком в соответствии с этим определением в отсутствие эффективной стандартизации, а представляет собой франкоязычный внешний диалект немецкого языка [Там же]. В большинстве случаев термин «региональный язык» используется для описания языка, который, по сути, не является региональным языком.

В отечественной традиции термин «региональный язык» трактуется следующим образом: языковое образование, которое не имеет статуса общего языка в данном государстве [3, с. 181]. В многонациональных странах это: а) языки наций и других крупных этнических образований, имеющие литературную форму; б) бесписьменные языки крупных народностей, играющих роль центра этнической консолидации в данном регионе.

Исходя из данной трактовки, региональный язык определяется на основе экстралингвистических факторов, которые касаются вопросов культуры, демографии, национальной и культурной политики государства: «статус общего языка», «моно / многонациональная страна», «этнические образования». Однако одним из критериев наделения языка статусом «регионального» является наличие литературной нормы, что, с одной стороны, конкретизирует и разграничивает данное понятие с другими, но, с другой – добавляет неопределенности ввиду отсутствия консенсуса в отношении трактовки понятия «литературной / языковой нормы» как таковой.

В большинстве случаев региональный язык относится к нестандартизированной форме языка (языковой разновидности), которая близка к языковой норме, но имеет региональную окраску. Часто речь идет о переходной форме между диалектом и стандартным вариантом – региолектом (Regiolekt). Если речь идет только об одном месте, например, о деревне или долине, то используется термин «местный язык», особенно если существует и региональный язык, распространенный на этой территории. Термин «автохтонный язык» также используется для обозначения региональных языков [12, с. 30].

Использование термина «региональный язык» в политической и правовой сферах опирается на выводы лингвистики, но направлено на меры языковой политики. Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств, подписанная Советом Европы в 1992 году, ввела понятие регионального языка в международное право. Швейцария ратифицировала Хартию языков в 1997 г., Федеративная Республика Германия – в 1998 г., а Австрия – в 2001 г. Всего на сегодняшний день Хартию ратифицировали 26 государств Совета Европы [13]. Двадцать одна страна Совета Европы, включая страны ЕС Францию, Бельгию, Италию и Португалию, не сделали этого шага.

Хартия не уточняет, какой из охраняемых языков является языком меньшинства, а какой – региональным языком. В некоторых случаях государства прямо называют язык региональным в своих обязательных отчетах Комитету министров Совета Европы. Например, Федеративная Республика Германия прямо выделяет нижне-немецкий язык как региональный язык из числа языков меньшинств – датского, фризского, лужицких языков и цыганского [14]. В других странах особое внимание уделяется диалектам, например, нижнесаксонским диалектам Нидерландов (Nedersaksisch): астурийскому, каталонскому, баскскому, галисийскому, шотландскому или валлийскому языкам. Косвенно разница обусловлена тем, является ли группа носителей языка признанным национальным меньшинством.

Термин «язык меньшинства» в данном случае является не столько языковым, сколько политическим и социологическим, поскольку в основе оперирует экстралингвистическими категориями (население, территория, государство) и определяется нормативно-правовыми документами в рамках отдельных стран, союзов.

Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств от 5 ноября 1992 года определяет язык меньшинства как язык, используемый меньшинством на национальной территории, который отличается от официального языка и не является ни диалектом, ни языком иммигрантов. Хартия не делает различия между языками меньшинств и региональными языками с научной точки зрения, первые часто определяются этнически, вторые – по региональному распространению [15].

Региональные языки и языки меньшинств в Европе можно разделить на четыре категории:

– языки общин в одном государстве, которые не составляют там большинства, например, язык лужицких сербов в Германии или валлийский в Великобритании;

– языки общин в двух или более государствах, не составляющие большинства ни в одном из них, например, баскский во Франции и Испании или саамский в Финляндии, Норвегии, России и Швеции;

– языки общин, которые являются меньшинством в одном государстве, но большинством в другом, например, датский в Германии, финский в Швеции и шведский в Финляндии;

– территориально не связанные языки, на которых традиционно говорят в одном или нескольких государствах, но которые не могут быть отнесены к определенной территории, например, языки синти и рома (цыганские), евреев (идиш), ениш (енишский язык) и российских меннонитов (немецко-платский диалект).

Европейский Союз включает люксембургский язык в число языков меньшинств, поскольку он не является официальным языком ЕС [16]. Ирландцы также имели этот статус до 13 июня 2005 года. В течение нескольких лет различные жестовые языки получили статус языков меньшинств в разных странах Европейского Союза.

Разнообразие терминов в сфере социолингвистики, используемых для описания различных форм существования языка, является не только следствием необходимости описания большого количества разнообразных языковых явлений в рамках различных категорий (территориальное деление, социальная стратификация, национальный признак и т. д.), но и следствием некоторой неопределенности базовых понятий и их взаимодействия, на которые этот аппарат и опирается: язык, языковая норма, диалект. Так, проблема, связанная с определением статуса конкретной разновидности языка как отдельного языка либо как диалекта какого-то языка, до сих пор остается открытой. Это в свою очередь ведет к трудностям в разграничении, например, понятий «региолект» и «региональный язык» в рамках общих категорий. Анализ понятий «урбанолект», «метролект», «региональный язык», «городской язык», «местный язык» показывает, что наиболее нейтральным и подходящим понятием в рамках изучения языковой вариативности городского просторечия на фонологическом и фонетическом уровнях, учитывая особенности немецкого городского разговорного языка, будет «городской язык» или «местный язык», поскольку категориально данные понятия затрагивают большинство составляющих городского просторечия. Понятия «метролект» или, например, «местное наречие» больше подходят для изучения частных проявлений языковых феноменов – билингвизма, языка мигрантов и т. д.

Список источников

1. Петренко Д. А. О некоторых проблемах социально-функциональной стратификации языка. Д. А. Петренко, М. В. Чернышова / Ученые записки КФУ имени В. И. Вернадского. Научный журнал. Филологические науки. Том 1(67), No1. Симферополь, 2015. С. 189–196.
2. Theodor Horster: „Rheinberger Wörterbuch – Eine Dokumentation der Mundart am unteren Niederrhein“ Rheinland-Verlag, Köln, 1996, ISBN 3-7927-1472-8 in der Einleitung von Georg Cornelissen, Abschnitt 1.4, Seiten 18 ff.
3. Словарь социолингвистических терминов. М.: Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук, 2006. 312 с.
4. Crystal, David (2006). A Dictionary of Linguistics and Phonetics (6th ed.). Blackwell. 529 p.
5. Peter Wiesinger. Deutsche Dialektgebiete außerhalb des deutschen Sprachgebietes. In: Werner Besch (Hrsg.): Dialektologie. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung. de Gruyter, Berlin 1982. Pp. 900–929.
6. Gerhard Bauer (Hrsg.): Stadtsprachenforschung unter besondere Berücksichtigung des Verhältnisses der Stadt Straßburg in Spätmittelalter und früher Neuzeit (= Göppinger Arbeiten zur Germanistik. Band 488). Kümmerle Verlag, Göppingen 1988. 488 p.
7. Jürgen Erich Schmidt, Joachim Herrgen. Sprachdynamik. Eine Einführung in die moderne Regionalsprachenforschung (= Grundlagen der Germanistik. Band 49). Erich Schmidt Verlag, Berlin, 2011, 464 p.
8. Жирмунский В. М. Немецкая диалектология. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. 636 с.
9. Мокрова Наталья Игоревна. Формы существования немецкого языка // Вестник ИРГТУ. 2014. №8 (91). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-suschestvovaniya-nemetskogo-yazyka> (дата обращения: 14.11.2022).
10. Иванов В. В. Лингвистика третьего тысячелетия. М.: Языки славянской культуры, 2004. 208 с.
11. Karl-Heinz Siehr, Elisabeth Berner (Hrsg.). Sprachwandel und Entwicklungstendenzen als Themen im Deutschunterricht. fachliche Grundlagen – Unterrichts Anregungen – Unterrichtsmaterialien. Universitätsverlag Potsdam, Potsdam 2009. 175 p.
12. Kloss H. Abstand languages and Ausbau languages // Anthropological Linguistics. Harvard: Harvard Press, 1967. pp.29–41
13. Hans-Ingo Radatz. Regionalsprache und Minderheitensprache. In: Sandra Herling et al. (Hrsg.): Welt-sprache Spanisch: Variation, Soziolinguistik und geographische Verbreitung des Spanischen. Handbuch für das Studium der Hispanistik (Romanische Sprachen und ihre Didaktik). 2013. 71 p.
14. Unterschriften und Ratifikationsstand des Vertrags 148. Europäische Charta der Regional- oder Minderheitensprachen (Stand: 26. März 2018)
15. Jan Wirrer (Hrsg.): Minderheiten- und Regionalsprachen in Europa. Westdeutscher Verlag, Opladen 2000, S. 8 (Seitenansicht bei Digi20).

16. Sandra Nißl.: Die Sprachenfrage in der Europäischen Union. Möglichkeiten und Grenzen einer Sprachenpolitik für Europa. München, 2011. 77 p.

References

1. Petrenko, D. A. (2015). *O nekotorykh problemakh sotsial'no-funktional'noi. stratifikatsii yazyka* [On Some Problems of Social and Functional Language Stratification]. D. A. Petrenko, M. V. Chernyshova. *Uchenye zapiski. KFU imeni V. I. Vernadskogo. Nauchnyi zhurnal. Filologicheskie nauki. Tom 1(67). No. 1*, pp. 189–196. Simferopol'. (In Russian)
2. Horster, Theodor (1996). *Rheinberger Wörterbuch - Eine Dokumentation der Mundart am unteren Niederrhein* [Rheinberger Dictionary - a Recording of the Dialect on the Lower Rhine]. Rheinland-Verlag, Cologne, ISBN 3-7927-1472-8 in the introduction by Georg Cornelissen, section 1.4, pages 18 ff. (In German)
3. *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov* (2006) [Dictionary of Sociolinguistic Terms]. 312 p. Moscow. (In Russian)
4. Crystal, David (2006). *A Dictionary of Linguistics and Phonetics (6th ed.)*. 144 p. Blackwell. (In English)
5. Wiesinger, Peter (1982). *German Dialect Areas Outside the German Language Area*. In: Werner Besch (ed.): *Dialectology. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung*. de Gruyter, pp. 900–929. Berlin. (In German)
6. Bauer, Gerhard (Hrsg.) (1988). *Stadtsprachenforschung unter besondere Berücksichtigung des Verhältnisses der Stadt Straßburg in Spätmittelalter und früherer Neuzeit* [Urban Language Research with Special Consideration of the Relationship of the City of Strasbourg in the Late Middle Ages and Early Modern Times] (= Göppinger Arbeiten zur Germanistik. Band 488). 488 p. Kümmerle Verlag, Göppingen. (In German)
7. Schmidt, Jürgen Erich, Herrgen Joachim (2011). *Sprachdynamik. Eine Einführung in die moderne Regionalsprachenforschung* [Language Dynamics. An Introduction to Modern Regional Language Research] (=

Grundlagen der Germanistik. Band 49). 464 p. Erich Schmidt Verlag, Berlin. (In German)

8. Zhirmunskii, V. M. (1956). *Nemetskaya dialektologiya* [German Dialectology]. 636 p. Leningrad, izd-vo Akademii nauk SSSR. (In Russian)
9. Mokrova, N. I. (2014). *Formy sushchestvovaniya nemetskogo yazyka* [Forms of Existence of the German Language]. *Vestnik IrGTU. No. 8 (91)*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-suschestvovaniya-nemetskogo-yazyka> (accessed: 14.11.2022). (In Russian)
10. Ivanov, V. V. (2004). *Lingvistika tret'yego tysyacheletiya* [Linguistics of the Third Millennium]. 208 p. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russian)
11. Siehr, Karl-Heinz, Berner Elisabeth (Hrsg.) (2009). *Sprachwandel und Entwicklungstendenzen als Themen im Deutschunterricht* [Language Change and Development Tendencies as Topics in German Lessons]. fachliche Grundlagen – Unterrichts Anregungen – Unterrichtsmaterialien. 175 p. Universitätsverlag Potsdam, Potsdam. (In German)
12. Kloss, H. (1967). *Abstand Languages and Ausbau Languages*. *Anthropological Linguistics*. Harvard, Harvard Press. (In English)
13. Radatz, Hans-Ingo (2013). *Regionalsprache und Minderheitensprache* [Regional Language and Minority Language]. In: Sandra Herling et al. (eds.): *Weltsprache Spanisch: Variation, Sociolinguistik und geographische Verbreitung des Spanischen. Handbuch für das Studium der Hispanistik (Romanische Sprachen und ihre Didaktik)*. P. 71. (In German)
14. *Unterschriften und Ratifikationsstand des Vertrags 148. Europäische Charta der Regional- oder Minderheitensprachen* (2018) [Signatures and Ratification Status of the Treaty 148th. European Charter for Regional or Minority Languages (as of 26 March 2018)]. (In German)
15. Wirrer, Jan (ed.) (2000). *Minderheiten- und Regionalsprachen in Europa* [Minority and Regional Languages in Europe]. Westdeutscher Verlag, Opladen. P. 8 (page view at Digi20). (In German)
16. Nißl, Sandra (2011). *Die Sprachenfrage in der Europäischen Union* [The Language Question in the European Union]. Möglichkeiten und Grenzen einer Sprachenpolitik für Europa. 77 p. München. (In German)

The article was submitted on 31.01.2023

Поступила в редакцию 31.01.2023

Рудяков Леонид Александрович,
аспирант,
Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского,
295007, Россия, Симферополь,
проспект Академика Вернадского, 4.
leonid.rudyakov@mail.ru

Rudyakov Leonid Alexandrovich,
graduate student,
Crimean Federal University named
after V. I. Vernadsky,
4 Akademik Vernadsky Str.,
Simferopol, 295007, Russian Federation.
leonid.rudyakov@mail.ru

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-71-75

ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ В РАССКАЗЕ Г. ЯХИНОЙ «МОТЫЛЁК»: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

© Айгуль Салахова

VOCATIVE FORMS IN G. YAKHINA'S SHORT STORY "A MOTH": LINGUISTIC AND CULTURAL ISSUES

Aygul Salakhova

This article deals with the features of vocative forms used in a literary text. Guzel Yakhina's short story "A Moth" was chosen as one of the most meaningful in terms of presenting culturally significant information (due to the combination of fictional and documentary narrative). The aim of the article is to identify and comment on linguistic universals and peculiar Russian (including Soviet) linguistic culture, which are realized in special forms of Russian anthroponymic appellatives in specific speech acts of address in the story. Methodologically, the article is of interdisciplinary character, because the author uses methodological tools based on the application of general scientific methods (modeling, interpretation) and specific methods (linguistic reconstruction of culture, language and culture commentary). Having analyzed the corpus of appellative words that forms a specific space of interpersonal communication in a literary text, the author highlights the features of the worldview and communicative stereotypes of the era, reconstructed in the literary text. We identify the reasons for the unproductive use of appellatives in the analyzed text by G. Yakhina, as well as the most frequently used anthroponymic units.

Keywords: literary text, Russian anthroponymic appellatives (vocatives), G. Yakhina, "A Moth", linguocultural studies

Цель статьи состоит в том, чтобы выявить единицы корпуса антропонимических обращений в конкретном художественном тексте – рассказе Гузель Яхиной «Мотылёк», сопроводив их лингвокультурным комментарием, облегчающим понимание эксплицитно и имплицитно выраженной информации. Таким образом, исследовательский интерес обращен к лингвистическим универсалиям и уникальным моделям русской (в том числе советской) лингвокультуры, реконструированным в конкретных единицах художественной речи – формах русских апеллятивов в рамках речевого акта обращения. Следует отметить, что нарратив анализируемого текста Г. Яхиной отличается очевидным синтезом документального, художественного, фикционального и мифологического начал. Методологически статья носит междисциплинарный характер, поскольку автор использует методологический инструментарий, основанный на применении общенаучных (моделирование, интерпретация) и специфических (лингвистическая реконструкция культуры, языковой и культурологический комментарий) методов. Проанализировав корпус русских антропонимических апеллятивов, сформировавших специфическое пространство межличностного общения в художественном тексте, автор выделяет особенности мировоззрения и коммуникативных стереотипов, реконструируемых в художественном тексте. Выявлены причины непродуктивности употребления апеллятивов в анализируемом тексте Г. Яхиной, поскольку корпус отличается, прежде всего, крайней ограниченностью единиц. Кроме того, описаны наиболее частотные по употреблению антропонимические единицы, дана их классификация и определена функция внутри художественного мира произведения.

Ключевые слова: художественный текст, русские антропонимические апеллятивы (обращения), Г. Яхина, рассказ «Мотылёк», лингвокультура

Для цитирования: Салахова А.Р. Формы обращения в рассказе Г. Яхиной «Мотылек»: лингвокультурный комментарий // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №1 (71). С. 71–75. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-71-75

Гузель Яхина, неоднократно реконструируя в своих текстах конкретные фрагменты действительности: голод в Поволжье (роман «Эшелон на Самарканд»), жизнь этнических меньшинств в

эпоху становления СССР (романы «Зулейха открывает глаза», «Дети мои» и рассказ «Винтовка»), культурные коды многонационального города (эссе «Сад на границе»), словно пытается преодолеть фикциональность собственного художественного высказывания. Однако именно создаваемая писательницей художественная модель мира является выражением определенного культурного, художественного смысла, не замещающего мир реальный: с одной стороны, единство времени и пространства действия составляют основу прозаического сюжета, с другой – приобретают символический характер на уровне мотивов.

В рассказе «Мотылёк» перед читателями предстает фрагментарная картина жизни острова Свяжска 60-х годов XX века, эпохи несостоявшейся оттепели, когда герои продолжают свое существование в границах привычного им закрытого мира, поддерживая его ритуалы и эффемизируя пространство вокруг себя. Используя способ не прямой и периферической номинации, Гузель Яхина обозначает место действия (*Остров*) и главного героя (*Мотылёк*). Избегая прямого указания на время, она косвенно указывает на период жизни на Острове главного героя (*недавно – семь или восемь лет назад* [1]), практически равный всей его жизни, что очевидно в хронике неудавшихся побегов с Острова: *Мотылёк бежал отсюда шесть раз. Первый раз в семь лет... <...> Третий раз Мотылёк бежал уже следующим летом, в свой день рождения, – ему исполнилось восемь*» [Там же]). Хронотопу Острова в рассказе Г. Яхиной присущи отдельные утопические черты: например, изоляция физическими преградами (воды Волги и Свияги), подобно пушкинскому острову Буяну, даровавшему царевичу Гвидону символическое второе рождение и одновременно послужившему местом его изгнания. Основной же временной характеристикой является преодоление объективного времени на Острове (включая, например, организацию школьного процесса: *... она заканчивала восьмой класс. Мотылёк – четвертый. Благодаря Острову они целый год учились вместе* [Там же]), онтологичность времени: *Ива росла у стены храмового подворья. Она была так стара, что, наверное, помнила то время, когда на Острове не было храмов.* [Там же] и одновременно его конечность: *Время почти остановилось; Время замерло* [Там же].

В рамках настоящего исследования интерес представляют антропонимические обращения в рассказе «Мотылёк» Г. Яхиной, поскольку репрезентируют особенности межличностного вербального взаимодействия между персонажами

художественного произведения. Ключевой характеристикой данного корпуса следует признать его крайнюю ограниченность (16 единиц без учёта повторов и грамматических вариантов), а также отсутствие личных имён (онимов) как единиц прямой номинации, принятых в качестве традиционных апеллятивных форм. Кроме того, ни разу не использовано в качестве обращения прозвище главного героя «Мотылёк», вынесенное в заглавие и маркированное как личное: *Это внук мой, Митя. Мотылёк по-семейному* [Там же]), как и другие формы личных имён, упомянутых (при обращении к деду Мотылёка использовано грубое, безличное междометие *Эй,..*) или упомянутых (учитель в классе использует традиционное для русской речевой культуры обращение по фамилии в речевой ситуации подчинения: *Аполлонова, не задирай юбку* [Там же] в рассказе).

Неоднократно упомянутый ранее лингвистический феномен «обращение» мы интерпретируем как коммуникативную единицу, обозначающую лицо через его значимые свойства, выделяемые адресантом речи. Следует подчеркнуть, что в эпическом художественном тексте (по сравнению с драматическим текстом) обращение как специфическая речевая форма, используемая с прагматической коммуникативной целью (назвать и призвать адресата речи к чему-либо), выполняет не только вокативную, но также и эмоционально-экспрессивную функцию. Последняя подразумевает реализацию речевого замысла говорящего, включая не только общение с целью передачи информации, но и такое, которое способствует «либо улучшению, либо поддержанию, либо ухудшению отношений собеседников» [2, с. 292]. При этом в художественном тексте экспликация интерперсональных отношений на основе рассмотрения лингвистического феномена «обращение» позволяет определить внутреннюю обусловленность связей в языковой и концептуальной картине мира, а также в индивидуально-авторской системе ценностей.

Анализ текста рассказа Г. Яхиной «Мотылёк» показал, что корпус антропонимических обращений неоднороден по признакам лексико-грамматической и функциональной отнесенности единиц. Так, были установлены следующие варианты: 1) этикетные обращения (3); 2) термины родства и гендерные обращения (3); 3) имена собственные (1); 4) обращения-классификации (1) и 5) обращения-характеристики (8). Как очевидно из приведенных выше данных, автор рассказа чаще всего использует обращение для выражения отношения к адресату речи, передавая тональность общения, присущую коммуникации

на Острове в целом. При этом наиболее частотные экспрессивные номинации представляют собой ситуативно мотивированные пейоративные характеристики адресатов речи, выраженные в грубой форме (обценная лексика). В соответствии с классификацией русской бранной лексики по функционально-тематическому принципу, предложенной В. М. Мокиенко [3], речевые единицы, использованные Г. Яхиной в качестве обращений-характеристик, относятся к следующим группам:

а) наименования лиц с подчеркнута отрицательными характеристиками, включая качества «подлый, низкий человек» (*сволочь, гады*) и «ничтожный человек, ничтожество» (*мразь*);

б) наименования «результатов» физиологических отравлений (*параша*).

Любопытным представляется и коммуникативное содержание тоекратного повтора разными адресантами лексической единицы *сволочь*, обращенной первоначально к собственному внуку («*Сволочь*», – *лениво сказал дед внуку* [1]), а затем к коллегам по психиатрической лечебнице («*Искать, сволочи! Искать, гады!*» – *командовал низкий голос* [Там же]) и, наконец, к сбежавшему заключенному («*Ты здесь, с... политическая? – громко и отчетливо спросил тишину. – Ты здесь, сволочь под грифом «Ч»?! А ну выходи!*» [Там же]). По нашему убеждению, подобная пейоративная тавтология усиливает атмосферу всеобщего неуважения, затрагивающую семейные, профессиональные и социальные отношения. Любопытно, что в каждом из упомянутых случаев последующая бранная единица служит расширению дискурсивного пространства оскорблений: так, дед относит к провинившемуся внуку ругательства *мразь недоношенная*, семантика которого указывает на ничтожность и неполноценность самого объекта наименования (*мразь* от мерзкий, недоношенный, указание на физиологическую неполноценность), и *параша*, маркированного криминальной сферой употребления, включая перенос качеств табуированного отхожего места на человека. Ругательство *гады*, использованное в качестве обращения к коллегам, также представляет собой единицу бранной лексики со значением низкой оценки человека, основанной на метонимическом переносе негативной интерпретации качеств пресмыкающихся, принятой в христианской культуре. В последнем из приведенных выше примеров оба ругательства прямо указывают на причину негативного отношения – идеологический конфликт: *с... политическая* и *сволочь под грифом «Ч»*. При этом автором используются приемы, обеспечивающие экспрессивность речи: инверсия (в целях эмфа-

зы), при которой значимый в семантическом плане элемент высказывания выражен прилагательным в постпозиции; метонимия, также указывающая на политико-криминальный дискурс обстоятельств «дела под грифом» в отношении лица. Следует отметить также, что ругательное «с...» одновременно апеллирует к криминальному дискурсу, где соотносится с пренебрежительным отношением к предателю. Таким образом, Г. Яхина последовательно (за счет повторов) создает и усиливает атмосферу ненависти в замкнутом мире Острова, провоцируемую, прежде всего, характером несвободных отношений в пенитенциарной системе (включая религиозно-монастырскую систему средних веков до разнообразных форм уголовного преследования в XX веке). Языковые апеллятивы служат, с одной стороны, языковым маркером дискурса многовековой несвободы (история Острова), а с другой – эвфемизируют жестокость островного ритуала поимки беглеца (следует напомнить, что в первом случае пойманный – ребенок, а во втором разыскивают пациента психиатрической лечебницы).

Особого лингвостилистического комментария, по нашему мнению, заслуживают лексические единицы *олухи* и *бездари*, вложенные в уста мистического персонажа из сна Мотылька, которому адресуется обращение «государь» и описание которого прямо соотносимо с кинообразом Ивана Грозного из кинофильма С. Эйзенштейна. Таким образом, в повествование включается мифологический нарратив, реконструирующий прошлое, однако не в его документальной, но в фикциональной образности. Так, при описании фигуры, наблюдаемой якобы из ниши в стене, ключевые узнаваемые детали образа описаны Яхиной с использованием приемов киноязыка (далее названы в скобках): *...рука, держащая факел, костистая, длиннопалая, на каждом пальце по большому перстню* (крупный план); *Обилаг красного бархатного халата* (монтаж, деталь); *И, наконец, лицо: бледное, длинное, с торчащими буграми скул над жидкой темной бородой, с черными, вороньими глазами без век под кустистыми бровями. Соболья шапка с расшитой золотом маковкой съехала на затылок, открывая пряди немывтых волос, расчесанных на прямой пробор* (длинный план); *Человек устало прикрыл глаза и пустил коня быстрее* (движение камеры (отъезд)) [Там же]. В пространстве своего рассказа «Мотылек», не усложняя фабульное действие, Г. Яхина стремится к усложнению хронотопа, умножая фикциональные (легендарный тайный ход, ведущий напрямую из Свяжска в Казань), исторические (основание Свяжс-

ска во время похода на Казань Иваном IV Грозным) и художественные (дом деда Мотылька) пространства, реконструируя многослойность истории Острова. Однако и фикционально-историческое пространство из сна-видения Мотылька наполнено пренебрежительным и неодобрительным отношением к человеку: так называемый «государь», к которому обращаются за мудростью (*Рассуди ты, государь, кто из нас правее, <...>* – *Рассуди, будь милостив* [Там же]), без уважения называет собеседников *олухами*, пренебрежительно маркируя их невысокий интеллектуальный статус, прибегая к усилению негативной оценки за счёт апеллиатива *бездари* – авторского окказионализма И. Северянина (см. стихотворение 1912 года «Прощальная поэза (Ответ Валерию Брюсову на его послание)») [4, с. 177], условно соотносимого с речью XVI века.

Нейтральные обращения-характеристики, обусловленные действиями субъекта (Мотылька), принадлежат так называемым «рыбакам», доставляющим на Остров не только спасенного подростка, но и «груз», то есть сумасшедших и политических заключенных, содержащихся в психиатрической лечебнице. При этом антропонимические формы обращения к спасенному из волжских вод ребенку контрастируют с метонимическими номинациями, которые используются по отношению к людям, доставленным на остров по документам: *груз, Два тела. Одно мужского пола, второе женского, третье тело*. Вербальные маркеры живого / неживого, включая визуальный символический компонент образа (белый цвет одеяния), актуализируют античный миф о Хароне, мрачном лодочнике, переправляющем умерших в царство мёртвых на своей лодке. Таким образом, в самом начале повествования обращения-характеристики выполняют разграничительную функцию при атрибутировании центрального персонажа текста, отделяя «живого» от «мёртвых» и обозначая хронотоп иного, закрытого мира, отчужденного ритуальной эфемерией: *Это не наш груз – это ваш груз. <...> ... накладная. Растопитесь* [Там же].

Несмотря на прямое указание на родство главного героя – Мотылька – и его деда, термины родства не используются в качестве обращений-регулятивов, характеризующих речь взрослых и детей в сфере семейного общения (по терминологии В. Е. Гольдина [5, с. 93]). Основное количество подобных случаев употребления (5) (при адресации антропонимических апеллиативов к взрослому) в рассказе Г. Яхиной приходится на обращение к незнакомому взрослому при выражении просьбы и обещания. А. А. Брыкова утверждает, что «обращения дяденька и тетенька

становятся знаком нового детского речевого этикета» [6, с. 56] прежде всего в довоенный период истории СССР, однако и в описываемый в рассказе период служат признаком речевой достоверности художественного текста, который способен выступать в качестве ментального и социального конструкта, отражающего экстралингвистические факты в процессе межличностного общения.

Гендерные обращения, выявленные нами в тексте рассказа Г. Яхиной (1) в составе реплик неофициального характера (при назывании ребенка взрослым), призваны охарактеризовать иной, «цивилизованный» тип коммуникации с ребенком в большом мире, куда Мотылек вырвался с Острова. Апеллиативы *мальчик* и *малыш* за счет частичного семантического совпадения в большей степени указывают на возраст адресата, нуждающегося в помощи. В этом же контексте использованы социально-статусное обращение *милиция*, выполняющее звательную функцию в тексте, и этикетное *товарищи*, последнее маркирует «взрослое» общение [Там же, с. 38–39]. Таким образом, в заключительной части рассказа, используя апеллиативы как языковые маркеры, автор отделяет мир Острова с его грубой бранью от мира города, где выбор конкретным участником коммуникации «того или иного этикетного обращения определяется не только требованиями потенциально неконфликтного общения, но и необходимостью обозначить социальные роли говорящих» [Там же]. Оттенки неодобрения, будучи негативной реакцией на поведение младшего (на Острове), и озабоченности в связи с его неожиданным появлением из люка в центре города позволяют установить контрастность миров, мотивированную в данном случае семантической и прагматической дифференциацией обращений-характеристик взрослых к ребенку в начале и в конце рассказа Г. Яхиной.

Таким образом, ограниченный не только масштабом эпического жанра рассказ Г. Яхиной «Мотылек», но и семантика заточения и странного места, присущая хронотопу Острова в русской литературе, определяют ограниченность корпуса единиц антропонимических обращений. Однако эти причины ни в коей мере не определяют разнообразие единиц и их способность приобретать особые прагматические функции в художественном произведении, выступая маркерами лингвокультурного контекста.

Антропонимические обращения, с одной стороны, характеризуют персонаж с точки зрения его духовного (культурного и интеллектуального) развития, с другой – учитывая выполняемые ими в речи регулятивные функции (при выборе форм

обращений с учетом критериев возраста, пола, ситуации, психоэмоционального фона адресата), становятся инструментом оценивания в идейном противостоянии, способом давления в коммуникации.

Статистика частотности пейоративных форм обращения в речи обитателей Острова помогает реализации авторской идеи – отсутствие общего языка в процессе коммуникации, отчуждение и расчеловечивание. Обращения, намеренно грубые и унижающие адресата, проводя границу между представителями двух противоположенных социальных групп – надзирателей и заключенных, использованы Г. Яхиной преимущественно в регулятивной функции. Использование определенной формы маркированности при адресации речи и последующая ответная реакция на нее являются иллюстрацией устойчивых стереотипов поведения, принятых между членами языкового коллектива: так, демонстративность в использовании грубых и оскорбительных обращений и, с другой стороны, полное игнорирование этой грубости адресатом речи указывают на нарушение норм и даже полное отсутствие коммуникации между обитателями Острова, отрезанными от большого мира и друг от друга.

Очевидна, по нашему мнению, перспектива исследования – рассмотрение проанализированных единиц в составе конкретных речевых актов с целью описания интерперсональных отношений в рамках художественной модели мира в рассказе Г. Яхиной «Мотылёк».

Список источников

1. Яхина Г. Мотылёк // Нева. 2014. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2014/2/motylek-2.html> (дата обращения: 07.02.2023)

Салахова Айгуль Рестамова,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
aygul.salahova@gmail.com

2. Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.
3. Мокиенко В. М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // Русистика. Берлин, 1994. № 1/2. С. 50–73.
4. Северянин И. Громокипящий кубок // Сочинения: в 5 т.: Т. 1. СПб: Logos, 1995. 592 с.
5. Гольдин В. Е. Обращение: теоретические проблемы. М.: URSS, 2009. 136 с.
6. Брыкова А. А. Семантика и прагматика обращений: на материале журналов для детей 20-40-х гг. XX в. «Еж» и «Чиж»: дис. ... канд. филол. наук: СПб., 2016. 244 с.

References

1. Yakhina, G. (2014). *Motylek* [A Moth]. URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2014/2/motylek-2.html> (accessed: 07.02.2023). (In Russian)
2. Stepanov, A. D. (2005). *Problemy kommunikatsii u Chekhova* [Communication Problems in Chekhov's Work]. 400 p. Moscow, Yazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian)
3. Mokienko, V. M. (1994). *Russkaya brannaya leksika: tsenzurnoe i netsenzurnoe* [Russian Swear Words: Censored and Foul Language]. No. 1/2, pp. 50–73. Rusistika. Berlin. (In Russian)
4. Severyanin, I. (1995). *Gromokipyashchii kubok* [A Thunder-Boiling Cup]. Sochineniya: v 5 tomakh. Vol. 1. 592 p. St. Petersburg, Logos. (In Russian)
5. Gol'din, V. E. (2009). *Obrashchenie: teoreticheskie problemy* [Vocatives: Theoretical Problems]. 136 p. Moscow, URSS. (In Russian)
6. Brykova, A. A. (2016). *Semantika i pragmatika obrashchenii: na materiale zhurnalov dlya detei 20-40-kh gg. XX v. "Ezh" i "Chizh": dis. ... kand. filol. nauk* [Semantics and Pragmatics of Vocatives: Based on Magazines for Children "Ezh" and "Chizh" of the 1920s–1940s: Ph.D. Thesis]. Saint Petersburg, University of St. Petersburg, 244 p. (In Russian)

The article was submitted on 22.03.2023
Поступила в редакцию 22.03.2023

Salakhova Aygul Restamovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
aygul.salahova@gmail.com

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-76-80

ПРЕВЕНТИВ В ГОРОСКОПИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

© Наилья Фаттахова, Динара Рахимова

THE PREVENTIVE IN THE HOROSCOPE TEXT

Nailya Fattakhova, Dinara Rakhimova

The article studies the specifics of the semantics and structure of the preventive in the horoscope text, which is built according to the rules characteristic of any text. The horoscope possesses completeness, coherence, integrity, logic, etc., while it can have texts of different length: from two to three sentences to the full text including from 5 to 30 sentences. Volumetric horoscopes, as a rule, contain predictions for a year or a month, small horoscopes specialize in predictions for one day. The purpose of our work is to identify the specifics of representing the meaning of warning in television discourse. By making the syntactic level the focus of our attention, we clarify the definition of a warning as a special type of pragmatic expression of will. The article identifies the preventive model in television discourse. For this model, the concessive-contrastive semantics is relevant, which functions most often as implicit in various contexts. We describe the keywords, nominating the preventive in the horoscope, and the conditions for semantic substitutions of keywords. The main method of research is a discourse analysis of more than 1000 horoscopic texts functioning in the program "Good Morning" (TV I). The results of an anonymous survey of more than 2,000 people indicate that about 50 percent of respondents believe horoscopes.

Keywords: horoscope, preventive, concessive-contrastive semantics, syntax, television discourse

Статья посвящена исследованию специфики семантики и структуры превентива в гороскопическом тексте, который строится по правилам, характерным для любого текста. Гороскоп обладает завершенностью, связностью, целостностью, логичностью и т. п., при этом у него может быть различный объем текста: от двух-трех предложений до целого текста, включающего от 5 до 30 предложений. Объемные гороскопы, как правило, содержат предсказания на год или месяц, небольшие гороскопы специализируются на предсказаниях на один день. Цель нашей работы – выявить специфику репрезентации значения предостережения в телевизионном дискурсе. Перенесение в фокус внимания синтаксического уровня способствовало уточнению определения предостережения как особого типа прагматического волеизъявления. Выявлена модель превентива в телевизионном дискурсе, для которой релевантной представляется уступительно-противительная семантика, в различных контекстах функционирующая чаще всего как имплицитная. Описаны ключевые слова, номинирующие превентив в гороскопе, выявлены условия семантических замен ключевых слов. Основным методом исследования является дискурс-анализ более 1000 гороскопических текстов, функционирующих в программе «Доброе утро» (ТВ I). Результаты анонимного опроса более 2000 человек свидетельствуют о том, что гороскопам верит около 50 процентов респондентов.

Ключевые слова: гороскоп, превентив, уступительно-противительная семантика, синтаксис, телевизионный дискурс

Для цитирования: Фаттахова Н.Н., Рахимова Д.И. Превентив в гороскопическом тексте // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №1 (71). С. 76–80. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-76-80

Гороскопы как одна из разновидностей предсказательного текста начали активно развиваться с конца XX века, в настоящее время гороскопы составляются как профессиональными астрологами, так и теми, кто называет себя астрологом. Существуют журналы, календари, практические курсы, авторские методики, чаще всего переводные, организуются лаборатории, в которых ис-

следуют влияние звезд на жизнь и судьбу человека. В последнее время появились и лингвистические работы, ориентированные на изучение как речевых стратегий предсказательного текста, так и его языковой структуры (М. В. Богодарова, А. А. Князева, А. М. Мубаракшина, Е. Р. Савицкайте и др.)

Гороскоп определяется как «таблица взаимного расположения планет и звезд, служащая для предсказания чьей-то судьбы, об исходе какого-то события» [1, с. 140]. Гороскопы в телевизионном дискурсе характеризуются анонимностью и обобщенностью, поскольку ориентированы на любого, всякого человека, родившегося под каким-то знаком зодиака, поэтому их основная функция – развлекательная, они должны создать хорошее настроение у зрителя, настроить на рабочий день. Подобная функциональная направленность влияет на структуру и семантику гороскопического текста в телевизионном дискурсе. Можно говорить о том, что телевизионные гороскопы формируются по определенной модели, в которой структурным прототипом выступает синтаксический уровень, обеспечивающий во взаимодействии с лексическим и морфологическим уровнями определенное понимание текста всеми субъектами. Специфика гороскопа стимулирует появление ядерной уступительно-противительной семантики, включающей предостережение. Что значит предостеречь? Это «заранее предупредить о необходимости остеречься, остерегаться» [Там же, с. 580]. Ключевое слово *заранее* характеризует базовую установку телевизионных гороскопов: заранее снять с себя ответственность, если предсказание не сбудется.

Модель гороскопа трехчленная, она включает в себя следующие элементы: Хотя А..., но (имей в виду, знай) В... . Предупреждение может формироваться на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях языка. И если в ряде работ основным признают морфологический, поскольку превентив рассматривается как форма отрицательного инфинитива (Л. А. Бирюлин, Т. В. Булыгина, В. С. Храковский, Д. Н. Шмелев и др.), в текстах гороскопа превентив функционирует прежде всего на синтаксическом, ядерном, уровне. Периферия семантики предостережения может быть выражена лексически глаголами типа: *предупредить, предостеречь, указать, предотвратить, помешать* и др.: *Стоит предупредить: остерегайтесь подводных камней и будьте предельно осторожны* [2]. Одним из способов предостережения выступает императив со значением отрицания: *не забывайте, не критикуйте, не соглашайтесь, не вступайте в конфликт; В сложных вопросах не настаивайте только на своем мнении, идите на компромисс; Ни в коем случае не доверяйте устным соглашениям; Не рекомендуется погружаться в быт полностью, иначе чувства могут завянуть; В сложных вопросах не настаивайте только на своем мнении* [Там же].

Синтаксис гороскопического текста специфичен, поскольку он отражает динамичный, спонтанный процесс создания текстов, как правило, актуализирующий наиболее значимую информацию, на которую нужно обратить внимание адресату. Мотивационной установкой предложения с уступительно-противительным значением в гороскопических текстах служит семантика предостережения, направленная на то, чтобы предупредить адресата о неблагоприятных последствиях того или иного действия, выстроенная по принципу *хорошо / плохо, плюс / минус, удача / неудача, положительно / отрицательно*. Левая часть предсказания – положительная, ориентированная на удачу, успех, производственные и личные достижения. Как правило, после первого предложения диктор делает длительную паузу, указывающую на то, что это предложение самостоятельное, завершенное, не имеющее продолжения, утверждающее, что все в этот день хорошо и удачно сложится в жизни представителя определенного знака зодиака. Правая часть предсказания, с одной стороны, содержит семантику предостережения против результатов, к которым может привести неправильное поведение индивида, а с другой – свидетельствует о несоответствии ожиданиям субъекта на положительный исход действия первой части. Это связано с тем, что гороскопы неиндивидуальные, обобщенные, направленные на любого, всякого, поэтому их составители снимают с себя ответственность за осуществление / неосуществление предсказания и предупреждают об этом слушателя. Подобное коммуникативное задание, как правило, реализуется в парцеллированных конструкциях, поэтому мы считаем уместным рассматривать письменную фиксацию гороскопического прогноза как одну из разновидностей эмоционально-экспрессивного синтаксиса. Это подтверждается не только определенной интонацией диктора, но и специфической, стилистически сниженной, лексикой, стимулированной данным типом текста.

Если проанализировать динамику превентива в схемах гороскопического текста, можно выявить несколько функциональных уровней, отражающих коммуникативные намерения автора гороскопа. К ним можно отнести предостережение против какого-то действия, которое может снизить положительный эффект первой части гороскопа; предостережение против действия определенным способом, что сводит на нет действие первой части; предостережение против результатов, к которым может привести необдуманное действие и создать угрозу для индивида.

Наиболее частотными в текстах гороскопа являются сложносочиненные предложения, выражающие синкретичные уступительно-противительные отношения с семантикой ограничения действия главной части. Типичной моделью, по которой формируются предложения со значением предостережения, выступает модель (Хотя) А..., но (знайте, имейте в виду) В..., которая предполагает, что объект / событие / явление / процесс В ослабляет, кладет предел, ставит под сомнение или отменяет собой объект / событие / явление / процесс А.

Например: *Возможно, вы вдохновитесь на кулинарные эксперименты. Но нужно внимательнее относиться к тратам. // Хотя, возможно, вы вдохновитесь на кулинарные эксперименты, но (знайте, имейте в виду) нужно внимательнее относиться к тратам* [Там же]. Процесс со знаком плюс в первом предложении вдохновение, желание решиться на кулинарные эксперименты ослабляется гипотетической возможностью немотивированных материальных трат, не соответствующих ожиданиям субъекта.

В качестве аналога противительного союза *но* выступают сочинительные союзы: *однако, только, слово правда*, сочетание союза с частицей *а вот*. При этом синонимичность союзов часто может быть неполной, нарушенной, поскольку каждый из союзов вносит тонкие оттенки смысла, которые могут быть идентифицированы только в контексте. Например, в данном случае мы можем говорить практически о полном совпадении семантики союзов: *Все дела пройдут в спокойном режиме. Однако (но) обращайтесь внимание на мелочи в работе. // Хотя все дела пройдут в спокойном режиме, однако ((но)знайте, имейте в виду) обращайтесь внимание на мелочи в работе* [Там же]. Прогноз мотивирован оппозицией *спокойно / беспокойно*, поскольку если не учитывать мелочи в работе, то это может привести к определенному нарушению спокойствия. Состояние со знаком плюс в первом предложении (*спокойствие*) может быть ослаблено недостаточным вниманием к мелочам, что приводит к неприятностям. Поэтому общая положительная оценка состояния А ослаблена незначительным ожиданием состояния В.

Союз-частица *только* одна из наиболее частотных, при этом в подобных контекстах он теряет свое лексическое значение исключительно и функционирует как сочинительный союз. Союз-частица *только* получил определенное описание в ряде синтаксических работ (В. В. Белошапкина, И. Н. Кручинина, В. З. Санников, Н. Н. Холодов и др.). В Русской грамматике-80 союз-частица *только* определяется следующим обра-

зом: «указывает на препятствующее ограничение, ограничивающее исключение, или вносит корректив, уточнение к предшествующему общению» [3, с. 631]: *Это благоприятный момент для того, чтобы обратить на себя внимание. Только помните: льстецы и подлизы редко говорят что-то полезное. // Хотя это благоприятный момент для того, чтобы обратить на себя внимание. Только ((но)знайте, имейте в виду) помните: льстецы и подлизы редко говорят что-то полезное* [Там же]. Оппозиция *благоприятный / неблагоприятный* позволяет акцентировать внимание на предупреждении негативных результатов неправильного поведения индивида. Третий имплицитный компонент *знайте, имейте в виду* в данном предложении эксплицируется, отсылая субъекта к негативным последствиям неправильного поведения. Еще пример: *Сегодня вам будет сопутствовать удача во всех профессиональных начинаниях. Только не очень зазнавайтесь, иначе удача может отвернуться. // Хотя сегодня вам будет сопутствовать удача во всех профессиональных начинаниях, только ((но)знайте, имейте в виду) не очень зазнавайтесь, иначе удача может отвернуться* [Там же]. Предсказание мотивировано оппозицией *удача / неудача*, при этом эксплицируются последствия: *удача может отвернуться*.

Вторая часть парцелированной конструкции, выступающая в качестве обесценивающей, снижающей положительный эффект первой части, может акцентироваться союзом *но только*. Союз *но только*, включающий частицу *только*, является одним из специализированных союзов, выражающих семантику ограничения, обесценивания положительного значения первой части (И. Н. Кручинина, П. Р. Рогожникова, Н. Н. Холодов и др.), поэтому он часто используется в гороскопических текстах с семантикой предостережения: *Вы захотите попытать свою удачу в лотерее. Но только проявите благоразумие...; Постарайтесь уделять больше времени своей семье и близким. Но только не давайте морочить вам голову; Сегодня отличный день для Овнов. Но только осторожнее на дорогах; Сегодня у вас все получается, работа кипит. Но только не взваливайте на себя больше, чем можете осилить; В это время удача ожидает вас во всех делах. Но только не переоценивайте себя: звезды советуют вам трезво оценить свои силы» // Хотя в это время удача ожидает вас во всех делах, но только (знайте, имейте в виду) не переоценивайте себя: звезды советуют вам трезво оценить свои силы* [Там же].

Предостережение может выражаться в сложных предложениях с уступительной семантикой

с помощью разного рода лексикализованных элементов, в частности, союза *правда* в значении «утверждение, уверенное подтверждение» [1, с. 576]. Союз, «совмещающий связующую функцию с функцией вводного слова» [3, с. 587], может выступать в качестве аналога средства связи с ограничительным значением, указывая на определенное препятствующее обстоятельство, снижающее ценность, но не отменяющее собой действие первой части. При этом придаточная часть находится в постпозиции. Хотя позиция союза *правда* в составе придаточной части свободная, но в гороскопах союз эксплицирует основную семантику предложения и поэтому всегда постпозитивен: *Завтра вас будет переполнять энергия. Правда, какое-то событие может вас расстроить* [Там же]. Слово *правда* в подобных конструкциях синонимично союзу *хотя*: *Завтра вас будет переполнять энергия. Правда ((хотя и) знайте, имейте в виду), какое-то событие может вас расстроить*. Собственно уступительное предложение указывает на то, что какое-то неблагоприятное событие способно снизить, но не отменить положительный результат первого предложения, в таких случаях в гороскопах утверждается: *Но звезды вас предупредили*. В следующем примере указывается на неэффективность действия придаточной части относительно главной части, фиксируется не критичность такого действия: *Сегодня отличный день для интенсивной работы. Правда, могут разораться какие-то ленты, но это не критично*. // *Сегодня отличный день для интенсивной работы. Правда ((хотя и) знайте, имейте в виду), могут разораться какие-то ленты, но это не критично* [Там же]. Аналогичная конструкция, сформированная оппозицией *обычно / необычно*: *Сегодня будет спокойный день. Правда ((хотя и) знайте, имейте в виду), кто-то может удивить вас экстравагантным поведением* [Там же].

Уступительно-сопоставительные конструкции формируются с помощью союза *а* с частицей *вот*, актуализирующей семантику предостережения. Союз *а вот* синонимичен союзу *но вот*. Специальным показателем предостережения является, кроме союза, определенная антонимичность, противопоставленность соединяемых данным союзом парцелированных конструкций, например: *Сегодня вас преследует удача. А вот на дорогах осторожнее: можете нарваться на штраф* // *Хотя сегодня вас преследует удача, а вот ((но вот) знайте, имейте в виду) на дорогах осторожнее: можете нарваться на штраф* [Там же]. Как правило, в первой части констатируется деловой, профессиональный, коммерче-

ский успех, достижение определенного знака зодиака, во второй части указывается на действие или состояние, способные снизить, обесценить действие первой части: *Успех не заставит себя ждать. Вас заметят на работе. А вот крупные покупки нужно перенести на завтра*. // *Хотя успех не заставит себя ждать. Вас заметят на работе, ((но вот) знайте, имейте в виду) крупные покупки нужно перенести на завтра* [Там же]. Здесь работает принцип компенсации: удача в профессиональной области компенсируется житейской неудачей: *У Тельцов ожидается множество встреч делового характера. А вот с деньгами поосторожнее*. // *Хотя у Тельцов ожидается множество встреч делового характера, ((но вот) знайте, имейте в виду) с деньгами поосторожнее* [Там же]. Этот же принцип может работать и в семейной сфере: взаимопонимание в семье / неудача с техникой: *В семье будут царить радость и взаимопонимание. А вот с техникой отношения могут не сложиться*. // *Хотя в семье будут царить радость и взаимопонимание, ((но вот) знайте, имейте в виду) с техникой отношения могут не сложиться* [Там же].

Таким образом, превентив в гороскопическом тексте строится по определенной модели, в основе которой лежит синкретичная уступительно-противительная / сопоставительная конструкция, эксплицированная союзами *но, однако, только, но только, правда, а вот*. При этом следует ориентироваться не столько на формальные характеристики, сколько на контекстуальное функционирование сложного предложения, так как наиболее распространенными являются парцелированные конструкции, вторая часть которых способна обесценивать, но не отменять положительный прогноз, данный в первой части.

Список источников

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. дополненное. Москва: Азбуковник, 1999. 944 с.
2. Гороскоп. Доброе утро. Первый канал. URL: <https://www.1tv.ru/shows/dobroe-utro/goroskop> (дата обращения: 14.03.2023).
3. Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. Москва: Наука, 1980. 709 с.

References

1. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (1999). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 4-e izd. dopolnennoe. 944 p. Moscow, Azbukovnik. (In Russian)
2. *Goroskop. Dobroe utro. Pervyi kanal* [Horoscope. Good Morning. First Channel]. URL:

<https://www.1tv.ru/shows/dobroe-utro/goroskop> (accessed: 14.03.2023). (In Russian)

3. *Russkaya grammatika. Sintaksis* (1980) [Russian Grammar. Syntax]. Т. II. 709 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

The article was submitted on 18.03.2023
Поступила в редакцию 18.03.2023

Фаттахова Наиля Нурыйхановна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
n-fattahova@mail.ru

Fattakhova Nailya Nuryikhanovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
n-fattahova@mail.ru

Рахимова Динара Ирековна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
dinara_dela@mail.ru

Rakhimova Dinara Irekovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
dinara_dela@mail.ru

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-81-88

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ ДАТЕЛЬНОГО, ТВОРИТЕЛЬНОГО И МЕСТНОГО ПАДЕЖЕЙ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА *Ў-СКЛОНЕНИЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ДРЕВНЕРУССКИХ И СТАРОРУССКИХ ПАМЯТНИКОВ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

© Татьяна Хадыева

EVOLUTION OF THE DATIVE, INSTRUMENTAL AND LOCATIVE PLURAL FORMS IN *Ў/*JŎ-DECLENSION BASED ON OLD RUSSIAN BUSINESS WRITING MONUMENTS

Tatiana Khadyeva

The article examines one of the morphological innovations in Old Russian noun declension system, so-called the *a*-expansion, as a result of which the words of all declensions acquired inflections with the formant *-a-* (*-амь, -ами, -ахъ*) in the dative, instrumental and locative plural forms.

An analysis of the relevant **ǔ*/**jǔ*-stem noun forms, which were found in the five studied corpora of Old Russian business writing monuments of different geographical origin, made it possible to reveal several patterns in the development of this process that are significant for historical morphology.

Thus, the data show that the *a*-expansion either was evolving more slowly in the instrumental case than in the dative and locative cases or was less often reflected in writing. Based on the studied material, the article concludes that neuter nouns could succumb to the *a*-expansion faster than masculine words. In addition, the data of the studied texts allowed assuming that the *a*-expansion began earlier and was evolving faster in the northwest, while in the central zone this process proceeded slower.

Keywords: Old Russian, historical morphology, business writing, noun declension, **ǔ*/**jǔ*-stem declension, *a*-expansion

В статье рассматривается одна из морфологических инноваций в системе склонения существительных в древнерусском языке – так называемая *a*-экспансия, в результате которой слова всех склонений в формах дательного, творительного и местного падежей множественного числа приобрели флексии с формантом *-a-* (*-амь, -ами, -ахъ*).

Анализ соответствующих форм имен существительных склонения на **ǔ*, которые встретились в пяти исследованных корпусах древнерусских и старорусских памятников деловой письменности разного географического происхождения, позволил выявить в развитии этого процесса несколько закономерностей, значимых для исторической морфологии.

Так, данные памятников показывают, что в формах творительного падежа *a*-экспансия или развивалась медленнее, чем в формах дательного и местного падежей, или значительно реже отражалась на письме. На основании исследованного материала также было сделано заключение о том, что существительные среднего рода могли поддаваться *a*-экспансии быстрее, чем слова мужского рода. Кроме того, данные изученных текстов позволили предположить, что *a*-экспансия начиналась раньше и быстрее развивалась на северо-западной территории, в то время как в центральной зоне этот процесс протекал медленнее.

Ключевые слова: древнерусский язык, историческая морфология, деловая письменность, склонение существительных, склонение на **ǔ*, *a*-экспансия

Для цитирования: Хадыева Т.В. Эволюция форм дательного, творительного и местного падежей множественного числа **ǔ*-склонения по материалам древнерусских и старорусских памятников деловой письменности // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №1 (71). С. 81–88. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-81-88

Древнерусская система склонения существительных в процессе исторического развития языка значительно изменилась. При этом действовала тенденция к ее упрощению, которая проявилась

лась, например, в унификации твердого и мягкого вариантов склонения, а также в унификации разных типов склонения во множественном числе. В результате формы дательного, творительного и местного падежей всех склонений приобрели флексии с формантом *-a-*, то есть произошла так называемая *a*-экспансия.

Древнейшими примерами, иллюстрирующими проникновение флексий с формантом *-a-* в парадигму **ǫ*-склонения, являются формы *на ножсѧхо*, *на ожерьлиѧхо* из текста новгородской берестяной грамоты № 1011 середины XII века [1, с. 110–111]. Однако морфологические изменения не происходят мгновенно. *A*-экспансия продолжалась несколько веков и по говорам проходила с разной скоростью.

До XIV века примеры отражения этого процесса в текстах редки [2, с. 126]. А в памятниках московского региона еще в XVI–XVII вв. часто встречались исконные окончания с формантом *-o-* [3, с. 96], что, по-видимому, можно объяснить консервативностью писцов и их стремлением следовать установившимся нормам письменного языка. И даже в московских деловых памятниках начала XVIII века А. И. Соболевский отмечал сохранение старых форм, хотя маловероятно, что в это время они существовали в живом языке [4, с. 178].

Проведенный нами анализ деловых памятников показал, что *a*-экспансия в дательном, творительном и местном падежах множественного числа (далее – Д., Тв., М.) по-разному отражалась в текстах, созданных на разных территориях. При этом был отмечен ряд закономерностей.

Были исследованы следующие корпусы текстов:

1. 7 смоленских грамот XIII–XIV вв. по изданию [5] (далее – СГ);
2. 57 грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. (далее – ДДГ) по изданию [6];
3. 181 новгородская и псковская грамота XII–XV вв.¹ (далее – ГВНП) по изданию [7];
4. 35 псковских грамот XIV–XV вв. (далее – ПГ) по изданию [8];
5. 50 рязанских текстов второй половины XV–XVI вв. (далее – ПРяз) по изданию [9].

В большинстве случаев анализировались только подлинники. Исключением стали лишь ПГ, поскольку в издании представлен всего один текст оригинала грамоты (№ 33) и один оригинальный фрагмент из Платежной книги по Пскову (№ 22), остальные 33 текста – более поздние списки.

¹ Подавляющее большинство грамот датируется XV веком.

A-экспансию могли отражать формы Д., Тв. и М. пп. имен существительных склонений на **ǫ*, **ĩ* и на согласный². Предметом анализа в этой статье станут формы существительных **ǫ*-склонения как наиболее показательные в данном случае: благодаря своей многочисленности существительные этого склонения встречаются в текстах чаще других.

Исследование перечисленных выше документов показало следующее.

СГ *a*-экспансию не отражают вообще, хотя соответствующие формы со старыми флексиями в текстах встречаются. Однако общий объем текстов невелик, а показательные формы немногочисленны. Приведем лишь некоторые примеры. Все из них – словоформы существительных мужского рода. Соответствующие формы среднего рода не были отмечены в текстах:

Д. п.: *оутвърдили миръ... всемъ коупчемъ* (Смол. 2³), *выдалъ есмь... немьцомъ*⁴ (Смол. 3), *къ ратманомъ* (Смол. 4, Смол. 5), *їздити немцемъ в домъ с(ва)тѣи б(огороди)це* (Смол. 6) и т. д. Всего 8 примеров.

Тв. п.: *съ немьци* (Смол. 1), *бити мечи или соулицами*⁵ (Смол. 1), *с колы* (Смол. 2), *прѣдъ всеми латинескими коупци* (Смол. 2), *с ратманы* (Смол. 6) и т. д. Всего встретилось 9 таких примеров, два из которых отразили влияние парадигмы **ĩ*-склонения: *съ... моужьми* (Смол. 1), *(съ) князми* (Смол. 7).

М. п.: *при послоустьхъ* (Смол. 2), *въ торговьцихъ*⁶ (Смол. 4). Всего 2 формы.

В ДДГ формы, поддавшиеся *a*-экспансии, уже встречаются, но это только существительные среднего рода в М. п. Формы существитель-

² Выделение самостоятельных склонений на **ĩ* и **ĩ* к этому времени уже неактуально.

³ Для удобства обозначения грамоты условно пронумерованы: Смол. 1 – договор неизвестного смоленского князя с Ригою и Готским берегом, 1223–1225 гг.; Смол. 2 – торговый договор Смоленска с Ригою и Готским берегом, 1229 г. (список А – оригинал); Смол. 3 – грамота князя Федора Ростиславича по судному делу о немецком колоколе, 1284 г.; Смол. 4, 5, 6 – подтверждающие грамоты князей Федора Ростиславича (1284 г.), Александра Глебовича (ок. 1300 г.) и Ивана Александровича (первая половина XIV в.) соответственно; Смол. 7 – союзная грамота князя Юрия Святославича с королем польским и литовским Володиславом и великим князем Скиргайло, 1386 г.

⁴ С отражением перехода *e > 'o*.

⁵ *Соулица* – короткий меч (предположительно) [10, с. 18–19].

⁶ Сохранено исконное окончание мягкой разновидности склонения – *-ихъ*.

ных мужского рода всегда имеют исконные окончания:

Д. п.: по моимъ *зрѣхомъ* (№ 1а и т. д. – 35 раз), межы на^с нашимъ *посло^м* гздити, путь им чи^с(т)ъ (№ 6 – 3 раза), велѣла есмь *хри^с(ти)яном* *серебренникомъ* ѿ^м давати (№ 57 – 2 раза), по станомъ (№ 46), по... сверткомъ (№ 5), к... братаниче^м (№ 30б – 2 раза), по... окладомъ (№ 45 (Iб)), по годо^м (№ 61а) и т. д. Всего 143 примера.

Тв. п.: бла(го)^с(ло)вляю своими прмыслы (№ 22 и т. д. – 25 раз), с бортники (№ 21), с лвги (№ 28), з дворы (№ 61а – 5 раз), без набои (№ 76а), ка^к было за *отчици* за князми (№ 44), по^о... дворы (№ 86) и т. д. Всего 132 примера, 11 из которых иллюстрируют влияние парадигмы *ї-склонения: за князми (№ 44), с... князми (№ 76а) и т. д. (10 раз).

М. п.: в... удѣлѣ^х (№ 61а – 2 раза), на... городе^х (№ 35 (Iб)), на холопѣхъ (№ 79б), по... животѣхъ (№ 57), ѿ бортницѣ^х (№ 61б), при... пращуре^х (№ 59б, 63б), при... дѣдѣ^х (№ 76а), на... дово^очикѣ^х (№ 84б) и т. д. Всего 70 примеров.

Приведем примеры и встретившихся в ДДГ исконных форм мн. ч. Д. и Тв. пп. существительных среднего рода:

Д. п.: к... селомъ (№ 21, 22, 28, 61а, 71), к... мѣстом (№ 31, 41 – 2 раза), (№ 48 – 2 раза). Всего 10 примеров.

Тв. п.: съ селы (№ 21) и т. д., не знати никоторыми *дѣлы* (№ 30а), над... селы (№ 61а) и т. д., с... мѣсты (№ 75а), с озеры (№ 61б), з зерны (№ 80д – 4 раза), с ловици (№ 85–2 раза) и т. д. Всего 136 примеров.

Далее рассмотрим инновационные и исконные формы Д., Тв., М. пп., встретившиеся в остальных изученных нами текстах. Немногочисленные формы М. п. существительных среднего рода с формантом *-а-* из ДДГ также будут приведены ниже. Представленный выше материал СГ и ДДГ будет включен в общую статистику.

1. Дателный падеж

ГВНП отражают *a*-экспансию со второй половины XIV века, а особенно ярко она проявляется в грамотах XV века. Встретившиеся в текстах примеры форм Д. п. представлены в таблице 1. «Старыми» формами условно называются формы с исконным падежным окончанием *-омъ* (*-емъ*), «новыми» – примеры с окончанием *-амъ*.

Таблица 1.

Формы мн. ч. Д. п. в ГВНП

Старые формы	Новые формы
Мужской род	
<i>что новгородцевъ, то</i>	<i>Поити твоимъ</i>

<i>новгородьцемъ</i> (№ 1), <i>что пошло тебе и твоимъ мужемъ</i> (№ 2), <i>къ... ратманомъ</i> (№ 36), <i>всімъ пяти концемъ</i> (№ 96), <i>а та моя купля чиста... сьыновемъ⁷ своимъ Остафью и Юрью</i> (№ 230), <i>по дворомъ</i> (№ 264) и т. д. (здесь и далее разрядка наша – Т. Х.)	<i>намѣстникамъ ... проць</i> (№ 15), <i>товарь подавати новгородьскимъ купцамъ</i> (№ 18), <i>к посадникамъ</i> (№ 44), <i>к ратманамъ</i> (№ 69), <i>се дастъ Ончифоръ... священникамъ</i> (№ 318) и т. д.
Всего 91 пример.	Всего 52 примера.
Средний род	
<i>По деломъ</i> (№ 2), <i>по... озеркомъ</i> (№ 136).	<i>По постоянямъ</i> (№ 7), <i>исправа земли и водѣ и обиднымъ дѣламъ</i> (№ 60 – 3 раза), (№ 72 – 2 раза), <i>а другая половина... другимъ тремъ селамъ</i> (№ 177), <i>по... озеркамъ</i> (№ 185), <i>межи тѣмъ землямъ и пожнямъ и вѣмъ угодьямъ ...</i> (№ 199), <i>к... селамъ</i> (№ 278 – 2 раза), <i>по... озерамъ</i> (№ 291, 296, 297, 298, 322).
Всего 2 примера.	Всего 16 примеров.

ПГ также отражают *a*-экспансию в Д. п., однако объем этих текстов значительно меньше, а потому меньше и примеров. Как следствие, делать уверенные выводы на основании материала не представляется возможным. Формы мн. ч. Д. п. существительных среднего рода в изученных текстах не встретились. Отмеченные примеры форм мужского рода представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Формы мн. ч. Д. п. в ПГ

Старые формы	Новые формы
Мужской род	
<i>А живот свои спол</i> <i>весь... прикази-</i>	<i>Ободень вѣмъ пяти</i> <i>дворамъ</i> (№ 27),

⁷ Здесь и далее при подсчетах учитывались также формы слова *сынъ*, исконно относившегося к склонению на *ї, которое еще на раннем этапе развития языка вступило во взаимодействие с *ѵ-склонением [2, с. 59]. Грамота № 230 датируется XV веком, в это время выделение *ї-парадигмы как самостоятельного склонения неактуально.

к о м ... испродать (№ 15), и тои нивы старостам и с т а р - ц о м не продавать (№ 17), кормля пле - мянником и во (№ 25), дглати там ся б р о м ъ по старинѣ (№ 29), ту ниву велю с ы н о м ъ своимъ про - дать (№ 30), тгъмь б о р т н и к о м ъ знати своя борть по старинѣ, тгъмь людемъ псковичемъ страдаати по ста - рине (№ 32), даю... по помъ (№ 33 – 3 раза).	оботъ тое земли пят - мы ⁸ дв о р а м ... (№ 27), а что въсьница, то воп - че встъмь жеребь - я м ъ (№ 28).
Всего 9 примеров.	Всего 3 примера.

Формы мн. ч. Д. п., которые были отмечены в ПРяз, немногочисленны, однако а-экспансию отражают. Примеры приведены в таблице 3.

Таблица 3.

Формы мн. ч. Д. п. в ПРяз	
Старые формы	Новые формы
Мужской род	
Вели ^т т а м о ^ж нико ^м (№ 7), к трема до - у б о м (№ 9), по ко - с о ^м межю оукаже ^т (№ 16), въдомо б о р т н и к о ^м (№ 16), въдамо... по помъ (№ 26), о ^м да ^т исцем (№ 31), к не ^р вы ^м ро - у б е ж е ^м (№ 31) и т. д.	В до ^м живоначалные тро ^ц ы и прчстые бци и придбны ^м чю до - т в о р ц а ^м (№ 22).
Всего 36 примеров.	Всего 1 пример.
Средний род	
К мочилище ^м (№ 46) ⁹ .	К мочилищамъ (№ 46), по урочища ^м (№ 46), межа оуго ^о я м ъ (№ 47).
Всего 1 пример.	Всего 3 примера.

В таблице 4 представлено процентное соотношение старых и новых форм Д. п. существительных мужского и среднего рода, которые

⁸ Судя по всему, *пятмы* (в другом списке *пятми*) – форма Д. п., совпадающая с формой Тв. п. Такое совпадение отмечалось в псковском диалекте (см. [11, с. 195–196]).

⁹ *Мочилище* – то же, что мочило, то есть яма, залитая водой, или пруд [12, с. 282].

встретились во всех изученных текстах. В скобках указывается абсолютное количество примеров с соответствующей флексией.

Таблица 4.

	Формы мн. ч. Д. п.			
	Мужской род		Средний род	
	Старые формы	Новые формы	Старые формы	Новые формы
СГ	100 % (8)	0	0	0
ДДГ	100 % (143)	0	100 % (10)	0
ГВНП	≈64 % (91)	≈36 % (52)	≈11 % (2)	≈89 % (16)
ПГ	75 % (9)	25 % (3)	0	0
ПРяз	≈97 % (36)	≈3 % (1)	25 % (1)	75 % (3)

2. Творительный падеж

Тексты ГВНП отражают а-экспансию в формах мн. ч. Тв. п. с XV века. Примеры приведены в таблице 5.

Таблица 5.

Формы мн. ч. Тв. п. в ГВНП	
Старые формы	Новые формы
Мужской род	
Волости ти, княже, новгородьскихъ своими мужи не держати (№ 1–3 раза), съ новгородци (№ 1), за мужи (№ 3), съ мужи (№ 5), с послы (№ 11), межю тобою и... мужи (№ 7), межю новгороци (№ 29), межю нгъмци (№ 29), володгъти... тымы селы..., и ... лгъсы ... (№ 326) и т. д.	Которыи озора и с - т о к а м и падутъ въ Яренгу ргъку (№ 135), чимъ володиль Онцифоръ... х м е л н и к а м и (№ 177), с... лгъсами (№ 194, 208, 209), с путиками (№ 194, 208, 209).
Всего 86 примеров. ¹⁰	Всего 8 примеров.
Средний род	
Съ... селици (№ 105), нашими у с т ы (№ 35), со... ловици (№ 141), со... угоды (№ 201, 202, 282), с озгъры (№ 208, 209), володгъти... тымы с е -	Пожаловаша... и л о - в и щ а м и , и тонями, и пожнями (№ 96 – 2 раза), володгъти... ты - м ы с е л ы ..., и ... лгъсы, и пожнями, и л о в и щ а - м ы (№ 326).

¹⁰ В том числе форма *с новгородчъ* (№ 60), которая, судя по всему, сохраняет исконную флексию *-и*. Мена букв *-гъ* и *и* – нередкое для новгородской письменности явление, которое могло отражать специфику как фонетики, так и морфологии местного диалекта. Подробнее см. [13, с. 70–71, 97, 109].

<i>лы ..., и ... льсы, и пожнями, и ловищамы</i> (№ 326) и т. д.	
Всего 18 примеров. ¹¹	Всего 3 примера.

ПГ также отражают возникновение флексий с формантом *-а-*. Формы мн. ч. Тв. п. слов среднего рода, как и в случае с Д. п., не встретились, поэтому в таблице 6 приведены примеры только для мужского рода.

Таблица 6.

Формы мн. ч. Тв. п. в ПГ

Старые формы	Новые формы
Мужской род	
<i>Съ товарищи</i> (№ 22), <i>с свояки</i> (№ 29 – 2 раза).	<i>От егли ручьемъ вниз и кроими</i> ¹² <i>до Заболоцкого пути</i> (№ 9, 12, 16) и т. д. (всего 12 раз).
Всего 3 примера.	Всего 12 примеров.

Значительное превалирование примеров с новой флексией не должно вводить в заблуждение: во всех случаях это одна и та же форма *кроими*, повторяющаяся в одной грамоте по 3 – 4 раза.

Третья группа текстов – рязанские памятники (ПРяз) – не отразила начала *а*-экспансии в формах Тв. п. **ѡ*-склонения. Все встретившиеся примеры отражают старую флексию *-ы (-и)*:

М. р.: *с... бортники* (№ 5), *с лоуги* (№ 6), *с льсы* (№ 6), *с покосы* (№ 16), *с товарищи* (№ 17 – 4 раза), (№ 26 – 47 раз), *пере^о писцы* (№ 26 – 2 раза), *з бобры* (№ 27), *с огороды* (№ 34) и т. д.

Ср. р.: *со встѣми оугоды* (№ 6 и т. д. – 14 раз) *з заимищи* (№ 17 – 4 раза), *наз'вали... своими оугоди* (№ 17), *с озеры* (№ 27), *с селищи* (№ 36), *пашнею и всякими оугоди вл(а)дѣти* (№ 47) и т. д.

Всего было отмечено 134 формы существительных мужского рода и 32 – среднего рода.

Заметим также, что ПРяз демонстрируют использование только исконных форм мн. ч. Тв. п. и для других склонений, которые впоследствии подверглись *а*-экспансии. Речь о склонении с основой на **ї*, консонантном склонении и примыкающим к нему в парадигме мн. ч. разносклоняемым существительным.

Таким образом, можно предположить, что на территории рязанского края в форме мн. ч. Тв. п. *а*-экспансия развивалась позже, чем в форме

мн. ч. Д. п., и медленнее, чем на северо-западе (в Новгороде и Пскове).

Ранее высказывались предположения, что *а*-экспансия проникала в форму мн. ч. Тв. п. позже, чем в Д. и М. пп., и либо проходила менее интенсивно, либо реже отражалась в текстах из-за резкого противопоставления старых и новых форм по стилю: первые были книжными, вторые – разговорными [14, с. 116] [15, с. 199].

Процентное соотношение встретившихся примеров в форме Тв. п. представлено в таблице 7.

Таблица 7.

Формы мн. ч. Тв. п.

	Мужской род		Средний род	
	Старые формы	Новые формы	Старые формы	Новые формы
СГ	100 % (9)	0	0	0
ДДГ	100 % (132)	0	100 % (136)	0
ГВНП	≈91 % (86)	≈9 % (8)	≈86 % (18)	≈14 % (3)
ПГ	20 % (3)	80 % (12)	0	0
ПРяз	100 % (134)	0	100% (32)	0

3. Местный падеж

В ДДГ существительные **ѡ*-склонения демонстрируют инновационную флексию только в словах среднего рода, только в форме мн. ч. М. п. и только в грамотах XV века. Примеры приведены в таблице 8.

Таблица 8.

Формы мн. ч. М. п. в ДДГ

Старые формы	Новые формы
Средний род	
<i>в... селе^х</i> (№ 28 и т. д. – 23 раза), <i>в... перемирья^х</i> (№ 23), <i>в... дѣле^х</i> (№ 846), <i>на... мѣстехъ</i> (№ 28), <i>на... селе^х</i> (№ 73 (Па)) и т. д. – 7 раз), <i>ѡ... дѣле^х</i> (№ 40 и т. д. – 4 раза), <i>въ... кн(а)ж(е)нья^х</i> (№ 81а и т. д. – 4 раза).	<i>в... перемирьях</i> (№ 23), <i>въ... кн(а)ж(е)ньях</i> (№ 81а, 81б, 82а, 82б).
Всего 41 пример.	Всего 5 примеров.

ГВНП отражают *а*-экспансию в формах существительных как мужского, так и среднего рода. Встретившиеся примеры представлены в таблице 9.

¹¹ В том числе форма *с перевъщиць* (№ 180). См. сноску 10.

¹² *Крой* – межевые знаки на границе двух соседних участков, межа [8, с. 183–184].

Таблица 9.

Формы мн. ч. М. п. в ГВНП

Старые формы	Новые формы
Мужской род	
При... <i>послехъ</i> (№ 1), на <i>смер[д]гъхъ</i> (№ 13), на <i>новгородцехъ</i> (№ 20), <i>въ... городгъхъ</i> (№ 45 – 2 раза), на <i>возгъхъ</i> № 95, в <i>путикгъхъ</i> (№ 141), в <i>ручехъ</i> (№ 240), во <i>островехъ</i> (№ 291), при <i>попехъ</i> (№ 309) и т. д.	На... <i>островахъ</i> (№ 90), в... <i>островахъ</i> (№ 96, 291, 326), на <i>притергъбахъ</i> (№ 162), [в] <i>хмилникахъ</i> (№ 184), в... <i>лесахъ</i> (№ 184), у <i>путикахъ</i> (№ 203), при <i>вклады-кахъ</i> (№ 308), при <i>старцахъ</i> (№ 308, 309), в... <i>десяти рубляхъ</i> (№ 326).
Всего 30 примеров.	Всего 12 примеров.
Средний род	
На <i>селгъхъ</i> (№ 8 – 2 раза), (№ 12), в... <i>селгъхъ</i> (№ 12), в... <i>мгъстехъ</i> (№ 130), на... <i>угодьехъ</i> (№ 133), на... <i>трехъ селехъ</i> (№ 177), у... <i>мгъстехъ</i> (№ 207), в <i>озерехъ</i> (№ 207).	На <i>болотахъ</i> (№ 122), в <i>деревахъ</i> (№ 122), во... <i>угодьяхъ</i> (№ 156), в <i>ловицахъ</i> (№ 177, 326), у <i>ловицахъ</i> (№ 203), у <i>перивисгъцахъ</i> (№ 240), в <i>селахъ</i> (№ 326).
Всего 9 примеров.	Всего 8 примеров.

В ПГ формы мн. ч. М. п. существительных склонения на **ѡ* не были отмечены. При этом оба встретившихся примера существительных **ѣ*-склонения в этой форме демонстрируют окончание *-яхъ*: в *бортяхъ* (№ 10), на *Здановыхъ дѣтяхъ* (№ 11).

В отличие от Тв. п., в формах М. п. ПРяз отражают появление инновационной флексии с формантом *-а-*. Отмеченные в текстах примеры приведены в таблице 10.

Таблица 10.

Формы мн. ч. М. п. в ПРяз

Старые формы	Новые формы
Мужской род	
В <i>тгъ дворгъхъ</i> (№ 7), на... <i>товарыщехъ</i> (№ 17 – 2 раза), в' <i>березгъхъ</i> (№ 17 ¹³ – 2 раза), во <i>ноцехъ</i> (№ 41 – 3 раза), на <i>конехъ</i> (№ 44 – 3 раза), в... <i>отаманехъ</i> , в... <i>касацехъ</i> (№ 44) и т. д.	Взяли... на <i>своихъ же-ребяхъ</i> (№ 27), по <i>младѣцахъ</i> (№ 41).

¹³ Форма М. п. слова *берег* со II палатализацией.

Всего 25 примеров.	Всего 2 примера.
Средний род	
В <i>ыныгъ дгълехъ</i> № 7, в <i>селгъхъ</i> (№ 40).	В <i>лицахъ</i> (№ 19), на... <i>помгъгътяхъ</i> (№ 44 – 2 раза).
Всего 2 примера.	Всего 3 примера.

В таблице 11 дано процентное соотношение встретившихся форм мн. ч. М. п.

Таблица 11.

Формы мн. ч. М. п.

	Мужской род		Средний род	
	Старые формы	Новые формы	Старые формы	Новые формы
СГ	100 % (2)	0	0	0
ДДГ	100 % (70)	0	≈89 % (41)	≈11 % (5)
ГВНП	≈71 % (30)	≈29 % (12)	≈53 % (9)	≈47 % (8)
ПГ	0	0	0	0
ПРяз	≈93 % (25)	≈7 % (2)	40 % (2)	60 % (3)

На основании данных, представленных в таблицах 4, 7 и 11, можно заключить следующее.

Во-первых, *a*-экспансия в формах множественного числа творительного падежа либо проходила медленнее, либо значительно реже отражалась на письме, чем тот же процесс в грамматиках дательного и местного падежей. Это демонстрируют ДДГ, ГВНП и ПРяз.

Во-вторых, данные тех же ДДГ, ГВНП и ПРяз показывают, что имена существительные среднего рода могли поддаваться *a*-экспансии раньше слов мужского рода. Впрочем, не стоит забывать о новгородской берестяной грамоте № 1011, в которой представлены одновременно слова и мужского, и среднего рода с формантом *-а-* во флексии. Таким образом, этот вопрос требует дальнейшего изучения.

В-третьих, стоит отметить, что в северо-западных текстах (ГВНП, ПГ) примеры словоформ с новыми флексиями более частотны, чем в памятниках центральной зоны (ДДГ, ПРяз). Поэтому возможно предположить, что на северо-западе *a*-экспансия начиналась раньше и развивалась быстрее, чем тот же процесс на территории центра. Это предположение также требует изучения и подтверждения на более обширном материале.

Список источников

1. Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). Т. XII. М.: Языки славянской культуры, 2015. 288 с.
2. Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М.: Издательство Московского университета, 1990. 296 с.
3. Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М.: Издательство Московского университета, 1953. 306 с.
4. Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М.: Университетская типография, 1907. 309 с.
5. Смоленские грамоты XIII–XIV вв. / Подгот. к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. Под ред. Р. И. Аванесова. М.: Издательство АН СССР, 1963. 140 с.
6. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подгот. к печати Л. В. Черепнин. Под ред. С. В. Бахрушина. М. – Л.: Издательство АН СССР, 1950. 587 с.
7. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М. – Л.: Издательство АН СССР, 1949. 408 с.
8. Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. / Под ред. А. М. Сахарова. М.: Издательство Московского университета, 1966. 212 с.
9. Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край / Под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1978. 190 с.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуск 29. М.: Наука – Азбуковник, 2011. 480 с.
11. Галинская Е. А. Склонение количественных числительных в псковском диалекте первой половины XVII века // Русский язык в научном освещении. 2011. № 2 (22). С. 186–203.
12. Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуск 9. М.: Наука, 1982. 360 с.
13. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
14. Ягич И. В. Критические заметки по истории русского языка. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1889. 171 с.
15. Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М.: Высшая школа, 1981. 359 с.

References

1. Yanin, V. L., Zaliznyak, A. A., Gippius, A. A. (2015). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.)* [Novgorod Letters on Birch Bark (from the Excavations of 2001–2014)]. 288 p. Vol. XII. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russian)
2. Khaburgaev, G. A. (1990). *Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo yazyka. Imena* [Essays on Historical Morphology of the Russian Language. Nominals]. 296 p.

Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian)

3. Kuznetsov, P. S. (1953). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfologiya* [Historical Grammar of the Russian Language. Morphology]. 306 p. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian)
4. Sobolevskii, A. I. (1907). *Lektsii po istorii russkogo yazyka* [Lectures on the History of the Russian Language]. 309 p. Moscow, Universitetskaya tipografiya. (In Russian)
5. *Smolenskie gramoty XIII–XIV vv.* (1963) [Smolensk Letters of the 13th–14th Centuries]. Podgot. k pechati T. A. Sumnikova i V. V. Lopatin. Pod red. R. I. Avanesova. 140 p. Moscow, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. (In Russian)
6. *Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazei XIV–XVI vv.* (1950) [Spiritual and Treaty Letters of the Great and Local Dukes of the 14th–16th Centuries]. Podgot. k pechati L. V. Cherepnin. Pod red. S. V. Bakhrushina. 587 p. Moscow – Leningrad, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. (In Russian)
7. *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova* (1949) [Letters of Veliky Novgorod and Pskov]. Pod red. S. N. Valka. 408 p. Moscow – Leningrad, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. (In Russian)
8. Marasinova, L. M. (1966). *Novye pskovskie gramoty XIV–XV vekov* [New Pskov Letters of the 14th–15th Centuries]. Pod red. A. M. Sakharova. 212 p. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian)
9. *Pamyatniki russkoi pis'mennosti XV–XVI vv. Ryazanskii krai* (1978) [Monuments of Russian Writing of the 15th–16th Centuries. Ryazan Region]. Pod red. S. I. Kotkova. 190 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
10. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* (2011) [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Vol. 29. 480 p. Moscow, Nauka – Azbukovnik. (In Russian)
11. Galinskaya, E. A. (2011). *Sklonenie kolichestvennykh chislitel'nykh v pskovskom dialekte pervoi poloviny XVII veka* [The Declension of Cardinal Numerals in the Pskov Dialect of the 1st Half of the 17th Century]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, No. 2 (22), pp. 186–203. (In Russian)
12. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* (1982) [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Vol. 9. 360 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
13. Zaliznyak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialect* [Old Novgorod Dialect]. 872 p. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russian)
14. Yagich, I. V. (1889). *Kriticheskie zametki po istorii russkogo yazyka* [Critical Notes on the History of the Russian Language]. 171 p. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk. (In Russian)
15. Gorshkova, K. V., Khaburgaev, G. A. (1981). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical Grammar of the Russian Language]. 359 p. Moscow, Vysshaya shkola. (In Russian)

The article was submitted on 09.01.2023
Поступила в редакцию 09.01.2023

Хадыева Татьяна Валерьевна,
аспирант,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, 1, стр. 51.
tanya.hadyeva@gmail.com

Khadyeva Tatiana Valer'evna,
graduate student,
Lomonosov Moscow State University,

1/51 Leninskie Gory,
Moscow, 119991, Russian Federation.
tanya.hadyeva@gmail.com

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-89-93

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

© Чжан Юаньцзэ

PECULIARITIES OF STUDYING MILITARY TERMINOLOGY IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Zhang Yuanze

The article studies the concept of “military terminology” in modern Russian. The relevance of the study is due to the widespread use of military terminology in the media and the rapid advancement of weapons technology. The aim of our research is to study the features of military terminology in modern Russian. The research methods are: the study of scientific literature on the topic, the analysis and the classification. The article distinguishes between the concepts of “military vocabulary” and “military terminology”, defining military terminology as a significant part of military vocabulary. The article explores the problem of studying military terminology in a historical context and analyzes various modern approaches to the classification of military terms concluding that these classifications have a number of shortcomings. The novelty of the study lies in the expansion and deepening of the existing classifications of military terminology. The system of military terms is quite mobile: old terms are replaced by new ones, and many foreign borrowings appear. The article concludes that military terminology occupies a significant place in the lexical system of the language, it is widely used in everyday speech of native speakers and in journalism. The study of military terminology is of great importance not only within the framework of linguistics, but is also of high value for history.

Keywords: Russian language, term, military vocabulary, military terminology, classification of military terminology

Статья посвящена изучению терминологических особенностей военной лексики в русском языке. Актуальность исследования обусловлена широким распространением военной терминологии в художественной литературе, средствах массовой информации и стремительным ростом технологий в области вооружения. Целью исследования является изучение особенностей военной терминологии и её классификация в современном русском языке. Методы исследования: изучение научной литературы по теме, анализ и обобщение теоретического материала, наблюдение, классификация. В статье разграничиваются понятия *военная лексика* и *военная терминология*, военная терминология рассматривается как значительная часть военной лексики. Затрагивается проблема изучения военной терминологии в историческом экскурсе, проводится анализ современных подходов к классификации военных терминов, делается вывод о неполноте имеющихся классификаций. Новизна исследования заключается в расширении и углублении имеющихся классификаций военной терминологии. Система военных терминов достаточно подвижна: на смену старым терминам приходят новые, появляется много иностранных заимствований. Делается вывод о том, что военная терминология занимает значительное место в лексической системе языка, она широко используется в повседневной речи носителей языка и в публицистике. Изучение военной терминологии имеет большое значение не только в рамках языкознания, но и представляет особую ценность для истории.

Ключевые слова: русский язык, термин, военная лексика, военная терминология, классификация военной терминологии

Для цитирования: Чжан Юаньцзэ. Особенности изучения военной терминологии в русском языке // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №1 (71). С. 89–93. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-89-93

Военная лексика занимает особое место в лексической системе русского языка. С одной стороны, её можно отнести к общеупотребительной лексике, поскольку эта группа слов доступна

каждому носителю языка и может быть использована в различных условиях общения. С другой стороны, военная лексика имеет ограниченную сферу употребления. Её можно отнести к терминологической и профессиональной лексике.

Терминологическая лексика представляет собой большой пласт в системе русского языка. Каждая научная область знаний обладает своей определенной терминологической системой. Понятие *термин* – достаточно сложное и многоаспектное. Под термином понимают слово или словосочетание, которое называет специальное понятие какой-либо определенной сферы, например, науки, искусства и т. д. [1, с. 91]. Основу каждого термина составляет дефиниция той реалии, которую она обозначает. Таким образом, термин является точной и сжатой характеристикой определенного предмета или явления. Также следует отметить, что термины не существуют изолированно, сами по себе. Они обязательно относятся к определённой области знаний, сущность термина раскрывается только в контексте [2, с. 91].

Возникновение и широкое распространение терминов обусловлено стремительным развитием науки и техники в последние столетия. Терминологическая лексика стала неотъемлемой частью русского языка, объединив в себе общенаучные и специальные термины.

Военная терминология является частью военной лексики. Она определяется как «формализованная система установленных военных терминов, каждый из которых имеет строго определенное значение с четко очерченными рамками применения и научным обоснованием» [3, с. 7].

Военная терминология имеет свои характерные свойства: 1) системность; 2) номинативность; 3) моносемичность в пределах своего терминологического поля; 4) стилистическую нейтральность; 5) отсутствие экспрессивности [4, с. 98].

Основу военной терминологии составляют военные термины, под которыми понимаются наименования, соотносящиеся со специальными понятиями из области военного дела [5, с. 98]. Семантическая структура военных терминов включает семы «боевой» и «военный». Таким образом, военная терминология составляет систему номинаций военной науки.

В рамках военной лексики, помимо военных терминов, можно выделить также военный жаргон (*шнурок* – в значении «матрос», *хобот* – ствол танковой пушки, *грач* – жаргонное название самолетов, *старлей* – старший лейтенант), неуставную лексику (*черпак* – солдат, прослуживший от 1 до 1,5 лет; *дембель* – демобилизо-

ванный или солдат, ждущий демобилизации; *карантин* – курс молодого бойца). Сюда также можно отнести различные ситуативные слова, которые приобретают военный характер в определенном контексте: *Шарахнуть бы по ним залпом, что ли; ...под ноги резанула пулеметная струя, как черту по пыли провел. Пехотинец упал*) [6, с. 19] (разрядка наша – Ч. Ю.).

Военная терминология представляет собой целую систему и включает большое количество компонентов, которые состоят друг с другом в определенных отношениях и образуют единое целое. Языковые элементы в данной терминологической системе не существуют изолированно, являются средством отражения внеязыковой действительности.

Изучению военной терминологии посвящены труды многих лингвистов, например, Ю. А. Бельчикова [7, с. 34], Д. Бидерксена [3, с. 5], А. Н. Кожина [8, с. 3], А. Н. Колгушкина [9], С. В. Лазаревича [10], Ф. П. Сороколетова [11] и др. Однако следует отметить, что до сих пор военная терминология изучена далеко не полностью. В целом данный лексический пласт является очень подвижным. В нем наблюдаются постоянные изменения, связанные в первую очередь с событиями, происходящими в обществе и политике, а также с научно-техническим прогрессом. Многие военные термины устаревают и становятся неактуальными, на смену им приходят новые лексемы.

Первые попытки описания военной лексики были предприняты в работе А. С. Будиловича «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным» [12]. Изучению военной лексики и фразеологии посвящена диссертация Ф. П. Филина «Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи» (1949 г.) [13].

Среди основных работ, посвященных исследованию военной терминологии древнерусского языка, можно выделить следующие. Например, работа С. Д. Ледяевой «Русская военная лексика XI–XIII вв.» [1], в которой элементы военной лексики рассматриваются с различных точек зрения (словообразовательной, семантической и фразеологической). Также необходимо отметить исследование «Русская военная лексика второй половины XVII – первой половины XVIII века» М. Ф. Тузовой [14], основу которого составили материалы из документов о крестьянских восстаниях Степана Разина и Кондратия Булавина. Большой вклад в изучение древнерусской лексики был внесен П. Я Черных. Здесь следует отметить его труд «Очерк русской исторической лексикологии» [15], где автор анализирует станов-

ление военной лексики, отмечает появление новых слов, иностранных заимствований в данной лексической категории.

Процесс развития военной терминологии можно проследить в ходе изучения письменных памятников различных времен, содержащих лексику, типичную для языковой среды изучаемого временного отрезка. В литературных памятниках XI–XII вв. преобладает терминология восточнославянского происхождения (*секира, война, молот, палица, ножны, рать* и др.). Среди военных фразеологизмов обнаруживаются церковнославянизмы (*изломать копье, ити (поити) ратью*), языковые штампы (*голову сложить, лечи кости-ми, творити землю пусту*) и стандартные формулы (*сотворити мир, возложите честь, падали стрелы аки дождь*).

Военная лексика, сложившаяся в более поздний период – в XV–XVII вв. – имеет достаточно разнообразный состав, куда вошли термины и другие элементы военного языка русского средневековья. Большинство из них можно отнести к общей сфере словоупотребления. В то время не существовало чёткого разграничения между профессиональной (терминологической) лексикой и общеупотребительной. Этот временной отрезок характеризуется появлением новых лексических элементов, заимствованных из тюркских (*меч, сабля, пушка, наконецник* и др.) и западноевропейских (*авангард, амбразура, дезертир, кавалерия, мушкет, партизан* и др.) языков.

Так, например, в XIX веке происходит значимое событие – Отечественная война 1812 года. В этот период начинают применяться порох и огнестрельное оружие, что способствовало появлению новых лексических единиц: *ружьё, снаряд, конница, мина, пистолет, эполет, артиллерия* и др.; значительно увеличивается количество новых военных терминов: *адъютант, батальон, гарнизон, кавалерия, редут, рекрут* и др.

XX век принёс новые военные потрясения: революции, первая мировая война, вторая мировая война и многие другие. Эти события послужили причиной значительных изменений в составе военной терминологии. Во время Великой Отечественной войны военные термины становятся общеупотребительными. Это объясняется тем, что слова, описывающие боевую деятельность, употреблялись повсеместно: в газетах, в журналах, в радиопередачах; они стали частью жизни каждого обычного человека и вышли за рамки ограниченного словоупотребления.

Многие лингвисты, исследовавшие историю возникновения и формирования военной терминологии, говорят о том, что она развивалась в рамках повседневной жизни людей, поскольку

большинство из них в силу исторических обстоятельств постоянно занимались военным делом. В связи с этим военная терминология содержит достаточно большое количество общеупотребительных слов, которые используются для обозначения военных реалий: *охрана, оружие, командир, пистолет, паёк, атака, окружение, плен* и др.

В настоящее время существуют различные подходы к классификации военной терминологии. Рассмотрим некоторые из них.

А. Н. Кожин в своих исследованиях выделяет следующие лексико-семантические группы [8, с. 4]: 1) наименования лиц в зависимости от рода боевой деятельности: *артиллерист, минер, сапер, пулеметчик* и т. д.; 2) наименования войсковых формирований: *батарея, полк, дивизия, рота, взвод, отделение* и др.; 3) наименования военных должностей и званий: *сержант, капитан, полковник, генерал, командир* и др.; 4) наименования боевой техники и оружия: *винтовка, истребитель, миноносец, гранатомет* и др.; 5) наименования средств поражения: *бомба, пуля, граната, фугас, шрапнель* и др.; 6) наименования тактических понятий боевой деятельности: *атака, бой, марш, контратака* и др.; 7) наименования фортификационных сооружений: *дот, окоп, блиндаж, траншея, щель* и др..

К данной классификации А. Н. Кожина другой исследователь военной лексики Л. Б. Олядыкова предлагает добавить также следующие лексико-семантические группы: 1) наименования военного снаряжения: *шлем, каска, мундир, бушлат, шинель* и др.; 2) наименования военных наград: *орден, медаль* и др. [5, с. 79–80].

Е. В. Брыкина в диссертационном исследовании «Фразеологическая активность военной лексики» [16] предлагает следующую классификацию военной терминологии: 1) названия явлений, связанных с построением, перемещением и составом войск: *фронт, шеренга, ряд, фланг, марш, форпост, резерв, поход* и др.; 2) названия, характеризующие особенности боевых действий: *отступление, штурм, прорыв, залп, обстрел, оборона, засада, заслон, бомбардировка, окружать, стрелять, расстреливать, наступать* и др.; 3) названия оружия, боевой техники: *мина, пушка, копье, щит, прицел, осечка, заряд* и др.; 4) названия территории боевых действий: *рубеж, позиция, точка, охрана, передовая* и др.; 5) различные названия военнослужащих: *стрелок, драгун, дозорный, пулеметчик; рядовой, генерал, атаман, лейтенант; отставной, рекрут* и др..

Каждая из приведенных классификаций имеет как достоинства, так и недостатки. Так, например, классификации А. Н. Кожина и Е. В.

Брысиной охватывают далеко не все сферы военной деятельности. Изучив подробно военную терминологию, мы предлагаем использовать следующую классификацию, разделив военные термины на три основные группы:

1) военно-политические термины: военная политика государства: *военная доктрина, военная безопасность, военная угроза, мобилизация* и др.; военные действия: *атака, оборона, поражение, разведка, подготовка и ведение боя, военная тактика* и др.;

2) военно-организационные термины: виды и роды войск вооруженных сил: *мотострелковые войска, танковые войска, артиллерия, морская авиация, подводные силы* и др.; воинские учреждения: *военная академия, военный госпиталь, военный завод, военный склад* и др.; личный состав: тактические единицы: *отделение, взвод, рота, батальон, полк, дивизия* и др.; воинские звания: *младший сержант, старшина, прапорщик, лейтенант, генерал* и др.; другие названия военнослужащих: *стрелок, пулеметчик, отставной, рекрут* и др.; обмундирование: *бронежилет, мундир, кобура, униформа, каска* и др.; военная служба: *марш, учение, построение, боевая подготовка, отбой* и др.;

3) военно-технические термины: техническое оснащение армии: *боевой вертолет, гранатомет, пушка, танк, бронетранспортёр, артиллерия, гаубица* и др.; вооружение армии: *карабин, винтовка, автомат, порох, затвор, курок, магазин, ствол, ракета, торпеда, бомба, патрон* и др.

Помимо формальных военных терминов, в состав военной лексики входят военные жаргонизмы и сленг военнослужащих. Они представляют собой эмоционально окрашенные элементы военной лексики, в которых раскрывается неофициальная сторона профессионального военного общения.

Таким образом, в лексической системе языка военная терминология занимает значительное место, поскольку сфера военной деятельности остается актуальной во все времена. Система военных терминов является достаточно подвижной: на смену старым терминам приходят новые, вводится большое количество иностранных заимствований. Изучение слов военной тематики вызывает большой интерес у современных исследователей. Объясняется это тем, что военная лексика широко распространена в повседневной речи носителей языка. Она широко используется в средствах массовой информации и публицистике. Исследование военной терминологии имеет большое значение не только в рамках языко-

знания, но и представляет значительную ценность для истории.

Список источников

1. *Ледяева С. Д.* Русская военная лексика XI–XIII вв. : (По материалам летописей): автореф. дис.... канд. филол. наук : Москва, 1955. 16 с.
2. *Розенталь Д. Э.* Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. 10-е изд. М.: Айрис-пресс, 2008. 448 с.
3. *Бидерксен Д.* Военная лексика как особый элемент лексической системы языка // Казанский лингвистический журнал. 2020. № 1 (3). С. 5–16.
4. *Пыриков Е. Г.* Военная терминология как объект сопоставительных исследований // Функционирование системы языка в речи. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 98–111.
5. *Олядыкова Л. Б.* Военная лексика в художественных произведениях о Великой Отечественной войне, изучаемых в школе // Слово и концептуальная модель мира в литературе о Великой Отечественной войне: матер. всерос. конф. (18 – 19 мая 2000 года). Липецк, 2000. С. 79–80.
6. *Баранов О. С.* Идеографический словарь русского языка. М.: Изд-во ЭТС, 1995. 820 с.
7. *Бельчиков Ю. А.* Из наблюдений над русским литературным языком эпохи Великой Отечественной войны // Филологические науки. 2000. № 6. С. 34–39.
8. *Кожин А. Н.* Великая Отечественная война и русский язык // Русский язык в школе. 1975. № 2. С. 3–9.
9. *Колгушкин А. Н.* Лингвистика в военном деле. М.: Воениздат, 1970. 180 с.
10. *Лазаревич С. В.* Лексика и фразеология русского военного жаргона (семантико-словообразовательный анализ): дис... канд. филол. наук: Н. Новгород, 2000. 251 с.
11. *Сороколетов Ф. П.* История военной лексики в русском языке (XI – XVII вв.) / отв. ред. Ф. П. Филин. Изд. 2-е, доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 384 с.
12. *Будилович А. С.* Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным: исследования в области лингвистической палеонтологии славян. Киев: тип. М. П. Фрица, 1882. 153 с.
13. *Филин Ф. П.* Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи: дис.... докт. филол. наук. / Ф. П. Филин; Отв. ред. проф. Н. П. Гринкова. Ленинград: тип. № 2 Упр. изд-ва полиграфии Ленгорисполкома, 1949. 288 с. (Ученые записки / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Кафедра рус. яз.; Т. 80).
14. *Тузова М. Ф.* Русская военная лексика 2-й половины XVII – 1-й половины XVIII в.: автореф. дис.... канд. филол. наук: Москва, 1955. 16 с.
15. *Черных П. Я.* Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период: учебное пособие для филологических факультетов университетов. 2-е изд. М.: URSS, 2010. 242 с.

16. Брысина Е. В. Фразеологическая активность военной лексики: дис. ... канд. филол. наук: Саратов, 1993. 224 с.

References

1. Ledyayeva, S. D. (1955). *Russkaya voennaya leksika XI-XIII vv.: (Po materialam letopisei): avtoreferat dis. na soiskanie uchen. stepeni kandidata filol. nauk* [Russian Military Vocabulary of the 11th–13th Centuries: (based on the chronicles)]. 16 p. Mosk. ordena Lenina i Trud. Krasnogo Znameni gos. un-t im. M. V. Lomonosova. Moscow. (In Russian)
2. Rozental', D. E. (2008). *Sovremenniy russkii yazyk* [Modern Russian]. 10-e izd. 448 p. Moscow, Airispress. (In Russian)
3. Biderksen, D. (2020). *Voennaya leksika kak osobyi element leksicheskoi sistemy yazyka* [Military Vocabulary as a Special Element of the Lexical System of the Language]. *Kazanskii lingvisticheskii zhurnal*. No. 1 (3), pp. 5–16. (In Russian)
4. Pyrikov, E. G. (2008). *Voennaya terminologiya kak ob"ekt sopostavitel'nykh issledovaniy* [Military Terminology as an Object of Comparative Research]. Pp. 98–111. Moscow, izd-vo MGU. (In Russian)
5. Olyadykova, L. B. (2000). *Voennaya leksika v khudozhestvennykh proizvedeniyakh o Velikoi Otechestvennoi voine, izuchaemykh v shkole* [Military Vocabulary in Fiction about the Great Patriotic War Studied at School]. *Slovo i kontseptual'naya model' mira v literature o Velikoi Otechestvennoi voine: mater. vseros. konf. (18 – 19 maya 2000 goda)*. Pp. 79–80. Lipetsk. (In Russian)
6. Baranov, O. S. (1995). *Ideograficheskii slovar' russkogo yazyka* [Ideographic Dictionary of the Russian Language]. 820 p. Moscow, izd-vo ETS. (In Russian)
7. Bel'chikov, Yu. A. (2000). *Iz nabludenii nad russkim literaturnym yazykom epokhi Velikoi Otechestvennoi voiny* [Observations on the Russian Literary Language of the Great Patriotic War Era]. No. 6, pp. 34–39. (In Russian)
8. Kozhin, A. N. (1975). *Velikaya Otechestvennaya voina i russkii yazyk* [The Great Patriotic War and the

Russian Language]. *Russkii yazyk v shkole*. No. 2, pp. 3–9. (In Russian)

9. Kolgushkin, A. N. (1970). *Lingvistika v voennom dele*. [Linguistics in Military Affairs]. 180 p. Moscow, Voenizdat. (In Russian)

10. Lazarevich, S. V. (2000). *Leksika i frazeologiya russkogo voennogo zhargona (semantiko-slovoobrazovatel'nyi analiz): dis... kand. filol. nauk* [Vocabulary and Phraseology of the Russian Military Jargon (A Semantic-Derivational Analysis): Ph.D. Thesis]. Nizhnii Novgorod, 251 p. (In Russian)

11. Sorokoletov, F. P. (2009). *Istoriya voennoi leksiki v russkom yazyke (XI – XVII vv.)* [The History of Military Vocabulary in the Russian Language (the 11th – 17th Centuries)]. 384 p. Moscow, Knizhnyi dom "LIBROKOM". (In Russian)

12. Budilovich, A. S. (1882). *Pervobytnye slavyane v ikh yazyke, byte i poniatyakh po dannym leksikal'nykh issledovaniy v oblasti lingvisticheskoi paleontologii slavian* [Primitive Slavs in Their Language, Way of Life and Concepts According to Lexical Data: Research in the Field of Linguistic Paleontology of the Slavs]. 153 p. Kiev, tip. M. P. Fritsa. (In Russian)

13. Filin, F. P. (1949). *Leksika russkogo literaturnogo yazyka drevnekievskoi epokhi : doktorskaya dis.* [Vocabulary of the Russian Literary Language of the Ancient Kievan Era: Doctoral Thesis]. 288 p. Tip. No. 2. Upr. izd-va poligrafii Lengorispolkoma. (In Russian)

14. Tuzova, M. F. (1955). *Russkaya voennaya leksika 2-i poloviny XVII - 1-i poloviny XVIII v.* [Russian Military Vocabulary of the Second Half of the 17th – the First Half of the 18th Centuries]. 16 p. M-vo prosveshcheniya RSFSR. Mosk. obl. ped. in-t. Moscow. (In Russian)

15. Chernykh, P. Ya. (2010). *Ocherk russkoi istoricheskoi leksikologii. Drevnerusskii period*. [An Essay on Russian Historical Lexicology. Old Russian Period]. 242 p. 2-e izd. Moscow, URSS. (In Russian)

16. Brysina, E. V. (1993). *Frazeologicheskaya aktivnost' voennoi leksiki: dis. ... kand. filol. nauk* [Phraseological Activity of Military Vocabulary: Ph.D. Thesis]. Saratov, 224 p. (In Russian)

The article was submitted on 20.12.2022

Поступила в редакцию 20.12.2022

Чжан Юаньцэ,

аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
zhangyuanze999@163.com

Zhang Yuanze,

graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
zhangyuanze999@163.com

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКИХ ПРИСТАВОЧНЫХ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КОГНИТИВИСТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ СОВРЕМЕННЫХ ПЕСЕН)

© Чжэн Чжуньи

FUNCTIONS OF RUSSIAN PREFIX VERBS OF MOTION IN TERMS OF COGNITIVE STUDIES (BASED ON MODERN RUSSIAN SONGS)

Zheng Zhongyi

This paper studies the functions of Russian motion verbs from the perspective of cognitive linguistics. We analyze the functions of the prefix structure of the verb *идти* in the lyrics of modern Russian songs. Here, we consider independent prefixes used with Russian motion verbs, such as *по-, вы-, у-, от-, при-, до-, за-, под-, в/во-, про-, etc.* They have different meanings. This study is based on the lyrics of modern Russian songs. In the framework of the study, we have explored about 150 songs. The main research method is observation. We have concretized the meaning of the prefix structure from the perspective of cognitive linguistics and found that the verbs of motion, prefixed with *от/ото-*, include emotions of worry and fear. The prefix *у-* has the meaning of sadness, sorrow, despair and other emotions. The paper also represents the emotional meanings of other prefixes. For example, the verb *выйти* may indicate that the subject is trying to get rid of some complex or difficult situation. The verbs *прийти* and *дойти* indicate that a person successfully reaches a certain place, but *прийти* usually indicates the place, which the subject visits regularly. *Дойти* represents the movement undertaken with a certain goal or task and so on.

Keywords: cognition, grammar, prefix, function, words of motion, Russian songs

Статья посвящена исследованию функционирования глаголов движения в русском языке с позиций когнитивной лингвистики. В статье дан анализ функционирования приставочных образований от глагола *идти* в текстах русских современных песен. Рассмотрены отдельные приставки, присоединяющиеся к русским глаголам движения, такие как *по-, вы-, у-, от-, при-, до-, за-, под-, в/во-, про-* и др., несущие в себе различные смысловые нюансы. Материалом статьи являются тексты современных русских песен, всего в рамках исследования рассмотрено около 150 песен. Основной метод работы можно определить как наблюдение. Мы конкретизировали значения данных приставочных образований с позиций когнитивной лингвистики и установили, что глаголы движения с приставкой *от- /ото-* включают в себя семы, номинирующие эмоции переживания, боязни и страха; а приставка *у-* сочетает в себе семы, номинирующие такие эмоции, как печаль, грусть, безнадежность и др. Также в работе представлены эмоциональные значения остальных приставок, например, глагол *выйти*, возможно, демонстрирует, что субъект пытается освободиться от какой-то сложной или трудной ситуации, глаголы *прийти* и *дойти* репрезентируют то, что человек успешно прибудет в какое-то место, но *прийти* часто указывает, на место, где субъект регулярно бывает; *дойти* показывает какое-то движение с целью или задачей и т. д.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, грамматика, приставки, функционирование, глаголы движения, русский язык, русские песни

Для цитирования: Чжэн Чжуньи. Функционирование русских приставочных глаголов движения с точки зрения когнитивистики (на материале современных русских песен)// Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №1 (71). С. 94–97. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-94-97

Исследование функционирования глаголов движения в текстах русских песен актуально с точки зрения межкультурной коммуникации, а также может иметь практическую значимость в плане изучения русского языка. Проблемой изу-

чения русских глаголов движения с точки зрения когнитивной семантики занимались российские ученые, такие как В. В. Виноградов (1938), М. А. Кронгауз (2005), Е. В. Падучева (2009), А. Х. Востоков (1844), А. А. Шахаева (2014), З. Г.

Шайхисламова (2012) и др., а также зарубежные исследователи, такие как Ду Хунцзюнь (2010), А. М. Мухамед (1984) и др. Когнитивный аспект в современной лингвистике позволяет изучать процесс мышления людей, а также исследовать язык как важнейшее средство для мировосприятия.

Когниция – центральное понятие когнитивной науки, достаточно трудное для русского перевода и потому сохраняемое нами в транслитерированной форме для подчеркивания этого своеобразия, причудливо сочетающее в себе значения двух латинских терминов – *cognitio* и *cogitatio*, – оно передает смыслы «познание», «познавание», а также «мышление», «размышление» [1, с. 81]. Соответственно, когнитивная лингвистика изучает значения языковых единиц как достижение познавательной деятельности человека и средство репрезентации новой информации, исследует связь языка и мышления, языка и действительности.

Исследователь Н. Н. Болдырев определяет когнитивную лингвистику как теорию концептуализации и категоризации, объясняет ее тем, как человек понимает и принимает окружающий мир и как его опыт познания проявляется в идее лингвистических выражений [2, с. 18], так как концептуализация и категоризация мира являются важнейшими процессами когнитивной деятельности, которые, в свою очередь, направлены на постижение окружающего мира.

Когнитивный подход включает разные направления исследования (лингвокультурология, семантика, психолингвистика и др.), которые вызывают интерес к языковой личности и осознание необходимости учитывать роль человеческого фактора в языке. Следовательно, когнитивная лингвистика представляет собой не только раздельное языковедческое направление, но также и новую академическую парадигму знаний, которая устанавливает новые задачи перед самой лингвистикой и предлагает методы определения разрешения проблем в других лингвистических областях.

Глаголы как отдельные когнитивные категории впервые были рассмотрены российским лингвистом Е. С. Кубряковой. В своем исследовании «Части речи с когнитивной точки зрения» она пишет: «...существительные, прилагательные, глаголы, предлоги и т. п. объективируют и активизируют при их использовании разные структуры знания и вызывают у нас разные ассоциации, впечатления, образы, картины, сцены и т. п.: разные представления или разные типы репрезентаций» [3, с. 40–41]. Хотя когнитивные исследования глагола начались сравнительно недавно, од-

нако на данный момент существуют определенные направления его изучения: когнитивное исследование объектов познания на моделях глагольной полисемии (Е. В. Падучева, Г. И. Кустова, Р. И. Розина), функциональная категоризация глагола (Л. Г. Бабенко) и т. д.

Категоризация – это вид классификации, направленный на объединение подобных или же одинаковых единиц языка в более широкие классы, категории, группы. Когда появляется новый предмет, человек уже начинает выделять новые определенные классы, группы, тем самым пытаясь осуществить идентификацию объекта, при этом мысленно отождествляя объект с конкретной категорией. В науке о языке существуют различные семантические категории, объединяющие группы слов: семантическое поле («*время*»), лексико-семантическая группа («*глаголы движения*») и т. п.

В данной статье мы рассмотрим лексико-семантическую группу «Глаголы движения» в когнитивном аспекте. Глаголы движения в русском языке богаты лексическими значениями, существуют разнообразные классификации, например, бесприставочные и приставочные глаголы движения, переходные и непереходные глаголы движения, глаголы движения аблативных и аллативных моделей и др. Кроме того, их лексико-семантическое значение значительно расширяется при использовании разных приставок, таких как *по-*, *от-*, *у-*, *вы-*, *за-*, *при-*, *до-*, *в-*, *об-* и др. Следовательно, мы предлагаем методы когнитивного анализа семантики глагола, так как значение также является основным объектом исследования в когнитивной лингвистике.

Семантика приставки определяет концептуальное понятие глагола – нарушение целостности субъекта или объекта – и обращает внимание на результат действия. Рассмотрим глагол движения *идти* с различными приставками. Глагол *пойти* имеет лексическое значение «начать идти, двигаться» [4], то есть субъект начинает движение. Субъектом указанного глаголом движения может быть одушевленный предмет: человек, животное. Данное движение сопровождается изменением состояния, пространства, также может включать настроение по отношению к данному действию: *Ты с гордостью можешь пойти и И больше не обнимать* (здесь и далее разрядка наша – Ч. Ч.) («Тянет ко мне», группа «Весна») [5]. Приставочные образования глагола *отойти* и *уйти* означают «двигаясь, удалиться от какого-то места» [4], их субъектом также является человек или животное. Глагол *отойти* может сочетать в себе эмоции боязни или страха: *Эта ракета летит, сметая все на пути, Тем, кто не верил в*

меня, *Просьба всем отойти* («Ракета», НАЗНМА) [5], а значение глагола *уйти* обычно связано с грустным или печальным настроением: *Удержи мое сердце руками, Прошу тебя, не дай мне уйти* («Удержи мое сердце», Ани Лорак) [Там же]. Глагол *выйти* имеет значение «переместиться за пределы чего-либо» [4], субъект пытается освободиться от какой-то сложной или трудной ситуации: *Все, все набегу, выйти не могу, Фары, пробки, нервы* («В мире одиночек», Дмитрий Маликов) [5]. Слово *зайти* описывает такую ситуацию, когда субъект попадает куда-либо с желанием или надеждой, чтобы наслаждаться приятной атмосферой: *Куда можно просто зайти, Просто согреться и что-то найти* («Туда», Даша Суворова) [Там же]. Глаголы *прийти* и *дойти* репрезентируют то, что человек успешно прибывает в какое-то место, но при этом глагол *прийти* часто указывает на место, где субъект регулярно бывает: дом, детство, жизнь и др.: *К девяти, как ни крути, но нужно прийти* («Детство», Тамерлан и Алена) [Там же], а глагол *дойти* указывает на завершение действия: *Я сделаю все, чтобы дойти до цели* («Живой», Тони Раут) [Там же]. Глаголы *обойти* и *пройти* означают «идя, миновать какой-либо объект» [4]. На наш взгляд, глагол *обойти* содержит компонент значения «избежать что-либо»: *Он думал обойти преграды* («Незнакомы», Мураками) [5], а *пройти* – «преодолеть какое-то препятствие и затруднение»: *Столько любви на пути, В бесконечность Сможем пройти Мы вдвоем с тобой* («Удивительный», Дина Гарипова) [Там же]. Глагол *подойти* содержит компонент значения, указывающий на приближение субъекта: *К тебе подойти можно только на дне* («Бонд-жорно», Игра Слов и Анфиса Чехова) [Там же].

Исследователь А. М. Плотникова в своей работе «Когнитивный подход анализа семантики (на материале русских песен)» пишет: «Принципиальная новизна когнитивного подхода видится в исследовании процессов формирования значений или процессов, связанных с реализацией значения в акте речи, а не в описании „готовых“ семантических концептов» [6, с. 12]. Поэтому новые нюансы, оттенки смысла могут объяснять семантические значения русских глаголов движения и помогать отображать их в познавательном процессе человека.

Таким образом, в процессе изучения русских глаголов движения является важным определение значения этих глаголов с точки зрения когнитивистики, воздействия мышления на языковую форму для создания эмоциональности, экспрессивности. В русском языке существует достаточно большое количество приставок, которые

несут в себе различные смысловые нюансы. Мы конкретизировали значения данных приставочных образований с позиций когнитивной лингвистики и установили, что глаголы движения с приставкой *от-* / *ото-* включают в себя компоненты значения, номинирующие эмоции переживания, боязни и страха; приставка *у-* может передавать такие эмоции, как печаль, грусть, безнадежность и другие. Таким образом, при изучении функционирования русских глаголов движения в русском языке, необходимо учитывать эти семантические нюансы, чтобы более точно использовать их в коммуникации.

Список источников

1. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996. 245 с.
2. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: (Курс лекций по англ. филологии): Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Зарубежная филология»; М-во образования Рос. Федерации. Тамбов: ТГУ, 2000. 123 с.
3. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Яз. славян. культуры, 1997. 555 с.
4. Русский Викисловарь. URL: <http://ru.m.wiktionary.org/wiki> (дата обращения: 06.11.2022).
5. Русские современные песни. URL: <https://text-you.ru/search.html> (дата обращения: 02.11.2022).
6. Плотникова А. М. Когнитивные аспекты изучения семантики (на материале русских глаголов): Учеб. пособие. Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та. 2005. 140 с.

References

1. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov (1996) / E.S. Kubrjakova, V.Z. Dem'jankov, Ju.G. Pankrac, L.G. Luzina; Pod obshh. red. E.S. Kubrjakovoj. 245 p. Moscow: Filol. fak. MGU. (In Russian).
2. Boldyrev N.N. (2000). Kognitivnaja semantika: (Kurs lekcij po angl. Filologii): Ucheb. posobie dlja studentov vuzov, obuchajushhihsja po special'nosti "Zarubezh. filologija" / N.N. Boldyrev; M-vo obrazovanija Ros. Federacii. [Cognitive semantics]. 123 p. Tambov: izd-vo TGU. (In Russian).
3. Kubrjakova E.S. (1997). Jazyk i znanie: Na puti poluchenija znaniy o jazyke: chasti rechi s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jaz. v poznanii mira / E.S. Kubrjakova. [Language and knowledge]. 555 p. Moscow: Jaz. slavjan. kul'tury. (In Russian).
4. Russkie wikislovar' (2022). URL: <https://ru.m.wiktionary.org/wiki> (accessed: 06.11.2022). (In Russian).

5. RSP – Russkie sovremennye pesni. (2022). URL: <https://text-you.ru/search.html> (accessed: 02.11.2022). (In Russian).

6. Plotnikova A.M. (2005). Kognitivnye aspekty izuchenija semantiki (na materiale russkih glagolov): Ucheb. posobie / A.M. Plotnikova. [Cognitive aspects of semantic research]. 140 p. Ekaterinburg: izd-vo Ural. un-ta. (In Russian).

Библиографический список

1. *Виноградов В. В.* Современный русский язык: Грамматическое учение о слове. М.: Учпедгиз, 1938. 159 с.

2. *Востоков А. Х.* Русская грамматика. Санкт-Петербург: тип. Имп. Рос. акад., 1844. 417 с.

3. *Ду Хунцзюнь* Специфика ориентации движения в пространстве (на материалах русских глаголов движения) // Гуманитарные и социальные науки. 2010. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-orientatsii-dvizheniya-v-prostranstve-na-materialah-russkih-glagolov-dvizheniya> (дата обращения: 26.11.2022).

4. *Кронгауз М. А.* Семантика: Учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 352 с.

5. *Мухамед А. М.* Функционирование русских глаголов движения и перемещения в текстах разного типа: дис. ... канд. филол. наук: Минск, 1984. 173 с.

6. *Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса: материалы к трансформационной грамматике русского языка; Российская акад. Наук, Всероссийский ин-т науч. и техн. информ. изд. 3-е. М.: URSS, 2009. 293 с.

7. *Шайхисламова З. Г.* История изучения глаголов движения в разнотипных языках // Вестник Башкирск. ун-та. 2012. №3 (I). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-izucheniya-glagolov-dvizheniya-v-raznosistemnyh-yazykah> (дата обращения: 26.11.2022).

8. *Шахаева А. А.* Типология глаголов направления движения в разнотипных языках: на материале бурятского и китайского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Улан-Удэ, 2014. 24 с.

sian Language: Grammatical Study of the Word]. 159 p. Moscow, Uchpedgiz. (In Russian)

2. *Vostokov, A. Kh.* (1844). *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. 417 p. St. Petersburg, tip. Imp. Ros. akad. (In Russian)

3. *Du Huntszyun'* (2010). *Spetsifika orientatsii dvizheniya v prostranstve (na materialah russkih glagolov dvizheniya)* [Specific Features of the Movement Orientation in Space (based on Russian verbs of motion)]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-orientatsii-dvizheniya-v-prostranstve-na-materialah-russkih-glagolov-dvizheniya> (accessed: 26.11.2022). (In Russian)

4. *Krongauz, M. A.* (2005). *Semantika: Uchebnik dlya stud. lingv. fak. vyssh. ucheb. zavedenii* [Semantics: A Textbook for University Students of Linguistic Faculties]. 2-e izd., ispr. i dop. 352 p. Moscow, izdatel'skii tsentr "Akademiya". (In Russian)

5. *Mukhamed, A. M.* (1984). *Funktsionirovanie russkih glagolov dvizheniya i peremeshheniya v tekstah raznogo tipa: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk* [Functions of Russian Verbs of Motion and Transfer in Texts of Various Types: Ph.D. Thesis]. Minsk, 173 p. (In Russian)

6. *Paducheva, E. V.* (2009). *O semantike sintaksisa: materialy k transformatsionnoi grammatike russkogo yazyka* [On the Semantics of Syntax: Materials for the Transformational Grammar of the Russian Language]. Rossiiskaya akad. nauk, Vserossiiskii in-t nauch. i tehn. inform. Izd. 3-e. 293 p. Moscow, URSS. (In Russian)

7. *Shaikhislamova, Z. G.* (2012). *Istoriya izucheniya glagolov dvizheniya v raznosistemnykh yazykah* [The History of the Study of Motion Verbs in Different Language Systems]. *Vestnik Bashkirsk. un-ta*. No. 3(I). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-izucheniya-glagolov-dvizheniya-v-raznosistemnyh-yazykah> (accessed: 26.11.2022). (In Russian)

8. *Shakhaeva, A. A.* (2014). *Tipologiya glagolov napravleniya dvizheniya v raznostrukturnykh yazykakh: na materiale buryatskogo i kitaiskogo yazykov: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk* [Typology of the Verbs of Movement Direction in Differently Structured Languages: Based on the Buryat and Chinese Languages]. (Mesto zashhity: Buryat. gos. un-t). Ulan-Ude, 24 p. (In Russian)

References

1. *Vinogradov, V. V.* (1938). *Sovremennyi russkii yazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove* [Modern Rus-

The article was submitted on 25.11.2022

Поступила в редакцию 25.11.2022

Чжэн Чжуньи,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
zhongyi2017@mail.ru

Zheng Zhongyi,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
zhongyi2017@mail.ru

ТОПОНИМИКА Г. ЕЛАБУГА И ОСОБЕННОСТИ ЕЁ ИЗУЧЕНИЯ

© Камилля Юрикова

TOPONYMY OF YELABUGA AND FEATURES OF ITS STUDY

Kamillya Yurikova

The article studies the toponymic space of the city of Yelabuga in the Republic of Tatarstan and the possibility of using the local linguistic material in the Russian language classes in middle school. Our research is relevant due to the search of new forms and methods of implementing the system-activity approach in learning and the use of competence-oriented tasks related to the study of the native land. The aim of the research is to consider the features of Yelabuga toponymy and the possibilities of using the obtained linguistic material to develop schoolchildren's linguistic and local history competence and their basic universal learning activities, to activate their cognitive abilities, to expand students' linguistic outlook and create motivation for solving creative and research tasks. The article presents the history of the origin of Yelabuga toponyms, their classification, based on historical facts, and the current state of the town. The novelty of the research consists in updating and systematizing the linguistic material on the topic, considering the possibilities of its use in implementing educational potential of learning. The methods of our research are: a textual analysis in the study of scientific, educational, reference and other literatures; the descriptive and comparative methods; the method of interviewing. As a result of the study, we have revealed and described little-studied facts of Yelabuga toponymic space and some aspects of naming and renaming of its streets.

Keywords: Russian language, toponymy, methodology, linguo-local competence, word formation, morphemics, morphology

Статья посвящена изучению топонимического пространства г. Елабуга Республики Татарстан. Актуальность исследования обусловлена поиском новых форм и методов работы в условиях реализации системно-деятельностного подхода к обучению и привлечением компетентностно-ориентированных заданий, связанных с изучением родного края. Цель исследования – рассмотрение особенностей топонимики г. Елабуга и возможностей использования полученного лингвистического материала для формирования лингвокраеведческой компетенции, активизации познавательных способностей, развития базовых универсальных учебных действий, расширения лингвистического кругозора и создания мотивации для решения творческих и исследовательских задач. В статье приводится история происхождения топонимов г. Елабуга, их классификация на основе исторических фактов и современного состояния города. Новизна исследования заключается в обновлении и систематизации языкового материала по теме, рассмотрении возможностей его использования при изучении и реализации воспитательного потенциала обучения. Методы исследования: текстологический анализ при изучении научной, учебно-методической, справочной и другой литературы; описательный и сравнительно-сопоставительный метод; метод интервьюирования. В результате исследования выявлены и описаны малоизученные факты формирования топонимического пространства г. Елабуга, отражены отдельные аспекты наименования и переименования улиц.

Ключевые слова: русский язык, топонимика, методика, лингвокраеведческая компетенция, словообразование, морфемика, морфология

Для цитирования: Юрикова К.Ю. Топонимика г.Елабуга и особенности её изучения // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №1 (71). С. 98–102. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-98-102

Елабуга – город с более чем тысячелетней историей, «жемчужина Прикамья», «город, где вас всегда ждут», один из самых популярных туристических городов Республики Татарстан,

расположенный на берегу Камы. Богатая история этого маленького провинциального города с населением в 75 тысяч человек представляет собой

широкое лингвокультурологическое пространство для изучения.

Топонимическая система г. Елабуга формировалась в течение длительного времени в сложных историко-географических и этнолингвистических условиях, поэтому она неоднородна и по своему происхождению принадлежит разным временам и эпохам, представляет собой соединение нескольких лингвистических пластов: славянского (русского), тюркского (булгарского, башкирского и татарского) и финно-угорского (марийского, удмуртского).

Одним из первых историю г. Елабуга описывает Иван Васильевич Шишкин, который в 1871 году в Синоидальной типографии Москвы издает труд «История города Елабуги». Он показывает значительный путь трансформации от города Гелона (который в 512 году до н. э. сжег дотла персидский царь Дарий, а позже он стал местом обоснования булгар) и до образования во времена Ивана Грозного села Трёхсвятского, которое впоследствии, в 1780 году, указом императрицы Екатерины II становится уездным городом Вятской губернии Елабугой [1, с. 4]. Многовековая история, насыщенная мифами, археологическими и культурными свидетельствами, позволили обрести топониму «Елабуга» уникальные расшифровки.

С 1611 года топоним Елабуга упоминается в качестве стрелецкого пригорода «Алабуга - Елабуга», в 1708, 1719, 1727 году – слобода Елабуга, в 1773 г. – дворцовое село Елабуга. Примечательно, что в трудах И. В. Шишкина, А. Г. Дубровского, А. Х. Халикова и ряда других исследователей данный топоним ставится в один ряд с микропонимом «Чёртово городище», который, согласно упоминаниям неизвестного автора XVI века, подобен такому монументальному символу, как Вавилонская башня [2, с. 418].

Как было отмечено, этимология слова *Елабуга* неоднозначна и восходит к нескольким разным версиям, которые трактуются в зависимости от исторической эпохи. А. Х. Халиков в 1985 году высказал мнение о том, что город назван в связи с его географическим расположением. Елабуга находится на берегу реки Камы (Кара Итиль), считавшемся у булгар и близлежащего населения местом гибели. Отсюда номинации «Шайтан каласы» – по-татарски, «Шайтан черык» – по-удмуртски, «Чёртово городище» или «Бесов городок» [3, с. 5].

Другая версия происхождения названия города относится к 1834 году, когда профессор Казанского университета П. Ф. Эрдман посетил Елабугу и стал автором новой теории. Дело в том, что в реке Каме разбивалось много кораб-

лей. Несмотря на все мифическо-фантастические трактовки данного факта, профессор объясняет это наличием большого количества подводных камней. Один из самых больших камней, ставших причиной страшных трагедий, по форме напоминал быка. А спасение, согласно данной версии, получали те суда, команда которых оставляла дары жрецам, проводившим корабли в обход страшного камня.

В работе профессора ЕГПУ Н. М. Валеева отражен ряд версий об этимологии данного слова. Однако все они связаны с географическим расположением города на берегу реки Камы. В. А. Шашерина в своей работе «Елабужская топонимика» приводит ряд версий по происхождению слова *Елабуга*. Исследователь приводит мнение В. Д. Шестакова о том, что происхождение слова *Елабуга* – финское, *ела* означает «молочный», *бут* – «пена». Подобный цвет одного из водоворотов реки Камы описывает в 1834 г. профессор Адман. Хасан-Эд-Дин утверждает, что слово *Елабуга* – греческое и в переводе обозначает «окунь-рыба» [4].

Таким образом, современное название города Елабуги восходит к булгарам, а само слово южно-тюркского происхождения, в переводе обозначает *буга* – «бык», «герой-богатырь», «большая змея». *Ала* – это недобрые помыслы, козни, дурные свойства. Мифологизированный перевод слова *Елабуга* – это и злой бык, и большая змея, и недобрый богатырь. Название города расшифровывается при помощи самого популярного его символа – Чертowego городища и мечети, построенной рядом, которая уберегала корабли от разрушений и защищала город от злых духов.

Современная Елабуга насчитывает порядка 239 улиц, проспектов, площадей, парков [5]. Свои названия улицы города начали получать после масштабного пожара 1850 года, который бушевал на протяжении двух дней и уничтожил половину города. Согласно утвержденному еще в 1846 г. генеральному плану после пожара город был отстроен практически заново в камне.

Особенности происхождения одних улиц лежат на поверхности, других – требуют тщательного краеведческого анализа и использования разнообразных исследовательских методов. Например, улица Городищенская названа в честь находящегося вблизи одного из древнейших памятников – Чертова городища, отражающего историю домонгольско-булгарского периода в Елабужском крае. Чертово городище – окраинный город-крепость, выполнявший защитные функции [6, с. 6].

Кроме того, существуют улицы, названные в честь выдающихся людей: 1) известных общест-

венных деятелей (Александра Епанешникова, Азина, Бехтерева, Галиаскара Камала, Гассара, Говорова, Землянухина, Зои Космодемьянской, Карима Рашидова, Ленина и др.); 2) известных писателей, поэтов (Максима Горького, Баки Урманче, Габдуллы Тукая, Марджани, Марии Цветаевой, Маяковского и др.). И в первом, и во втором случае присутствуют и русские имена (16), и татарские (12), а также имена представителей разных исторических эпох с XVI (Сююмбике) по XX век (Н.В. Швалёв). Имена врачей, писателей, партизан, купцов, городских голов, председателей комитетов, почётных гостей города – все эти номинации составляют ряд названий улиц. Наименования одних улиц включают только фамилии (улица Бехтерева), а другие – имена и фамилии (улица Фёдора Ляха).

Улица Габдуллы Тукая, расположенная рядом с мечетью Аль-Кафир, называлась Татарской (в XVIII–XIX вв. здесь была территория Татарской слободы). В XIX в. Елабуга делилась на несколько русских слобод (Трехсвятская, Ерзовская, Гаринская, Подмонастырская, Башиловка и др.) и Татарскую слободу. Татары жили общиной, селились вокруг мечети. Взаимодействие двух народов сказалось на архитектуре Елабуги, которая, как и многие другие города Татарстана, имела в прошлом восточный колорит.

Среди топонимов, отражающих названия улиц, есть заимствования из татарского языка:

а) названия, где использована только номинация: *Алтынай* ('золотая Луна'), *Балан* ('калина'), *Дуслык* ('дружба'), *Милеш* ('рябина'), *Туганлык* ('братская'), *Шатлык* ('счастье'), *Наратлык* ('сосновый бор'), *Чишимэ* ('родник');

б) названия, где присутствует добавочное слово *урам*, что в переводе на русский означает «улица»: *Балкыш урамы* ('улица Сияния'), *Матур урам* ('Красивая улица' или 'улица Красоты'), *Нурлы урам* ('Лучистая улица'), *Юлдаш урамы* ('Спутниковая улица' или 'улица Спутника').

Данные наименования можно объединить в две группы: а) название улицы отражает идею мирной и счастливой жизни; б) название улицы связано с географическими особенностями местности, на которой она расположена.

Ряд улиц, несмотря на то, что их названия являются производными от существительных – названий городов России и Республики Татарстан, согласно мнению заведующего библиотекой Серебряного века ЕГМЗ, краеведа Андрея Иванова, получили своё наименование благодаря тому, что указывают направление на город, село, социально-значимую локацию, объединены географической функцией: *Московская*, *Казанская*,

Бондюжская (Бондюгой назывался город Менделеевск), *Колосовская*, *Саралинская*, *Аэродромная* (направлена на аэродром).

Также существует 10 одинаковых топонимов: *Танаевский 1-й переулок*, *Танаевский 10-й переулок*, *Танаевский 2-й переулок*, *Танаевский 3-й переулок* – ... *9-й переулок*, *Танаевское шоссе*, которые названы так, потому что расположены в географической близости к одному из крупнейших сёл Елабужского муниципального района – *Танайке*.

Есть улицы, в названиях которых присутствуют числительные: *10 лет Татарстана*, *8 марта*, *40 лет Татарии*, *Тысячелетия Елабуги*. Название *Юбилейный переулок* также отсылает к числительному, круглой дате, в честь которой топоним и был образован.

Интересно, что в Елабуге существует ряд улиц, которые названы во время и в честь определённой исторической эпохи. Так, реалии советского времени отражают следующие номинации (21): *Пролетарская*, *Октябрьская*, *Молодёжная*, *Красноармейская*, *Красногвардейская*, *Советская*, *Первомайская*, *Целинная*, *Патриотов* и др.

Источником возникновения названия улицы могут стать не только значимые культурно-исторические события. Так, мы обнаружили номинации улиц, отражающих особенности местности, географическое расположение (39): *Парковая*, *Горная*, *Дачная*, *Вишневый пер.*, *Еловый пер.*, *Западный пер.*, *Заповедная*, *Карьерная*, *Кленовый*, *Луговая*, *Набережная*, *Сосновая*, *Рябиновая*, *Хвойная*, *Хлебный городок*, *Парковая*, *Прикамская*, *Тойминская* и др.

Одной из специфических групп названий улиц, встречающихся в Елабуге, являются улицы, названные в честь определённых погодных явлений, времени года: *Весенний переулок*, *Радужная*, *Светлая*, *Снежная*, *Теплый переулок*, *Солнечный переулок* и др.

Отдельный интерес представляют улицы, сохранившие свое название с начала XIX века. Это улицы, которые расположены поблизости от православных храмов и соборов города: *Большая Покровская*, *Малая Покровская* – Покровский собор; *Спаская* – Спасский собор. В народе *Большую Покровскую* называли улицей «миллиончиков», так как здесь проживали купцы-миллионеры. Их в Елабуге было 12 человек.

Существует ряд наименований, которые объединены концептом «уют, спокойствие»: *Благодатная*, *Добрый переулок*, *Дружный переулок*, *Отрадная*, *Родная*, *Славная*, *Тихая*.

Следующая группа представляет собой названия улиц, отражающих концепт «дело, дея-

тельность». Это и профессии, и вид хобби, а также улицы, названные в честь промышленных точек города, которые были построены на той или иной территории: *Автомобилистов* (автомобильный завод), *Буровиков*, *Боровая*, *Водонапорный переулок*, *Кирпичный завод*, *Космонавтов*, *Литейный переулок*, *Лыжная*, *Нефтяников проспект*, *Промысловый переулок*, *Разведчиков*, *Сельхозхимия*, *Лесная* (деревообрабатывающий завод), *Сеченый переулок*, *Солдатская*, *Спортивная*, *Строителей*, *Фабричная* и др.

Интересна история наименования *Проспекта Нефтяников*: именно его часть в исторической части города носила название улицы *Малмыжской* (город в Кировской обл.), затем улицы *Коммунистической*, впоследствии улицу *Ленина* и улицу *Коммунистическую* объединили в одну и переименовали в *проспект Нефтяников* по инициативе НГДУ [6, с. 27].

Любопытно происхождение названия улицы *Трёхсвятской*. В Елабужском уезде с XIX века до начала XX века существовала деревня *Трёхсвятская*. В советское время она вошла в Первомайский сельский совет, который первоначально не относился к городу. Но в 1958 году сельсовет был присоединён к городу, и в сентябре того же года Исполком Елабужского горсовета решил произвести переименование улиц, переулков и кварталов в местности бывшего Первомайского сельского совета. Таким образом, улица *Трёхсвятская* (деревенская улица) и *Лекаревский тракт* стали считаться продолжением улицы *Чапаева*, а часть улицы *Трёхсвятской* стала улицей *Первомайской*.

Многие топонимы претерпели изменения. Например, *Площадь Ленина*, которая расположена в центре исторической части города между улицами *Гассара* и *Говорова*. До 1846 года площадь носила название *Западная Сенная*, улица *Гассара* – *Полевая*, улица *Говорова* – *Луговая*. Улица *Казанская* в советский период была переименована в улицу *Карла Маркса*, сейчас первоначальное название возвращено. *Западная Сенная площадь* со второй половины XIX века меняла свое название, став *Хлебной*. Это связано с тем, что в XIX веке на площади проходили шумные хлебные ярмарки, где хлеб продавали пудами и целыми возами. Хлеб привозился из Казанской, Уфимской, Оренбургской и других губерний. Вокруг площади располагались многочисленные лавки и магазины. С 1919 года *Хлебная площадь* стала *Площадью Революции*. В тридцатых годах XX века её переименовали в *Площадь Гассара* в честь большевика, одного из руководителей борьбы за установление советской власти в Елабуге. Накануне торжественного

празднования 50-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции по решению Елабужского городского Совета депутатов трудящихся площадь стала называться *Площадью Ленина*.

Исследование топонимики города Елабуги, особенностей её становления и развития позволяет наиболее ярко изучить культуру, менталитет и национальные особенности региона через языковые факты и использовать полученный материал как в рамках работы со студентами высших учебных заведений, так и с обучающимися школы. Закономерности, выявленные при анализе способов образования топонимов, позволяют отметить, что географические названия отражают языковую картину мира жителей региона в историческом аспекте и являются средством идентификации культурно-исторических особенностей города Елабуги.

Список источников

1. *Шишкин И. В.* История города Елабуги. М.: Синодальная Типография, 1887. 53 с.
2. *Дубровский А. Г.* Наш край: Нижнее Прикамье. Казань: ОАО ПИК Пресс-Идел, 2007. 752 с.
3. *Халиков А. Х.* История возникновения города Елабуга – Алабуга и исследования Елабужского городища в 1993 году. Елабуга: Юлдаш, 1997. 16 с
4. *Шашерина А. В.* Исследовательская работа «Елабужская топонимика» // URL: <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2013/02/25/issledovatel'skaya-rabota-elabuzhskaya-toponimika> (дата обращения: 12.11.2022)
5. Подробная карта России с городами: [сайт]. URL: <https://mapdata.ru/> (дата обращения: 12.11.2022)
6. Казанская история. СПб: Академия наук, 1954. 91 с.

References

1. Shishkin, I. V. (1887). *Istoriya goroda Elabugi* [History of the City of Yelabuga]. 53 p. Moscow, Sinodal'naya Tipografiya. (In Russian)
2. Dubrovskii, A. G. (2007). *Nash kraj: Nizhnee Prikam'e* [Our Region: The Lower Kama]. 752 p. Kazan', ОАО PИК Press-Idel. (In Russian)
3. Khalikov, A. Kh. *Istoriya vzniknoveniya goroda Elabuga – Alabuga i issledovaniya Elabuzhskogo gorodishcha v 1993 godu* (1997) [The History of the City of Yelabuga – Alabuga and the Study of the Yelabuga Settlement in 1993]. 16 p. Elabuga, Yuldash. (In Russian)
4. Shasherina, A. V. *Issledovatel'skaya rabota "Elabuzhskaya toponimika"* [Research Work "Yelabuga Toponymy"]. URL: <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2013/02/25/issledovatel'skaya-rabota-elabuzhskaya-toponimika> (accessed: 12.11.2022). (In Russian)
5. *Podrobnaya karta Rossii s gorodami* [Detailed Map of Russia with Cities]. URL: <https://mapdata.ru/> (accessed: 12.11.2022). (In Russian)

6. *Kazanskaya istoriya* (1954) [Kazan History]. 91 p. St. Petersburg, Akademiya nauk. (In Russian)

Bibliographic list

Библиографический список

1. Арсланов Л. Ш., Корепанов К. И. Археология и топонимия Елабужского края. Елабуга: ЕГИА-иХМЗ, 1991. 12 с.

2. *Кашиanova E. A., Берестова Н. В.* История Елабуги в лицах. Ульяновск: Печатный двор, 2021. 384 с.

3. *Суперанская А. В.* Что такое топонимика? М.: Наука, 1985. 185 с.

1. Arslanov, L. Sh., Korepanov, K. I. (1991). *Arkheologiya i toponimiya Elabuzhskogo kraya* [Archeology and Toponymy of the Yelabuga Region]. 12 p. Elabuga, EGIAiKHMZ. (In Russian)

2. Kashapova, E. A., Berestova, N. V. (2021). *Istoriya Elabugi v litsakh* [The History of Elabuga in Persons]. 384 p. Ul`yanovsk, Pechatny`i dvor . (In Russian)

3. Superanskaya, A. V. (1985). *Chto takoe toponimika?* [What Is Toponymy?]. 185 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

The article was submitted on 17.03.2023

Поступила в редакцию 17.03.2023

Юрикова Камилля Юрьевна,
аспирант,
Елабужский институт Казанского
федерального университета,
учитель русского языка и литературы,
Образовательная школа «Университетская»
Елабужского института Казанского
федерального университета
423604, Россия, Елабуга,
Казанская, 91.
kamillyayurikova@mail.ru

Yurikova Kamillya Yurievna,
graduate student,
Yelabuga Institute of Kazan (Volga Region)
Federal University,
teacher of Russian language and literature,
Universitetskaya Educational School of the
Yelabuga Institute of Kazan (Volga Region)
Federal University,
91 Kazanskaya Str.,
Yelabuga, 423604, Russian Federation.
kamillyayurikova@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ДИАЛЕКТОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

© Надежда Ячина, Ильдания Низамбиева

THE INFLUENCE OF GLOBALIZATION PROCESSES ON THE DISAPPEARANCE OF THE RUSSIAN LANGUAGE DIALECTS

Nadezhda Yachina, Ildania Nizambieva

The article clarifies the concept of dialect, emphasizing the decline in the interest of modern linguistics in dialects. The relevance of the study: language is an indicator of the condition of society and any transformations of social relations primarily manifest themselves in the language environment of the country. The scientific novelty lies in the fact that we studied the dialect of village residents, the village of Skhodnevo, the Klyavlinsky district, the Samara region; for the first time, the linguistic connections of the northeastern dialect of the Russian language in the Samara region and the Tatar language have been established, based on dialect morphology; the study was conducted using new language material (the language material was collected in the homeland of one of the authors of the article). We clarified the reasons for the emergence and interpenetration of some dialectal linguistic phenomena using the following research methods: the method of observation of the villagers' dialect, descriptive and comparative methods. The lexical features, noted by us, expand the understanding of the typology of the Samara dialects and represent a unique material. At the level of phonetics and morphology, typological differences include the shift of stress, akanye and the southern Russian pronunciation of the sound [g]. Thus, the lexical features of Russian dialects can easily be borrowed from one dialect by the other. This material will be useful for teachers of the Russian language and students of philology.

Keywords: Russian language, dialect, linguistics, dialect, Samara region, globalization processes, Russian villages

В статье уточняется понятие диалект, подчеркивается снижение интереса современной лингвистики к говорам. Актуальность исследования: индикатором состояния общества является язык, и любые трансформации общественных отношений в первую очередь проявляются в языковой среде страны. Научная новизна заключается в том, что исследован диалект жителей села Сходнево Клявлинского района Самарской области; впервые на материале диалектной морфологии установлены языковые связи северо-восточного говора русского языка Самарской области с татарским языком. Исследование проведено с использованием нового языкового материала (языковой материал был собран на родине одного из авторов); уточнены причины возникновения и взаимопроникновения некоторых диалектных языковых явлений. Для этого были использованы следующие методы исследования: наблюдение за говором жителей села, описательный и сравнительный методы. Лексические особенности, отмеченные нами, расширяют знания о типологии самарских говоров и представляют уникальный материал. На уровне фонетики и морфологии к числу типологических различий относятся перемещение ударения, аканье, южнорусское произношение звука г. Таким образом, лексическая, фонетическая особенности русских говоров в том, что они легко могут переходить из одного говора в другой. Данный материал будет полезен для учителей русского языка, студентов-филологов.

Ключевые слова: русский язык, диалект, лингвистика, говор, Самарская область, процессы глобализации, русские деревни

Для цитирования: Ячина Н.П., Низамбиева И.И. Влияние процессов глобализации на исчезновение диалектов русского языка // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №1 (71). С. 103–108. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-103-108

В последнее время в связи с процессами глобализации, с масштабными процессами миграции, смешением населения изменились звенья диалектной системы. Несмотря на то, что право-

вой статус русского языка определяется Федеральным законом № 53-ФЗ («О государственном языке Российской Федерации») от 2 июня 2005 года (цит. по [1]), в то же время сокращается сфера использования русского языка. Чем же это объясняется? Ученые-лингвисты, социологи и другие исследователи дают этому процессу разные объяснения. Например, В. Н. Лексин связывает это с тем, что на территории России за последние десятилетия резко возросла смертность среди русского населения, а рождаемость не повысилась [2, с. 24]. Также он отмечает самый низкий процент рождаемости среди русского населения. На постсоветском пространстве значительно сокращается число русскоговорящих людей (кроме Белоруссии). Английский язык фактически вытесняет русский язык на территориях бывшего СССР.

Е. Л. Кузьминева, К. М. Шилихина указывают на влияние исторических факторов на изменение терминосистемы сферы образования в русском языке под влиянием ряда экстралингвистических условий. Они отмечают три основных периода, в течение которых происходили значительные изменения в понятийно-терминологическом аппарате всей сферы образования в русском языке: советский период; постсоветский период, при котором произошло масштабное реформирование системы образования (вхождение России в Болонский процесс); третий этап затронул наши дни и актуальные процессы, влияющие на изменение русского языка [3, с. 111]. Ученые предположили, что все это связано с постоянным и масштабным увеличением количества заимствованных слов. С процессами цифровизации и глобализации также появляются новые термины и уходят в историю некоторые старые диалектные слова.

О. А. Еремеева и О. В. Загоровская [4] также отметили, что цифровизация и переход к новым моделям в экономике, в образовании, основанным на применении информационных технологий, – это основные источники пополнения русской терминологии. Появляется множество новых профессий, термины которых известны пока только узкому кругу лиц, занимающихся IT-технологиями.

Д. Н. Гальцова показала, что диалектный язык – это сложная макросистема, состоящая из частных диалектных систем. По ее мнению, полное представление о лексической системе диалекта можно получить лишь при целостном и системном изучении, рассматривая отношения определенных единиц на уровне макросистемы [5, с.33].

Характерно и то, что с исчезновением с географических карт многих русских деревень и селений исчезают и диалекты этих мест. Пропадает не просто язык, исчезает целая культура народа той или иной местности. Диалектом принято считать такую языковую систему, которая является средством для общения небольшой, но территориально замкнутой группы людей, чаще это жители одного или нескольких небольших населенных пунктов сельского типа.

Многие ученые признают, что термин «диалект» является синонимом русскому термину «говор». Но народный говор нередко отклоняется от общепринятого и иногда может быть принят за чужой язык.

В науке традиционно принято дифференцировать территориальные диалекты как некие разновидности языка, применяемые на определенной территории в качестве средства общения местного населения, и социальные диалекты – другие разновидности языка, на которых общаются лишь определенные и малочисленные социальные группы населения.

Таким образом, системное изучение процессов диалектной речи и исследование самого механизма изменения диалектной системы на разных ее уровнях становится одной из важных задач современной диалектологии как лингвистической науки.

Интерес к изучению народных говоров Самарского края возник у русских лингвистов в середине XIX века, а уже в 2008 году Т. Ф. Зибровой был составлен Атлас говоров Самарского края [6, с. 7].

Но в связи с обширностью распространения русского языка на территории Самарского края и иногда практической невозможностью сбора материала исследователями информация о говорах присылалась учителями или просто энтузиастами, любителями русской народной речи, а также студентами. Несмотря на то, что была проведена колоссальная работа по изучению самарских говоров, в связи с тем, что границы Самарского края время от времени изменялись, менялся и состав самого населения, и следовательно, атлас самарских говоров также обновлялся.

К востоку от изгиба реки Волги вблизи г. Самары (так называемая «Самарская Лука») по левобережью реки Волги начинается зона южно-русских говоров (Кинель, Самара, Черниговка и др.) [7]. В русском языке существует три основных группы диалектов: севернорусские диалекты (или севернорусские наречия), среднерусские диалекты (или среднерусские наречия), южно-русские диалекты (или южнорусские наречия).

Л. К. Лыжова утверждает, что «синонимия» – это явление внутрисистемное, поэтому ее изучение необходимо начинать с изучения говора одного села [8, с. 3]. Предметом нашего исследования явилось наблюдение за говором жителей села Сходнево Клявлинского района Самарской области. Село Сходнево (Урдалка, такое название село получило от жителей, когда входило в состав республики Татарстан) находится на расстоянии примерно 22 километров по прямой на северо-восток от районного центра железнодорожной станции Клявлино. Когда-то Сходнево было удельным, довольно-таки крупным селом. В нем проживали русские люди. В 1900 году в нем проживало 1722 человека, а в 1910 году уже 1997 человек. Оно входило в состав ТАССР, но потом стало относиться к Куйбышевской области, так как находится на границе этой области.

В селе находилось волостное правление, земская станция и 2 маслобойных завода. Здесь имеется здание церкви. Дата постройки церкви во имя святой Троицы (Троицкой) по одним источникам 1812 год, по другим – 1874 [9]. Возможно, это даты начала и конца строительства (освящения). Церковь, вмещающая до 1000 богомольцев, была построена на средства прихожан. В приход входили село Сходнево, деревни Назаровка и Шешминка. В ноябре 1885 года при ней была открыта церковно-приходская школа. В этом селе или поселении (так оно называется в настоящее время) свой местный диалект.

В таблице 1. представлены примеры из литературного языка и Севернорусского, Южнорусского и Сходневского наречий, и мы наблюдаем отличие сходневского говора от других.

Таблица 1.

**Примеры литературного языка
и Севернорусского, Южнорусского
и Сходневского наречий**

Литературный язык	Севернорусское наречие	Южнорусское наречие	Сходневское наречие
петух	петух	кочет	петух
пояс	гашник	пояс	кушак
говорить	баить	гутарить	калякать

Источником исследования сходневского диалекта явились:

- 1) Атлас говоров Самарского края 2009г.;
- 2) личная картотека автора (1976–2022гг.);
- 3) научная литература самарских ученых.

Изучив список населенных пунктов на карте Атласа говоров самарского края, список дипломных работ, статьи ученых Самарского края, мы обнаружили, что в селе Сходнево Клявлинского

района диалект не исследовался. Т. Е. Баженова в своей статье также отмечает, что в результате планомерных экспедиционных обследований накоплен значительный лексикографический материал по изучению говоров Самарской области. Однако до сих пор остается неясным, какое место занимают самарские говоры в составе поволжских переселенческих говоров на фоне других периферийных и центральных русских говоров и что представляют собой местные особенности словаря [10]. Причиной данного явления могло быть то, что территориально село Сходнево входило в состав республики Татарстан. На севере Клявлинский муниципальный район Самарской области граничит с Республикой Татарстан.

Изучая говор села Сходнево, мы обнаружили взаимовлияние русского и татарского языков. Например, вместо глаголов *идём, пойдём* здесь – устойчивое выражение *айда. УрЯма* – так могли назвать человека, который не понимает собеседника (заимствовано из татарского – урамы, улица).

В названии блюд также наблюдается взаимопроникновение: *салма* (вместо привычного русского блюда суп с шариками из теста); *беляши* – (блюдо татарской кухни (пирожки с мясом)) здесь произносят *бИляши* и считают это русским блюдом. А самым любимым праздником в этом селе вам назовут *сабантуй*, хотя иногда можно услышать синоним этого слова – *маёвка* (так *сабантуй* называли потому, что он проводился в мае, после окончания посевных полевых работ). Таким образом, происходит смешение разных языков и культур.

Диалект может существенно отличаться от классического литературного языка по всем уровням языковой системы: морфологическому, фонетическому, синтаксическому и лексическому. Так, к примеру, в слове *идут*, вместо привычного слова *идУт*, ударение перемещают на первую гласную: *Идут*; глагол *нести* здесь произносят коротко – *неСТЬ*; ясную солнечную погоду называют *вёдра*.

Вместо наречия *недавно* местные жители употребляют слово *усета*, наречие *ещё* произносят *ишо*. Пирожки называют *пиреженчики*, пельмени – *перемени*, переулочек – *праДулок*. Также наблюдается сокращение слогов в словах: вместо *лаЕт*, произносят *лат*, вместо *собака воЕт* – *собака вот*. Вместо *три дня назад* говорят *втри-тёвдни*; *вечером* – *вечОр*. Кухонную тряпку для вытирания рук (*салфетку*) называют *утиркой*. Вопросительное местоимение *что* заменяют словом *чаво*, а местоимение *тебе* заменяют на короткое *те*. Вместо существительного *sosед*

произносят *шабёр*. Слово *бадик* означает *палку / трость, порожний бидон* – пустой бидон. *Карда* – широкий двор для скота. Человека бессовестного называют *шарыпка* (глаза бессовестного человека сравнивают с шарами, отсюда производное слово *шарыпка*), обманщика – *обаимка*, лицемера – *близирник*, отсюда глагол *лицемерить* – *близирничать*, замёрз – *заклёк*, смеяться – *хохотать*. Хлеб в деревне женщины пекли сами, и деревянная доска с выдолбленной ямкой для муки – это *ночёвки* (муку на ночь заносили в избу).

Привычный для нас глагол *нести* произносят *несть*. Глагол *сумерничать* означал «собратиться вечером у одного из соседей или родственников», чтоб обменяться новостями (телевизоров раньше не было). Женщины сидели, вязали носки или варежки, дети в сторонке играли, мужчины вели разговоры. Иногда читали интересные факты из газет, иногда пели песни.

И так происходило каждый вечер, люди общались, несмотря на тяжёлый физический труд, шутки и хохот слышны были в плохо освещённых вечерних избах.

М. Е. Салтыков-Щедрин в повести «История одного города» удачно использовал такой необычный приём, как говорящие фамилии (имена, клички героев): *Бородавкин*, *Прыщ* и другие. Это позволяет нам почувствовать отношение автора к этим персонажам, понять их характер. В селе Сходнево большинство жителей тоже имело прозвища, причем народ очень метко подбирал их. Прозвище *Пипкин* дали мужчине очень маленького роста, но стремившегося занять должность в местной ячейке коммунистической партии. *Пяткин* – такое прозвище было у сельского председателя, который каждое утро обходил дворы колхозников и каждому индивидуально сообщал, какая работа его ожидает в этот день (давал «наряд»), сетовал на то, что с утра уже «пяточки горят» – отсюда и прозвище *Пяткин*.

Интерес вызывают фамилии жителей села Сходнево. Фамилия *Просвиркин* была дана в честь церковной «просвиры» – маленькой хлебной лепешки из церкви, которую давали после церковного причащения человека. Люди рода *Просвиркиных* были духовно развитыми. Фамилия *Щегольков* – от глагола *щеголять*, *форсить*. Люди с этой фамилией отличались от жителей села образованностью и аккуратностью в одежде. В роду *Щегольковых* много офицеров, которые занимают высокие чины и награждены высокими правительственными наградами. Есть и другие фамилии у жителей села Сходнево: *Рукавишниковы*, *Бормотовы*, *Кудряшовы*, *Сальниковы*, *Корытины*, *Базановы*, *Анашкины*.

В настоящее время в сельском поселении Сходнево проживают около 25 жителей. С исчезновением села исчезает и местный диалект.

Е. Д. Поливанов справедливо указывает на эволюцию языка. Факты неумолимо свидетельствуют о том, что изменения – это неизбежный спутник языковой истории и что на протяжении ряда поколений людей эти изменения могут достигать чрезвычайно больших размеров [11, с. 75]. Т. Э. Алимов отмечает изменения в языковом составе русского языка в связи с глобализацией и подчеркивает необходимость более глубокого изучения формирования кросс-культур и их проявление в лингвистике, призывает к борьбе за чистоту русского языка [12, с. 23].

Т. М. Надеина анализирует, как лучше и более адекватно изучать языковые феномены, так как современная социолингвистика имеет дело с такими явлениями и процессами, которые должны рассматриваться как с точки зрения языкознания, так и с позиций социологии [13, с. 15].

Для чего же нужно изучать историю языка, диалекты? Еще К. Д. Ушинский отмечал, что в языке одухотворяется весь народ и вся история его духовной жизни [14]. Введение в школьный курс лингвокраеведения способствует повышению уровня владения обучающимися русским языком, уровня знаний истории своей страны и родного села или города, а также особенностей современной жизни в них (то есть уровней развития национального самосознания).

Современная общеобразовательная школа, следуя требованиям ФГОС (Федерального государственного образовательного стандарта), должна подготовить такого ученика, который хорошо знает русский язык, любит свой родной край, свой народ, своё Отечество. Выпускник должен знать и соблюдать духовные традиции, культуру, принимать ценности своей страны.

В настоящее время в современной школе большое внимание уделяется развитию творческих способностей учащихся, начиная с младших классов. Вовлечение учащихся в проектную деятельность, что требует новый ФГОС, изучение древа своей семьи, рода, жителей дома, истории названия улицы, на которой он проживает, города – всё это, безусловно, способствует расширению интеллекта, правильному восприятию мира, а в дальнейшем личностному росту ученика.

Таким образом, ссылаясь на российскую объективную реальность, на примере одного села мы видим, что процессы глобализации привели к сокращению сельского населения и имеют тенденцию отталкивать людей от их национальных образовательных традиций и канонов. Активное внедрение английского языка во все сферы: об-

разование, торговлю, экономику, бизнес, индустрию – ведет к утере национальной самобытности народов России. Курс «Лингвокраеведение» поможет педагогу решить задачу образования и воспитания учащихся с учетом требований ФГОС и особенностей региона.

Список источников

1. Косырева М. С. Особенности развития русского языка в эпоху глобализации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-russkogo-yazyka-v-epohu-globalizatsii?ysclid=l8reaamcxd595965170> (дата обращения: 14.12.2022 г.).
2. Лексин В. Н. Языковая репрезентация русской цивилизации // Мир России. 2014. № 2. С. 6–35.
3. Шилихина К. М., Кузьмина Е. А. Влияние исторических факторов на изменение терминосистемы сферы образования в русском языке. Вестник ВГУ: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022, №3. С. 110–116.
4. Загоровская О. В., Еремеева О. А. Новые методические термины в современном русском образовательном дискурсе // Известия Воронеж. гос. пед. ун-та. 2021. № 3. С. 139–144.
5. Гальцова Д. Н. Источники синонимических соответствий в воронежских говорах. Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2022. № 2. С. 33–41.
6. Зиброва Т. Ф. Атлас говоров Самарского края: учеб. пособие / Т. Ф. Зиброва, М. Н. Барабина. Самара: Издательство «Самарский университет», 2009. 116 с.
7. Афанасьева А. А. Диалектные слова Самарской области. URL: <https://school-science.ru/12/10/47406?ysclid=l8rf9yuz9d605709746> (дата обращения: 14.12.2022).
8. Лыжова Л. К. Лексическая синонимия в диалекте (на материале говора Воронежской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук: Воронеж, 1973. 21с.
9. Seleste_RUSa Троицкая церковь в селе Сходнево. URL: <https://seleste-rusa.livejournal.com/801605.html> (дата обращения: 14.12.2022).
10. Баженова Т. Е. Лексика самарских говоров в ареально-типологическом аспекте. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksika-samarskih-govorov-v-arealno-tipologicheskom-aspekte/viewer> (дата обращения: 15.03.2023).
11. Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. 376 с.
12. Алимов Т. Э. Русский язык в эпоху глобализации / Т. Э. Алимов, Ф. Б. Юлбарсов. // Журнал «Молодой ученый». 2021. № 53 (395). С. 253–255. URL: <https://moluch.ru/archive/395/87479/> (дата обращения: 02.10.2022).
13. Надеина Т. М. Социоллингвистика. Хрестоматия. Норма, Инфра-М, Москва. 2023. 73 с. URL: <https://znanium.com/read?id=416419> (дата обращения: 2.10.2022).

14. Ушинский К. Д. Язык народа. Из сочинений К. . Ушинского. URL: <https://russianclassicalschool.ru/videoprezentatsii/item/1085-yazyk-naroda-iz-sochinenij-k-d-ushinskogo.html#:~:tex> (дата обращения: 14.12.2022).

References

1. Kosyreva, M. S. *Osobennosti razvitiya russkogo yazyka v epokhu globalizatsii* [Features of the Russian language Development in the Era of Globalization]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-russkogo-yazyka-v-epohu-globalizatsii?ysclid=l8reaamcxd595965170> (accessed: 14.12.2022). (In Russian)
2. Leksin, V. N. (2014). *Yazykovaya reprezentatsiya russkoi tsivilizatsii* [Linguistic Representation of Russian Civilization]. *Mir Rossii*. No. 2, pp. 6–35. (In Russian)
3. Shilikhina, K. M., Kuz'minova, Ye. A. (2022). *Vliyaniye istoricheskikh faktorov na izmeneniye terminosistemy sfery obrazovaniya v russkom yazyke* [The Impact of Historical Factors on the System of Terminology in the Russian Educational Discourse]. *Vestnik VGU, Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. Voronezh. No. 3, pp.110–116. (In Russian)
4. Zagorovskaya, O. V., Yeremeyeva, O. A. (2021). *Novyye metodicheskiye terminy v sovremennom russkom obrazovatel'nom diskurse* [New Methodological Terms in Modern Educational Discourse]. *Izvestiya Voronezh. gos. ped. un-ta*. No. 3, pp. 139–144. (In Russian)
5. Gal'tsova, D. N. (2022). *Istochniki sinonimicheskikh sootvetstviy v voronezhskikh govorakh* [Sources of Synonymic Equivalents in Voronezh Dialects]. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. No. 2, pp. 33–41. (In Russian)
6. Zibrova, T. F. (2009). *Atlas govorov Samarskogo kraja: ucheb. posobiye* [The Map of the Samara Region Dialects: A Textbook]. T. F. Zibrova, M. N. Barabina. 116 p. Samara, izdatel'stvo "Samarskii universitet". (In Russian)
7. Afanas'yeva, A. A. *Dialektnyye slova Samarskoy oblasti* [Dialectal Words of the Samara Region]. URL: <https://school-science.ru/12/10/47406?ysclid=l8rf9yuz9d605709746> (accessed: 14.12.2022). (In Russian)
8. Lyzhova, L. K. (1973). *Leksicheskaya sinonimiya v dialekte (na materiale govora Voronezhskoi oblasti): avtoreferat dis. kand. filos. nauk* [Lexical Synonymy in Dialects (based on Voronezh dialect): Ph.D. Thesis Abstract]. L. K. Lyzhova – Voronezh, 21 p. (In Russian)
9. Seleste_RUSa *Troitskaya tserkov' v sele Skhodnevo* [Seleste_RUSa Troitskaya Church in the Village of Skhodnevo]. URL: <https://seleste-rusa.livejournal.com/801605.htmls> (accessed: 14.12.2022). (In Russian)
10. Bazhenova T. E. *Leksika samarskikh govorov v areal'no-tipologicheskom aspekte* [Samara Dialect Lexis in the Area-Typological Aspect]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksika-samarskih-govorov-v-arealno-tipologicheskom-aspekte>

govorov-v-arealno-tipologicheskom-aspekte/viewer (accessed: 15.03.2023). (In Russian)

11. Polivanov, E. D. (1968). *Stat'i po obshchemu yazykoznaniiu* [Articles on General Linguistics]. 376 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

12. Alimov, T. E. (2021). *Russkii yazyk v epokhu globalizatsii* [The Russian Language in the Era of Globalization]. T. E. Alimov, F. B. Yulbarsov. Zhurnal "Molodoi uchenyy". No. 53 (395), pp. 253–255. URL: <https://moluch.ru/archive/395/87479/> (accessed: 02.10.2022). (In Russian)

13. Nadeina, T. M. (2023). *Sotsiolingvistika. Khrestomatiya* []. Norma, Infra-M, Moskva. 73 p. URL: <https://znanium.com/read?id=416419> (accessed: 02.10.2022). (In Russian)

14. Ushinskii, K. D. *Yazyk naroda. Iz sochineniy K. D. Ushinskogo* []. URL: <https://russianclassicalschool.ru/videoprezentatsii/item/1085-yazyk-naroda-iz-sochineniy-k-d-ushinskogo.html#:~:tex> (accessed: 14.12.2022). (In Russian)

The article was submitted on 10.12.2022
Поступила в редакцию 10.12.2022

Ячина Надежда Петровна,
кандидат педагогических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
nadegda_777@mail.ru

Yachina Nadezhda Petrovna,
Ph.D. in Pedagogy,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
nadegda_777@mail.ru

Низамбиева Ильдания Ильдусовна,
старший преподаватель,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Ildaniya2009@mail.ru

Nizambieva Ildania Ildusovna,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Ildaniya2009@mail.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1+81.255

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-109-116

«ХОЛСТОМЕР» ЛЬВА ТОЛСТОГО НА ТАТАРСКОЙ СЦЕНЕ

© Марсель Бакиров, Милеуша Хабутдинова

“KHOLSTOMER” BY LEO TOLSTOY ON THE TATAR STAGE

Marsel Bakirov, Mileusha Khabutdinova

The article systematizes information on the Kazan school of Tolstoy Studies, on the systematic work of the scholars aimed to perpetuate the memory of the great Russian writer in our region and on trends in translation studies. The paper briefly outlines the regional aspect of the topic “Tolstoy and Theater”. We give a generalized description of the performances, based on the works of Leo Tolstoy, and staged in Tatar theaters on the occasion of the 195th anniversary of the Russian literature classic. The directors focused on the works from the school curriculum: “The Caucasian Prisoner” (directed by Ifak Hafizov) and “Kholstomer” (directed by Rustam Galiyev). When developing a script, the screenwriters “nationalized” the content. In order to deepen the images of the “Tatars”, Ifak Hafizov adds dialogues, and Rkail Zaidulla, contrary to the author’s attitude of detachment, relies on a rich arsenal of vocabulary related to the concept of “horse”, inventing beautiful nicknames for horses, as he cannot overcome his special feeling for horses inherent in the Tatars. Director Lisa Bondar and playwright Ekaterina Augustenyak, working on the dramatization of “Döm” (Rafkat Shagieva’s translation) based on Leo Tolstoy’s play “The Power of Darkness”, transfer the events to modern times. The creators of the play focus on the people. This explains the strange name of the production in Tatar. Tatar performances appeared on the professional stage thanks to the project “Culture of the Small Motherland” and the subproject “Theaters of Small Towns”.

Keywords: Russian literature, Tatar theater, Leo Tolstoy, dramatization of prose, Rkail Zaidulla

В статье систематизированы сведения о казанской школе толстоведения, о планомерной работе ученых по увековечиванию памяти великого русского писателя в регионе, тенденциях в переводоведении. В работе кратко очерчен региональный аспект темы «Толстой и театр». Дана обобщенная характеристика спектаклям по мотивам произведений Льва Толстого, поставленным на сцене татарских театров по случаю 195-летия со дня рождения классика русской литературы. Внимание режиссеров оказалось приковано к произведениям из школьной программы: «Кавказский пленник» (режиссер Ильфак Хафизов) и «Холстомер» (режиссер Рустям Галиев). При разработке сценария сценаристы «национализируют» контент: Ильфак Хафизов, чтобы углубить образы «татар», дописывает диалоги, а Ркаиль Зайдулла, вопреки авторской установке на отстранение, опирается на богатый арсенал лексики, связанной с концептом «лошадь», придумывает красивые прозвища, так как не может преодолеть в себе присущее татарам особое отношение к лошадям. Режиссер Лиза Бондарь с драматургом Екатериной Августеняк, работая над инсценировкой «Дом» (пер. Рафката Шагиева) по мотивам пьесы Л. Толстого «Власть тьмы», переносят события в современность. Создатели спектакля делают акцент на звучании людей. Этим объясняется и странное название постановки на татарском. Татарские спектакли на профессиональной сцене появились благодаря проекту «Культура малой Родины», подпроекту «Театры малых городов».

Ключевые слова: русская литература, татарский театр, Лев Толстой, инсценирование прозы, Ркаиль Зайдулла

Для цитирования: Бакиров М.Х., Хабутдинова М.М. «Холстомер» Льва Толстого на татарской сцене // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №1 (71). С. 109–116. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-109-116

Введение

Истоки казанского толстоведения восходят к 1894 году, когда казанский историк, профессор Казанского университета Николай Павлович Загоскин (1851–1912) опубликовал статью «Граф Л. Н. Толстой и его студенческие годы» [1]. Плановая работа по увековечиванию памяти великого русского писателя в нашем крае началась после принятия на экстренном заседании Совета профессоров Императорского Казанского университета 12 ноября (по старому стилю) 1910 г. соответствующего Постановления. Огромный вклад в разработку темы «Лев Толстой и Казанский край» внесли Е. Г. Бушканец [2], В. А. Климентовский [3], Л. А. Смирнов [4] и др. Много сделано казанскими литературоведами и в области переводоведения (О. Х. Кадыров [5], [6], А. Закиров [7], [8], [9], [10]). В 2019 г. в Казанском федеральном университете был создан «Центр по изучению наследия Льва Толстого» (рук. – доктор филологических наук Р. Ф. Бекметов), нацеленный на изучение творчества великого русского писателя в региональном контексте, особенно в контексте его культурно-национальной рецепции народами России (по преимуществу Среднего Поволжья, в значительной мере тюрко-татарским этносом (см. подр. о деятельности центра: [11]).

В отечественном литературоведении можно встретить немало интересных работ о драматургии и театральной эстетике Льва Толстого [12], [13], [14], взглядах писателя на театр [15], [16, с. 149–158], театральных эпизодах в его прозе [16, с. 135–148, 158–170]. Исследователи пришли к выводу, что писатель не любил «светский театр», относился к домашнему театру как к способу поговорить с домашними о наболевшем. Драматургическое наследие самого Л. Толстого невелико: «Зараженное семейство» (1864), «Нигилист» (1866), «Драматическая обработка легенды об Аггее» (1886), «Первый винокур, или Как чертенок краюшку заслужил» (1886), «Власть тьмы, или Коготок увяз, всей птичке пропасть» (1886), «Плоды просвещения» (1890), «Петр Хлебник» (1894), «И свет во тьме светит» (1890–1900), «Живой труп» (1900), «От ней все качества» (1910).

В 2008 г. в Казанском университете была организована выставка «Лев Толстой и театр», на которой Музеем Казанского государственного академического русского Большого драматического театра им. В. И. Качалова, Национальным музеем Республики Татарстан, Научной библиотекой имени Н. И. Лобачевского были представлены экспонаты: афиши, эскизы декораций спектаклей, фотографии режиссеров, актеров, участ-

вовавших в спектаклях «Власть тьмы», «Живой труп». Особое внимание привлекла афиша спектакля «Предложение жениха», в котором Л. Толстой исполнил одну из главных ролей. Вниманию посетителей была представлена рецензия на спектакль, опубликованная в газете «Казанские губернские ведомости», где впервые отмечают игру Л. Толстого. С 1894 года в Казани идут спектакли по таким произведениям, как «Плоды просвещения», «Живой труп», «Власть тьмы», «Анна Каренина» и «Катюша Маслова».

Материалом для исследования послужили инсценировки повествовательных произведений Льва Толстого «Кавказский пленник», «Холстомер», а также его драмы «Власть тьмы».

В качестве основного избран описательно-сопоставительный метод. Кроме того в работе используются также методы обобщения и систематизации сведений, методы языкового и семиотического анализа.

Теоретической основой нашего исследования послужили вышеназванные работы толстоведов [5], [6], [11], а также исследования по теории и истории инсценирования [17], [18].

Обсуждение

Сегодня наблюдается повышенный интерес к творчеству Л. Н. Толстого и среди татарских театров. К 195-летию со дня рождения великого русского писателя на татарской сцене появились три татарских спектакля по мотивам его произведений.

Так, 19 мая 2022 г. в К(П)ФУ состоялась премьера спектакля «Кавказский пленник» (режиссер-инсценировщик Ильфак Хафизов, студенческая театральная студия «Мизгель»). Л. Толстой, разглядев в инородце человека, обратился к нему со словом, полным братской любви; оттолкнувшись от этого, сценарист допустил «вольность»: дописал диалоги кавказцев «татар». Это позволило И. Хафизову углубить их образы. Структурообразующим в сценографии стал образ Кавказа, который трансформировался то в мечту (ср. с Горой Каф), то в колыбельную (см. эпизод чтения письма матери), то в шатердом, то в темницу. Очень динамичной получилась сцена скачек в эпизоде, когда Жилин попадает в плен. Аура Востока на сцене создавалась во многом благодаря музыке. Спектакль был поставлен в рамках подготовки студенческой студии к участию в VI Международном театральном фестивале под открытым небом «Толстой» (Музей-усадьба Льва Толстого «Ясная Поляна», 9–10 июля 2022 г.).

28 октября 2022 г. на сцене Нижнекамского татарского драматического театра имени

Т. Миннуллина (реж. Рустям Галиев, инсц. Ркайля Зайдуллы) состоялась премьера спектакля «Алаша» («Холстомер»). В одном из своих интервью режиссер признается, что давно мечтал поставить спектакль о лошадях. Вначале его взор был обращен к произведениям тюркской литературы: «Алмачуар» Г. Ибрагимова, «Прощай, Гульсары» Ч. Айтматова. Став свидетелем того, как татарские театры один за другим обратились к знаменитой повести Г. Ибрагимова (ТЮЗ имени Г. Кариева, Атинский государственный татарский театр), Рустям Галиев принял решение поставить на сцене легендарную повесть Л. Толстого.

3–4 декабря 2022 г. на сцене Альметьевского театра состоялась премьера спектакля-триллера по мотивам пьесы Л. Толстого «Власть тьмы» (реж. Елизавета Бондарь). Тостовский мир крошечной нелюбви в инсценировке передан через татарское слово *дөм* ‘непроглядный’, ‘тьма’, ‘темень’, ‘мрак’. В оригинале эта история, основанная на подлинном уголовном деле тульского крестьянина Ефрема Колоскова, занимает пять актов, а в татарской версии этот морок переплавлен сценаристами Елизаветой Бондарь и Евгенией Августеняк в часовой спектакль в сверхкамерном масштабе.

20 марта 2023 г. на Тинчуринской сцене нам удалось посмотреть спектакль «Холстомер» во время гастролей Нижнекамского театра в Казани. Точкой отсчета «театральной судьбы» знаменитого произведения Л. Толстого является 1975 г., когда одноименный спектакль появился на сцене Большого драматического театра имени А. М. Горького (реж., Георгий Товстоногов, инсц. Марка Розовского). Татарский театр обратился к этому произведению впервые.

Первоначально повесть русского писателя называлась «Хлыстомер», позже автор переименовал свое произведение в «Холстомер», так как это прозвище связано с выражением «холсты мерить» и означает такое качество лошади, как «быстроходность, редкий, длинный мах при бег» [19, с. 457]. Ркайл Зайдулла переплавил повесть Л. Толстого в драму в 2 частях «Алаша» [20]. В переводе с татарского это слово означает ‘*мерин*’. Очевидно, что татарский переводчик при выборе названия оттолкнулся от истории создания произведения. По воспоминаниям С. Н. Кривенко, во время одной из прогулок в 1856 г. Л. Толстой на выгоне подошел к несчастному мерину и, поглаживая его, «стал приговаривать, что тот, по его мнению, должен был чувствовать и думать». На создание повести писателя вдохновил и разговор с коннозаводчиком А. А. Стаховичем, пересказавшим ему сюжет не-

дописанной его братом повести «Похождения старого мерина». Татарское название спектакля также тесно связано с рабочим названием повести в дневниках писателя: «Мерин не пишется, фальшиво. А изменить не умею» (3 марта 1863 г.) [19, с. 457–459].

В сценическом действии Ркайл Зайдулла важное место отводит Хору лошадей («Атлар хоры»), чьи партии создают «раму» инсценировки и доносят до зрителя ее онтологическую проблематику. Создатели спектакля размышляют со зрителями о предназначении человека, быстротечности его жизни:

Жил искэндэй гомер узып китэ! Китэргэ дә вакыт килеп житэ. Искэ төшә шул чак кем булганы, Министрмы, әллә падишахмы? Кеше булганыңны искэ ал син! Үзеңнән соң яхшы исмен калсын. Тик син тәкәббер шул, аңсыз бәндә, Күзләреңә эжәл төбәлгәндә, Аңламыйсын, жавап бирәсең бар! Качалмасын, бер өзелә юллар. Үич көтмәгән чакта тотыласың, Ришвәт биреп анда котылмасың [20, с. 2].	Жизнь пронеслась, как ветер, Наступает пора уходить. Разве кто вспомнит тогда, кем ты был, Министром ли, Падишахом ли? Ты должен помнить прежде всего о том, что ты человек! Оставить о себе добрую славу. Однако ты человек – духом нищий, живущий бездумно, Не понимаешь, что тебе в будущем придется держать ответ! Никуда не сбежишь, как-то раз оборвутся дороги. Ты запнешься в момент, когда не ждешь, От которого не сможешь откупиться взяткой. (здесь и далее подстр. пер. наш. – М. Б., М. Х.).
--	---

В инсценировке Ркайля Зайдуллы «Холстомер» хор, как у Брехта, исполняет зонги, в которых основным временем выступает настоящее, носящее гномический характер. Сентенции, звучащие со сцены, носят вневременной характер. По мере развития действия драма Ркайля Зайдуллы все больше приобретает характер дидактической аллегии. Душевному звероному человеку в инсценировке противопоставлен эгоистичный человеконогий зверь, не умеющий любить, дружить и жить по-человечески. Если живая жизнь в инсценировке ассоциируется с миром природы, то неживая жизнь – с миром людей. Высшим идеалом русского писателя становится живая жизнь, которая явлена во всей своей полноте в «раме» спектакля. Переводчику

удалось образно передать картину обретающего интенсивность размыкающегося пространства:

Күк гөмбәзе күтәрелде өскә, Кызарынап кына таң атты. Чык тамчысы көмеш башын иеп, Соңгы йолдызларны озатты [20, с. 1].	Купол неба поднялся ввысь, Разрумянившись, встала заря, Капля росы, склонив се-ребрянную голову, Проводила последние звезды.
---	---

При создании зонгов ярко проявился поэтический дар переводчика. Ркаил Зайдулла в одной из песен стремится передать панпсихизм, присутствующий автору «Холстомера». Кругообразность композиции повести дает о себе знать в пластическом решении образа табуна в спектакле (хореограф – Марсель Нуриев), в центре кольца-кружения которого оказывается судьба пегого мерина (Алаша – Рафил Зайнуллин).

Мир лошадей построен по образу и подобию человеческому. Страстное увлечение Алаши Талчыбык (в оригинале – Вязопыриха) сопоставляется с любовью Серпуховского, имевшей печальные последствия. Если людская любовь полна фальши, то любовь лошадей наполнена красотой. Арена жизни принимает в спектакле то форму луга, то форму цирковой арены, то форму конюшни.

Расколотый эгоизмом и равнодушием мир людей в переводе противопоставляется табуну лошадей, живущему в едином ритме:

Йөз башлы ат көтүе бу! Тик йөгән бер барчасына. Йөреш тә бер. Ат өере Бер йөрәк булып ашкына. И өер, өер бу, өер! Бер тояк булып тибенер. [20, с. 1].	Это табун в сто голов! Словно уздечка одна на всех. Шагают синхронно. Табун Устремлен в перед в едином сердечном порыве. О табун, этот табун, табун! Отбивающийся словно в одно копыто.
---	---

Этот зонг пронизывает трепетная любовь Ркаила Зайдуллы к лошадям. Вслед за русским писателем татарский переводчик в своей инсценировке прибегает к частой смене точек зрения. Хор исполняет то зонги табуна, то Алаши, то Талчыбык. Лошадиные зонги перебиваются репликами Князя и конюха. Татарские зонги ориентируют зрителя относиться ко времени события как ко времени рассказываемой Алашой истории, так и ко времени рассказа старого мерина и даже – ко времени зрителя.

Молчаливое существование Алаши на сцене обращено неммым укором к зрителям... По просьбе Талчыбык мерин раздвигает «сенники» своей души. Алаша делится со зрителями редкими счастливыми минутами своей нелегкой жизни. Выплескивая боль души, конь шаг за шагом становится ближе к полюсу Человечности. Солнечным зайчиком-жеребенком пришел он на белый свет, раздвинув тесные стены конюшни. Однако чудо его рождения не коснулось души хозяина, который в вечном пьяном угаре заклеил жеребенка как неудачника, так как масть его оказалась не ко двору... Для достижения контраста между старым Алашой и юным режиссер выводит на сцену кукольного жеребенка, образ которого работает на создание атмосферы детскости, невинности.

Анатомический портрет старого Алаши в зонге при всех нелестных подробностях не лишен величественности. Стремясь передать мощь, красоту и описать нелегкую судьбу животного, переводчик опирается при создании инсценировки на богатый арсенал татарской лексики, связанной с лошадьми: корчаңгы – ‘лошадь, пораженная чесоточным клещом’ [20, с. 2], алаша – ‘мерин’ [20, с. 2], алмачуар – ‘конь в яблоках’ [20, с. 2], айгыр – ‘жеребец’ [20, с. 9], ат – ‘лошадь’ [20, с. 9], чобар, чабышкы ат – ‘скаковая лошадь’ [20, с. 12], аргамак – ‘небесный конь’ [20, с. 11], юртак – ‘рысак’ [18, с. 14], тулпар – ‘крылатый конь’ [20, с. 16]. По мере деградации Князя (Юрий Павлов) мир Алаши становится в спектакле объемнее, а сам он прекраснее, мощнее, органичнее. Он принимает свою жизнь как служение. Алаша жертвенно предан любимому хозяину-гусару. Мерин всю жизнь свою добросовестно служит. А Серпуховский, если и служил всю свою жизнь, то лишь самому себе. Князь жил во имя удовлетворения своих животных удовольствий. Разумным сознанием в повести оказывается наделен старый мерин, способный понять и простить других.

В повести Л. Толстого жизнь лошадей стилизуется под крестьянский мир. Матерью Гыйбада (Мужик) была лошадь по прозвищу Баба, а отца звали Любезный. В конюшне с Холстомером по соседству жили Голанка, Мушка – Сметанкина дочь, Краснуха, верховая Доброхотиха. Татарский переводчик допускает вольность, которая противоречит замыслу Л. Толстого. Ркаил Зайдулла наделяет Алашу татарской родословной, а лошадей – красивыми татарскими прозвищами, которые указывают на то, что хозяева к ним относятся с любовью. Для Л. Толстого были важны метафора и отстраненный взгляд. Русский писатель описывал историю жизни старого мерина с отчуждением. Ркаиль Зайдулла во время перево-

да произведения не смог в себе преодолеть при-
сущую татарам особую любовь и привязанность
к лошадям, что привело к некоторой трансфор-
мации оригинала при переводе (см. подр.: [21]).

Важную роль в спектакле играют хореогра-
фические, пластические этюды, через которые
передана сущность Страсти, Любви, Ревности,
Преданности, Предательства. Очень вырази-
тельно выглядит кружение табуна вокруг старого ме-
рина. Звуковым лейтмотивом в постановке ста-
новится цокот копыт, который носит характер
палочных ударов. Так передано выдавливание
Алаши из живой жизни конюшни. Его живая
душа всю его нелегкую жизнь пыталась про-
биться через эту плотину людских пороков: под-
лости, тщеславия, черствости, сиюминутных
безответственных порывов. Это метафорически в
спектакле передано в плавном перетекании
внешнего вида табуна из круга в образ
оглобли.

Ркаил Зайдулла сохраняет в системе персо-
нажей параллелизм любовных пар Князь – Матье
и Алаша – Талчыбык. В спектакле они становят-
ся олицетворением двух концепций любви: чело-
веческой – потребительской, эгоистичной, и жи-
вотной – возвышенной. В повести Л. Толстого
единственная любовь Холстомера, явившаяся
причиной его оскопления, наделяется весьма
приземленным, несколько грубоватым прозви-
щем Вязопуриха. Ркаил Зайдулла заменил его на
более уточненное, несущее в себе заряд женской
грации и энергию молодости: Талчыбык '*гибкий
ивовый прутик*'. Песнь Асыла о любви и страсти
контрастно противопоставляется игривому и
пустому диалогу Матью и Князя. Полна глубоко-
го смысла и антитеза: танец любви Асыла и Тал-
чыбык на лугу – любовные игры Князя с Матью
в загоне цирка.

Складывающиеся на сцене сюжетно-
смысловые параллелизмы и повторность сцени-
ческих комплексов позволяют создателям спек-
такля явить зрителю непрерывное сюжетно-
фабульное развитие, хотя и не всегда динамич-
ное. Очевидно стремление к достижению строй-
ной композиции с прочными архитектурными
связями на всех структурных уровнях. Дина-
мика достигается за счет смены хронотопов.
С е н н и к и к о н ю ш н я многозначны. Они вы-
растают до образа Бытийной арены жизни, где
луг противопоставлен душному цирковому заго-
ну, скачки – медленному угасанию человеческой
души. Алаша кружится по арене жизни, переходя
из рук одного хозяина в руки другого, и в конце
жизни вновь возвращается в родную конюшню.
В отличие от окружающих его людей, он облада-
ет Памятливой душой. Самый счастливый день в

его жизни, ознаменованный победой в скачках,
когда Алаша услышал высшую похвалу своего
гусара: «*Ул ат тугел, ул минем дустым!*» [20,
с. 15] («Он для меня не лошадь, это мой друг!»),
оборачивается для него трагедией. Ослепленный
ревностью Князь вечером в погоне за убежавшей
любовницей загнал скакуна и вскоре сбыл с рук
надорвавшееся животное, еще недавно бывшее
предметом его гордости. Столкнувшись со ста-
рым меринком в конюшне коннозаводчика, Сер-
пуховский не узнал своего «друга», которого в
молодости отказывался продавать за какие-либо
деньги. Он разглядел в больном мерине лишь
сходство масти, что стало очередным поводом
для пустого бахвальства.

Важную роль в сценографии спектакля при-
обретают такие метафорические детали, как ко-
леса телеги и дуга. Если первая деталь от-
сылает зрителя к выражению «телега жизни», то
вторая напоминает о человеческом отношении к
лошадям: данный элемент упряжи служил для
того, чтобы уберечь лошадь от ударов и толчков.

Картина издевательства человека над муж-
ской природой красивого коня, как и его гибель в
строгом соответствии с традициями греческого
театра, вынесены за пределы сцены. Трагедия
страстно влюбленного в Талчыбык Алаши пере-
дана с помощью метафорической детали крова-
вого хомута.

Алаше свойственно приятие жизни со всеми
ее противоречиями. Показателен финальный мо-
нолог Князя, где он размышляет о смысле жизни.
Стремясь оправдать свое никчемное существо-
вание, Серпуховский обрушивается на лошадей в
конюшне с желчной отповедью «*Яшәмисез, жан
асрыйсыз!*» [20, с. 16] («Вы не живете, а сущест-
вуете!»), которая на деле звучит приговором его
собственной жизни. Несколько приглушенный
финал нацелен на подчеркивание того, что даже
смерть старого мерина полна смысла и пользы,
тогда как смерть самого Князя – живого трупа
при жизни – лишена этого смысла начисто.

Результаты

Анализ переводческих практик современных
татарских писателей показал, что их выбор про-
изведений для перевода напрямую зависит от за-
каза общества. Проекты «Культура малой Роди-
ны», «Культура малых городов», а также эконо-
мические возможности «Пушкинской карты»
стимулируют театры обратить взор на произве-
дения, входящие в круг школьной программы.
Дополнительным стимулом для писателей и та-
тарских театров является планомерная работа со
стороны государства по увековечиванию памяти
о великом русском писателе и популяризации его

наследия. Татарские театры и переводчики работают как с прозой, так и с драматургическими произведениями Льва Толстого.

Выводы

Сопоставительный анализ русского оригинала повести Л. Толстого «Холстомер» с татарской инсценировкой «Алаша» Ркаила Зайдуллы позволяет нам судить не только о переводческой стратегии татарского писателя, но и получить представление о национальных образах мира русского и татарского народов. Инсценировка прозы Л. Толстого на татарской сцене является материалом для изучения закономерностей перехода художественно-монологического текста в диалогический. В перспективе есть необходимость изучения переводческой стратегии Рафката Шагеева, который адаптировал на татарском языке инсценировку «Дом» [22], созданную Е. Бондарь, Е. Августеняк по мотивам толстовской «Власть тьмы».

Список источников

1. Загоскин Н. П. Граф Л. Н. Толстой и его студенческие годы (Посвящается графу Льву Николаевичу) // Исторический вестник, 1894. Т. 55. № 1. С. 78–124.
2. Бушканец Е. Г. Юность Льва Толстого. Казанские годы. Казань, 2008. 144 с.
3. Климентовский В. А. Русские писатели в Татари. Казань: Тат. кн. изд-во, 1974. С. 80–98.
4. Смирнов Л. А. Лев Толстой и Казанский край: жизненный и творческий путь писателя в восприятии и оценках современников: 1841–1910 гг.: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2003. 177 с.
5. Кадыров О. Х. Роль Л. Н. Толстого в становлении и развитии татарской реалистической литературы: дис. ... докт. филол. наук. Казань, 1996. 330 с.
6. Кадыров О. Х. Возвышение: Л. Н. Толстой в татарских переводах советской эпохи. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. 157 с.
7. Закиров А. И. Ситуации с художественно-эстетической категорией «случай» в татарском переводе романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»: стилистический аспект // Филология и культура. Philology and Culture. 2017. № 2 (48). С. 55–62.
8. Закиров А. И. Семантико-стилевые особенности перевода на татарский язык романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Филология и культура. Philology and Culture. 2017 (6). № 3 (49). С. 146–153.
9. Закиров А. И. Эпизоды случайных встреч Константина Левина и Стивы Облонского в татарском и английском переводах романа Льва Николаевича Толстого «Анна Каренина» // Материалы XII Международного семинара переводчиков (музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 25–29 августа 2017 года). Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2018. С. 113–123.

10. Закиров А. И. Диалектизмы как стиливое своеобразие Л. Н. Толстого в татарском и английском переводах романа «Анна Каренина» // Материалы XIV Международного семинара переводчиков (музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 10–13 сентября 2019 года). Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2020. С. 29–36.

11. Бекметов Р. Ф. Центр по изучению наследия Л.Н. Толстого в Казанском университете // Филология и культура. Philology and Culture. 2021. №2 (64). С. 82–93.

12. Полякова Е. А. Поэтика драмы и эстетика театра в романе: «Идиот» и «Анна Каренина». М.: Росс. гос. гум. ун-т, 2002. 328 с.

13. Шульц С. А. Символический подтекст в пьесе Л.Н. Толстого «Власть тьмы» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 2001. № 5. С. 7–13.

14. Димитров Л. Парадокс драматурга (Театр Льва Толстого) // Вестн. ВГУ. Сер. Гуманит. науки. 2003. № 2. С. 5–41.

15. Аникст А. А. Лев Толстой – ниспровергатель Шекспира // Театр. 1960. № 11. С. 53–65

16. Ахметова Г. А. Лев Толстой и искусство. СПб: Социальное и гуманитарное знание, 2012. 172 с.

17. Рудницкий К. Л. Проза и сцена. М.: Знание, 1981. 112 с.

18. Скороход Н. С. Как инсценировать прозу: Проза на русской сцене: история, теория, практика. СПб.: Петербургский театральный журнал, 2010. 344 с.

19. Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 22 т. Т. 12. М.: Худож. лит., 1982. 478 с.

20. Зайдулла Р. Алаша (Л. Толстойның «Холстомер» эсәре буенча инсценировка) // Библиотека Нижнекамского татарского драматического театра им. Т. Миннуллина. 2022. 18 б.

21. Бакиров М.Х. «Кульм коня в истории и исторической поэтике словесного искусства тюрков» // Материалы международной конференции Литература и художественная культура тюркских народов в контексте Восток-Запад. 14–16 мая 2014 г. Казань: «Отечество». С. 99–103.

22. Бондарь Е., Августеняк Е. Драма в 5 действиях «Дом» («Власть тьмы», пер. на татар. яз. Рафката Шагеева) // Библиотека Альметьевского татарского государственного драматического театра. 50 с.

References

1. Zagoskin, N. P. (1894). *Graf L. N. Tolstoy i ego studencheskie gody*. (Posvyashhaetsya grafu L'vu Nikolaevichu) [Count L. N. Tolstoy and His Student Years (Dedicated to Count Lev Nikolaevich)]. *Istoricheskii vestnik*, 1894. T. 55, No. 1, pp. 78–124. (In Russian)
2. Bushkanets, E. G. (2008). *Yunost` L'va Tolstogo. Kazanskiye gody*. [The Youth of Leo Tolstoy. Kazan Years]. 144 p. Kazan. (In Russian)
3. Klimentovskii, V. A. (1974). *Russkie pisateli v Tatarii*. [Russian writers in Tartary] S. 80–98. Kazan: Tat. kn. izd-vo. (In Russian)

4. Smirnov, L. A. (2003). *Lev Tolstoi i Kazanskii kraj: zhiznennyi i tvorcheskii put' pisatelya v vospriyatii i ochenkakh sovremennikov: 1841-1910 gg. : dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.01*. [Leo Tolstoy and the Kazan Region: The Writer's Life and Creative Path in the Perception and Assessments of His Contemporaries: 1841-1910: Ph.D. Thesis]. Kazan, 177 p. (In Russian)
5. Kadyrov, O. Kh. (1996). *Rol' L. N. Tolstogo v stanovlenii i razvitiitatarskoi realistskoi literatury: dis. ... dokt. filol. nauk.* [The Role of Leo Tolstoy in the Formation and Development of Tatar Realistic Literature: Doctoral Thesis]. Kazan, 330 p. (In Russian)
6. Kadyrov, O. Kh. (2005). *Vozvyshenie. L. N. Tolstoi v tatarskikh perevodakh sovetskoi epokhi* [Elevation. Leo Tolstoy in Tatar Translations of the Soviet Era]. 157 p. Kazan', Kazansk. un-t. (In Russian)
7. Zakirov, A. I. (2017). *Situatsii s khudozhestvenno-esteticheskoi kategoriyey "sluchay" v tatarskom perevode romana L. N. Tolstogo "Anna Karenina": stilisticheskiy aspekt* [Situations with the Artistic-Aesthetic Category of "Case" in the Tatar Translation of Leo Tolstoy's Novel "Anna Karenina": Stylistic Aspects]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No. 2 (48), pp. 55–62. (In Russian)
8. Zakirov, A. I. (2017). *Semantiko-stilevyeye osobennosti perevoda na tatarskii yazyk romana L. N. Tolstogo "Anna Karenina"* [Leo Tolstoy's Novel "Anna Karenina": Semantic and stylistic Peculiarities of the Tatar Translation]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No. 3 (49), pp. 146–153. (In Russian)
9. Zakirov, A. I. (2018). *E'pizody sluchainykh vstrech Konstantina Levina i Stivy Oblonskogo v tatarskom i anglijskom perevodakh romana L'va Nikolaevicha Tolstogo "Anna Karenina"* [Episodes of Chance Encounters between Konstantin Levin and Stiva Oblonsky in Tatar and English Translations of Leo Tolstoy's novel "Anna Karenina"]. *Materialy XII Mezhdunarodnogo seminaraperevodchikov (muzei-usad'ba L. N. Tolstogo "Yasnaya Polyana", 25–29 avgusta 2017 goda)*. Pp. 113–123. Muzei-usad'ba L. N. Tolstogo "Yasnaya Polyana". (In Russian)
10. Zakirov, A. I. (2020). *Dialektizmy kak stilevoe svoeobrazie L. N. Tolstogo v tatarskom i anglijskom perevodax romana "Anna Karenina"* [Dialectisms as a Stylistic Peculiarity of L. N. Tolstoy in Tatar and English Translations of the Novel "Anna Karenina"]. *Materialy XIV Mezhdunarodnogo seminaraperevodchikoi (muzei-usad'ba L. N. Tolstogo "Yasnaya Polyana", 10–13 sentyabrya 2019 goda)*. Pp. 29–36. Muzei-usad'ba L. N. Tolstogo "Yasnaya Polyana". (In Russian)
11. Bekmetov, R. F. (2021). *Tsentr po izucheniyu naslediya L. N. Tolstogo v Kazanskom universitete* [The Center for Leo Tolstoy's Heritage Studies in Kazan Federal University]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No. 2 (64), pp. 82–93. (In Russian)
12. Polyakova, E. A. (2002). *Poe'tika dramy i estetika teatra v romane: "Idiot" i "Anna Karenina"* [Poetics of Drama and Aesthetics of Theater in the Novel: "The Idiot" and "Anna Karenina"]. 328 p. Moscow, Ross. gos. gum. un-t. (In Russian)
13. Shul'tsz, S. A. (2001). *Simvolicheskii podtekst v p'ese L. N. Tolstogo "Vlast' t'my"* [Symbolic Subtext in Leo Tolstoy's Play "The Power of Darkness"]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 9: Filologiya*, No. 5, pp. 7–13. (In Russian)
14. Dimitrov, L. (2003). *Paradoks dramaturga (Teatr L'va Tolstogo)* [The Playwright's Paradox (Leo Tolstoy Theatre)]. *Vestn. VGU. Ser. Gumanit. nauki*. No. 2, pp. 5–41. (In Russian)
15. Anikst, A. A. (1960). *Lev Tolstoi – nisprovergatel' Shekspira* [Leo Tolstoy as the Subverter of Shakespeare]. *Teatr*. No. 11, pp. 53–65. (In Russian)
16. Akhmetova, G. A. *Lev Tolstoi i iskusstvo* [Leo Tolstoy and Art]. 172 p. St. Petersburg, Sotsial'noe i gumanitarnoe znanie. (In Russian)
17. Rudnitskii, K. L. (1981). *Proza i stsena*. [Prose and Stage]. 112 p. Moscow, Znanie. (In Russian)
18. Skorokhod, N. S. (2010). *Kak instsenirovat' prozu: Proza na russkoi stsene: istoriya, teoriya, praktika* [How to Stage Prose: Prose on the Russian Stage: History, Theory, Practice]. 344 p. St. Petersburg, Peterburgskii teatral'nyi zhurnal. (In Russian)
19. Tolstoi, L. N. (1982). *Sobranie sochinenii v 22 t.* [Collected Works in 22 Volumes]. T. 12, 478 p. Moscow, Khudozh. lit. (In Russian)
20. Zaidulla, R. (2022). *Alasha (L. Tolstoyny'ñ "Xolstomer" asäre buencha inscenirovka)* [The Gelding (Dramatization based on the story "Kholstomer" by L. Tolstoy)]. *Biblioteka Nizhnekamskogo tatarskogo dramaticheskogo teatra im. T. Minnullina*. 18 p. (In Tatar)
21. Bakirov, M. Kh. (2014). *"Kul't konya v istorii i istoricheskio-slovesnogo iskusstva tyurkov"* ["The Cult of the Horse in the History and Historical Poetics of the Turks' Verbal Art"]. *Materialy mezhdunarodnoi konferentsii Literatura i khudozhestvennaya kul'tura tyurkskikh narodov v kontekste Vostok-Zapad*. 14-16 maya. Pp. 99 – 103. Kazan', "Otechestvo". (In Russian)
22. Bondar, E., Avgustenyak, E. (2022). *Drama v 5 deistviyakh "Dem" ("Vlast' t'my")* [Drama in 5 Acts "The Power of Darkness"]. *Per. na tatar. yaz. Rafkata Shageeva. Biblioteka Al'met'evskogo tatarskogo gosudarstvennogo dramaticheskogo teatra*. 50 p. (In Tatar)

The article was submitted on 21.03.2023
Поступила в редакцию 21.03.2023

Бакиров Марсель Хаernasович,
доктор филологических наук,
профессор,
Центр по изучению наследия Льва Толстого,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
bekmetov@list.ru

Хабутдинова Милеуша Мухаметзяновна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
mileuscha@mail.ru

Bakirov Marsel Khaernasovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Leo Tolstoy's Heritage Studies Center,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
bekmetov@list.ru

Khabutdinova Mileusha Mukhametsyanovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
mileuscha@mail.ru

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-117-126

РОМАН Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА» В ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ ИРАНСКИХ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ

© Ринат Бекметов, Казем Нежад Дахкаи Седиге

LEO TOLSTOY'S NOVEL "ANNA KARENINA" IN INTERPRETATIONS OF IRANIAN LITERARY CRITICS

Rinat Bekmetov, Kazem Nejad Dahkaei Sedigheh

The eastern reception of Leo Tolstoy's oeuvre remains in the list of topical issues. It primarily refers to the Persian perception of the Russian writer's literary and philosophical heritage because Iran, unlike other Asian countries, has been a closed country for a long time. In the pre-Soviet period (during the lifetime of the author of "War and Peace"), there was no information about the state of Tolstoy Studies in Iran, except for the Russian newspaper and magazine chronicles, which reflected the facts of the general Persian cultural reception of Leo Tolstoy. The situation did not improve during the Soviet period. It is enough to point out that despite the efforts of Iranian philologists, a complete bibliography of Persian translations of Leo Tolstoy's works was not compiled, and in the works, presenting a general idea of the problem, information on the topic "Tolstoy in Iran" was taken from second-hand sources, without proper verification. In Iran itself, objective factors, related to the unsystematic nature of the source base about Leo Tolstoy, had an impact. The post-Soviet period has not observed Russian Tolstoy scholars' sustained interest in the problem of the Persian image of Leo Tolstoy. At the same time, Iranian researchers prefer to consider the mechanisms of perceiving Russian literature as a single text, without its special and detailed disclosure based on the example of Leo Tolstoy.

The purpose of this article is to provide an overview of literary viewpoints on Leo Tolstoy's novel "Anna Karenina" in Iran. It should be emphasized that this review does not claim to be complete: the chronological series, without which it is impossible to describe the receptive dynamics in the spectrum of assessments and interpretations, is far from being complete; the problem of the first references of Iranian literary criticism and literary studies to the novel (apparently, the 1920s) has remained unsolved. The task of the article is more modest: to a certain extent to fill in the gap of understanding how the famous novel was interpreted in Iran.

Keywords: Leo Tolstoy, Russian literary classics, novel "Anna Karenina", Iranian philology, text, interpretation

Вопрос о восточной рецепции творчества Л. Н. Толстого продолжает оставаться в числе актуальных. Не будет ошибкой сказать, что в первую очередь он относится к персидскому восприятию литературно-философского наследия русского писателя, ибо Иран, в отличие от других стран Азии, долгое время был закрытой страной. В досоветский (прижизненный для автора «Войны и мира») период о состоянии толстоведческих штудий в Иране информации не было, если не брать во внимание русскую газетно-журнальную хронику, в которой отражались факты персидской общекультурной рецепции Л. Н. Толстого. В советский период ситуация не улучшилась. Достаточно указать на то, что полная библиография персидских переводов сочинений Л. Н. Толстого, несмотря на усилия отечественных филологов-иранистов, не была составлена, а в трудах обобщающего плана сведения по теме «Толстой в Иране» зачастую черпались из вторых рук, без надлежащей проверки. На это накладывались факторы объективного порядка, связанные с бессистемностью источниковедческой базы о Л. Н. Толстом в самом Иране. В постсоветский (современный) период устойчивого интереса российских толстоведов к проблеме персидского образа Л. Н. Толстого не наблюдается, в то же время иранские исследователи предпочитают рассматривать механизмы рецепции русской литературы как единого текста, без специального и подробного их раскрытия на примере Л. Н. Толстого.

Цель настоящей статьи – представить обзор литературоведческих точек зрения на роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина» в Иране. Следует подчеркнуть, что обзор этот не претендует на завершенность: хронологический ряд, без которого невозможно описать рецептивную динамику в спектре оценок и интерпретаций, в нем далек от полноты; остается открытой проблема первых об-

ращений иранской критики и литературоведения к роману (по-видимому, 1920-е годы). Цель статьи – скромнее: до некоторой степени заполнить лауну понимания того, как трактовали знаменитый роман в Иране.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, русская литературная классика, роман «Анна Каренина», иранская филология, текст, интерпретация

Для цитирования: Бекметов Р.Ф., Казем Нежад Дахкаи Седиге. Роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина» в интерпретациях иранских литературоведов // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №1 (71). С. 117–126. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-117-126

Роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина» был объектом особого внимания иранских филологов. О коренных, существенных причинах этого интереса мы уже писали в одной из своих статей, она была посвящена проблеме переводческой рецепции толстовского эпического памятника в Иране [1]. В общем плане можно сказать, что внимание это (между прочим, достаточно пристальное и глубокое) определялось брачно-семейными отношениями, подробно описанными в тексте толстовского романа, а также весьма «неоднозначным» положением женщины в патриархальном обществе. Здесь мы приведем краткий обзор литературно-критических и литературоведческих размышлений иранских исследователей о сочинении Толстого, постараясь изложить сумму их воззрений в хронологическом порядке. Подчеркнем сразу, что мы не ставим себе целью передать и охарактеризовать высказывания иранских филологов о произведении полностью, от самых первых («импрессионистических», «этиюдных») оценок до последних по времени интерпретаций, поскольку острейший вопрос о систематизации иранского материала до сих пор остается открытым; в число решенных его отнести никак нельзя. С некоторым сожалением приходится констатировать то обстоятельство, что собранные нами сведения о восприятии романа в иранской читательской среде носят далеко не абсолютный характер и что, следовательно, необходимо приложить усилия, чтобы информация об этапах рецепции, содержательных аспектах трактовки великого текста, основных стратегиях его изучения в Иране приобрела более корректный, то есть не фрагментированный, мозаичный, разрозненный, как в итоге, увы, получилось у нас (будем откровенны), а завершённый, научно выверенный и цельный вид.

Начать с того, что в 1961 году иранский критик и публицист, доцент филологического факультета Тегеранского университета Ахи Мехри в юбилейной речи о жизни и творчестве Толстого назвал героев «Анны Карениной» (как, впрочем, и других произведений писателя) «лучшими персонажами мировой литературы по силе мысли, нравственности, изяществу, характеру, чис-

тоте и порядочности» [2, с. 36]¹. Мехри объяснял, что Толстой в своем творчестве активно использует метод психологического реализма с уточнением, в соответствии с которым писателю удается столь достоверно передать чужие мысли и чувства потому, что у него самого имеется внутренняя самобытная напряженная духовная жизнь, собственный опыт потаенных переживаний: «Совершенно ясно, что показать эти движения... людей может лишь тот, кто... владеет теорией <психологического изучения характеров. – Р. Б., К. Н. Д. С.> и постоянно анализирует свои эмоции и мысли» [Там же, с. 37]. В полной мере этот метод дает о себе знать в «Анне Карениной», заявил иранский автор, однако детального и аргументированного раскрытия того, как подход реализуется непосредственно, в конкретной ткани художественного произведения, нет: Мехри ограничивается хрестоматийной констатацией психологического аспекта литературного письма Толстого, не углубляясь в частности и не демонстрируя на примерах «механизм работы» этой необычной модели толстовского психологизма.

Отметим, что речь Мехри о Толстом, произнесенная 29 декабря 1960 года на мемориальной ассамблее в центре культурного сотрудничества Ирана и Советского Союза, интересна той позицией, которую иранский исследователь занимает, разъясняя место писателя в мировой литературе. Для Мехри Толстой не столько «зеркало времени», отражающее философские, художественные, политические, социальные и культурные идеи, сколько активный «участник вопросов и конфликтов» эпохи. По этой причине за Толстым твердо закрепилась репутация философа-моралиста, проповедника, что, по мнению Мехри, не является точным. Толстой – прежде всего крупный писатель, художник, человек образного и выразительного слова. Эту грань русского гения, утверждает Мехри, нельзя недооценивать, несмотря на множество «внешних» определений

¹ Здесь и далее: буквальный перевод с фарси – Казем Нежад Дахкаи Седиге, обработка цитат из трудов иранских исследователей в соответствии с правилами русской грамматики – Р. Ф. Бекметова.

Толстого позднего периода, фиксирующих его морализаторскую, духовно-этическую, социально-философскую составляющую, или те представления, которые Толстой развивал о себе самом, отказываясь придавать существенное значение эстетическому элементу творчества, даже в определенном смысле стыдясь и презирая его при пересмотре, осмыслении своей жизни до кризиса (вспомним хотя бы, что главным творческим трудом более чем 50-летней деятельности на литературном поприще Толстой называл дневник: не «Детство», «Войну и мир» или «Воскресение», как можно было бы ожидать, – плоды авторской фантазии, художественного видения мира, а почти каждодневный психологический самоотчет, постоянную рефлексивную связь с опытом существования в паутине бесконечных человеческих взаимосвязей; настойчивая обращенность Толстого к себе лишней раз доказывает точность экзистенциальной формулы М. К. Мамардашвили, согласно которой «жизнь <человека. – Р. Б., К. Н. Д. С.> есть усилие во времени» [3, с. 13]; имея в виду дневниковые записи Толстого, его сосредоточенность на процессе самоанализа, ср. слегка перефразированную нами мысль В. Н. Муравьева, русского философа середины XIX – начала XX века, чье имя не входит в когорту широко известных: «Истина каждого человека создается в минуты его одинокого раздумья, и в этой истине – его единственный мир, и в этом мире – его единственная истина» [4, с. 35]). Толстой, настаивает Мехри, «был великим писателем, а не философом». И далее:

«Я много раз слышал от серьезных и начитанных людей, что Толстой считается лицом, более важным в качестве философа, выразившего сложные религиозные и общественно значимые идеи, нежели в качестве неординарного писателя. Однако это утверждение несправедливо в отношении творческой мощи Толстого... Литературные произведения Толстого, вне всякого сомнения, много превосходят его философские и религиозные сочинения» [2, с. 39].

О том, почему взгляд Мехри является не совсем обычным (и, соответственно, почему его необходимо выделить при рассмотрении имеющихся трактовок «Анны Карениной» в Иране), мы можем судить по тому факту, что среди иранцев долго существовало (пред)убеждение, по которому Толстой – в первую очередь проповедник, учитель жизни, мудрец. Более того, образ Толстого в Иране («персидский образ Толстого») исходно формировался сквозь призму морально-нравственного, окрашенного этиче-

скими воззрениями начала². Оно признается Мехри, не отвергается: толстовские, пишет он,

² Чтобы понять специфику образа Толстого в Иране, его длительную зависимость не от литературного творчества писателя, а от духовно-религиозных компонентов толстовского творчества, стоило бы обратить внимание на следующий показательный пример, взятый из персидской живописи. В 1950-е годы иранский художник Али Керими создает удивительную миниатюру с образом Толстого (сейчас она хранится в Государственном музее Л. Н. Толстого в Москве; ее черно-белая репродукция включена как иллюстративное приложение в книгу «Толстой и зарубежный мир», 75 том серии «Литературное наследство» [5, с. 543], см.: [6, с. 334]). Публикаторы не прокомментировали этот шедевр персидской живописи. Но следовало бы пояснить, что он как форма рецепции Толстого средствами изобразительного искусства содержится в не меньшей степени, чем, допустим, толстоведческая статья на фарси. Облик писателя дан здесь в лучших традициях иранской художественной миниатюры. Он аккуратно обрамлен, так что широкая рамка украшена пышным цветочно-ковровым орнаментом; толстовские черты имеют ясно просматриваемую восточную фигуративность. Можно подумать, что это не русский, «северный» для Ирана писатель, а самый что ни на есть настоящий персидский мыслитель, восточный пророк! «Ориентализуясь», «обыриваясь», «персизуясь», «одомашниваясь» в новых для себя условиях, его образ тем самым как бы встраивается в плеяду легендарных личностей иранской культурной истории; Толстой в миниатюре становится органичным продолжением иранского взгляда на мир с его мистицизмом, впечатлительностью, иногда доходящей до спонтанной экзальтации, уважением к прошлому, почитанием умудренного жизненным старчества (его неизменный атрибут – чистая белоснежная борода). По сути, перед нами – суфийский отшельник, персидский святой, отношение к которому в народе было не просто добрым и радушным, а чутко благоговейным, нежно-трепетным. Цветная репродукция, пожалуй, могла бы это ощущение передать глубже черно-белой. У нас нет достоверных сведений об Али Керими (кто он, в каком месте Ирана жил, у кого учился ремеслу миниатюриста); в книге, помимо имени художника и его репродукции на целую страницу, иной информации нет, а манера и стиль живописания дает возможность назвать школу станковой персидской изобразительности, к которой художник принадлежал (мы предполагаем, что это тебризская школа, ведущая свое начало с эпохи Сеффидов, см.: [7]). В конечном счете осмысление проблемы восприятия Толстого в персидской живописи, в том числе книжно-печатной, если иметь в виду, как оформлялись издания переводов толстовских произведений (в графических рисунках, цветных макетах, см. репродукцию рисунка неизвестного иранского художника на суперобложке персидского перевода «Анны Карениной» 1954 года [8, с. 33], см.: [6, с.

«мысли о религии, его социально-религиозные убеждения <...>, широко распространившиеся в Азии, особенно в Китае и Индии, на самом деле представляют собой пропаганду добра и братства, любви и праведности <...>, а также ненасильственного сопротивления мирскому угнетению и злу» [2, с. 40]. Вместе с тем, будучи человеком восточного происхождения, он указывает на то, что Толстой в этом пункте совсем не оригинален, что «все это было давно сказано другими» – мыслителями, жившими до Толстого, много размышлявшими над тем, о чем думал Толстой, и видевшими сущность процессов общественной жизни не хуже него [Там же]. Однако это не должно заслонять собственно писательской стороны творчества Толстого; сторона эта первична, исходна, изначальна; Толстой – художник по определению и, значит, психолог, который обладал редким талантом перевоплощения, вживания, вчувствования в сознание тех людей, которых он изображал с поразительной достоверностью и умелой тщательностью. Не последнюю роль в таких описаниях играл язык Толстого, отточенный, выверенный, не лишенный простоты, благодаря которой произведение писателя оказывалось доступным для понимания. «Толстой, – заключает Мехри, – рассматривал искусство как средство передачи чувств и мыслей художника. Он полагал, что всякое чувство – и положительное, и отрицательное – ценнейшие объекты писательской рефлексии, они достойны того, чтобы говорить о них, при этом художник должен передавать содержание чужих мыслей и чувств так, чтобы они вызвали ответную реакцию тех, кто знакомится с ними, открывает их для себя... Здоровое искусство <по Толстому. – Р. Б., К. Н. Д. С.> характеризуется лаконизмом, стилевой простотой в почерке, а это возможно лишь в ситуации правильного, щепетильного отбора слов и предложений» [Там же, с. 42]. И далее: Толстой утверждал, что «по-настоящему одаренный писатель обязан знать и чувствовать не только то, что чувствуют и знают другие, но также и то, о чем эти другие не ведают и не ощущают» [Там же, с. 43]. У нас нет оснований утверждать, что Мехри была знакома концепция М. М. Бахтина о монологическом мышлении Толстого, резко противопоставленного диалогическому сознанию Достоевского. Тем не менее приведенная цитата о «властном всеведении» автора и «зависимом» от него положении героев отражает бахтинский

взгляд на систему литературной речи Толстого, стратегию его письма³.

В статье Махдияна Мохаммада Хасана «Положительные герои в произведениях Льва Толстого», опубликованной в 1991 году в журнале «Мир литературы», на основе внимательного разбора советской толстоведческой литературы изложены идеи, связанные с положительными образами в романе «Анна Каренина» [10].

Автор вслед за М.Б. Храпченко пишет о том, что, хотя произведение это и было названо Толстым по имени женской героини, в тексте все же обнаруживаются две, а не одна сюжетно-фабульные линии: 1) Анны Карениной и 2) Константина Левина. Эти линии, с одной стороны, противоположны друг другу, с другой – едины, являясь типологическими выразителями толстовских суждений о «человеке пути». И Левин, и Анна находятся в поисках сокровенного смысла жизни. Если Левин (авторское «я») ищет счастья для всех людей без исключения, всего человечества, то Анна обнаруживает его в «чувственном счастье», в «удовлетворении личных <эгоистических, «животных». – Р. Б., К. Н. Д. С.> желаний», и потому скоро становится «жертвой страшного обмана». Двух героев объединяет неприятие аристократических норм, социальных правил, они всячески их нарушают, причем нарушение «кодекса» привычных связей происходит различными способами, в эволюции от индивидуальных представлений к общим, «правильным», касающимся «всех и каждого» (Левин), от обобщенных к самовлюбленным, «неправильным», приносящим муку, страдание и заводящим в тупик безнадежности (Анна Каренина). В образе Левина Толстой воплощает личные (выстраданные, многократно обдуманые) взгляды, описывает события своей жизни и судьбы. Но Левина нельзя отождествлять с самим писателем: Толстой, разумеется, далеко ушел от вымышленного романного героя в поисках духовно-нравственного идеала.

Левин, по Хасану, превосходит многих современников. Так, он не боится отвергать те проявления жизни, которые относятся к числу тра-

³ Ср.: «Диалогическая позиция по отношению к героям чужда Толстому. Свою точку зрения на героя он не доводит, да и принципиально не может довести до сознания героя, и герой не может на нее ответить... Сознание и слово автора, Л. Толстого, нигде не обращено к герою, не спрашивает его и не ждет от него ответа. Автор не спорит со своим героем и не соглашается с ним. Он говорит не с ним, а о нем. Последнее слово принадлежит автору, и оно, основанное на том, чего герой не видит и не понимает, что внеположено его сознанию, никогда не может встретиться со словом героя в одной диалогической плоскости» [9, с. 120–121].

352]), составляет увлекательную задачу ирано-русского толстоведения сегодня.

диционных, консервативных. Левин – человек, чуждый роскоши, которая принята в придворной (аристократической) среде. Он хочет жить так, чтобы своим существованием не обременять окружающих. Его единственная потребность, мечта – создать независимый мир. Эти мотивы глубоко отделенного от общества, замкнутого в себе мирного уютного семейного счастья, оторванного от потоков большой истории «райского уголка» с его неспешным темпом жизни, внешним благополучием и внутренним ладом (гармонией) встречались в предыдущий период толстовского творчества, до прямого обращения к брачно-семейной проблематике и написания «Анны Карениной». Хасан ссылается на незаконченный роман писателя «Семейное счастье», обращая внимание на то, что в «Анне Карениной» «мысль семейная» не просто выдвигается на первый план – она оформляется на качественно новом уровне философско-эстетического осмысления.

Хасан, далее, приводит развернутую характеристику Левина. Левин, подобно Толстому, предпочитая городу деревню и интересуясь сельским хозяйством, старается трудиться «по-крестьянски». Он застенчив, честен – не только с другими, но и с самим собой. Он прост в общении, не горделив и не заносчив. Он стремится избегать конфликтов, а если все-таки спор среди крестьян возникает, то Левин пытается его урегулировать. Его постоянная неотлагаемая забота – поиск истины. Левин способен вести сложные интеллектуальные беседы. Его нельзя определять как сторонника патриархальной жизни: Левин выдвигает на первый план отношений лишь чистоту нравственного побуждения. Он не крайний, заскорузлый, косный консерватор, подчеркивает Хасан, ведь он не ограничивает роль и место женщины в обществе ее участием в семейной жизни (рождением детей, их кормлением, воспитанием, хозяйственной деятельностью). Он полагает, что женщина может иметь образование, занимать то или иное социально значимое положение; отсутствие каких-либо интересов и бездуховность Кити, жены, его сильно удручает. Тем не менее он любит ее, утверждая, что первая и главная забота женщины – стать доброй и порядочной матерью многочисленного семейства. И хотя Кити не понимает устремлений своего мужа, это его не расстраивает, он уверен в том, что «семья – мир, создаваемый и охраняемый женщинами» [Там же, с. 52]. Левин и Кити являют собой пример подлинно семейных отношений; общаясь, они обнажают лучшее, что есть в их натурах, и происходит это потому, что Левин презирает лицемерие, обман, он не идет на компромисс с совестью. Прав Хасан в том, что через

живые семейные вопросы Толстой в романе оценивает своих героев, «окутывая» их ореолом положительности (приязни, привлекательности, выгодного отличия от других), – примерно так, как И. С. Тургенев испытывал персонажей собственных произведений любовью и смертью.

Развитая духовно-душевная жизнь, ее тонкая «нервная» организация помогает Левину оценить Анну, увидеть в ней те замечательные черты и свойства, которые остаются для многих героев романа не раскрытыми, не до конца проясненными. Он замечает в Анне ум, красоту, изящество, и – самое главное – он обнаруживает в ней скрытую, потаенную тягу к любви в широком смысле этого слова: Анна любит искусство (музыку и живопись), любит детей (любой ребенок, даже самый психологически закрытый, «интроверт», как бы мы сказали сейчас, интуитивно тянется к ней, потому что ощущает наличие в этой женщине чего-то необъяснимого, но непременно доброго, благожелательного), любит природу; кроме того, Анне хочется быть любимой.

В счастливо-радостный период жизни Левин озадачивается вопросами, каждый из которых – гордиев узел, целая неразрешимая проблема. Левин желал бы знать, кто он как человек, зачем, для чего живет на земле, в чем заключается его высшее, творческое предназначение. Без четкого, глубинного осознания того, кто он, жизнь кажется ему бессмысленной. Состояние неопределенности в фундаментальной проблеме человеческого бытия подводит его к самоубийству, и парадоксально то, что к необходимости лишения себя жизни Левин подходит в момент семейной слаженности, когда, казалось бы, ничто не может омрачить его, в ситуации житейского довольства и душевного покоя. Левин, в объяснениях Хасана, пробует найти «среднее арифметическое» между семейным форматом жизни и духовными потребностями. Все его социальные начинания осуществляются в нравственном контексте. Текущую жизнь он обдумывает сквозь призму вечных, нетленных ценностей. В то же время стоический подход к жизни спасает его, в отличие от Анны, от самоубийства. Терпеливую мудрость эту он, как губка, впитывает от крестьян, которые живут, помня о Боге и не размышляя о Нем так всесторонне, как это делал бы образованный дворянин, – помня Его сердцем, без лишних слов и сухих рациональных построений.

Хасан вполне обоснованно указывает на то, что поэтика Толстого предполагает изображение героев с разных сторон. Толстой описывает человека и «синхронно», то есть в настоящий момент времени, используя принципы пластики, через жест, мимику и позу, и «диахронно», то

есть отмечая психические изменения в герое, которые происходят во времени, протяженно и раскрывают его внутренний, всегда противоречивый, диалектический рост.

Любимые герои Толстого, согласно Хасану, развиваются на протяжении всей сознательной жизни; для них это абсолютно «безостановочный», непрерываемый естественный процесс, знак «путевой» доминанты характеров. Изменения на этом пути часто приводят их к кризисам. Причины и мотивы кризисов не одинаковы, но одинаково их протекание, осуществление.

Вот как в нескольких легких штрихах на двух ярких примерах Хасан демонстрирует динамику суждений о человеке, когда он у Толстого попадает в поле пересеченных общественных связей. Первая иллюстрация. Левин в глазах семьи не занимает никакого социального места и положения. Для Кити он горячо любимый супруг. Одновременно с точки зрения светских реалий Левин – собственник, владелец поместья, в котором он занимается аграрным трудом и охотой. Он не богат, у него нет больших земельных наделов, его материальный капитал невелик и потому логично, что в обществе его воспринимают в качестве «чужаковатого бедняка». Вторая иллюстрация. Левин полагает себя некрасивым, хотя и добросердечным человеком; таких некрасивых женщины не любят, и для него стало чудесным открытием то обстоятельство, что Кити его полюбила и вышла замуж. По Хасану, внутренние и внешние оценки человека в толстовском романе коррелируют, переплетаются.

«Раскрывая внутренние качества человека, Толстой редко описывает его непосредственно, он изображает человека через его действия по отношению к другим людям» [Там же, с. 53]. Средством воплощения «диалектики души» служит «разговор» героя с самим собой – внутренний монолог.

Ключевую роль в раскрытии внутреннего мира человека играет природа. Здоровые люди в толстовской художественной системе не конфликтуют с природой, они вписываются в нее, чувствуют себя ее продолжением. Напротив, «от природы отстранены многие представители „привилегированного класса“, они лишены ценных человеческих качеств <простоты, скромного обаяния, добродушия, сердечности. – Р. Б., К. Н. Д. С.>» [Там же]. Левин неслучайно ближе к природе, нежели остальные толстовские герои. В описании Алексея Александровича Каренина (мужа Анны) природа не фигурирует вообще: герой целиком погружен в государственную работу, его окружение – не обычные люди, а чиновники-бюрократы. В сходных формулировках о

важности природы для Толстого писал и А. Мехри: «Толстой уникален в описаниях природы. Природа, пышная и величественная, всегда является подлинной и одушевленной спутницей его персонажей. Сочинения Толстого – блестящий продукт его гения. Усилия и настойчивость Толстого важны при воссоздании им художественной действительности» [2, с. 38].

Толстовский герой в итоге не удовлетворяется минимумом в исполнении духовных желаний. Он стремится к максимальному, предельному, невозможному, пытается взрастить в себе самые высокие человеческие качества. Положительные герои Толстого осознают, что их образ жизни далек от правильно-идеальной полноты – они стремятся сделать жизнь такой, чтобы о ней можно было сказать, что она правдива и справедлива.

Статья Хасана в деталях раскрывает перед иранским читателем образный строй «Анны Карениной». Открытие это одностороннее: много страниц тут отводится образу Левина, образ же Анны Карениной явно затушеван. Это вызвано тем фактом, что однозначно положительной, как полагает Хасан, Анну Толстой не считал.

В дополнение уместно привести выводы о том, кого в версии Хасана следует отнести к числу положительных (что такое «положительный герой», какими чертами он наделяется и т.д.). Эти выводы обобщены автором статьи в виде 10 пунктов.

1. Герои Толстого – новое явление в культурной истории XIX столетия.

2. Любимые толстовские герои отделены от общественной среды; вместе с тем «лишними людьми» их называть нельзя.

3. Толстовские герои не только размышляют и чувствуют – они претворяют обдуманное в действиях.

4. Жизнь в ее разных проявлениях дает понять герою Толстого, что простые люди выше тех, кто по праву рождения принадлежит к словию «привилегированных».

5. Любимые персонажи Толстого наследуют авторское видение мира, выражают его мысли и эмоционально-чувственные состояния.

6. В каждом произведении Толстого человек рассматривается с психологической точки зрения.

7. Излюбленные герои Толстого опираются на опыт предшественников, они ощущают связь с прошлым.

8. Свои представления о жизни Толстой доносит до читателя через систему положительных героев; это своеобразный канал выражения авторской идеологической позиции.

9. Природа у Толстого дана не сама по себе, в отстраненной объективации; она – показатель духовного богатства человека и в этом смысле антропологична. Понимание или непонимание природы героем свидетельствуют либо о его чистоте и честности, либо о нравственной испорченности, искалеченности.

10. Простые люди с их наивно-искренней душевной жизнью нередко оценивают толстовского героя в позитивном ключе.

Статья С. Амина «„Моя ежедневная порция писем“: о том, как Толстой распределял свое время и как он писал», напечатанная в 1993 году в журнале «Литература и языки», содержит – со ссылкой на известные факты – описание процесса работы Толстого над текстом своих творений [11].

Чрезвычайно интересен «зачин» этой статьи, в котором раскрываются некоторые писательские предпочтения в выборе времени суток для активной работы:

«Каждый писатель имеет собственные привычки. Кто-то пишет в полдень, кто-то ночью. Руссо считал, что самые прекрасные мысли приходят человеку в ночные часы. <По его мнению>, книги, написанные ночью, совершенно не похожи на книги, созданные авторской фантазией в дневное время суток. Самые красивые и лучшие книги – книги, написанные в ночной час, после заката солнца. Однако Толстой, великий русский писатель, не входит в когорту таких писателей. В молодые годы он писал на рассвете, даже свои ежедневные заметки он оформлял ранним утром. Его спрашивали, писал ли он когда-нибудь ночью. Толстой отвечал, что по вечерам он готовит только план будущего сочинения, признаваясь, что пишет обыкновенно днем. Один писатель надевает дорогой и модный костюм прежде чем сесть за письменный стол, другой сначала приводит в порядок стол и лишь потом начинает писать. Толстой никогда не следовал готовым правилам» [Там же, с. 70].

Амин уточняет и отдельные моменты толстовской текстологии: черновые правки, трудный для распознавания почерк писателя, его выбор бумаги для писания:

«Подобно Пушкину, Толстой предпочитал писать на клочках бумаги. Когда он писал в тетради, то начинал либо с начала тетради, либо с конца... До 35 лет Толстой писал беспорядочно и нерегулярно и долго не мог отказаться от этой привычки. Многие его черновики, к сожалению, не сохранились, а те, что имеются, сложны для прочтения. Толстой обычно работал над несколькими произведениями одновременно. Конечно, ему требовались годы, чтобы писать каждую литературную вещь. Например, на создание повести „Казачи“ ушло более 15 лет. Его рукописи очень путаны. Многие страницы лишены нумерации.

Лишь сам автор мог бы расшифровать такие „неправильные“ записи... каллиграфия Толстого была своеобразной, нелегкой для прочтения, он неустанно исправлял тексты своих сочинений» [Там же, с. 71].

В статье Амина о писательской технике Толстого мы находим одно ценное указание на то, как Толстой создавал портретные образы в «Анне Карениной»; способ фигуративного, пластического конструирования художественно-образной системы не мог не заинтересовать профессиональных иранских читателей. Толстой, по Амину, кропотливо работал над рукописями, не жалея иногда уже совершенно законченных сцен или эпизодов: от них он мог отказаться, несмотря на потраченное время и бесконечные усилия. Толстой, как правило, в начале, когда мысль еще складывалась в его сознании, не скупился на «яркие и светлые краски», чтобы образ оказался заметной семантической единицей текста. Однако затем в процессе переработки писатель отказывался от многих черт образа и даже мог огромный по объему фрагмент свести к двум-трем лапидарным предложениям. «Например, в первоначальном варианте рукописи „Анны Карениной“ героиня была совсем другой <в сравнении с тем, что получилось в каноническом виде. – Р. Б., К. Н. Д. С.>: с коротким лбом, маленькими глазками и относительно тучным телосложением. Несомненно, автор намеревался изобразить внутренний мир Анны Карениной, а не ее внешность, но в окончательной редакции романа эти две черты <были> сведены воедино» [Там же, с. 70].

Толстого в Иране изучают в контексте понятия о реализме, что естественно. Этому вопросу посвящена статья Форкани Афшин «Что такое реализм?», опубликованная в журнале «Кино-критика» за 1998 год [12].

Автор систематизирует теоретико-литературный материал в аспектах противопоставления «реализма» «идеализму», понимая под «реализмом» такую стратегию творчества, которая нацелена на типическое отображение лиц и событий в художественном произведении. Помимо типического в качестве важной доминантной черты реалистической литературы Афшин выделяет ее ориентированность на социальные вопросы времени. Толстой в этой модели воспринимается не столько как русский, сколько как европейский писатель, последователь школы Стендаля и Бальзака. Бальзак считал, что «состоятельные люди создавали суды и гильотины для защиты своего богатства, напомиравшее свечу, в котором сгорал невежественный народ <используя метафору свечи, автор говорит о том, что мате-

риальный капитал богатых обеспечивался трудом бедных и бесправных, „невежественных“ в иранской терминологии, то есть наиболее уязвимой с социальной точки зрения группой людей. – Р. Б., К. Н. Д. С.>. В то же время он повсюду высмеивал придворные нравы и с каким-то сочувствующим, но критическим взглядом описывал состояние аристократического общества» [Там же, с. 90]. Толстой, в интерпретации Афшин, «по-русски» усилил эту стратегию, довел ее до логического предела и эстетического совершенства:

«<...> распространил общественно-политическую борьбу на психологию героев и одновременно своими эпическими идеями поднял необходимость социальных перемен в кругу высшей власти. Нигде у Толстого – ни в его великих романах, ни в его рассказах – само событие не является основой для развития общей канвы повествования... Бальзак и Диккенс, например, изображали события со стороны их воздействия на внутренний мир личности. У Толстого же события служат утверждению сути рассказа, его главной идеи, и раскрытию внутреннего мира персонажей» [Там же, с. 92].

Афшин дает трактовку первого предложения из «Анны Карениной» с позиции, которую мы с достаточным основанием называем сейчас «вульгарно-социологической». Неясно, правда, в какой мере они характерны для иранской гуманитаристики; возникновение этой позиции, по-видимому, продиктовано внешним влиянием, попыткой механически перенести на иранскую философско-филологическую почву идей, заимствованных извне. Автор исходит из того, что реализм как литературное направление, обращаясь к широкой читательской публике, выражает комплекс убеждений с социально-политическим «привкусом». Его появление закономерно, поскольку реализм, по мнению Афшин, затрагивая вопросы социального неравенства, приходит к необходимости художественно-философского изучения политической борьбы, ведущейся в обществе, противостояния богатых и бедных, аристократов и крестьян. Мысль о том, что «все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему», имеет и ту сторону, что счастье обеспечивается деньгами, а несчастье предполагает их отсутствие, нужду и что, показывая «счастливых» и «несчастливых», Толстой акцентирует внимание на тлеющем в общественном сознании конфликте тех, кто обладает всем, и тех, кому необходимо самое малое, чтобы жить достойно [Там же, с. 90]. Роман Толстого, безусловно, не об этом, однако нам приходится констатировать, что и такое

прочтение классического текста в Иране бытовало...

В коллективной статье современных иранских филологов о мусульманском контексте осмысления рассказа Толстого «Крестник» содержится информация об «Анне Карениной» в связи с одинаковым эпитафием к этим двум сочинениям Толстого [13]. Авторы повторяют прекрасно знакомую толстоведом мысль, согласно которой начало 1880-х годов было ознаменовано духовным кризисом писателя и началом формирования нового нравственно-этического учения. Все последующие после кризиса и переворота творения Толстого, в том числе «Анна Каренина», несли на себе печать этого просветленного взгляда на жизнь. Внешним знаком-символом такого рода изменений и являются библейские эпитафьи, цитаты, взятые писателем из Священного Писания.

Подведем предварительные итоги.

Нам обзор высказываний иранских исследователей о содержании и поэтике романа «Анна Каренина» не претендует на исчерпывающую полноту. Она невозможна в силу того, что источниковедческая база, которой мы пользовались, носила ограниченный характер. В идеальной проекции следовало бы привести всю сумму высказываний о романе, сделанных с первого момента знакомства иранских читателей с текстом произведения Толстого; в таком случае общая картина, представленная в динамическом аспекте, приобрела бы концептуальную широту и завершенность, которые укладывались бы в пределы того, что именуется персидским восприятием русского эпического шедевра. Речь при этом может идти не только о работах, специально посвященных роману, но и косвенно затрагивающих его проблематику в трудах обобщенного плана, там, где говорится о Толстом, писателе и мыслителе, как таковом.

Тем не менее материал исследованных нами статей свидетельствует о том, что в иранской критике и литературоведении сложились две основные позиции о романе «Анна Каренина».

Первая позиция опирается на теорию советской филологической школы, на результаты российских толстоведческих штудий. Это и логично, и закономерно, если учесть необходимость осмысления чужого (чужого для персидского читателя) образного слова на основе тех представлений, которые вырели в недрах не родной для Ирана культуры⁴. Это суждение включает те тол-

⁴ Точно таким же способом российскому читателю надлежит осваивать тексты чужой для него литературной традиции. Было бы странно, если бы исследо-

стоведческие знания, которые для российских исследователей давно стали хрестоматийными (две линии жизни и судьбы в «Анне Карениной», авторский элемент в образе Левина, «диалектика души» и т.д.).

Вторая позиция соотносит ценностно-смысловой пласт романа с персидскими религиозно-философскими воззрениями и потому является формой адаптации романа, его «одомашнивание» в иранской аудитории. Тут мы наблюдаем два проективных звена, которые носят взаимозависимый характер: один проект представляет собой персидские типологические параллели к нравственной философии Толстого, извлеченной из «Анны Карениной», другой служит видом прочтения романа, его интерпретацию сквозь призму иранской (мусульманской) религиозно-философской мысли. Основной упор здесь поставлен на пересеченности моральных теорий.

В этом фоне следует сказать о том, как другая, западная по культурному вектору, традиция (конкретнее – английская критика и литературоведение) истолковывала толстовский роман. В английской филологической практике акцент ставился не на этико-назидательных положениях, как это было в Иране, а на проблеме выбора человеком личной судьбы и общественных правил, корректирующих его. Известно, что Дэвид Лоуренс, автор скандального романа «Любовник леди Чаттерлей», трактует «Анну Каренину», обращая внимание на то, что трагедия Анны заключалась в нарушении ею «неписаной морали – законов самой жизни», отсюда – причиной смерти героини было «грубое общественное осуждение, которое Толстой в романе изобразил как божью кару». Критик Роберт Уильямс отмечал, что «общественные обычаи, враждебные Анне, проникнуты лицемерием, но даже и в таком обществе, где развод не затруднен, где на женщин, подобных Анне, не указывают пальцем и не перестают с ними разговаривать, все-таки остается основная, вытекающая из природы человека сложность... Трагедия Анны усилена обществом, но корни этой трагедии уходят гораздо глубже...», они связаны с тем, что мужчина и женщина, создав семью, часто не могут быть удовлетворены отношениями, любовь как чувство – явление крайне зыбкое, ненадежное, переменчивое, и распад супружеских связей требует более тер-

вание творчества Омара Хайяма учитывало в первую очередь не корпус персидских работ на хайямовские темы, а – при всей их значительности – российские ориентальные труды; приоритет персидской гуманитарной науки над российской тут очевиден так же, как и в обратном, толстовском случае российской над персидской.

пимого восприятия, без ухода в разного рода крайности, но они неизбежны, как бы моралисты не призывали к обратному [5, с. 475].

Как видим, две национальные оценки романа, персидская и английская, расходятся в диаметрально противоположном направлении. Персидская точка зрения настаивает на приоритете общественных воззрений, на очерченных моралью границах, в которых женщина должна жить и развиваться. Английская ратует за свободу отношений, если они делают человека понастоящему счастливым, и укоряет общество, если оно возводит для этого искусственные границы. Английская критика подчеркивает двоедушие («лицемерие») общества, когда публично утверждается одно, а в жизни тайно совершается совсем иное.

В любом случае западные и восточные, английские и иранские прочтения романа Толстого требуют сравнительно-сопоставительного подхода: компаративизм – один из основополагающих исследовательских приемов нашего времени, эпохи глобализма. Нужно, однако, иметь в виду, что реализация компаративной стратегии в полной мере возможна в ситуации обособленного изучения национальных и культурных практик освоения классических произведений мирового уровня и значения.

Список источников

1. Бекметов Р. Ф., Казем Нежрад Дахкаи Седи-ге. Роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина» в переводе на персидский язык: о стратегии Казара Симоняна // Филология и культура. Philology and culture. 2021. № 2 (64). С. 94–102.
2. Мехри А. Лев Толстой: по случаю 50-летия со дня его смерти // نىذ و امىپ (Новый вестник). 1961. Т. 3. № 4. С. 33–40 (на персидском языке).
3. Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2014. 1232 с.
4. Муравьев В. Н. Овладение временем: избранные философские и публицистические произведения. М.: РОССПЭН, 1998. 320 с.
5. Толстой и зарубежный мир: книга вторая // Литературное наследство: в 2 книгах. Т. 75. Кн. 2. М.: Наука, 1965. 616 с.
6. Шифман А. И. Лев Толстой и Восток. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1971. 552 с.
7. Назарли М. Д. Два мира восточной миниатюры: проблемы прагматической интерпретации сефевидской живописи. М.: Изд-во РГГУ, 2006. 286 с.
8. Толстой и зарубежный мир: книга первая // Литературное наследство: в 2 книгах. Т. 75. Кн. 1. М.: Наука, 1965. 620 с.
9. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. 470 с.

10. Хасан М. М. Положительные герои в произведениях Льва Толстого (Толстой и его забота и спасении и преобразении человека) // *صفحه* (Мир литературы). 1991. № 22. С. 50–55 (на персидском языке).

11. Амин С. «Моя ежедневная порция писем»: о том, как Толстой распределял свое время и как он писал // *مآلک و مفاسل* (Литература и языки). 1993. № 47. С. 70–71 (на персидском языке).

12. Афишин Ф. Что такое реализм? (определение значений термина) // *فروش* (Кинокритика). 1998. № 14. С. 87–95 (на персидском языке).

13. Карими М., Джан А., Яхьяпур М., Голам Али Шахи Р. Изучение повести Льва Толстого «Крестник» с точки зрения мусульманского мистицизма // *مفسر لکلام کمالی* (Мистицизм). 2017. Т. 13. Кн. 52. С. 13–32 (на персидском языке).

References

1. Bekmetov, R. F., Kazem Nejad Dahkaei Sedigheh. (2021). *Roman L. N. Tolstogo "Anna Karenina" v perevode na persidskii yazyk: o strategii Kazara Simon'yana* [Leo Tolstoy's Novel "Anna Karenina" Translated into Persian: On Kazar Simonyan's Strategy]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No. 2 (64), pp. 94–102. (In Russian)

2. Mekhri, A. (1961). *Lev Tolstoi: po sluchayu 50-letiya so dn'a ego smerti* [Leo Tolstoy: On the Occasion of the 50th Anniversary of His Death]. *پیام نوین* (Novyi Vestnik). T. 3. No. 4, pp. 33–40. (In Persian)

3. Mamardashvili, M. K. (2014). *Psikhologicheskaya topologiya puti* [Psychological Typology of the Path]. 1232 p. Moscow, Fond Meraba Mamardashvili. (In Russian)

4. Murav'yov, V. N. (1998). *Ovladenie vremenem: izbrannye filosofskie i publitsisticheskie proizvedeniya* [Mastering Time: Selected Philosophical and Journalistic Works]. 320 p. Moscow, ROSSPEN. (In Russian)

5. *Tolstoi i zarubezhnyi mir: kniga vtoraya* (1965) [Tolstoy and Foreign World: Book Two]. Literaturnoe

nasledstvo: v 2 knigakh. T. 75. Kn. 2. 616 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

6. Shifman, A. I. (1971). *Lev Tolstoi i Vostok* [Leo Tolstoy and Orient]. 552 p. Moscow, Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury. (In Russian)

7. Nazarli, M. D. (2006). *Dva mira vostochnoi miniat'ury: problemy pragmaticheskoi interpretatsii sevefidskoi zhivopisi* [Two Worlds of Oriental Miniature: Problems of Pragmatic Interpretation of the Safavid Painting]. 286 p. Moscow, izd-vo RGGU. (In Russian)

8. *Tolstoi i zarubezhnyi mir: kniga pervaya* (1965) [Tolstoy and Foreign World: Book One]. Literaturnoe nasledstvo: v 2 knigakh. T. 75. Kn. 1. 620 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

9. Bakhtin, M. M. (1972). *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. 470 p. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)

10. Khasan, M. M. (1991). *Polozhitel'nye geroi v proizvedeniyakh L'va Tolstogo (Tolstoi i ego zabota o spasenii i preobrazhenii cheloveka)* [Positive Characters in the Works of Leo Tolstoy (Tolstoy and His Concern about the Salvation and Regeneration of Man)]. *صفحه* (Mir literature). No. 22, pp. 50–55. (In Persian)

11. Amin, S. (1993). "Moya ezheдневnaya portsiya pisem": o tom, kak Tolstoi raspedel'al svoyo vrem'a i kak on pisal ["My Daily Portion of Letters": About How Tolstoy Distributed His Time and How He Wrote]. *فلسفه و کلام* (Literature and Languages). No. 47, pp. 70–71. (In Persian)

12. Afshin, F. (1998). *Chto takoe realism? (opredelenie znachenii termina)* [What Is Realism? (The definition of the term)]. *شرق* (Film Criticism). No. 14, pp. 87–95. (In Persian)

13. Karimi, M., Dzhan, A., Jakhjapur, M., Golam Ali Shakhi, R. (2017). *Izuchenie povesti L'va Tolstogo "Krestnik" s tochki zreniya musul'manskogo mistitsizma* [The Study of Leo Tolstoy's Story "The Godson" from the Point of View of Muslim Mysticism]. *فلسفه و کلام* (Islamic Mysticism). V. 13. Kn. 52, pp. 13–32. (In Persian)

The article was submitted on 12.02.2023

Поступила в редакцию 12.02.2023

Бекметов Ринат Ферганович,
доктор филологических наук,
профессор,
Центр по изучению наследия Льва Толстого,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
bekmetov@list.ru

Казем Нежад Дахкаи Седиге,
Центр иранистики,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
sedi_k_2012@yahoo.com

Bekmetov Rinat Ferganovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Leo Tolstoy's Heritage Studies Center,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
bekmetov@list.ru

Kazem Nejad Dahkaei Sedigheh,
Center of Iranian Studies,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
sedi_k_2012@yahoo.com

УДК 82.09

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-127-137

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАЧАЛО В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В СВЕТЕ ЦЕННОСТНО-ОНТОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

© Олег Миннуллин

DOCUMENTARY PRINCIPLES IN FICTION IN THE LIGHT OF THE VALUE-ONTOLOGICAL APPROACH

Oleg Minnullin

The purpose of the publication is to establish the reasons for the growth of the documentary principle in fiction for over the last one and a half centuries in connection with the transformation of the semantic and value powers that the author of the work possesses. The value aspect of the documentary principle in literature is about the role the fact plays as a link with being, when the writer's ability and his right to authoritatively act as a subject coming into contact with the cumulative experience of mankind is called into question. In the presence of the documentary principle, the result of a creative act is not a narrowly understood aesthetic product, a phenomenon of an exclusively fictitious nature realized in "autonomous being", taken outside the "reality of births and deaths" of the author and the reader. Reliance on the fact opens up the possibility for a creative act to be realized as an event, rooted in the space of its responsibility to true being. However, the creative activity of the artist as the founder and organizer of a meaning-generating event still remains an indispensable condition for a work of art. The dialectical unity of the truth of a fact (document) and the individual creative initiative of the author is preserved in literature of a predominantly documentary nature. The author confirms the authenticity of all stamps on the document, personally and artistically ratifying it and overcoming its subjective ontological fluctuation. The formative initiative of the author also remains of paramount importance due to the fact that a direct transfer of life to paper is impossible (either because of its inexpressiveness, or, more often, due to the intolerable traumatic experience that is ousted from the bright field of the individual's consciousness). The author provides an opportunity for the other (the reader) to have access to the "bare life", of which he was a witness and a participant, creatively building a subject-shaped structure that ensures this accessibility. The work of V. T. Shalamov serves as a support for the ideas presented in the article.

Keywords: author, documentary principle, ego-document, value, ontology, V. T. Shalamov

Цель публикации – установить причины возрастания документального начала в художественной литературе в последние полтора столетия в связи с трансформациями смысловых и ценностных полномочий, которыми обладает автор произведения. Ценностный аспект документального начала в литературе заключается в том, что факт берет на себя роль смычки с бытием, когда способность и право писателя авторитетно выступать в роли субъекта, переживающего совокупный опыт человечества, поставлены под сомнение. В присутствии документального начала результатом творческого акта оказывается не узко понимаемый эстетический продукт, явление исключительно фикционального характера, реализованное в «автономном бытии», выведенном за пределы «реальности рождений и смертей» автора и читателя. Опора на факт открывает возможность для творческого акта осуществиться как событие, укорененное в пространстве ответственности перед подлинным бытием. Однако и творческая активность художника как учредителя и организатора смыслопорождающего события все равно остается непременным условием художественного произведения. Дialeктическое единство правды факта (документа) и индивидуально-творческой инициативы автора сохраняется и в литературе с преобладающим документальным началом. Автор подтверждает подлинность всех «мокрых печатей» на документе, лично и художественно ратифицирует его. При этом преодолевается и его субъектная онтологическая зыбкость. Формотворческая инициатива автора также сохраняет первостепенное значение в связи с тем, что прямое перенесение жизни на бумагу невозможно (либо ввиду ее невыразительности, либо, чаще, в связи с непереносимой травматичностью опыта, который вытесняется из светлого поля сознания личности). Автор обеспечивает возможность доступа другого (читателя) к «голой жизни», свидетелем и участником которой он оказался, творчески выстраивая субъектно-образную структуру, обеспечивающую эту доступность. Опорой для изложенных в статье идей служит творчество В. Т. Шаламова.

Ключевые слова: автор, документальное начало, эго-документ, ценность, онтология, В. Т. Шаламов

Для цитирования: Миннуллин О.Р. Документальное начало в художественной литературе в свете ценностно-онтологического подхода // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №1 (71). С. 127–137. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-127-137

Литература с преобладающим документальным началом (понятие, предложенное Е. Г. Местергази [1, с. 28]) в последние полтора столетия играет все большую роль в отечественном литературном процессе. Исследовательница Н. Яковлева справедливо отмечает: «Со второй половины XIX столетия стремление к фактографии становится определяющей чертой русской прозы» [2, с. 13]. Имеется в виду утверждение литературных прав и авторитета жанра очерка с его ориентированностью на факт, на невымышленный характер событий, а также все большее распространение мемуарной, автобиографической литературы и т. п. Динамика возрастания авторитета и востребованности у читателя документальности в общей системе литературы отчетливо сохраняется на протяжении всего XX столетия, вплоть до конца советского периода и в постсоветское десятилетие. Как пишет Е. Г. Местергази в своей диссертации, «начиная с 1920-х гг. в русской литературе документ принят с невероятной настойчивостью пробивать себе путь и всюду победил – и читателя, и зрителя. В качестве новой яркой вехи можно отметить конец 80-х–90-е годы, когда документальное начало в литературе заняло... главенствующие позиции» [1, с. 8].

Широко мыслимый документализм в свою очередь все активнее подвергается литературоведческим рефлексиям и обсуждается в полемиках, вплоть до того, что в некоторых случаях его объявляют внове обретенным краеугольным камнем словесного творчества, универсальным фактором, знаменующим переход к новому периоду в развитии литературы.

Еще в конце 1970-х П. В. Палиевский говорит о «самостоятельном эстетическом значении факта» [3]. Документальное начало начинает мыслиться в качестве революционного принципа, переворачивающего всю систему литературы и требующего пересмотра фундаментальных представлений о литературно-художественном творчестве, его отправных установках, о конечных целях и смыслах. Об этом свидетельствует и развернувшаяся на страницах «Литературной газеты» в 1987 году общественно-литературная полемика вокруг документального начала в словесном искусстве, захватившая впоследствии и «толстые» журналы. Именно здесь, как отмечает

З. Н. Чукуева, осуществляется решительная «попытка утвердить документализм в привилегированных литературных правах. Преимущественно он расценивается критиками как качественное обновление прозы или как переход к новому литературному этапу» [4, с. 84].

Естественно стремление литературоведов и самих писателей доискаться до причин поступательного возвышения роли документального начала в художественном словесном творчестве, вплоть до возможного «опрокидывания» всей устоявшейся системы литературы и построения новой на фундаменте документализма. Сформировалось широкое поле размышлений и ответов на этот многослойный по своей сути вопрос. Чаще эти ответы носят историко-социальный характер или ориентированы на внутреннюю логику самого литературного процесса. Порой главным виновником документалистского переворота в литературе объявляется читатель и дается психологически-рецептивное обоснование феномена. В этом случае утверждение документального начала в художественно-словесном творчестве понимается как ответ на требования читателя, предъявляемые к тексту, который претендует на его внимание и право поведать нечто существенное, явить такой опыт, ради которого следует отодвинуть в сторону текущие жизненные заботы.

Наиболее плодотворные поиски в означенном проблемном поле связаны, на наш взгляд, с осознанием сдвигов, происходящих внутри категории автора (включая весь спектр его ипостасей: биографическое лицо, творец-художник, субъект эстетической активности, наконец, весь человек). На недостаточность изучения этого аспекта документализма теоретиками литературы и плодотворности его разработки указывает в рамках широкой дискуссии о документализме в литературе Е. Г. Местергази [3]. Именно в антропологической перспективе, открывающейся через исследование категории автора, обретают свое место и свой смысл все другие вопрошания и возможные частные ответы о ценности, смысле и роли документального начала в художественном творчестве, о причинах утверждения этого начала, о чем речь преимущественно и пойдет в предложенном материале. Рассмотрение документального начала в художественной литерату-

ре в ценностно-онтологическом аспекте является целью статьи.

Самым общим не специально литературоведческим объяснением причин усиления документального начала в словесном творчестве является следующее: в полном социальных потрясений и исторических катастроф XX столетия «действительность неожиданно оказалась фантастичнее вымысла, а факты – красноречивее слов» [1, с. 8]. Вдруг выяснилось, что сама по себе действительная жизнь способна «сгущать краски» и являть проступающий за фактами смысл лучше любого искусства. Писателю – участнику «драмы существования» (выражение Н. Бора), ее свидетелю и судье в одном обличии – остается лишь выделить факт в сумятице жизни, в ее хаотичном потоке, взглянуть на него под нужным углом зрения, увидеть его глубину и выразительность, дать истолкование своими средствами. Автору следует не генерировать альтернативную автономную область искусства (художественный мир со своими неприкосновенными границами), изолированное инобытие, а лишь быть способным узреть существенное в том уже длящемся «повествовании», в которое мы все включены или можем быть включены как его герои, а не только как взглядывающие мимоходом «незаинтересованные созерцатели», и указать на это существенное читателю.

При этом, перефразируя «Поэтику» Аристотеля, история явится в столь же философичном виде, как и поэзия, но с тем преимуществом, что явленное на бумаге будет отнесено не к тому, «что могло бы быть», а к реально бывшему. Заговорит не отдельный автор, чей авторитет и право говорить от имени бытия в целом могут быть поставлены под сомнение, а «талант самой жизни» [3]. П. В. Палиевский по этому поводу писал: «История дает то, что было, литература – то, что могло быть. Это отношение, которое определил еще Аристотель, стало восприниматься теперь, после всех потрясений, вот с какой стороны: раз оно могло быть, но не было, значит, в нем чего-то не хватало. Возможностей, в конце концов, всегда много. Они колеблются, обещая что угодно, и воображение готово их развить» [5, с. 149]. В документальном свидетельстве все, как будто, явлено из самой гущи событий жизни, здесь проступает единственно сбывшееся из всего сонма возможного и вероятного: «Открывая книгу, заявленную как документальная, читатель «хочет быть уверенным, что все, рассказанное в ней, так и было. Не могло быть, а именно было!», – настаивает советский писатель, в прошлом военный летчик М. Л. Галлай, отвечая на анкету журнала «Вопросы литературы» в рамках

темы «Жизненный материал и художественное обобщение» [6, с. 20].

Достоверность документа претендует на способность восполнить некое утраченное свойство художественной литературы (воплощенное в фигуре автора), служившее залогом ее полномочий «захватывать» читателя, вести за собой, преобразовать человеческую форму по законам красоты и полноты бытия, просто учить жизни в конце концов (вспомним емкую формулу Г. Н. Чернышевского о литературе как «учебнике жизни», как бы упрощенно она не звучала). В такой перспективе задокументированная «живая жизнь» видится как будто «поучительнее» искусства. В XX столетии, когда онтологическая серьезность, весомость эстетического опыта подверглась сомнению как нечто призрачное, ведущее к эскапизму с его пренебрежением единственностью «события бытия-жизни», т.е. как нечто ценностно спорное, полновесность задокументированного факта устремилась восполнить образовавшуюся лакуну.

Образцом художественной литературы с преобладающим документальным началом является колымская эпопея В. Т. Шаламова. В ряде своих эссе о творческих принципах «прозы, пережитой как документ» («О прозе», «О новой прозе» и др.), автор «Колымских рассказов» размышляет об ожиданиях современного ему читателя. Он констатирует неспособность романа (вымышленной прозы) удовлетворять потребность читателя в смысле и подлинном взгляде на жизнь: «доверие к беллетристике подорвано... Сегодняшний человек проверяет себя, свои поступки не по поступкам Жюльена Сореля или Растиньяка, или Андрея Болконского, но по событиям и людям живой жизни – той, свидетелем и участником которой был он сам» [7, с. 144]. Современный читатель, по мысли писателя, готов соотносить свои взгляды только с документом, а специальная художественная работа «по закруглению сюжета», порожденного силой авторского вымысла, вызывает скорее недоверие того, кто берет в руки книгу. «Читатель ищет, как и искал раньше, ответа на „вечные“ вопросы, но он потерял надежду найти на них ответ в беллетристике. Читатель не хочет читать пустяков» [7, с. 146], – подытоживает автор «Колымских рассказов». На эту тему размышляет и П. В. Палиевский: «читатель... обращается к писателям и „литературе человеческого документа“ потому, что хочет расслышать голос провидения, – неожиданную, непредсказуемую, но и открывающуюся для всех объективную истину» [3].

Как видно из приведенных цитат, В. Т. Шаламов и П. В. Палиевский ищут объяснения вос-

требованности, популярности документализма прежде всего в фигуре и запросах читателя. Но только этим нельзя объяснить всей сути вопроса. Вспомним пушкинский завет: «Поэт, не дорожи любовью народной». Никакое «восстание читательских масс» (перефразируя, Х. Ортегу-и-Гассета) само по себе не может заставить художника творить лишь во исполнение социального запроса, каким бы настойчивым или даже агрессивным он ни был. По-видимому, дело не в только (а может и не столько) в читателе, сколько в самом авторе. Индивидуально-творческой инициативы творца в какой-то момент оказалось словно недостаточно для него самого. Писательское доверие к самому себе пошатнулось. Для «полнокровности», бытийственности, онтологической состоятельности творчества автору потребовался авторитет самой жизни, дыхание «почвы и судьбы», проступающее там, где «кончается искусство» (Б. Пастернак).

Впрочем, на наступление документа в литературно-художественном творчестве, его как будто большую в сравнении с вымыслом правомочность пусть и не вполне отчетливо указывалось еще в 1870-е годы XIX века. Вот характерное рассуждение Ф. М. Достоевского из «Дневника писателя»: «Действительно, проследите иной, даже и не такой яркий факт действительной жизни, – и если только Вы в силах и имеете глаз, то найдете в нем глубину, какой нет у Шекспира. Но в том-то и весь вопрос: на чей глаз и кто в силах?.. чтобы только приметить факт, нужно тоже своего рода художника» [8, с. 319]. Спустя некоторое время Л. Н. Толстой замечает в одной частной беседе, что ему «совестно сочинять про какого-нибудь Ивана Ивановича или Марью Петровну, тогда как никакого такого Ивана Ивановича не было», что неловко изображать страсти выдуманных людей и провидчески предполагает, что уже не за горами то время, когда «писатели... перестанут выдумывать и начнут просто рассказывать о том, что им встретилось интересного в жизни» (цит. по [9, с. 218]). Толстой фактически предсказывает наступление эры документализма в литературе.

Напрямую связанная с вопросом о документальном начале в словесном творчестве проблема кризиса вымысла в литературе, а также вопросы о соотношения искусства и жизни остро были осознаны уже на рубеже XIX–XX столетий. К художественной литературе, как это ощутимо уже в приведенном высказывании Л. Н. Толстого, начинают относиться с большей осторожностью, а где-то и с явным недоверием: много ли способна дать художественная литература, можно ли доверять ей и спрашивать с писателя все-

ръем, или написанное лишь «забвенье, сон и отдых от забот» (А. Блок)? Обладает ли художественное произведение бытийной состоятельностью (не говоря уже о социально-исторической достоверности, которой располагает документ)? Сам миметический принцип, бывший незыблемой творческой доктриной долгие столетия, начиная с времен Аристотеля и Платона, все чаще для отдельных авторов в новейшее время постепенно утрачивает свою авторитетность¹, свою тотальную власть, а порой и вовсе вызывает нескрываемое раздражение.

Примером может послужить критика исключительно эстетического понимания ценности литературного творчества у В. В. Розанова, размышлявшего об умерщвляющей силе искусства в своих «Опавших листьях». В его противопоставлении литературы (и литературности!) и жизни слышатся не только упреки в эскапизме художественного творчества или общая началу минувшего века идея о закате культуры, о резком ее опустошении и вялости после великих художественных свершений. Мыслитель почувствовал, что век «великого окончания литературы» определен какими-то глубокими процессами в самом человеке, в его онтологии, вследствие чего уже радикально изменилась и роль словесного творчества как формы общественного сознания. Классика, способная перебросить мост между повседневной секулярной действительностью жизни и священным ее истоком, завершилась.

У В. В. Розанова звучит настоящий «погребальный гимн» миметическому искусству слова и оригинальная его критика, соединяющая лично-онтологическое и культурно-историческое понимание художественного творчества: «...литературность ужасна: литературность души, литературность жизни. То, что всякое переживание переливается в играющее, живое слово: но этим все и кончается – само переживание умерло, нет его. Температура (человека, тела) остыла от слова. Слово не возбуждает, о нет! Оно – расхолаживает и останавливает. Говорю об оригинальном и прекрасном слове, а не о слове „так себе“. От этого после „золотых эпох“ в литературе наступает всегда глубокое разложение всей жизни, ее апатия, вялость» [11, с. 26].

¹ Корни кризиса мимесиса, как единого творческого принципа, по всей видимости, следует искать на еще заре индивидуально-авторской эпохи, т.е. на рубеже XVIII–XIX столетий. См. об этом, например, в работе «Введение в архитекткст» Ж. Женетта, где излагается спор между Ш. Батте и И. Шлегелем о подлинных и вымышленных чувствах в поэзии [10]. Вымышленные и подлинные чувства в словесном произведении предстают уравниваемыми в правах.

В. В. Розанов чувствовал необходимость в защите жизни в свою эпоху эстетических манифестов: «Нужна вовсе не „великая литература“, а великая, прекрасная и полезная жизнь...» [11, с. 27]. Правда жизни и вымысел искусства, органично уживавшиеся друг с другом долгое время и нуждавшиеся друг в друге для своей полноты, вдруг застают себя по разные стороны баррикад. Приходится пересматривать фундаментальные конвенции между искусством и жизнью.

В прежние времена «писатели считались властителями дум и были ими; талант открывал в жизни неизмеримо больше, чем она могла сообщить рядовому человеку сама» [5, с. 132]. Но никакая замкнутая концепция мира и человека, воплощенная в словесном материале, оказывается не в состоянии удовлетворить читателя. В художественной литературе произошел существенный сдвиг²: стала ощутимой утрата художником слова права выступать в качестве субъекта совокупного опыта человечества просто потому, что он – художник, возвышающийся над толпой, и своеобразный посредник в делах священного (жрец, гиерофант, пророк, медиум и т.п.). Теперь литература ищет в документальном начале жизненную опору для самой себя, нескомпрометированный источник права говорить от имени бытия и от имени истины. Писатель стремится опереться на авторитет действительной жизни (реально бывшего), взять ее в свои сообщники в творческом деле «преображения жизни».

Художественное событие, обособленное от сферы священного, подпитывается теми крохами подлинного бытия, фрагментами священного, которые сохранились в документе (зафиксированном факте реального). Подобно тому, как поэзия в кризисную эпоху тотальной секуляризации, по слову М. Хайдеггера, способна являть «след сбежавших богов» [12, с. 83], свидетельство полноты бытия, так и документ, служащий опорой художественного события, хранит этот след. «Голая жизнь» (Д. Агамбен [13]) запечатлевается, отпечатывается в документе, остается лишь правильно распорядиться этим нерастворившимся «сгустком», фрагментом бытия. Благодаря своей «метахудожественности» [1, с. 28], факт, таким образом, содержит в себе самом священную санкцию на право быть поведенным и пережитым как смысл, в противовес отсут-

ствию этого неотторжимого права у вымышленного повествования, когда миметический акт уже не может быть уподоблен священнодействию.

Ценностный аспект документального начала в литературе заключается в том, что подтвержденный факт берет на себя роль смычки с бытием («это было!»), когда способность и право автора самостоятельно авторитетно выступать в этой роли поставлены под сомнение. Ставка на документальность вызвана потребностью восполнить утраченные полномочия автора выступать «субъектом совокупного опыта человечества» за счет того, что рассказанное было на самом деле. Восполнение подлинности события, его полновесности реализуется за счет привлечения его участника и первого свидетеля, обретающих свое место в документе. Суть документального поворота в литературе состоит в том, что противостоящие начала (вымысел и реальность, художественность и проза жизни, творческая отделка и безыскусность достоверного свидетельства) теперь могут быть заодно только на основе изменившихся конвенций: реальность документа получает полномочное право смыслового первенства в этой паре.

П. В. Палиевский отмечает особенную «радость и нетерпение, высказываемые теорией и критикой», склоняющейся в сторону утверждения права документа обрести свое краеугольное место в событийности творческого акта и – соответственно – литературного произведения. «Как будто хочется сбросить иго, наказать какую-то силу за свое долготерпение, разоблачить» [5, с. 128]. Эта разоблачаемая сила – жреческая власть автора, самонадеянно взявшего на себя право говорить от имени «сбежавших богов», в ситуации тотальной секуляризации культуры, присвоившего и эксплуатирующего в своих частных интересах право на смысл.

Позволим себе сравнить эту своеобразную радость, отмеченную П. В. Палиевским, с тем чувством, которое вызвала реплика Юрия Гагарина, в ответ на вопрос Никиты Хрущева, видел ли космонавт, вылетев на орбиту, Бога? Свидетельство первого человека в космосе, что Бога он там не заметил, конечно, не отвратило верующих от веры и никого не повергло в уныние (скорее представилось чем-то вроде остроумия). Но парадоксальным образом полусхотливая, как бы забавная фиксация этого факта, расширила границы познаваемого мира, человек почувствовал, что на самом деле он на мгновение взглянул глазами Гагарина (выступившего здесь субъектом, переживающим совокупный опыт человечества) на то, чего он прежде никогда не видел. Человек приоткрыл завесу и приблизился к Тайне миро-

² Мы связываем этот сдвиг с поступательной секуляризацией культуры, разрывом со сферой священного, исследованию чего посвящена отдельная статья: Миннуллин О. Р. О роли священного в художественном творчестве: динамика взаимоотношений // Новый филологический вестник. М.: РГГУ, 2021. № 2 (57). С. 16–28.

здания, краешком глаза узрел все как есть – именно это – нерв документальной фиксации. И хоть по слову космонавта оказалось, что «там все темно», каждый землянин доподлинно заглянул за горизонт земного, стал чуточку ближе к Тайне, т.е. в конце концов, к тому самому Богу, которого не заметил в космосе Гагарин. Здесь состоялся акт общения, говоря словами философов-диалогистов, с «Великим Другим», которое предстало воплощенным в форму подлинной реальности.

Встреча с документом, с невымышленной живой жизнью в составе события искусства, преобразующего видение мира по законам гармонии, не отменяет «тайны искусства», но снимает зажимы и оговорки условности, «освобождает от иллюзий» [5, с. 149]. Бытие словно само по себе пробивает дорогу и «надвигается» на читателя художественного текста. Исследователи говорят об «авторстве самой жизни» и возможности самоосуществления смысла без посредничества, открывающегося читателю литературы с преобладающим документальным началом. П. В. Палиевский афористически заключает: «Геликон пробился к нам, минуя муз» [5, с. 174]. В результате для читателя в литературном произведении с преобладающим документальным началом реализуется «наступление художественного смысла изнутри самого материала [5, с. 132]» действительной жизни. В этом заключена в том числе и потенциальная эстетическая убедительность факта, его самостоятельное художественное значение, точнее – его неотторжимое право являть смысл.

Однако механически, «в лоб», такое сближение жизни и творчества на деле оказывается проблематичным, и творческая активность художника как учредителя и организатора смыслопорождающего эстетического события все равно остается неизменным условием художественного произведения. Как это сказано у В. Т. Шаламова, «жизнь заводится на бумаге совсем другими способами» [7, с. 147]. Непосредственная фактографичность и прямое введение документа сами по себе еще не гарантируют жизненности изображенной жизни, того напряженного свечения реальности красками и смыслами, которую всегда давало искусство. В отношении художественно-творческого акта следует говорить о «преображенном документе» (В. Т. Шаламов). До прикосновения к факту человека (автора-учредителя творческого коммуникативного события) – его смысл подобен непознаваемой кантовской вещи себе, беспмятство жизни вяло и невыразительно, так что без повивальной бабки смысла, автора, объемлющего целое своей твор-

ческой активностью, в художественном процессе все равно не обойтись.

В рамках широкой дискуссии о документальности в литературе А. Ю. Большакова, комментируя произведения Н. С. Лескова, справедливо указала, что и в литературе с преобладающим документальным началом автор «относительно скромный фиксатор и обработчик фактического материала... он – центральная фигура, посредник между читателем и исторической реальностью, очевидец, наблюдатель и хроникер изображаемых событий. Это своеобразный летописец национальной жизни, пропущенной сквозь горнило автобиографического опыта и представленной читателю как нечто родное, бесконечно дорогое» [3]. Эта мысль относима не только к автору «Соборян». Диалектическое единство документальной правды факта и индивидуально-творческой инициативы автора сохраняется и в литературе с преобладающим документальным началом. Хоть полномочность права на смысл и ищут опору в самой реальности, зафиксированной в документе, но получателем дивидендов с нее (смысловых, эстетических, даже буквально финансовых при «продаже рукописи») и главным распорядителем по-прежнему остается автор. Более того, «субъективный фактор личности автора» [14, с. 3] в свою очередь упрочивает положение документа. Можно сказать, что автор – подтверждает подлинность всех «мокрых печатей» на нем и ратифицирует документ. При этом преодолевается и онтологическая зыбкость самого субъекта-учредителя события искусства.

Исследовательница документального кино А. Богер справедливо замечает «Знак, непосредственно указывающий на реальность, не воспринимается автоматически как документ <...>. Документ должен быть удостоверен контекстом, дающим систему координат, в которой этот документ может быть понят. По сути, документа как такового нет, пока он не помещен в контекст» (пер. с англ. Д. Субботина) [15, с. 13], пока не подтверждена подлинность документа. Но легитимно эту связь с контекстом может актуализировать только полноценный участник, первый свидетель и учредитель события, в котором жизнь должна заговорить во всеуслышание, т. е. автор. Документы обнаруживают свою действительность, только когда от них требуется проверка, подтверждение их собственной достоверности. Придать факту, оттиску события, отпечатку реальности статус смыслопорождающего «вещественного доказательства» может только обладающий особыми полномочиями интерпретатор.

Эти полномочия, позволяющие удостоверить подлинность документа, оплачиваются, как пи-

шет В. Т. Шаламов, готовностью «подставить-ся», отдать собственную кровь для жизни пейзажа [7, с. 74]. Документ вполне оживает, реализуясь в личном плане, и право «пустить его в дело» выкупается своеобразным жертвоприношением: «автор должен исследовать свой материал собственной шкурой – не только умом, не только сердцем, а каждой порой кожи, каждым нервом своим». Размышляя о «Колымских рассказах», М. Берюгги отмечает, что в них: «страждущее тело учреждается как генезис текста», именно телесная реальность «я» «становится первичной текстоорождающей инстанцией» [16, с. 202]. Этим объясняется успех, так называемого, эго-документа, его выдвижение в авангард художественной литературы с преобладающим документальным началом. Ценной права на смысл оказывается не автобиографичность так таковая, но полнота индивидуального бытия, сосредоточенного лично-пережитого смысла в событии подлинно бывшего. Это событие должно быть как бы вновь пережито, но уже в осмысленно-вертикальном плане (в противовес историко-биографической горизонтали), в свете совсем других законов.

Эстетическая же форма, учреждаемая автором, оказывается прежде всего способом допуска другого субъекта к чувственной полноте события. Без его (читательского) решающего удостоверения цикл жизни документа в художественном произведении не может быть до конца реализован. Полностью за авторской инициативой остается, как сказать, техническая сторона этого дела, мастерство формы, сама способность организации материала, вовлекаемого в событие искусства. Например, З. Н. Чукуева справедливо указывает, что фактографическая деталь способна выполнять роль полноценного «символического знака», поэтому нельзя переоценить роль формотворческой инициативы «в своеобразном отсеивании и в шлифовании документальных ключей, в неповторимых позициях сотворения художественного образа» [17, с. 100]. При этом опять же формотворческая инициатива не должна заслонить самой жизни. Говоря о трудностях правки, автор «Колымских рассказов» сетовал: «Чуть-чуть исправишь и нарушается сила подлинности, первичности» [7, с. 158]. И строго говоря, вещи, созданные им в 1970-х, выглядят более «литературными», чем написанное в конце 1950-х, когда дистанция между лагерным опытом и его художественной вербализацией была минимальной.

Но дело не только и не столько в стилистическом совершенстве, способности к выразительным композиционным решениям, не в самой по себе виртуозности авторской техники, а в уме-

нии открыть доступ к «голой жизни», дать голос молчанию документа или наоборот – чаще – усмирить оглушительность его крика, когда ужас бытия, его провалы, отразившиеся в документе, не могут стать личным опытом, не могут быть пережиты как бывшее со мной или то, что я могу прочувствовать как свое, «примерить» на себя, в силу непереносимой травматичности этого опыта.

В частности, П. В. Палиевский пишет об обнажении в реальности XX века таких темных провалов в человеке, в которые никакое искусство никогда не заглядывало, обнажении «непродолжимых» человеческих пределов: «Когда кинорежиссерам нужно сообщить впечатление от Хиросимы, они просто показывают без оговорок и пояснений документальные кадры: выжженные глаза, у кого-то пинцетом снимают с головы клочки волос, они свободно отделяются. За этим порогом художественных образов уже нет, и надо лишь надеяться, что его не придется переходить» [5, с. 147]. По-видимому, П. В. Палиевский имеет в виду фильм Алена Рене «Хиросима, моя любовь» (1959), где наравне с игровым сюжетом присутствуют такие документальные кадры. К несчастью, сказанное ученым спорно. Кровавые убийства, орудия пыток, уродливые психические девиации, реализуемые во всей полноте своего безобразия, и постоянное соскальзывание человека во внечеловеческие состояния, его умопомрачительная способность творить зло, не считаясь ни с чем, – не только составляют изнанку парадной истории человечества, но и являются неизменным материалом искусства. Более того, в «преображении темной глубины инстинкта» (пользуясь выражением И. А. Ильина [18, с. 63]), состоит одна из его задач. Аристотелевский катарсис, достижимый через страх и сострадание, тоже вполне может быть истолкован в этом ключе.

Размышления П. В. Палиевского справедливы в том отношении, что человеку непосредственно взглянуть в лицо обнаженному ужасу или злу, не теряя меру человеческого, пережить это как событие духа (а не тьмы, из которой он по мере сил вырывается на своем пути), в присутствии и внутри которого есть место для человеческого, а не рядом с которым можно только молчать, осуществить это чрезвычайно затруднительно для литературы и искусства. Тем более это невозможно в том конвенциональном и институциональном виде, в котором они сложились к началу прошлого века.

Дело не в том, чтобы увидеть красоту ядерного гриба, на это человек как раз способен уже в силу глубоко укорененного в нем эстетическо-

го рефлекса, – здесь еще нет творчества и нет человеческого в полном смысле слова. От чистого искусства в случае Хиросимы в пределе требуется большее: пережить человеческий аспект абсолютного зла. Но от мысли, что в событии Хиросимы или Освенцима может обнаружиться полнота человеческого, пусть и в темной ее ипостаси, просто становится не по себе, как от неожиданного взгляда на безобразную физическую патологию. Принять это как одно из проявлений разнообразия, неуместимого в человеческой душе, богатства мироздания, как явление в ряду других искусства не удастся (импульс древней калокагатии в своей глубине для него неистребим). С другой стороны, естественный в этом случае переход из эстетического отношения в этическое, по сути, более сложное, – уничтожает само искусство.

Здесь и выручает документ: «Он деликатен: видит и не видит, говорит и не говорит, знает все, но обсуждает только то, что мы в состоянии признать. А что не в состоянии – все равно направляет на нас как недопонятую правду и озадачивает. Более выгодную форму придумать трудно» [5, с. 155]. Об этом же размышляет в статье, посвященной философии документальности А. Ганжа: «Документальная фиксация того, о чем мы пока не можем говорить, позволяет, по крайней мере, молчать в присутствии реального» [3].

О проблеме невыразимости опыта в силу того, что он выходит за пределы человеческого, в силу его непереносимой травматичности, пишут также многие исследователи «Колымских рассказов» В. Т. Шаламова (например, Е. Михайлик «Спасения нет» [19], М. Берюгти «Варлам Шаламов: литература как документ» [16]). Само свидетельствование личности, предполагающее введение события в горизонт человеческого, относительно многого в опыте сталинских лагерей дальнего Севера затруднено, автор не способен свидетельствовать о том, что не смогло уместиться в архитектуру его личности и было вытеснено в подсознание. Экзистенциальный колымский опыт не оставляет душу «в живых»: ни полноценное прямое свидетельствование, ни присутствие, ни соучастие здесь для человеческой личности невозможны. Поясняя свои творческие принципы, выработанные в «Колымских рассказах», на это указывает и сам их автор: «Лагерь – отрицательный опыт, отрицательная школа, растление для всех – для начальников и заключенных, конвоиров и зрителей, прохожих и читателей беллетристики» [7, с. 148]. Малейшее сокращение дистанции в отношении этого опыта разрушительно для личности, даже читатель по-

падает в группу риска. Зачем же тогда писать? – спрашивает себя Шаламов и отвечает: ради преодоления зла.

Но как подступиться к этому преодолению, если любое сближение смертельно, если свидетель как личность не выживает? И это при том, что лишь этот невыживший, переживший опыт от начала до конца, и обладает правом артикулировать событие, сохраняя его онтологическое ядро как память собственного тела. Здесь и является шаламовская идея «литературы, пережитой как документ». Ведь вся суть документализма, которую весьма пронизательно сформулировал П. В. Палиевский, состоит как раз в том, что «документ помогает литературе, как и криминалистике, подойти к составу того, что совершается без свидетелей» [5, с. 150]. Документ предстает специфическим инструментом допуска к событию, где человеческое уже невозможно.

Неслучайно у В. Т. Шаламова выделяется два ряда текстов: очерково-свидетельского характера и осмысливающее-исследовательского, зачастую обращенных к одним и тем же реальным фактам (например, очерк «Курсы» и рассказ «Необращенный»). Первичный текст-свидетельство (отсюда важность первого варианта, о которой говорит В. Т. Шаламов) становится, по выражению итальянского писателя, прошедшего опыт концлагерей Примо Леви, «протезом памяти» [20, с. 22], замещающим, восполняющим недостающую структуру события, в котором личности уже не было, которое вытесняется как запредельное для человеческого опыта.

Первая группа текстов призвана лишь зафиксировать событие в качестве следа или оттиска, дактилоскопической «перчатки» (метафора В. Т. Шаламова, положенная в основу заглавного рассказа одного из колымских сборников писателя). Но оттиск нужно истолковать, придать ему статус вещественного доказательства, для чего необходим другой субъект, «дальний родственник», наследник невыжившего, способный судить о произошедшем участливо, но с известной долей безразличия. Является второй субъект, который уже с безопасного расстояния способен осмыслить произошедшее, приближаясь к нему по мере надобности, но и сохраняя при этом своего рода «абсолютную эпическую дистанцию». Только совокупность свидетельства (оттиска) и полномочного интерпретатора составляют документ в полном смысле слова. Исследовательница «Колымских рассказов» Л. Юргенсон пишет в связи с этим: «с одной стороны, автор хочет создать документ, обладающий доказательной силой, с другой – он стремится сделать этот документ читабельным» [21, с. 170]. Эта «читабель-

ность» и есть доступность для другого, достигаемая усилиями автора как учредителя события произведения.

Чисто технически в художественной прозе В. Т. Шаламова это реализуется благодаря особой субъектно-повествовательной структуре, предполагающей постоянное удвоение планов, повторения одного и того же, но с различных точек зрения, удвоение речи³. Изошренная нарративная структура «Колымских рассказов» через систему посреднических точек зрения обеспечивает доступность к самому событию, являющемуся онтологической основой рассказываемого. В результате ужас бытия видится как бы «сквозь тусклое стекло» (Ап. Павел), он предстает усмиренным и преображенным. Через установление отчасти посторонних ассоциативных связей и отношений внутри события, опосредованных дистанциями вновь введенных субъектных планов, через фильтрующее забвение и припоминание, реконструируемое событие как бы запирается в ловушку эстетического зрения. И этот ужас, с которым не справиться одному сознанию, одному субъекту-участнику, оказывается под силу некоторой совокупности субъектов, обладающих неодинаковым положением относительно эпицентра произошедшего и различными точками зрения на него и в нем. Роль автора состоит в учреждении мест для этих субъектов и установлении правил взаимодействия между собой в коммуникативном художественном событии, которое переводит произошедшее в другой онтологический план. Но память о том, что «там внутри» (М. Метерлинк) содержится тот же ужас, остается в событии произведения навсегда.

В рассказе «Перчатка» Шаламов тщательно поясняет, что документальное свидетельство-оттиск в виде дактилоскопической «перчатки», слезшей с его руки на дальнем Севере из-за пеллагры, погиб, и тела, испытавшего лагерный опыт, уже попросту нет: «Где-то во льду хранятся рыцарские мои перчатки, облежавшие мои пальцы целых тридцать шесть лет» (рассказ «Перчатка»). Он задается вопросом: может ли судить о лагере вновь обретенное тело, имеет ли право писать о том, что было обновленная рука воскресшего? И решает этот вопрос в пользу того, что может: дактилоскопический узор на обеих «перчатках» один и тот же.

Таким образом, задача искусства – встроить в человеческий горизонт нечеловеческий опыт, укротить ужас бытия, который блокируется бес-

памятством человека, захваченного этим бытием, отвоевать у бытия человеческое даже там, где это кажется невыносимым, прежде всего там (в Хиросиме, в Освенциме, на Серпантинной). Именно документальное начало в художественной литературе в той ситуации, в которой оказалось искусство к XX веку, способно служить онтологической опорой для этого.

Роль автора как учредителя художественного события неустраима. Но именно в присутствии документального начала результатом творческого акта оказывается не эстетический продукт, явление исключительно фикционального характера, реализованное в «автономном бытии», выведенном за пределы реальности рождений и смертей автора и читателя, из реальности человеческой ситуации, предполагающей телесную детерминированность, а также диалектику вертикальных ценностей духа и горизонта земной жизни. Опора на факт открывает возможность для творческого акта осуществиться как некоторое событие, укорененное в реальности существования, в пространстве ответственности перед подлинным бытием.

Стоит задаться вопросом: но разве не разрушает такой «симбиоз» искусства и жизни законных границ, сохраняющих каждую из областей неприкосновенной и прочной в своем способе существования? Безусловно, в подобном сближении или совмещении каждый раз возникает напряжение самой границы, градус этого напряжения полнее всего ощутим самим творческим субъектом. Автору вменяется ответственность и за меру этого напряжения, за то, чтобы удержать сохранность прав жизни и прав искусства, которые в обновленном творческом формате оказываются весьма уязвимыми или вообще под угрозой уничтожения.

Поясняя возвышение роли документа в современной ему литературе, П. В. Палиевский говорит о готовности писателя в XX веке «пожертвовать достигнутой высокой убедительностью ради новой правды, такой правды, которую бы человек не просто почитал, но, как раньше это было, реально от нее зависел» [5, с. 174], подобно тому как это было в ситуации, когда разрыв между искусством и областью священного еще не был актуален. Документальность видится тем фактором, который способен заместить утраченное священное начало, обеспечивающее искусству право являть исток бытия, говорить от лица бытия и выражать совокупный опыт человечества. Именно этим оправдывается риск разрушения искусства в привычном виде и даже готовность пожертвовать самым главным достижением последних двух тысячелетий, незыблемостью ав-

³ Об этом см. в статье: Миннуллин О. Р. Беспощадная этика Варлама Шаламова // Вопросы литературы, 2015. № 1. С. 161–188.

тономной области искусства. Ради утверждения пошатнувшегося права на смысл (в общеобязательном императивном отношении) творец готов поставить на карту инобытийный статус эстетического события, рискнуть его положением «какого-то иного способа существования, не уместяющегося в границы бытия и небытия» (Э. Левинас [22]). Возможность успеха в восстановлении полномочий творческого субъекта оправдывает рискованность затеи.

Список источников

1. Местергази Е. Г. Художественная словесность и реальность (документальное начало в отечественной литературе XX века): автореф. дис... докт. фил. наук. М., 2008. 50 с.
2. Яковлева Н. «Человеческий документ»: история одного понятия. Хельсинки: Helsinki University Print, 2012. 213 с.
3. Литература и документ: теоретическое осмысление темы: Материалы «круглого стола». М.: ИМЛИ РАН, 2008. URL: <https://imli.ru/seminary-i-konferentsii-2008/1827-kruglyj-stol-literatura-i-dokument-teoreticheskoe-osmyslenie-temy> (дата обращения 16.02.2023).
4. Чукуева З. Н. Грани документальности и ее вариации в прозе // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. 2015. № 3. С. 81–84.
5. Палиевский П. В. Документ в современной литературе // Палиевский П. В. Литература и теория. М.: Советская Россия, 1979. С. 128–173.
6. Галлай М. Л. Жизненный материал и художественное обобщение / М. Галлай, М. Лужанин, И. Мерас и др. // Вопросы литературы. 1966. № 9. С. 3–62.
7. Шаламов В. Т. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5.: Эссе и заметки. Записные книжки 1954–1979. М.: Книжный клуб Книгозек, 2013. 384 с.
8. Достоевский Ф. М. Собр. соч. в 15 т. Т. 13: «Дневник писателя» за 1876 год. СПб.: Наука, 1994. 541 с.
9. Галушкин А. Пределы документалистики // Вопросы литературы. 1982. № 7. С. 218–222.
10. Женетт Ж. Введение в архитекст // Женетт Ж. Фигуры: работы по поэтике: в 2 т. Т. 2. / пер. с фран. Е. Васильевой. М.: Издательство им. Сабашниковых, 1998. С. 282–340.
11. Розанов В. В. Опавшие листья. СПб.: Азбука-Классика, 2015. 400 с.
12. Хайдеггер М. Исток художественного творения. Избранные работы разных лет / пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Академический проект, 2008. 528 с.
13. Агамбен Д. Homo saker. Суверенная власть и голая жизнь / пер. с итал. И. Левина. М.: Европа, 2011. 256 с.
14. Карпеева Т. А. Художественно-документальные жанры русской литературы XI–XX вв. (генезис, жанры, поэтика). Казань: КФУ, 2013. 99 с.
15. Böger A. People's Lives, Public Images. The New Deal Documentary Aesthetic. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2001. 288 p.

16. Берютти М. Варлам Шаламов: литература как документ // К столетию со дня рождения Варлама Шаламова. Материалы конференции. М.: [б. и.], 2007. С. 199–208.

17. Чукуева З. Н. Документ как существенный элемент современной литературы // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 100–104.

18. Ильин И. А. Основы художества. О совершенном в искусстве // И. А. Ильин Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6, Кн. 1. М.: Русская книга, 1996. С. 51–182.

19. Михайлик Е. Спасения нет: Беседа с филологом Еленой Михайлик о прозе Варлама Шаламова 17 января 2019 года / беседовал Э. Лукоянова. URL: <https://gorky.media/intervyu/spaseniya-net> (дата обращения 16.02.2023)

20. Леви П. Канувшие и спасенные / пер. с итал. Е. Б. Дмитриевой. М.: Новое издательство, 2010. 196 с.

21. Юргенсон Л. След. Документ. Протез. «Колымские рассказы» Варлама Шаламова / пер. с нем. Я. Завацкая // Osteuropa. 2007. № 6. С. 169–182.

22. Левинас Э. Избранное: Тотальность и бесконечное / пер. с фран. И. С. Вдовина, Б. В. Дубин. СПб.: Культурная инициатива, 2000. 416 с.

References

1. Mestergazi, E. G. (2008). *Khudozhestvennaya slovesnost' i real'nost' (dokumental'noe nachalo v otechestvennoi literature XX veka)* [Fiction and Reality (documentary principles in Russian literature of the 20th century)]. 50 p. Moscow. (In Russian)
2. Yakovleva, N. (2012). “*Chelovecheskii dokument*”: *istoriya odnogo ponyatiya* [“Human Document”: The History of One Concept]. 213 p. Helsinki, Helsinki University Print. (In Russian)
3. *Literatura i dokument: teoreticheskoe osmyslenie temy* (2008) [Literature and Document: Theoretical Understanding of the Topic]. Materialy “kruglogo stola”. IMLI RAN, Moscow. URL: <https://imli.ru/seminary-i-konferentsii-2008/1827-kruglyj-stol-literatura-i-dokument-teoreticheskoe-osmyslenie-temy> (accessed: 16.02.2023). (In Russian)
4. Chukueva, Z. N. (2015). *Grani dokumental'nosti i ee variatsii v proze* [Facets of the Documentary and Its Variations in Prose]. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*, No. 3, pp. 81–84. (In Russian)
5. Palievskii, P. V. (1979). *Dokument v sovremennoi literature* [Document in Modern Literature]. *Literatura i teoriya*, pp. 128–173. Moscow, Sovetskaya Rossiya. (In Russian)
6. Gallai, M., Luzhanin, M., Meras, M. (1966). *Zhiznennyi material i khudozhestvennoe obobshchenie* [Life Material and Artistic Generalization]. *Voprosy literatury*, No 9, pp. 3–62. (In Russian)
7. Shalamov, V. T. (2013). *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Collected Works: In 6 Vols]. Vol. 5.: *Esse i zametki*.

Zapisnye knizhki 1954–1979. 384 p. Moscow, Knizhnyi klub Knigovek. (In Russian)

8. Dostoevskii, F. M. (1994). *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [Collected Works: In 15 Vols]. Vol. 13: “Dnevnik pisatel'ia” za 1876 god. 541 p. St. Petersburg, Nauka. (In Russian)

9. Galushkin, A. (1982). *Predely dokumentalistiki* [Limits of the Documentary]. *Voprosy literatury*, No. 7, pp. 218–222. (In Russian)

10. Gérard, G. (1998). *Vvedenie v arkhitekst* [Introduction to the Architekt]. *Figury: raboty po poetike: v 2 t.* Vol. 2. Per. s frants. E. Vasil'eva. Pp. 282–340. Moscow, izdatel'stvo im. Sabashnikovoykh. (In Russian)

11. Rozanov, V. V. (2015). *Opavshie list'ya* [Fallen Leaves]. 400 p. St. Petersburg, Azbuka-Klassika. (In Russian)

12. Heidegger, M. (2008). *Istok khudozhestvennogo tvoreniya. Izbrannye raboty raznykh let* [The Origin of Artistic Creation. Selected Works of Different Years]. Per. s nem. A. V. Mikhailova. 528 p. Moscow, Akademicheskii proekt. (In German)

13. Agamben, G. (2011). *Homo saker. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [Homo Saker. Sovereign Power and Bare Life]. Per. s ital. I. Levina. 256 p. Moscow, Evropa. (In Russian)

14. Karpeeva, T. A. (2013). *Khudozhestvenno-dokumental'nye zhanry russkoi literatury XI–XX vv. (genesis, zhanry, poetika)* [Fiction and Documentary Genres of Russian Literature of the 11th–20th Centuries (Genesis, Genres, Poetics)]. 99 p. Kazan', Kazanskii federal'nyi universitet. (In Russian)

15. Böger, A. (2001). *People's Lives, Public Images. The New Deal Documentary Aesthetic.* 288 p. Tübingen, Gunter Narr Verlag. (In English)

16. Berutti, M. (2007). *Varlam Shalamov: literatura kak dokument* [Varlam Shalamov: Literature as a Document]. *K stoletiyu so dnya rozhdeniya Varlama Shalamova. Materialy konferentsii*, pp. 199–208. Moscow [no publisher]. (In Russian)

17. Chukueva, Z. N. (2014). *Dokument kak sushchestvennyi element sovremennoi literatury* [Document as an Essential Element of Modern Literature]. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*, No 1, pp. 100–104. (In Russian)

18. Il'in, I. A. (1996). *Osnovy khudozhestva. O sovershenom v iskusstve* [Fundamentals of Art. On Perfection in Art]. Il'in, I. A. *Sobranie sochinenii: v 10 t.* Vol. 6, Book 1, pp. 51–182. Moscow, Russkaia kniga. (In Russian)

19. Mikhailik, E. (2019). *Spaseniya net: Beseda s filologom Elenoi Mikhailik o proze Varlama Shalamova* [There Is No Salvation: A Conversation with Philologist Elena Mikhailik about the Prose of Varlam Shalamov, January 17, 2019]. *Besedovala E. Lukoyanova*. URL: <https://gorky.media/intervyu/spaseniya-net> (accessed: 16.02.2023). (In Russian)

20. Levi, P. (2010). *Kanuvshie i spasennye* [Sunken and Saved]. Per. s ital. E. B. Dmitrievoi. 196 p. Moscow, Novoe izdatel'stvo. (In Russian)

21. Jurgenson, L. (2007). *Sled. Dokument. Protez. “Kolymskie rasskazy” Varlama Shalamova* [Trace. Document. Prosthesis. “Kolyma stories” by Varlam Shalamov]. Per. s nem. Ya. Zavatskaia. *Osteuropa*, No 6, pp. 169–182. (In Russian)

22. Levinas, E. (2000). *Izbrannoe: Total'nost' i beskonechnoe* [Selected Works: Totality and Infinity]. Per. s frants. I. S. Vdovina, B. V. Dubin. 416 p. St. Petersburg, Kul'turnaya initsiativa. (In Russian)

The article was submitted on 12.02.2023

Поступила в редакцию 12.02.2023

Миннуллин Олег Рамильевич,
кандидат филологических наук,
доцент,
Южный федеральный университет,
420008, Россия, Ростов-на-Дону,
пр-т Университетский, 93.
papulia@yandex.ru

Minnullin Oleg Ramilevich,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
South Federal University,
93 Universitetsky Ave.,
Rostov-on-Don, 420008, Russian Federation.
papulia@yandex.ru

УДК 82.0

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-138-143

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЕ СТОРОНЫ ЖАНРА ПУТЕВЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

© Немат Сабиров

TIME AND SPACE AS SPECIFIC ASPECTS OF THE TRAVELOGUE GENRE

Nemat Sabirov

The article discusses issues related to the concept of time and space as one of the specific aspects of the travelogue genre.

Currently, it is possible to clearly distinguish between scientific, journalistic and literary works about travel, although the synthetic, interactive nature of travelogues is quite obvious. The peculiarity of the genre of travel notes is in its figurative and artistic assumptions. Literary travels were often fictional, which led to the possibility of using artistic fantasy in the travelogue genre. The archetypal meaning of the travelogue genre manifests itself as a connection between the poles of binary oppositions. One of the topics is the purpose of man in the culture of his ethnic group. Accordingly, in the genre of a literary travel, a person acts as a bearer of the values and norms of his people, as a representative of his culture, communicating with an unknown space, a space that has yet to be mastered. The concept of time is closely related to the concept of space.

The article consists of three parts, three substantive blocks. In the first block, the concept of a “travel product” is revealed, giving its typological characteristics of time and space. The second block is “a subject”, it describes how ideas about space – a potentially cognizable category - are reflected in travel notes. The third block includes the results of the study of works in the travelogue genre. In it, the article examines travel recordings about the Central Asian khanates.

Keywords: travelogue, Russian literature, chronotope, fiction, value concepts

В статье рассматриваются вопросы, связанные с понятиями времени и пространства как специфическими сторонами жанра путевых произведений.

В настоящее время можно провести достаточно четкую грань между научными, журналистскими и литературными произведениями о путешествиях, хотя синтетическая, интегративная природа travelogov вполне очевидна. Особенность жанра путевых заметок состоит в некоторых образно-художественных допущениях. Литературные путешествия нередко были частично вымышленными; это обусловило возможность использования художественной фантазии в жанре путешествия. Архетипический смысл жанра путешествия заключается в выстраивании связи между полюсами бинарных оппозиций. Одна из тем – предназначение человека в культуре его этноса. Отсюда – в жанре литературного путешествия человек выступает как носитель ценностей и норм своего народа, как представитель своей культуры, осуществляющий коммуникацию с неведомым пространством, которое еще предстоит освоить. С понятием пространства связано понятие времени.

Статья состоит из трех содержательных блоков. В первом блоке раскрывается понятие «путевого произведения», дается типологическая характеристика времени и пространства в нем. Второй блок – «предметный», в нем говорится о том, как в путевых записках отражаются представления о пространстве – потенциально познаваемой категории. Третий блок включает результаты изучения произведений в жанре путешествия. В нем автор статьи рассматривает путевые записки о среднеазиатских ханствах.

Ключевые слова: travelog, русская литература, хронотоп, художественный вымысел, ценностные представления

Для цитирования: Сабиров Н.К. Время и пространство как специфические стороны жанра путевых произведений // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №1 (71). С. 138–143. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-138-143

Термин «путевые произведения» нужно трактовать в том отношении, что тексты, которые составляют его основу, отличаются жанровым многообразием и стилевой пестротой. Как отмечала Ваша Сайнбаяр, это могут быть художественные, научные, публицистические произведения, созданные в форме очерка, эссе, легенды, рассказа, реализованные в эпистолярном, мемуарном, биографическом или дневниковом дискурсе [1]. Такое разнообразие форм в современной гуманитаристике обозначается хорошо известным и активно употребляемым термином «травелог».

В настоящее время можно провести четкую грань между научными, журналистскими и литературными произведениями о путешествиях, хотя синтетическая, интегративная природа травелогов упоминается практически во всех исследованиях. Особенность жанра путевых заметок состоит в некоторых художественных допущениях. Литературные путешествия, как известно, были частично вымышленными, выдуманными, что обусловило возможность использования художественной фантазии в жанре путешествий¹. Так, присутствие непроверенных сведений отмечается в ранних путевых записках о Бухарском, Хивинском и Кокандском ханствах. Объясняется это тем фактом, что значительную часть сведений авторы путевых записок сообщали с чужих слов. Однако реальную степень художественного вымысла в путевых записках определить не представляется возможным. По нашему мнению, это связано с изначальной мифологической природой жанра.

Архетипический смысл жанра путешествия состоит в выстраивании связи между полюсами бинарных оппозиций. Это дает основание полагать, что мотив путешествия предстает как дискурсив, в котором реализуются значимые универсальные темы. Одна из тем – предназначение человека в культуре его этноса. В жанре литературного путешествия человек выступает как носитель ценностей и норм народа, к которому он принадлежит по факту рождения и воспитания, как представитель собственной, оригинальной культуры, осуществляющий коммуникацию с неведомым, непознанным, а значит, до опреде-

ленной степени внушающим страх и ужас, пугающим пространством («чужим миром», «хаосом», «злом», «смертью»). Именно такая культурная наполненность сюжета путешествия определяет значимость образа главного героя – путешественника. В мифологии и фольклоре герой отделен от автора, но в литературных произведениях образ автора и героя зачастую совпадают, и важными становятся личные особенности путешественника, которые реализуются в фигуре рассказчика.

Унаследованный от фольклора и мифологии, мотив дороги стал наиболее значимым в европейской литературе. В русской же этот мотив рассматривается как один из наиболее экзистенциальных [2], [3].

Процесс становления и развития жанра путешествия на основе фольклора и мифологии происходило на двух уровнях – формальном и содержательном. Нередко их определяют как внешний и внутренний планы [4]. На внешнем автор и герой составляют одно целое. Герой, вышедший в далекий путь, выступает как наблюдатель чужого мира; о нем, его реалиях он потом и рассказывает читателям, создавая особую нарративную атмосферу. Отсюда – совершенно не ошибемся, если скажем, что первой и главной характеристикой литературного путешествия становится изначальная субъектность и, следовательно, субъективность в восприятии чужого мира (он дается не сам по себе, в объективном измерении, а будучи пропущенным через индивидуальное сознание реципиента). Наблюдатель – не простой человек, а полноправный носитель своей культуры, который по определению такого рода не может быть беспристрастным: его сознание, выражаясь фигурально, окрашено цветами той культурной традиции, в границах которой он формировался как субъект речи. Текст наблюдателя предлагается для рецепции читателям одного с ним ценностного круга, одних аксиологических координат. Описанная в деталях чужая культура входит тем самым в область значений той среды, которая является родной для читателей; она подвергается оценке в параметрах мышления, уже имеющего в своем запасе набор содержательных конструкций. Естественно, что восприятие читателей смещается в сторону впечатлений повествователя. Его чувства в изображениях другой реальности играют не меньшую роль, чем сами детали чужого мира или причины, заставившие рассказчика предпринять далекое путешествие.

Удобной формой отражения внутреннего мира путешествующего субъекта становится вольное повествование, которое «не цепляется» зара-

¹ В настоящее время благодаря развитию технических средств возможность создания материала без самого путешествия стала не только легкой, но и широко распространенной. Для развлечения аудитории или привлечения внимания, популяризации конкретного медиаресурса создаются вымышленные рассказы о путешествиях с использованием чужих фотографий и видеоматериалов, информации из путеводителей и общедоступных источников.

нее к какому-либо объекту чужой реальности, а как бы постепенно и без всякого подготовленного плана открывает его для себя. Выделяют следующие элементы путешествия: 1) маршрут поездки («маршрутный лист»), 2) способы перемещения в пространстве, 3) природный ландшафт (пейзаж в его разнообразии), 4) культурные достопримечательности крупных городов и мелких селений, их архитектурная стилистика, 5) внутреннее убранство посещенных домов, 6) этнографические зарисовки (рассказы о людях, диалоги с представителями другой традиции), 7) национальная кухня (гастрономические предпочтения, кулинарные рецепты) [Там же]. Разумеется, замысел автора, его творческое видение определяет, в какой конкретной, непосредственной связи будут находиться данные элементы. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что существуют общие правила использования компонентов путешествия: автор на основании исключительно внешних впечатлений сначала утверждает в чувствах об увиденном и услышанном, затем дает им рациональную оценку и лишь после этого приходит к выводу, имеющему некое значение в рамках той культурной системы, к которой он себя относит.

Названные признаки литературного путешествия указывают на его пересеченность с жанрами художественно оформленной публицистики.

Литературные путешествия, далее, несут в себе знания о хронотопе, времени-пространстве в их цельном единстве. Нет при этом необходимости доказывать, что оба эти понятия в культуре являются фундаментальными и потому сохраняющими актуальность в наши дни.

Понятие пространства конкретизировались в эпоху великих географических открытий. В литературе (в частности, европейской) возник целый жанр романа-путешествия по землям реальным и вымышленным, а также многочисленные «робинзонады». Однако от осознания физических отношений пространства и времени научная мысль продвинулась в сторону психологизма, исследуя формы и способы субъективизации человеком времени и пространства.

Социальное и природное пространства не равны друг другу. Со стороны человека природное пространство подвергается семиотизации – процессу означивания. Так, например, для жителей Древнего Египта Нил и все, что располагалось по его берегам (пирамиды), функционально определялись в качестве сакрального центром Вселенной (остальное, за пределами реки – профанное пространство). Для средневекового мышления пространство – это система локусов различной качественности. В средневековой кар-

тине мира существовала дихотомия Неба и Земли: Земля была местом греха (следствие грехопадения Адама и Евы), Небо – чистым миром, причем, надо заметить, на Земле в разрозненном виде имелись особые, священные места – фрагменты небесной сферы высшей чистоты [5, с. 102].

Пространство, которое семиотизировал человек в процессе активной деятельности, по действующим в них законам физики в принципе ничем не отличается от неосвоенного, однако с социальной точки зрения оно носит «искривленный» характер, ибо сущность его определяется множественными исторически детерминированными векторами антропологического содержания (отношение к природе, людям и т. д.).

Представления человека о пространстве не были неизменными, статичными, они подвергались коррекции по мере того, как он познавал мир, углублял знания о нем (пространство – категория эпистемологическая). Закономерно, что произведения в жанре путешествия достаточно четко, однозначно об этом свидетельствовали. Так, в русских путевых записках XVIII века о среднеазиатских ханствах отражались взгляды русского общества той эпохи на пространство, открывавшееся через социальные связи (рассказы купцов, легенды, передававшиеся из уст в уста). Логично, что укрепление общественных отношений становится действенным средством познания мира в его пространственных параметрах.

Анализ процесса формирования жанра путевых заметок показывает, что становление жанровых и стилевых форм протекало в нем на уровне различных дискурсов: политическом, экономическом, научном, художественном. Путевые заметки и записки включают всю мыслимую информацию о путешествии, где объективные факты трудно отделить от субъективных впечатлений, недостоверных сведений, прямого вымысла, тенденциозных установок. Даже официальные документы своего времени иногда следует рассматривать как литературные тексты, в которых создается образ осваиваемого пространства. Образ пространства в литературно-художественных текстах не является полностью идентичным реальному пространству – этот факт, как кажется, не требует особенных доказательств.

Художественное пространство в современной литературоведческой науке изучается по-разному. Можно выделить два основополагающих исследовательских направлений. Одно из них интенсивно реализует идею бахтинского хронотопа. Хронотопом М. М. Бахтин, как известно, называл «существенную взаимосвязь

временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [6, с. 95]. Другое предполагает отношение к пространству и времени как к относительно автономным, независимым категориям. Оговоримся, что в случае первого направления на первый план выдвигается понятие времени, в случае второго – пространство [7, с. 18].

Литературоведы, которые занимаются характеристикой художественного пространства, зачастую оперируют терминами смежных научных дисциплин, а именно заимствованными из философии и естественных наук. К ним относятся такие термины, как «локус» и «топос».

По В. Ю. Прокофьевой, топос – это «значимое для художественного текста место разворачивания смыслов, которое может коррелировать с каким-либо фрагментом реального пространства» [8, с. 89]. Топос – понятие, которое можно рассматривать в качестве тождественного по смыслу таким выражениям, как «категория культуры», «образ культуры», «модель культуры».

Термин «топос» изначально применялся в античной риторике и философии. Топос, согласно античной традиции, понимается как «место, мыслительное образование, схема, организованная по законам логики, подходящая для рассмотрения конкретных тем» [9, с. 7]. В древнеримской картине мира топос – «общее место, обозначающее не столько... мыслительную схему, сколько стандартное словесное выражение... оборот, служащий для украшения речи...» [Там же]. Таким образом, в греческой традиции изучался ментальный топос, в римской – речевой. Из философии и риторики, повторимся, термин был воспринят различными областями науки, в том числе литературоведением, где и приобрел значение устойчиво повторявшихся культурных формул и мотивов, имеющих отношение к пространству.

М. М. Бахтин соотносит топос с термином «хронотоп». Топосы в его интерпретации – это образы пространства художественного текста, в них (по причине наличия событийной канвы) «просвечивают полюсы, пределы, координаты мира» [6, с. 98]. А. М. Панченко считает топосы «запасом устойчивых форм культуры» [10, с. 251].

Подобное понимание термина «топос» приводит к его сближению с другой категорией – «локусом». Тем не менее, в современном литературоведении предпринимаются попытки разграничить их. Так, Ю. М. Лотман связывает термин «локус» с функциональным полем действия героев литературного произведения [11, с. 10]. Исследователь делит пространство на два вида: от-

крытое и закрытое. Локус соответственно – закрытый, или герметичный, образ, топос – открытый, динамичный. Однако «один и тот же пространственный образ может называться и топосом, и локусом, в зависимости от осмысления его как национального символа» [8, с. 88].

В итоге, локус – пространство, которое обладает видимой границей, пределом, формой; оно выделено из бесконечности, отгорожено чем-то. Отличие топоса от локуса состоит в том, что первое понятие – более широкое, выходящее за рамки текста; оно также включает, помимо пространственных, и другие категории художественного сознания. А. А. Булгакова определяет локусы как «микротопосы» и «субтопосы» [9, с. 32]. По Н. А. Ловчинскому, топос является местом действия, развития событий [12, с. 6]. Топос и локус связаны логическими отношениями части и целого, большого и малого, внешнего и внутреннего. Л. А. Дмитриева рассматривает локус как ограниченное пространство, в котором время движется по-особенному и развивается та или иная конфликтная ситуация, создающая поле психологического напряжения [13, с. 69].

На наш взгляд, именно традиция путевых записок и заметок привела к формированию топосов «Бухарское ханство», «Хивинское ханство» и «Кокандское ханство», в рамках которых стали формироваться отдельные локусы типа «Бухара», «Хива», «Коканд» и т.д.

На примере различных путевых заметок, написанных с XVI по XIX века, можно наблюдать сложный процесс формирования самостоятельных топосов в русском литературном тезаурусе. Эти ханства для России поначалу представляли интерес как часть торгового пути на Восток – в Персию, Индию и Китай. Они были структурными элементами концепта «дорога» и, значит, мифологемы «путь», частью испытаний, которые тот или иной герой должен преодолеть по дороге к цели (торгово-купеческой, познавательного-географической).

Топос Бухары стал формироваться после публикации ориентальных записок Энтони Дженкинсона, английского дипломата и путешественника. Путешествие Ивана Хохлова в 1620 году показало, что Бухара становится целью подготовленных экспедиций, а роль промежуточного этапа в пути исполняет Хива. Таким образом, уместно заключить, что топос Бухары формируется в русском литературном дискурсе гораздо раньше топоса Хивы.

В XVIII веке картина мира существенно изменилась, и в границах топоса Бухары возникают отдельные локусы: путь выхода к Каспийскому морю, города, пристани, дороги.

Репрезентация Бухары как полноценного топоса хорошо представлена в записках Ф. С. Ефремова, русского человека, знакомого с жизнью ханства изнутри. Его произведение по результатам путешествия на Восток («Девятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию», 1786) позволяет оценить Бухару не как неизвестный, почти мифологический топос, но как часть реального большого исторического мира.

Записки Ф. С. Ефремова представляют собой литературное путешествие, несмотря на то что автор описывает не свою поездку в Бухару, а период своего пребывания там. Черты литературного путешествия в этом произведении доказывают тот факт, что автор не рассматривал Бухару (город, где он прожил долгое время) как место своего постоянного обитания. Даже сделав относительно успешную карьеру в ханстве, Ф. С. Ефремов продолжал ощущать себя русским, следовательно, культурная идентичность имела для него гораздо большее значение, чем повседневность в чужом краю, которую он описал.

Специфика путевых записок и заметок о среднеазиатских ханствах состоит в эксклюзивных правах автора на репрезентацию топоса. Сведения о Бухаре, Хиве и Коканде не были общедоступными ни в российской, ни в европейской культуре. Автор, видевший своими глазами реалии ханств, пользовался абсолютным доверием и выступал в качестве специалиста. В то же время невозможность проверить его слова позволяла привлекать элементы художественного вымысла, восполняющие недостаток конкретных сведений. В официальных записках дипломатических миссий таким способом восполнялась нехватка информации, требуемой правительством. Невозможность проверки достоверности предоставляемых фактов, чрезвычайная ограниченность и нерегулярность межкультурных контактов обеспечивали необходимость привлечение сведений, полученных косвенным путем.

В конечном счете комплекс документов, касающихся контактов России и среднеазиатских государств до XIX века, можно отнести к жанру литературного путешествия. Теоретические основы жанрового подхода позволяют сделать такой вывод с определенностью.

Список источников

1. *Ваша Сайнбаяр*. Иноязычная лексика и особенности ее использования в путевых записках Петровского времени: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 201 с.

2. *Шакиров С. М.* Мотив дороги как парадигма русской лирики XIX–XX веков: дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2001. 197 с.

3. *Керашева Ф. Н.* Религиозно-мифологический мотив пути в русском и немецком романтизме: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 199 с.

4. *Блинова З.* Путешествие как литературный жанр // *Литература*. 1998. № 42. URL: <https://lit.lsept.ru/article.php?ID=199804201> (дата обращения: 25.12.2022).

5. *Антонов Е. А.* *Философия*. Белгород: Изд-во БелГУ, 2012. 260 с.

6. *Бахтин М. М.* *Собрание сочинений: в 7 томах. Т. V. М.: Русские словари, 1997. 732 с.*

7. *Пыхтина Ю. Г.* Школьный анализ художественного произведения в аспекте пространственных характеристик: дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2005. 250 с.

8. *Прокофьева В. Ю.* Категория пространства в художественном преломлении: локусы и топосы // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2005. № 11. С. 87–94.

9. *Булгакова А. А.* *Топика в литературном процессе*. Гродно: Изд-во ГродноГУ, 2008. 106 с.

10. *Панченко А. М.* *О русской истории и культуре*. СПб.: Азбука, 2000. 464 с.

11. *Лотман Ю. М.* Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // *Избранные статьи: В 3 т. Т. 1 / Ю. М. Лотман*. Таллин, 1992. 414 с.

12. *Ловчинский Н. А.* *Образы пространства в современной русской постмодернистской поэзии*: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 208 с.

13. *Дмитриева Л. А.* Преодоление локуса в повести Кедр Митрея «Дитя большого века» // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2014. № 9 (39). С. 58–60.

References

1. *Vasha Sainbayar (2007). Inoyazychnaya leksika i osobennosti ego ispol'zovaniya v putevykh zapiskakh Petrovskogo vremeni: diss. kand. philol.nauk* [Foreign Language Vocabulary and Features of Its Use in Travel Notes of Petrovsky Time: Ph.D. Thesis]. Moscow, 201 p. (In Russian)

2. *Shakirov, S. M. (2001). Motiv dorogi kak paradigma russkoi liriki XIX–XX vekov: diss. kand. philol.nauk* [The Motif of the Road as a Paradigm of Russian Lyrical Poetry of the 19th–20th Centuries: Ph.D. Thesis]. Magnitogorsk, 197 p. (In Russian)

3. *Kerasheva, F. N. (2007). Religioznomyfologicheskii motivputi v russkom i nemetskom romantizme: diss. kand. philol.nauk* [Religious and Mythological Motif of the Path in Russian and German Romanticism: Ph.D. Thesis]. Krasnodar, 199 p. (In Russian)

4. *Blinova, Z. (1998). Puteshestvie kak literaturnyi zhanr* [Journey as a Literary Genre]. *Literatura*. No. 42. URL: <https://lit.lsept.ru/article.php?ID=199804201> (accessed: 25.12.2022). (In Russian)

5. *Antonov, E. A. (2012). Filosofiya* [Philosophy]. 260 p. Belgorod, izd-vo BelGU. (In Russian)

6. Bakhtin, M. M. (1997). *Sobranie sochinenii: v 7 tomakh* [Collected Works: In 7 Volumes]. V. 5. 732 p. Moscow, Russkie slovari. (In Russian)
7. Pykhtina, Yu. G. (2005). *Shkol'nyi analiz khudozhestvennogo proizvedeniya v aspekte prostranstvennykh kharakteristik: diss. kand. philol.nauk* [School Analysis of a Fictional Work in Terms of Spatial Characteristics: Ph.D. Thesis]. Orenburg, 250 p. (In Russian)
8. Prokofieva, V. Yu. (2005). *Kategoriya prostranstva v khudozhestvennom prelomlenii: lokusy i toposy* [Category of Space in Artistic Interpretations: Loci and Topoi]. Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. No. 11, pp. 87–94. (In Russian)
9. Bulgakova, A. A. (2008). *Topika v literaturnom protsesse* [Topics in the Literary Process]. 106 p. Grodno, GrodnoGU. (In Russian)
10. Panchenko, A. M. (2000). *O russkoi istorii i kul'ture* [On Russian History and Culture]. 464 p. St. Petersburg. Azbuka. (In Russian)
11. Lotman, Yu. M. (1992). *Problema khudozhestvennogo prostranstva v proze Gogolya* [Problems of Artistic Space in N. V. Gogol's Prose]. Izbrannye statyi: v 3 tomakh. Tom 1. 414 p. Tallin. (In Russian)
12. Lovchinsky, N. A. (2010). *Obrazy prostranstva v sovremennoi russkoi postmodernistskoi poezii: diss. kand. philol.nauk* [The Images of Space in Contemporary Russian Postmodern Poetry: Ph.D. Thesis]. Volgograd, 208 p. (In Russian)
13. Dmitrieva, L. A. (2014). *Preodolenie lokusa v povesti Kedra Mitreya "Dit'a bol'nogo veka"* [Overcoming the Locus in Kedr Mitreya's Story "The Child of the Sick Century"]. Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. No. 9 (39), pp. 58–60. (In Russian)

The article was submitted on 12.02.2023

Поступила в редакцию 12.02.2023

Сабиров Немат Казакбаевич,
старший преподаватель,
Ферганский государственный университет,
712000, Республика Узбекистан, Фергана,
Муррабийлар, 19.
nemat.sabirov.60@inbox.ru

Sabirov Nemat Kazakbaevich,
Assistant Professor,
Ferghana State University,
19 Murabbillar Str.,
Ferghana, 712000, Republic of Uzbekistan.
nemat.sabirov.60@inbox.ru

УДК 801.6

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-144-148

МЕТРИКА АДЫГСКОГО СТИХА: СПЕЦИФИКА ОСВОЕНИЯ СИЛЛАБО-ТОНИЧЕСКИХ РАЗМЕРОВ

© Людмила Хавжокова

METRICS OF THE ADYGHE VERSE: SPECIFICITY OF MASTERING SYLLABO-TONIC METERS

Lyudmila Khavzhokova

The article examines the insufficiently studied aspects of the Adyghe versification system based on one of its areas, and a significant component of the verse – its metrics. It presents a comprehensive analysis of the metric system of the Adyghe (Kabardian, Circassian, Adygheyan) literary verse. Our research focuses on the specifics of the development of syllabic-tonic meters (trochee, iambic, dactyl, amphibrach, anapest) and the features of their functioning in different genres and genre forms of national poetry. The relevance of the stated problem is due to the fact that the system of Adyghe versification in general and the metrics of national verse in particular have not become the subject of scientific consideration over the past decades. Meanwhile, significant changes took place that determined further trends in the evolution of genres, genre forms and the poetics of verse. During the indicated period, innovative methods and forms of organizing a poetic text have been mastered, requiring scientific understanding in the context of modern poetry and the use of new methodological tools for analyzing poetry. The scientific novelty of the work lies in the fact that for the first time it has made an attempt to comprehensively study the metrics of verse at all stages of the evolution of Adyghe literature. The results obtained can be used in special university courses and special seminars on the history of Adyghe (Adygheyan, Kabardian, Circassian, Circassian abroad) literature, in particular - a comprehensive examination of the system of Adyghe versification, as well as in research into the field of national philology and for writing graduation papers and doing other kind of research work.

Keywords: Adyghe poetry, versification, syllabo-tonic system, metrics, meter

В статье исследуются недостаточно изученные аспекты системы адыгской версификации на примере одной из ее областей и значимого компонента стиха – метрики. Представлен комплексный анализ метрической системы адыгского (кабардинского, черкесского, адыгейского) литературного стиха. Главное исследовательское внимание акцентируется на специфике освоения силлабо-тонических размеров (хорей, ямб, дактиль, амфибрахий, анапест) и особенностях их функционирования в разных жанрах и жанровых формах национальной поэзии. Актуальность заявленной проблемы обусловлена тем, что система адыгского стихосложения в целом и метрика национального стиха в частности в последние десятилетия не стали предметом научного рассмотрения. Между тем произошли существенные изменения, определившие дальнейшие тенденции эволюции жанров, жанровых форм, поэтики стиха. За обозначенный период освоены новаторские способы и формы организации поэтического текста, требующие научного осмысления в контексте современного стиховедения и с применением новых методологических инструментариев анализа стиха. Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые предпринимается попытка всестороннего исследования метрики стиха на всех этапах эволюции адыгской художественной словесности. Полученные результаты могут найти применение при изучении спецкурсов и спецсеминаров по истории адыгской (адыгейской, кабардинской, черкесской, черкесского зарубежья) литературы, в частности – комплексном и всестороннем рассмотрении системы адыгского стихосложения, а также при проведении исследований в области национальной филологии, написании квалификационных и другого рода исследовательских работ.

Ключевые слова: адыгская поэзия, версификация, силлабо-тоническая система, метрика, стихотворный размер

Для цитирования: Хавжокова Л.Б. Метрика адыгского стиха: специфика освоения силлабо-тонических размеров // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №1 (71). С. 144–148. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-144-148

Процесс формирования системы адыгской версификации протекал долго и с большими трудностями, связанными с проблемой становления профессиональной литературы и переходом от устно-поэтических форм к письменному стиху. Некоторые ее компоненты – ритм, метр, рифма – были сформированы и широко развиты в произведениях фольклора. Сложнее обстояло дело со строфикой, сложившейся только в поздних жанрах народно-поэтического творчества адыгов и ранней авторской поэзии (произведениях Л. Агнокова, С. Мижаева, К. Сижажева, Б. Пачева и др.). Данный факт подтверждается исследованиями Б. И. Куашева и А. Х. Хакуашева, в которых отмечается, что генезис строфики адыгского стиха относится к периоду бытования нартских пшинатлей и старинных народных песен, а также к эпохе творения певцов-песнетворцев (джегуако) [1, с. 196], [2, с. 93–100].

Метрика, наряду с ритмикой, рифмой, строфикой, представляет собой одну из главных областей системы версификации. Одновременно она является значимым структурообразующим компонентом стиха.

Роль метрики (метра) в формировании поэтики адыгского стиха определилась уже в начальный период эволюции национальной литературы. В 1920–30-е гг. процесс становления поэзии сопровождался не только переходом от фольклорных традиций к письменным формам, но и отказом от тонического стихосложения и освоением силлабо-тонической системы. В результате реформы, проведенной основоположниками кабардинской (А. Шогенцуков) и адыгейской (А. Хатков) поэзии, адыгский литературный стих стал силлабо-тоническим с европейским (концевым) видом рифмования. Это означало отказ от фольклорной (народной) рифмы, хотя ее действие в сочетании с концевой рифмой в рамках одного произведения – в виде «двойной рифмы» (термин Ад. Шогенцукова [3, с. 3]) – продолжалось до конца 1940-х гг. Влияние фольклорной поэтики на разных уровнях организации поэтического текста (художественном, структурно-композиционном и т. д.) ослабло лишь в середине XX, когда была сформирована жанровая система профессиональной поэзии. Освоение некоторых жанров – сонета, например, – требовало применения исключительно концевых рифм, комбинированных, как известно, по определенным схемам (английская форма – *abab cdcd efef gg*, итальянская форма – *abab abab cdc dcd* (или *cde cde*), французская форма – *abba abba ccd eed*). Концевая рифма актуализировала в адыгской поэзии и другие жанры

и жанровые формы, в числе которых газель, рубаи, триолет, венки сонетов.

Фонологические особенности адыгских (кабардино-черкесского и адыгейского) языков позволили освоить все основные силлабо-тонические размеры и их вариации. В период становления поэзии и системы версификации наиболее востребованными оказались двусложные размеры, в частности хорей. И в современной поэзии этот размер сохраняет доминирующие позиции, достигнув восьмистопного уровня в своем развитии. Кроме того, широко актуализированы его разностопные вариации. Вместе с тем важно заметить, что в эволюции данного (как и любого другого) размера наблюдается тенденция, при которой с увеличением количества стоп в строках сокращается количество произведений. Поэтому многостопных вариаций хорея в адыгской поэзии значительно меньше, чем его трех-, четырехстопных вариаций. К примеру, стихов, написанных четырехстопным хореем, в восемь раз больше, чем произведений, созданных семи- или восьмистопной вариацией (40% : 5%). Это связано в первую очередь со сложностями технического характера и с тем, что длинные многостопные строки по поэтике своей сближаются с прозаическим текстом. Восьмистопный хорей – явление редкое в национальной поэзии, но образцы его применения выявлены в творчестве кабардинского поэта Б. Утижева. Продемонстрируем фрагмент из сонета «Этот мир – временный дар от Всевышнего» («Дунеижьыр Тхьэм и тыгъэ лэгурыхьэ-лэгурыкш»):

«Дунеи(ы)жьыр Тхьэм и тыгъэ лэгурыхьэ-лэгурыкш,

Зиуклыжу теклыжьыну тегушхуамкли гупымыкш.

Гьуэгьыр млэту дыкытхьэ, гьуэгым щэту дытоклыж,

Гьуэгыгьуйтлым я зэхуакур жыхьэрмэ-жэнэт лъэмьжщ» [4, с. 155]. –

Этот <бранный> мир – временный дар от Всевышнего,

Он остается желанным даже для того, кто решил-ся на суицид.

Приходим плача и под плач покидаем его,

Промежуток между этими плачами – мост между адом и раем (здесь и далее подстрочный перевод наш. – Л. Х.).

В метрической схеме строфы четко выделяется восьмистопная композиция:

U U | – U | – U | – U | U U | – U | U U | –
пир.¹ на 1, 5, 7 стопах

¹ Пиррихий.

U U | – U | U U | – U | U U | – U | U U | –
 пир. на 1, 3, 5, 7 стопах
 – U | – U | U U | – U | – U | – U | U U | –
 пир. на 3, 7 стопах
 U U | – U | U U | – U | U U | – U | – U | –
 пир. на 1, 3, 5 стопах

В адыгской поэзии также выявлены сочетания разностопного хорей в рамках одного произведения. Наиболее распространенной формой подобного сочетания стало межстроковое упорядоченное чередование четырех- и трехстопного хорей. Множество примеров его применения выявлено в лирике кабардинского поэта Б. Куашева, им написаны некоторые его стихотворения и поэмы «Два Джона» («Джонитл») и «Нох» («Нэху»). Приведем пример из последней:

«Гыбжьэу къуаншэу уэрам зэвхэм
 Хьуат цыху къа́клуэр шь́з,
 Льэр хау(ы)кэу ятэ тхэ́вхэм
 Бэ́гы, хьу(ы)у тенджыз» [5, с. 263]. –
 Узкие и скрюченные в бараний рог улицы
 Заполнялись людьми,
 Ступавшими в грязь, словно в тесто,
 Толпа разрасталась и становилась подобна морю.

Метрическая схема приведенной строфы отражает сочетание разностопного хорей по формуле «4 + 3»:

– U | – U | U U | – U пир. на 3 стопе
 – U | – U | –
 – U | – U | U U | – U пир. на 3 стопе
 – U | – U | –

По степени распространенности ямб уступает хорей всего на 2 %. Из всех вариаций данного размера наибольшее развитие получили четырех- и пятистопный ямб. Например, три стихотворения, составляющие цикл «Поднимаю бокал за человечность» («Солэт цыхугъэм папщлэ бжьэр») черкесского автора М. Нахушева, написаны четырехстопным хореем. Продемонстрируем на начальной строфе:

«„Солэт цыху(ы)гъэм па́пщлэ бжьэр!“ –
 Ара́щ уэ жы́плэр гу(ы)п у(ы)хы́хэм.
 Къу́пщхь́эншэ́ бзэ́гум иший́ бзэ́р
 Фоу(ы)пс шо́гъэхь́ур у(ы)зы́мы́щлэм» [6, с. 40]. –
 «Поднимаю бокал за человечность!» –
 Говоришь ты на людях.
 Слова, произносимые языком без костей,
 Словно мед, преподносишь тем, кто тебя не знает.

Метрическая схема строфы отражает в каждой строке по четыре стопы ямба:

U – | U – | U – | U –
 U – | U – | U – | U – | U
 U – | U – | U U | U – пир. на 3 стопе
 U – | U – | U U | U – | U пир. на 3 стопе

Актуализация пятистопного ямба в адыгской поэзии большей частью обусловлена тем, эта вариация признана теоретиками литературы наиболее приемлемым размером для сонета. Применение пятистопного ямба в этом жанре выявлено в творчестве Х. Беретаря, М. Бемурзова, Б. Утижева, Р. Ацканова и др. Он также встречается в многочисленных стихотворениях других национальных авторов всех поколений: А. Кешокова, Л. Губжокова, Н. Куека, М. Нахушева, Х. Бештокова, А. Бицуева, М. Пхешхова, У. Тхагапсова, М. Емиж, М. Мижаевой, Л. Пшукова, З. Кануковой, М. Кочесоковой и др. Приведем пример из стихотворения «Не обманывай меня» («Сымыгъапщл») адыгейского поэта Х. Беретаря:

«Сфэ́кь́инми а насы́пыр, къызгурэ́ло,
 Гу(ы)р у(ы)зми, а́щкэ́ гу(ы)бжы́ имыха́бз.
 Зэ́гъа́шлэ – уигу(ы)кэ́гь́у сыри́льэ́лоп,
 Ау сыу(ы)шьэ́фрэ́п – льэ́шьэ́у сыфэхь́уа́пс» [7, с. 48]. –
 Я принимаю капризы этого счастья,
 Несмотря на боль, сердце не привыкло гневаться.
 Запомни – не прошу твоего сочувствия,
 Но не скрою – сильно об этом мечтаю.

Продемонстрируем метрическую схему фрагмента:

U – | U U | U – | U U | U – | U пир. на 2, 4 стопах
 U – | U – | U – | U U | U – пир. на 4 стопе
 U – | U U | U – | U U | U – пир. на 2, 4 стопах
 U U | U – | U – | U U | U – пир. на 1, 4 стопах

В целом ямб в адыгской поэзии развит до шестистопной вариации. В ней также встречаются различные вариации разностопного ямба – например, построенные на межстроковых упорядоченных чередованиях по формулам «1+2», «2+1», «2+3», «3+1», «4+3», «3+5», «7+5»².

В системе адыгской версификации трехсложные размеры также занимают значительное место. Они составляют 23 % (дактиль – 4%, амфибрахий – 12 %, анапест – 7 %) от общего объема исследованных произведений. В творчестве национальных авторов эти размеры также представлены в разностопных вариациях. Рассмотрим некоторые примеры:

– сочетание двух- и трехстопного дактиля в стихотворении «Достигая до голубого неба...» («Нэсу уэгу къашхьуэм...») кабардинского поэта Р. Ацканова:

«Щы́м тель́ льэу(ы)жхь́эр
 э́бжыр зыры́зурэ –
 й пщэ́ дальхь́ами яре́йт.
 Щикъузы́кы́жу
 гьу́эгухэр зэри́дзэурэ

² Цифрами обозначено количество стоп в строке.

зытлэтыжы́нум ярёт...» [8, с. 124]. –
 Следы на земле
 считает по одному –
 как будто его обязали.
 Крепко
 дороги завязывая,
 Передает их тому, кто развяжет.

Метрическая схема стиха выглядит следующим образом:

– U U | – U
 – U U | – U U
 – U U | – U U | –
 U U U | – U трибр.³ на 1 стопе
 – U U | – U U
 U U U | – U U | – трибр. на 1 стопе

Каждая строка в продемонстрированной иллюстрации требует отдельного рассмотрения. Первая строка состоит из одной полной и одной неполной стопы дактиля, вторая строка – из двух полных стоп. Третья трехстопная строка включает две полные и одну неполную стопу дактиля, четвертая строка – трибрахий и одну неполную стопу дактиля, пятая строка – две полные стопы дактиля и шестая строка состоит из одного трибрахия, одной полной и одной неполной стопы дактиля. В целом наблюдается сочетание двухстопного дактиля в первой, второй, четвертой и пятой строках и трехстопного дактиля в третьей и шестой строках.

А м ф и б р а х и й, по сравнению с дактилем и анапестом, получил наибольшее развитие. Этот размер в адыгской поэзии развит до пяти стоп, также представлены его разностопные вариации. Например, стихотворение «Звездный дождь» («Вагъуэ уэшх») кабардинской поэтессы Б. Аброковой написано трехстопным амфибрахией. Продемонстрируем на третьей строфе:

«Ахы́ным – лухы́ныр и лы́гъэт,
 Кхъухъзэ́хуэм – сом бжы́ныр и щэ́хут,
 Уэгу фы́щэм щиж ва́гъуэм я лы́гъэм
 Лъэпкъ клу́эдым и бйи́ри и лу́хут!» [9, с. 88]. –
 Ахын⁴ имел свойство убивать,
 Капитан корабля владел искусством считать день-

ги,
 Искры от звездопада в темном небе
 Служили знаменем трагедии народа.

U – U | U – U | U – U
 U – U | U – U | U –
 U – U | U – U | U – U
 U – U | U – U | U –

На схеме видно, что последние стопы второй и четвертой строк неполные (не хватает замы-

кающего безударного слога), однако наличие ударного слога позволяет засчитать их в общее количество. Таким образом, процитированный фрагмент, как и стихотворение в целом, написан трехстопным амфибрахией.

Анапест представляет собой один из редких явлений в системе национальной версификации. Как показал анализ творчества многих адыгских поэтов, многие из них обходили стороной этот размер. Возможно, это объясняется трудностями, связанными с «прививанием» и адаптацией данного размера к адыгским языкам. Вместе с тем выявлены некоторые его образцы. Например, трехстопный анапест в стихотворении «Белые бусы» («Шцыгъэ хужь») черкесской поэтессы М. Мижаевой:

«Мэдау(ы)щ бжыыхъэ шцы́лэр нэщхъейуэ,
 Тхэмпэ гъу(ы)рхэр зэщхъуэу зеху(ы)з,
 Си гупшы́сэм и лъа́бжэм щыхъейуэ,
 Мы сэ сй гур зыкью(ы)зыр сыт у(ы)з?!» [10, с. 61].

– Шумит холодная осень печально,
 Шурша засохшими листьями, скукоживается,
 Произрастая из глубин моих раздумий,
 Что же так сжимает мое сердце?!

U U – | U U – | U U – | U
 U U – | U U – | U U –
 U U – | U U – | U U – | U
 U U – | U U – | U U –

Анапест в адыгской поэзии развит до четырехстопной вариации.

Подводя итоги исследования, следует заключить, что современный адыгский письменный стих достиг высокого уровня развития, при котором в системе национальной версификации представлены все пять силлабо-тонических стихотворных размеров и их разностопные вариации. Несмотря на трансформации, происходящие в настоящее время в поэтике адыгского стиха, связанные с актуализацией свободных форм его организации, строгие размеры продолжают занимать в нем доминирующие позиции.

Список источников

1. Куашев Б. И. Строение кабардинского стиха // Собрание сочинений (на каб.-черк. яз.): В 2-х т. Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1966. Т. 2. С. 190–197.
2. Хакуашев А. Х. Кабардинское стихосложение. (на каб.-черк. яз.). Нальчик: Эльбрус, 1998. 288 с.
3. Шогенцуков Ад. Мастерство поэта // Кабардинская правда. 1950. 14 октября. С. 3.
4. Утижнев Б. К. Ветви. Новеллы, притчи, стихотворения, сонеты, стихотворения в прозе, макси-

³ Трибрахий.

⁴ Неофициальное название Черного моря.

мы, пьесы. (на каб.-черк. яз.). Нальчик: Эльбрус, 2005. 400 с.

5. Куашев Б. И. Стихотворения и поэмы. (на каб.-черк. яз.). Нальчик: Эльбрус, 1996. 304 с.

6. Нахушев М. Д. Слезы адыгов. Стихи и проза. (на каб.-черк. яз.). Черкесск: Аджьпа, 1995. 304 с.

7. Беретарь Х. Я. Весенняя песня. Стихи, поэма. (на адыг. яз.). Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1960. 70 с.

8. Ацканов Р. Х. Дом в облаках. Сборник избранных произведений (на каб.-черк. яз.). Нальчик: Эльбрус, 2020. 648 с.

9. Аброкова Б. М. Середина. Стихи (на каб.-черк. яз.). Нальчик: Тетраграф, 2011. 112 с.

10. Мижяева М. О. Хочу заглянуть в твои глаза. Стихи (на каб.-черк. яз.). Черкесск: Карачаево-Черкесское республиканское кн. изд-во, 2009. 224 с.

References

1. Kuashev, B. I. (1966). *Stroenie kabardinskogo stikha* [The Structure of the Kabardian Verse]. *Sobranie sochinenii: V 2-h t. T. 2*, pp. 190–197. Nalchik, Kabardinskoye knizhnoye izdatel'stvo. (In Russian)

2. Khakuashev, A. Kh. (1998). *Kabardinskoe stihoslozhenie* [Kabardian Poetry]. 288 p. Nalchik, Elbrus. (In Circassian)

3. Shogentsukov, Ad. (1950, October, 14). *Masterstvo poeta* [The Skill of the Poet]. *Kabardinskaya pravda*. P. 3. (In Russian)

4. Utizhev, B. K. (2005). *Vetvi. Novelly, pritchi, stihotvoreniya, sonety, stihotvoreniya v proze, maksimy, p'esy* [Branches. Novels, Parables, Poems, Sonnets, Prose Poems, Maxims, Plays]. 400 p. Nalchik, Elbrus. (In Circassian)

5. Kuashev, B. I. (1996). *Stikhotvoreniya i poemy* [Verses and Poems]. 304 p. Nalchik, Elbrus. (In Circassian)

6. Nakhushev, M. D. (1995). *Slezы adygov. Stihy i proza* [Tears of the Circassians. Poems and Prose]. 304 p. Cherkessk, Adzhpa. (In Circassian)

7. Beretar, Kh. Ya. (1960). *Vesennyya pesnya. Stihy, poema* [The Spring Song. Verses, a Poem]. 70 p. Maykop, Adygeyskoye knizhnoye izdatel'stvo. (In Circassian)

8. Atskanov, R. Kh. (2020). *Dom v oblakah. Sbornik izbrannykh proizvedeniy* [A House in the Clouds. A Collection of Selected Works]. 648 p. Nalchik, Elbrus. (In Circassian)

9. Abroкова, B. M. (2011). *Seredina. Stikhi* [The Middle. Verses]. 112 p. Nalchik, Tetragraph. (In Circassian)

10. Mizhaeva, M. O. (2009). *Khochu zaglyanut' v tvoй glaza. Stikhi* [I Want to Look into Your Eyes. Poetry]. 224 p. Cherkessk, Karachayev-Cherkesskoye respublikanskoye kn. izd-vo. (In Circassian)

The article was submitted on 22.03.2023

Поступила в редакцию 22.03.2023

Хавжокова Людмила Борисовна,
кандидат филологических наук,
Институт гуманитарных исследований –
филиал Федерального научного центра
«Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук»,
360000, Россия, Нальчик,
Пушкина, 18.
lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Khavzhokova Lyudmila Borisovna,
Ph.D. in Philology,
Institute for the Humanities Research –
affiliated Federal Scientific Center
“Kabardino-Balkarian Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences”,
18 Pushkin Str.,
Nalchik, 360000, Russian Federation.
lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

УДК 378.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-149-155

ТЕХНОЛОГИЯ «ТЕХНО-Р» В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

© Валентина Васильева, Гульнара Галеева

“TECHNO-R” TECHNOLOGY IN IMPROVING THE QUALITY OF FOREIGN LANGUAGE LEARNING

Valentina Vassilieva, Gulnara Galeeva

The article describes the “Techno-R” pedagogical technology, which is being developed at the Department of Theory and Practice of Teaching Foreign Languages at the Institute of Philology and Intercultural Communication of Kazan Federal University. We characterize this technology in terms of goal-setting – improving students’ communicative competence; in terms of philosophical principles – the humanistic approach, recognizing the value of man as a person who has the right to develop and demonstrate their abilities; in terms of the organizational form of training – group and individual classes; in terms of diagnostic procedures for identifying the level of proficiency in a foreign language communicative competence and ways of achieving the goal. The article analyzes the theoretical foundation of the research, based on the theory of knowledge transfer by P. Galperin, the theory of transfer and the theory of cognitive-practical activity methods, created by the researchers of the Kazan didactic school. The article discloses the content and procedural aspects of the “Techno-R” technology and its place among other modern technologies. Of particular interest is the stage of the indicative basis of speech actions adjusting the skills, included in the structure of language competence, and speech skills in productive and receptive types of speech. This stage is the key to success in adjusting the level of students’ communicative competence. The article presents an overview of the experimental material on improving the quality of education based on teaching French at school and university using the method of mathematical statistics Student’s T-test. The “Techno-R” technology is included in the field of the humanistic paradigm of the society development, it helps people in acquiring the ability to speak a foreign language.

Keywords: technology, learning, foreign language, competence, ability, skill

В статье показана педагогическая технология «Техно-Р», которая разрабатывается на кафедре теории и практики преподавания иностранных языков Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета. Она характеризуется авторами по целеполаганию – повышение уровня коммуникативной компетенции обучаемых; по философской основе – гуманизм, признающий ценность человека как личности, имеющей право на развитие и проявление способностей; по организационной форме обучения – групповые и индивидуальные занятия; по диагностическим процедурам выявления уровня владения коммуникативной компетенцией по иностранному языку и способам достижения поставленной цели. В статье проанализирована теоретическая платформа исследования, которая базируется на теории интериоризации умственных действий П. Я. Гальперина, теории переноса и теории методов познавательной-практической деятельности, созданной исследователями Казанской дидактической школы. Авторами раскрыта содержательная и процессуальная стороны технологии «Техно-Р», показано ее место среди других современных технологий. Особый интерес представляет этап ориентировочной основы речевых действий по корректировке навыков, входящих в структуру языковой компетенции и речевых умений в продуктивных и рецептивных видах речевой деятельности. Этот этап является залогом успешной корректировки уровня коммуникативной компетенции обучаемых. В статье представлен обзор экспериментального материала по улучшению качества образования на примере обучения французскому языку в школе и вузе с применением метода математической статистики Т-критерий Стьюдента. Технология «Техно-Р» входит в поле гуманистической парадигмы развития общества, помогает людям в приобретении способностей владения иностранным языком.

Ключевые слова: технология, обучение, иностранный язык, компетенция, умение, навык

Для цитирования: Васильева В.Н., Галеева Г.И. Технология «Техно-Р» в повышении качества образования в области иностранных языков // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №1 (71). С. 149–155. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-149-155

Качество образования во все времена оставалось приоритетной задачей общества и государства. Научные и практические устремления педагогов в усовершенствовании образовательной системы направлены как на содержание образовательного процесса, так и на пути и средства достижения искомого результата. В нашей стране содержание учебного процесса по иностранным языкам видоизменялось по нескольким причинам. Определяющими факторами явились социальный заказ общества, технический прогресс, достижения методики обучения иностранным языкам и смежных с ней наук. Если до шестидесятых годов прошлого столетия перед иностранным языком как учебным предметом стояла общеобразовательная цель, то начиная с шестидесятых годов образовательная цель изменилась. На первый план была выдвинута практическая цель – овладение знаниями умениями и навыками (ЗУНами). Цель изменилась под влиянием нового социального заказа общества (нужны были люди, владеющие иностранным языком практически в связи с расширением международных контактов) и в связи с распространением прямого метода обучения. Хотя это был шаг вперед в подходе к обучению иностранным языкам, но при этом не учитывались социально-культурные и индивидуальные факторы. На смену концепции ЗУНов (знаний, умений и навыков) пришла новая личностно-ориентированная концепция образования, сочетающая прагматический и общеобразовательный аспекты обучения иностранным языкам. Современное содержание обучения включает речевой материал, языковой материал, комплекс речевых навыков и умений (в том числе адаптивных). В центр внимания поставлена личность обучаемого, развитие его познавательных способностей. В области обучения иностранным языкам компетентностный подход заложен в государственные стандарты для вуза и средней общеобразовательной школы. Он связан с технологическим подходом к обучению. В современном понимании педагогические технологии являются движущей силой образовательного процесса, где действие педагога и обучаемого представлены в соответствии с поставленной целью.

Педагогические технологии классифицируются по различным критериям – целеполаганию, философской основе, по уровню применения, по организационной форме обучения, диагностическим процедурам. Известны информационные,

игровые, проектные, модульные, тестовые технологии, технологии сотрудничества, проблемного, развивающего обучения. Полагаем, что ни одна из них не может претендовать на универсальность. Одни технологии предназначены для развития речевых навыков и умений, другие расширяют кругозор в познании мира, третьи делают акцент на развитие творческого потенциала обучаемых, на создание мотивации, умений работать в команде и прочее, то есть каждая технология имеет свое «лицо». Несмотря на использование различных технологий в обучении иностранным языкам, объективным педагогическим фактом является недостаточный уровень сформированности коммуникативной компетенции студентов и школьников как в части языковой компетенции, входящей в состав коммуникативной, представленной фонетическими, грамматическими, лексическими и орфографическими навыками, так и в части речевой компетенции, представленной умениями говорения, аудирования, чтения и письма как видов речевой деятельности. Обучаемые допускают фонетические, грамматические, лексические и орфографические ошибки в устной или письменной речи на иностранном языке, испытывают затруднения в понимании иноязычной речи на слух, в продуцировании диалогов и монологов, в понимании читаемого текста, в написании программных речевых дискурсов (анкета, открытка, письмо, эссе и др.).

Для уменьшения существующего противоречия между целью обучения и ресурсами для достижения поставленной цели нами разрабатывается коррективная технология, которую мы назвали «Техно-Р» (Техно – технология, Р – результат), то есть технология с обозначенным результатом. Она предназначена для корректировки речевых навыков и умений по иностранному языку при помощи знаний, для полноценного формирования коммуникативной компетенции. Особенностью технологии «Техно-Р» является ее направленность не на плановое изучение учебного материала, а на выявление и устранение пробелов в усвоении пройденного материала.

Технология «Техно-Р» имеет содержательную и процессуальную стороны. В содержательную сторону технологии входят восемь блоков по корректированию уровня языковой и речевой компетенции обучаемых. Языковой учебный материал и номенклатура навыков и умений, входящих в состав компетенций, изложены в госу-

дарственных и рабочих программах школы и вуза. Процессуальная сторона технологии включает несколько этапов. Этапы технологии неизменны, варьируется их содержание в соответствии с той или иной учебной задачей. Подчеркнем, что данная технология предназначена для улучшения качества образования. Она применяется для исправления ошибок и их дальнейшего предупреждения. Она может применяться как в группе, так и индивидуально. Технология создает условия, чтобы обучаемый смог понять языковую ошибку или устранить затруднение в понимании или продуцировании иноязычной речи.

Кратко опишем этапы процессуальной стороны технологии. После выявления конкретных пробелов в усвоении учебного материала первым этапом является постановка учебной задачи – чем овладеть, каким навыком или умением. При этом педагог должен убедиться в желании обучающегося исправить недостаток, проявить самостоятельность и добиться желаемого результата. Учебная задача может включать овладение грамматическим или фонетическим явлениями, орфографическим навыком, логикой устного или письменного монологического высказывания и прочее. Это может быть овладение коннекторами речи, оценочными выражениями в монологе и диалоге, овладение приемами анализа текста, понимания текста на разных уровнях: общее понимание, детальное понимание, критическое понимание. Любые учебные задачи предназначены для улучшения качества речевого продукта.

Вторым исключительно важным этапом является ориентировочная основа речевого действия. Она может быть сформулирована в виде правила-обобщения, правила-инструкции, рекомендации и обязательно содержать информацию о причине ошибки или затруднения в усвоении обозначенного в учебной задаче феномена. Наиболее эффективным способом является создание ориентировочной основы совместно с обучаемыми под руководством педагога.

Следующий, третий этап технологии включает тренировку в выполнении учебной задачи путем адекватных условно-речевых и речевых упражнений, которые различаются наличием или отсутствием дидактических опор. На этом этапе могут иметь место упражнения по формированию языковой компетенции, включая упражнения по отработке отдельных элементов языка – звука, интонации, словосочетания, грамматической конструкции, орфографического явления. Например, большие затруднения вызывает у обучаемых постановка диакритических знаков в письменной речи. В определенных случаях они играют смыслоразличительную функцию, и не-

правильная их постановка может привести к искажению смысла. На данном этапе используются устные эхологические, подстановочные, трансформационные, комбинационные упражнения с опорами и творческие речевые упражнения без дидактических опор. Для усовершенствования письменной речи выполняются упражнения на основе правила, по речевому образцу, творческие задания.

Следующий этап технологии связан с контрольными действиями обучающихся (выполнение теста, письменной работы, устное высказывание и т. д. в зависимости от учебной задачи). Этот этап является основанием для последующего – определения уровня сформированности навыка или умения. На заключительном этапе технологии, кроме оценки педагога, необходима оценка самого обучаемого.

Вышеизложенные этапы технологии «Техно-Р» основаны на научной платформе, представленной известными теориями в области психологии и дидактики. Прежде всего это теория поэтапного формирования умственных действий П. Я. Гальперина [1], или теория интериоризации, то есть перехода внешней деятельности в умственную. Особую ценность для нас в рамках данной теории представляет учение П. Я. Гальперина о типах ориентировочной основы действий, в результате которого сложилась современная концепция усвоения учебного материала. Им выделено три типа учения. Первый тип получил название «проб и ошибок», когда необходимые условия познавательного действия остаются скрытыми и устанавливаются самими обучаемыми и которые могут быть случайными, ошибочными. Второй тип характеризуется построением действия на полной ориентировочной основе в готовом виде. Обучение идет без проб и ошибок, но имеет существенный недостаток, так как ориентирован на усвоение готового знания и не воспитывает у обучаемых познавательного интереса. При третьем типе учения усвоение учебного материала проходит без существенных ошибок, так как раскрываются условия, необходимые для достижения желаемого результата. При этом типе ориентировочная основа (в нашем случае речевых действий) строится обучающимися самостоятельно под руководством педагога. Этот тип обуславливает развитие собственного познавательного интереса обучаемых. Они вовлечены в познавательный процесс, так как система ориентиров устанавливается совместно. Это, на наш взгляд, реальный путь к управлению процессом усвоения учебного материала.

В создании технологии «Техно-Р» нами взят за основу третий тип учения П. Я. Гальперина,

хотя при корректировке отдельных навыков возможно использование ориентировочной основы в готовом виде, например, когда обучаемые не располагают знаниями, которые можно включить в ориентировочную основу в качестве познавательных ориентиров.

Очень важную роль в учении П. Я. Гальперина играет перенос знаний, умений и навыков на новые задания. В целях понимания этого явления обратимся к теории переноса, которая является составляющей научной платформы технологии «Техно-Р». Перенос является сложным явлением человеческой психики, позволяющим человеку использовать все накопленные знания, навыки и умения при новых обстоятельствах. Роль переноса в обучении очень велика [2]. Ранее механизмом переноса считалась идентичность элементов А (усвоенное) и Б (новое). Это была концепция Е. Торндайка об идентичности задач А и Б, которая была подвергнута критике [Там же], так как идентичные элементы при решении задач редки, а явления переноса чрезвычайно разнообразны по конкретному проявлению и принципиальной сущности. В результате многочисленных исследований отечественными и зарубежными учеными был установлен механизм переноса «обобщение», а не «идентичность» (С. Л. Рубенштейн, Д. Н. Богоявленский, Н. А. Менчинская, А. Н. Матюшкин, Е. Н. Кабанова-Меллер, В. И. Решетников и др.). Согласно этой концепции перенос возможен лишь при наличии обобщения человеком прошлого опыта. Психологи отмечают, что ведущую роль в переносе играет анализ основной задачи. При ее недостаточном анализе обучаемые не могут обнаружить общее между ней и новыми задачами. Мы позволим себе привести пример из собственного опыта. Во время экспериментальной проверки технологии «Техно-Р» в области обучения говорению как виду речевой деятельности учащимся средней общеобразовательной школы в контрольной группе эксперимента была поставлена речевая задача – охарактеризовать географическое положение Нормандии как части Франции (после изучения темы «Географическое положение Франции»). Учащиеся заявили, что они такой темы не проходили и что ее нужно выучить, в то время как учащиеся экспериментальной группы по технологии «Техно-Р» справились с заданием без подготовки на основе познавательных ориентиров. Вывод таков, что учащиеся контрольной группы не увидели общности учебных задач – это характеристика географического объекта. Переносу нужно обучать специально. Необходимо отметить также, что в области теории переноса существует широкая и узкая интерпретация

этого явления. В широком смысле слова перенос характеризуется как положительное явление, хотя в определенных случаях может носить отрицательный характер. В области обучения иностранным языкам в основном изучалась интерференция как отрицательный перенос навыков родного языка на иностранный, который следует предотвращать. Мы определяем перенос как положительное явление в качестве основного механизма коррективной технологии в обучении иностранному языку и считаем, что с отрицательным переносом нужно бороться. Процессуальная сторона технологии позволяет применить стратегию борьбы с отрицательным переносом.

Третьей составной частью теоретического обоснования технологии «Техно-Р» является теория методов познавательно-практической деятельности (МППД), разработанная в рамках Казанской дидактической школы и показывающая пути формирования способности копирующей, репродуктивно-творческой и конструктивно-творческой речевой самостоятельности обучаемых [3]. Эта теория восполнила отсутствующий в концепциях развивающего обучения процессуальный аспект развития познавательных способностей обучаемых. Механизмом системы обучения на основе МППД были установлены последовательно усложняющиеся переносы знаний, иноязычных навыков и умений. Данная теория имеет концептуальное значение, привлекает гуманизмом и представляет собой систему формирования познавательной самостоятельности в обучении репродуктивной и творческой речевой деятельности. Методологическая основа технологии «Техно-Р» позволила нам создать научно обоснованную систему улучшения качества речевых навыков и умений в продуктивных и рецептивных видах речевой деятельности.

Немаловажное значение имеют наши экспериментальные исследования в школе и в вузе. Экспериментальными площадками явились МБОУ «Гимназия № 9» г. Казани и кафедра теории и практики преподавания иностранных языков Института филологии и межкультурной коммуникации КФУ. Уточним, что исследования проводились на материале обучения французскому языку, но считаем, что разрабатываемая нами технология применима для обучения другим иностранным языкам. Приведем примеры исследований по корректировке навыков и умений, входящих в состав коммуникативной компетенции. Начнем с грамматики. Нами были выявлены недостатки грамматической компетенции студентов в употреблении частичного артикля, притяжательных прилагательных и местоимений, возвратных глаголов. Изложим фрагмент

эксперимента в части корректировки употребления частичного артикля. До применения технологии «Техно-Р» был сделан срез знаний в форме теста и установлено, что студенты знают формы частичного артикля, но допускают ошибки, когда в предложении используется модальный глагол или отрицание действия. Обучение было проведено согласно операционному аспекту технологии. После постановки учебной задачи и наличия желания студентов научиться безошибочно употреблять в речи частичный артикль была создана ориентировочная основа речевых действий совместно со студентами путем ответов на вопросы преподавателя и фиксации правил и исключений. На этом этапе преподаватель обусловил обобщенное, системное понимание лингвистического феномена.

Этап тренировки включал выполнение условно-речевых упражнений на основе речевых образцов, наполняемых новой лексикой, устно и письменно. Речевые упражнения выполнялись в форме ответов на вопросы, микродиалогов и монологов. Контрольные действия обучаемых включали выполнение грамматического теста на основе связного текста и устные высказывания по заданным ситуациям. На завершающем этапе была выслушана оценка не только преподавателя, но и самих студентов.

После обучения по технологии «Техно-Р» был сделан контрольный срез, который был выражен в цифровых показателях согласно установленным критериям для сравнения с результатами до эксперимента. Критериями явились оценки в баллах по различным позициям употребления частичного артикля. Для определения валидности полученных результатов был сделан расчет по Т-критерию Стьюдента и получено значение $t > 3,3$, которое показывает уровень значимости с достоверностью 0,999. Полученные результаты свидетельствуют об эффективности разрабатываемой нами технологии. Результаты исследований в области грамматики опубликованы нами в научных журналах, входящих в систему Scopus [4], [5].

Также нами были проведены экспериментальные исследования по корректировке лексических и орфографических навыков студентов и школьников [6], [7], [8].

В области корректировки речевых умений по видам речевой деятельности (говорению, чтению и письму) результаты исследований опубликованы в материалах Международных научных семинаров и научных журналов [9], [10], [11].

Системный анализ недостатков в формировании речевых умений позволил нам выявить их причины и наметить пути их устранения на ос-

нове технологии «Техно-Р». Мы полагаем, что слабым звеном в традиционном обучении иностранному языку является недостаточная ориентировочная основа речевых действий, которая вызывает затруднения у обучаемых в выполнении устных и письменных заданий. Обучаемые не видят общности поставленных перед ними речевых задач, поэтому перенос на похожие речевые задачи не осуществляется. Особенностью технологии «Техно-Р» является обучение переносу речевых умений и умственных действий. Например, при изучении темы «Спорт» на этапе ориентировочной основы речевых действий устанавливается обобщенный подход. Он заключается в установлении логики высказывания: какие виды спорта существуют, ценность спорта, какими видами занимаетесь лично вы, какими хотели бы заниматься, что вам известно о спортивных достижениях школы, города, известных спортсменах, о соревнованиях. На основании ее обучаемые смогут рассказать о том, какими видами спорта занимаются члены семьи, друзья, об актуальных спортивных достижениях в стране. В этих целях на этапе тренировки организуется выполнение условно-речевых упражнений на основе речевого образца – высказывания, затем тренировка высказываний по схожим речевым задачам (обучение переносу), с использованием дополнительной лексики, далее выполнение контрольных упражнений. Нами проведено 11 срезов до и после применения технологии «Техно-Р», где Т-критерий Стьюдента колеблется от 3,49 до 6,48. Напомним, что валидность получаемых в эксперименте результатов начинается от показателя $t > 2$. Если значение оказывается меньше, то результаты признаются статистически незначимыми.

Вербальные качества речи монологических и диалогических высказываний были переведены в цифровые показатели согласно установленным критериям. Например, для оценки монолога: количество сказанных фраз, количество лексических, грамматических, фонетических ошибок, логичность и смысловая законченность оценивались в баллах. Экспериментаторами было отмечено, что у обучаемых появилась свобода в выражении мыслей, наличие элементов «сверх научения», например, обучаемые включали в речь новую лексику, которая не фигурировала в обобщенной модели высказывания.

Что касается экспериментальной работы в области чтения, то наше исследование было организовано с учетом достижений современной методики обучения иностранным языкам. Речь идет о поуровневом подходе к обучению чтению, который включает общее понимание текста, де-

тальное понимание и критическое понимание. С учетом этих уровней в ориентировочную основу были включены обобщенные подходы по блокам на основе познавательных ориентиров: структура текста, содержание, персонажи, намерение автора. Обобщенные подходы к пониманию читаемого представлены в речевых моделях по каждому блоку. Тренировочный этап в зависимости от конкретной учебной задачи представлен различными упражнениями эхололического, трансформационного, комбинированного видов. Учитывая, что механизмом переноса является общность учебных задач, на этом этапе мы формируем способность обучаемых к переносу того, чему мы их научим. При корректировке умений понимания текста также необходимо выполнение подлинно речевых упражнений (без опор) и соблюдение процедуры оценки и самооценки. Отметим, что в языковом вузе корректировка умений понимания текста включает лингвистическую стратегию.

В настоящее время экспериментальные исследования в области корректировки умений письменных речевых дискурсов и понимания иноязычной речи на слух продолжают. Нами разрабатываются познавательные ориентиры и упражнения для полноценного формирования умений, обозначенных в образовательных программах школы и вуза согласно Государственным образовательным стандартам.

В заключение отметим, что разрабатываемая нами технология «Техно-Р» находится в гуманистической парадигме развития общества, способствует более качественному овладению иностранным языком.

Список источников

1. Гальперин П. Я. Психология как объективная наука: Избранные психологические труды. М.: Модэк, 2003. 480с.
2. Лисина М. И. Некоторые проблемы переноса в работах зарубежных авторов // Вопросы психологии. 1980. № 15. С. 153–169.
3. Васильева В. Н., Назарова Г. И., Низамиева Л. Р., Остроумова О. Ф. Эволюция методов познавательно-практической деятельности в парадигме коммуникативного подхода к обучению иностранным языкам. Монография. Казань: Вестфалика, 2012. 212 с.
4. Kuzmina E. K., Vassilieva V. N., Galeeva G. I. Peculiarities of Techno-R technology during Teaching French Language Grammarian Skills // International Journal of Engineering and Technology (UAE). 2018. Vol. 7. Is. 4. Pp. 82–87.
5. Vassilieva V. N., Galeeva G. I., Dontsov M. A. Experimental Study of Technology «Techno-R» in Teach-

ing Grammatical Skills of the French Language // Res Militaris. 2022. Vol. 12. Is. 3. Pp. 242–249.

6. Васильева В. Н., Другов А. В. Новые исследования в формировании коммуникативной компетенции обучаемых по технологии «Техно-Р». Современный французский язык и инновационные технологии его преподавания: материалы V Международного научно-го семинара. Казань: РИЦ «Школа», 2022. С. 56–64.

7. Мельник А. В. Экспериментальное обучение овладению лексическими единицами на французском языке учащимися младших классов на основе коррективной технологии // Современный французский язык и инновационные технологии его преподавания: материалы II Международного научно-го семинара. Казань: Вестфалика, 2018. С. 99–107.

8. Сергеева С. М. Коррективная технология обучения на примере формирования орфографических навыков // Современный французский язык и инновационные технологии его преподавания: материалы Международного научно-го семинара. Казань: Вестфалика, 2017. С. 143–149.

9. Mamaeva A. D., Vassilieva V. N., Nazarova G. I. The Experimental Recherch of Techno-R Technology in Teaching the Aspect of speaking a Foreign Language as a type of Vocal Activity // Revista Publicando. 2017. Vol. 4. Is.13. Pp. 517–525.

10. Сабирзянова С. Ю. Экспериментальное обучение письменной речи на французском языке учащихся старших классов на основе коррективной технологии // Современный французский язык и инновационные технологии его преподавания: материалы Международного научно-го семинара. Казань: Вестфалика, 2017. С. 133–143.

11. Васильева В. Н. Дидактические возможности использования технологии «Техно-Р» в обучении иностранным языкам // Современный французский язык и инновационные технологии его преподавания: материалы IV Международного научно-го семинара. Казань: Вестфалика, 2020. С. 87–93.

References

1. Gal'perin, P. Ya. (2003). *Psikhologiya kak ob"ektivnaya nauka: Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Psychology as an Objective Science: Selected Psychological Works]. 480 p. Moscow, Modek. (In Russian)
2. Lisina, M. I. (1980). *Nekotorye problemy perenosa v rabotakh zarubezhnykh avtorov* [Some Problems of Transference in the Works of Foreign Authors]. *Voprosy psikhologii*. No. 15, pp. 153–169. (In Russian)
3. Vasil'eva, V. N., Nazarova, G. I., Nizamieva, L. R., Ostroumova, O. F. (2020). *Evoliuitsiya metodov poznavatel'no-prakticheskoi deiatel'nosti v paradigme kommunikativnogo podkhoda k obucheniyu inostrannym yazykam. Monografiya* [The Evolution of Methods of Cognitive and Practical Activities in the Paradigm of the Communicative Approach to Foreign Language Teaching. A Monograph]. 212 p. Kazan, Vestfalika. (In Russian)
4. Kuzmina, E. K., Vassilieva, V. N., Galeeva, G. I. (2018). *Peculiarities of Techno-R technology during Teaching French Language Grammarian Skills*. Interna-

tional Journal of Engineering and Technology (UAE). Vol. 7. Is. 4, pp. 82–87. (In English)

5. Vasil'eva, V. N., Galeeva, G. I., Dontsov, M. A. (2022). *Experimental Study of Technology “Techno-R” in Teaching Grammatical Skills of the French Language*. Res Militaris. Vol. 12. Is. 3, pp. 242–249. (In English)

6. Vasil'eva, V. N., Drugov, A. V. (2022). *Novye issledovaniya v formirovanii kommunikativnoi kompetentsii obuchaemykh po tekhnologii “Tekhno-R”* [New Studies in the Formation of the Communicative Competence of Trainees Using the Techno-R Technology]. *Sovremenniy frantsuzskiy yazyk i innovatsionnye tekhnologii ego prepodavaniya: materialy V Mezhdunarodnogo nauchnogo seminaru*. Pp. 56–64. Kazan, Shkola. (In Russian)

7. Mel'nik, A. V. (2018). *Eksperimental'noe obuchenie ovladeniyu leksicheskimi edinitsami na frantsuzskom yazyke uchashchimisya mladshikh klassov na osnove korrektsionnoi tekhnologii* [Experimental Teaching of Learning Lexical Units in French by Elementary School Students on the Basis of Correctional Technology]. *Sovremenniy frantsuzskiy yazyk i innovatsionnye tekhnologii ego prepodavaniya: materialy II Mezhdunarodnogo nauchnogo seminaru*. Pp. 99–107. Kazan, Vestfalika. (In Russian)

8. Sergeeva, S. M. (2017). *Korrektsionnaya tekhnologiya obucheniya na primere formirovaniya orfograficheskikh navykov*. [Correctional Technology of

Teaching Based on the Formation of Spelling Skills]. *Sovremenniy frantsuzskiy yazyk i innovatsionnye tekhnologii yego prepodavaniya: materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo seminaru*. Pp. 143–149. Kazan, Vestfalika. (In Russian)

9. Mamaeva, A. D., Vassilieva, V. N., Nazarova, G. I. (2017). *The Experimental Research of Techno-R Technology in Teaching the Aspect of Speaking a Foreign Language as a Type of Vocal Activity*. *Revista Publicando*. Vol. 4. Is.13, pp. 517–525. (In English)

10. Sabirzianova, S. Yu. (2017). *Eksperimental'noe obuchenie pis'mennoi rechi na frantsuzskom yazyke uchashchikhsya starshikh klassov na osnove korrektsionnoi tekhnologii* [Experimental teaching of writing in French to high school students on the basis of correctional technology]. *Sovremenniy frantsuzskiy yazyk i innovatsionnye tekhnologii ego prepodavaniya: materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo seminaru*. Pp. 133–143. Kazan, Vestfalika. (In Russian)

11. Vasil'eva, V. N. (2020). *Didakticheskie vozmozhnosti ispol'zovaniya tekhnologii “Tekhno-R” v obuchenii inostrannym yazykam*. [Didactic Possibilities of Using “Techno-R” Technology in Teaching Foreign Languages]. *Sovremenniy frantsuzskiy yazyk i innovatsionnye tekhnologii ego prepodavaniya: materialy IV Mezhdunarodnogo nauchnogo seminaru*. Pp. 87–93. Kazan, Vestfalika. (In Russian)

The article was submitted on 14.03.2023

Поступила в редакцию 14.03.2023

Васильева Валентина Николаевна,
кандидат педагогических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
mme_vassilieva@mail.ru

Галеева Гульнара Ирековна,
старший преподаватель,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
bashiramama@mail.ru

Vassilieva Valentina Nicolaevna,
Ph.D. in Pedagogy,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
mme_vassilieva@mail.ru

Galeeva Gulnara Irekovna,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
bashiramama@mail.ru

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ТЕКСТОВ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

© Лариса Гордеева, Зульфия Юсупова

ON TEXT TYPOLOGY IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Larisa Gordeeva, Zulfiya Usupova

Systematic work on the text, when working with international students, contributes to the formation of their communicative and aspect speech skills. It is one of the conditions for regular language practice, which helps foreign language listeners to orient themselves in another country. The article discusses the comprehensive teaching of foreign students to work on a monologue. Since monologues differ in content and design, the purpose of our research is to study a typology of texts and ways of working with monologue utterances in the process of teaching Russian to students of the pre-university level. The article considers the types of monologues, the thematic scope of their use and the communicative component of the texts, we prove that the development of monologue speech skills should be combined with lexical and grammatical activities in almost every lesson of the Russian language, starting with the elementary stage. The conducted research confirms the idea that reasoning on scientific topics requires more attention. Effective and systematic work on a monologue statement contributes to the international students' ability both to retell what they have read and to express their thoughts. It develops the student's logic through answering questions, composing dialogues and solving new situational tasks.

Keywords: monologue, speech skills, communication skills, speech practice, oral and written speech, types of speech

Систематическая работа над текстом в иностранной аудитории способствует формированию коммуникативных и аспектных речевых навыков учащихся и является одним из условий регулярной языковой практики, которое помогает иноязычным слушателям сориентироваться в другой стране. В статье рассматривается комплексное обучение иностранных учащихся работе над монологом. Так как монологи различаются по содержанию и оформлению, то целью исследования становится изучение типологии текстов и способов работы с монологическим высказыванием в процессе обучения слушателей предвузовского уровня русскому языку. Рассматриваются виды монологов, тематическая сфера их использования, коммуникативная составляющая текстов. Обосновывается, что обучение монологической речи должно проходить во взаимосвязи с лексической и грамматической работой почти на каждом занятии русского языка, начиная с элементарного этапа. Проведенное исследование подтверждает мысль о том, что большего внимания требует к себе рассуждение на научные темы. Эффективная и планомерная работа над монологическим высказыванием способствует умению иностранных учащихся не только пересказывать прочитанное, но и выражать свои мысли, развивает логику обучающегося посредством как ответов на вопросы, так и составлением диалогов, решением новых ситуативных задач.

Ключевые слова: монолог, речевые навыки, коммуникативные умения, речевая практика, устная и письменная речь, типы речи

Для цитирования: Гордеева Л.П., Юсупова З.Ф. К вопросу о типологии текстов по русскому языку как иностранному // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №1 (71). С. 156–160. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-156-160

В иноязычной аудитории содержание обучения ставит основной задачей формирование и совершенствование коммуникативных навыков и умений, а текст, как известно, является основной единицей коммуникации. Именно монологическому высказыванию свойственна завершен-

ность и целостность, о которых должны знать иностранные обучающиеся при составлении собственных текстов. Коммуникативная компетенция иностранных студентов связана с умением составлять тексты разной тематической направленности, посредством которых слушатель при-

обретает системные знания об изучаемом языке, основные фонетические, лексические, грамматические и словообразовательные правила, так как «в процессе речевого общения люди обмениваются текстами или создают новый текст, эти тексты состоят из предложений, предложения из слов, а слова из звуков...» [1, с. 102]. Необходимость изучения параметров создания монологического высказывания повышает качество усвоения иностранными слушателями учебного материала и способствует формированию речевых навыков обучающихся.

При этом следует отметить, что текст – это планируемое и программируемое сообщение, исходя из этого отличается рядом параметров, в частности, это последовательность изложения, смысловая и логическая связь; в то же время для монологического высказывания характерна самостоятельность или подготовленность. В нашей статье мы обратим внимание на построение текстов разных типов речи на элементарном, базовом и предвузовских уровнях при обучении русскому языку как иностранному. Предметом нашего изучения станут монологические высказывания разной тематической и стилистической направленности, их применение и способ построения на каждом этапе изучения неродного языка. В зависимости от коммуникативной задачи и установки, то есть структурно и содержательно [2, с. 133–134], выделяют следующие типы речи: описание, сообщение, повествование, рассуждение, каждый из которых обладает определенной направленностью содержания и композиционно-структурными признаками.

Начнем с монолога-описания. Цель данного типа речи – это всесторонне охарактеризовать предмет через перечисление его основных свойств, которыми соответственно являются количественные, качественные, структурные и функциональные признаки. На элементарном уровне описанию подвергаются комната, здание, город, страна: *Это факультет. Тут аудитория. Там деканат. Слева библиотека. Справа буфет...* [3, с. 91]. Использование противопоставления *слева – справа*, указательных местоимений, частиц *это, вот* дает подсказку обучающимся, чтобы сориентироваться в пространстве: *Это Россия. Это город Казань. Вот Кремль...* [4, с. 27]. При составлении описания действие, как правило, совершается одновременно, на элементарном уровне на это могут указывать наречия *здесь, тут*. В дальнейшем изучение прилагательных приводит к созданию новых текстов с определительными конструкциями: *Казань – большой и интересный город. Здесь есть широкие новые проспекты, старые тихие улицы, кра-*

сивые здания... [Там же, с. 56]. Сообщение характеризуется также наличием сказуемых, наречий, иногда выступающих в предложении в качестве сравнения или противопоставления: *...Сейчас урок. Преподаватель читает текст. Он читает текст громко и медленно. ... Она читает тихо, но правильно. ...* [3, с. 98]. Обращает на себя внимание также особенность построения текстов с последовательной или цепной связью: *Это я. Меня зовут... Я преподаватель. Это моя жена. Ее зовут... Она врач...* [4, с. 33]. Чаще, однако, в монологах используется параллельная или смешанная связь между предложениями, единоначалие: *Моя комната находится на пятом этаже. Это комната 510 (пятьсот десятая). Это комната большая и светлая. В комнате стоит один небольшой стол. А вот еще один небольшой стол. Здесь мы занимаемся. На этом столе стоит настольная лампа... На стене висят наши фотографии... В шкафу ... На полу...* [Там же, с. 219]. Создание таких текстов, изучение связей предложений на занятиях по русскому языку как иностранному развивает умение учащихся создавать монологические высказывания, в том числе по предложенному преподавателю клише, например знакомство: *Это я. Меня зовут... Я учусь... Я живу ...*, которые отрабатывают навыки перехода от одной фразы к другой. Подготовительную работу к созданию текстов-монологов можно проводить в игровой форме: описать аудиторию, карандаш, студента с использованием прилагательных (*красивый, умный, добрый, интересный, высокий, низкий, маленький*), глаголов (на базовом уровне: *лежит, стоит, находится, висит*), подобрать прилагательные к существительным (*стол, стул, доска, окно, дверь*). Рекомендуются задания в виде нанизывания языковых единиц, когда один слушатель начинает, а другой продолжает: *Это стол. Это коричневый стол. Этот коричневый стол находится слева. Этот коричневый стол находится около окна.* Или, напротив, предлагается полное предложение с прилагательными, слушатели должны найти второстепенные члены и исключить их: *Здесь мои новые тетради, учебник, линейка, синяя ручка и простой карандаш* [Там же, с. 139] – *Здесь мои ... тетради, учебник, линейка, ... ручка и ... карандаш.* Данный вид упражнения обращает внимание иностранных учащихся на роль прилагательных в предложении, а так как качественная характеристика является важной составляющей таких сообщений, то слушатели уже на элементарном, базовом уровнях начинают соотносить разные конструкции текстов и учатся выделять текст-описание среди других. Такие навыки впоследствии помогут в создании собст-

венных монологических высказываний разных типов речи. Также умения создавать монологи-описания важны при изучении на базовом уровне научного стиля речи (описание химических реакций, математических действий, биологических свойств и т. д.) с усвоением новых лексических единиц: *делится на, обозначает, объединяет, содержит, имеет, входит в состав, состоит из* и т. д.

Следующий тип речи, на который мы обращаем внимание, – повествование, оно характеризуется наличием глаголов, но если описание статично, то повествование динамично, то есть это события, действия или состояния: *Мы говорим по-русски. Андрей спрашивает, а мы отвечаем. Что лежит на столе? – На столе лежат книги, тетради и словари, – быстро отвечаю я.* [Там же, с. 188]. В таких текстах находит отражение применение большого количества глагольных форм, простых и сложноподчиненных предложений, может присутствовать диалог: *...В первый день мы весело осматривали нашу новую квартиру. – Посмотри, – сказала жена, – какая большая комната!* На начальном этапе знакомства с типом речи повествование могут быть использованы сложные предложения с противительными союзами: *Здесь мы будем обедать, а там отдыхать*, или сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными: *В это время мы услышали, что на пятом этаже играют на пианино...* [Там же, с. 311]. При описании событий преобладают глаголы прошедшего времени, которые могут выполнять разные функции в повествовательном тексте, например, могут указывать на действие, которое происходит в конкретный момент: *Она купила в магазине галстук и белую шляпу, а Андрей купил футбольный мяч и интересный детектив.* В этом же тексте можем наблюдать повторяемость одного глагола (*купила, ходила*) и наличие совершенного и несовершенного видов (*купила-покупала*): *Она каждый день ходила в магазин и что-нибудь покупала* [Там же, с. 380]. Обращают на себя внимание слова, характерные для построения монологических высказываний повествовательного характера, на это следует также акцентировать внимание учащихся: это могут быть наречия *когда, потом, иногда, сейчас, хорошо, тихо, интересно: Я встал... Когда я... Я купил... Потом я... Когда я...* [5, с. 61]; на базовом и предвузовском уровнях используются уже придаточные времени, причины, местоименные, уступительные подчинительные союзы: *когда, потому что, что, оттого что, чтобы, хотя* и т. д. Повествование имеет зачин или первое действие, основную часть и концовку, для того чтобы слушатели

умели выделять данные части в монологе, можно предложить упражнения, закрепляющие навыки создания данного типа речи, – это составление рассказа по зачину, когда дается начало события, а слушатели должны закончить данный текст или пересказ от лица участника событий, например, задание: *Расскажите (напишите) эту историю от лица 1) крестьянина; 2) окулиста; 3) сына крестьянина* (к тексту «Очки») (базовый уровень) [Там же, с. 47, 50] и др. Важно, чтобы учащиеся умели рассказывать о событиях, которые произошли с ними, которые они наблюдали, возможны следующие ситуации: рассказ о том, как они ехали в университет, с использованием глаголов движения (*вышел, пошел, шел, поехал...*), союзов (*когда, потому что, чтобы ...*); что они видели на экскурсии (*я увидел, посмотрел, узнал, познакомился, что, потому что ...*); рассказ о прогулке в парке или о действиях конкретного лица (*Ахмед не любит учиться, он любит отдыхать. Вчера он ходил ... Когда он пришел...*) и т. д. Все перечисленные упражнения способствуют не только умению различать и находить монологические высказывания повествовательного характера, но и развивают речь учащихся, активизируют их познавательную и мыслительную деятельность, учат проявлять интерес к событиям, одноклассникам, к разным ситуациям общения, в которых могут оказаться иностранные обучающиеся.

Рассуждение, как и повествование, обычно используется уже на базовом или предвузовском уровнях и представляет размышления автора о каких-либо действиях, событиях, явлениях, которые, как правило, приводят к определенному выводу: *Зимой холодно, поэтому нужно покупать теплую одежду* [Там же, с. 46]. Строится по схеме: тезис, рассуждение (аргументация) и вывод. Тезис выдвигается в начале текста в первой части: *В университете учиться нелегко...* Последующие абзацы раскрывают и доказывают вынесенный в начале монолога тезис, то есть приводится логически построенное рассуждение: *Где обычно подрабатывают студенты, если появляются проблемы с нехваткой денег...* Вывод формулируется в конце высказывания, может включать незавершенность и предлагать самостоятельное решение проблемы: *Есть и другой путь... А что лично вам по душе?* [Там же, с. 186]. Строгая логичность мысли достигается также вопросительными риторическими предложениями: *Где обычно...? А что лично...?* Кроме тезиса, в рассуждении может применяться антитезис с противительным союзом: *Многие люди приезжают жить в большие города из деревень и маленьких городков. ... Но у мегаполисов есть*

большие проблемы... В аргументации на базовом уровне применяются вставные конструкции: *во-первых... во-вторых... в-третьих...* и резюмирующие слова в итоге: *Таким образом, в жизни большого города есть хорошее и плохое, приятное и трудное* [Там же, с. 167]. В качестве упражнений для формирования навыков составления текстов-рассуждений можно использовать вопросительные предложения с последующим раскрытием темы: *Почему покупатели любят время скидок и распродаж? Что вы обычно покупаете в период скидок и распродаж?* и т. д. [6, с. 48]. В целом приобретаемые на занятиях навыки по изучению и созданию текстов-рассуждений помогают слушателям составлять собственное научное монологическое высказывание и успешно осваивать научные тексты по предметам специализации, аргументировать и обосновывать в сообщениях свою точку зрения. Крайне важна при этом внеаудиторная работа, проводимая в том числе и на подготовительном факультете КФУ, – это участие в конференциях, в круглых столах, где иностранные учащиеся выступают с научными сообщениями, предполагающими владение таким типом речи, как рассуждение, учатся составлять тезисы и рассуждать на общепонятные для начинающих изучать неродной язык темы, например: *«Трудности в изучении русского языка для иностранных слушателей»*. В аргументации обучающиеся приводят примеры трудностей, с которыми они сталкиваются, используя вводные слова: *во-первых, во-вторых*; учатся формулировать вывод с применением вводных конструкций: *таким образом, следовательно* и др. При раскрытии темы *«Сопоставительный анализ грамматики русского и французского (арабского, испанского и др.) языков»* слушатели знакомят присутствующих со своим языком, что является для них актуальной и личностнозначимой целью, а затем пытаются найти сходство и различия с языком изучаемым. При выступлении на тему *«Функция префиксов в русском языке»* слушатели исследуют многообразие применяемых префиксов в русском языке и отмечают их влияние на изучаемый язык. Выполняя такую поисковую и сопоставительную работу, иностранные учащиеся развивают логическое мышление, учатся обобщать, сравнивать, делать выводы. Подчеркнем, что такая работа возможна только на предвузовском уровне, но начинать выполнять такие поисковые задачи с подготовкой тем-сообщений можно уже на базовом уровне, когда учащиеся владеют тем лексическим минимумом, который позволяет им готовить тексты-выступления.

Таким образом, описание на элементарном уровне – это изображение комнаты, города, страны, природы; используются простые предложения, так как описываются люди, предметы, населенные пункты, органический и неорганический мир, окружающие иностранного слушателя. Включение элементов повествования происходит параллельно с изучением новых глаголов, в том числе прошедшего времени, характеризующих данный тип речи. На базовом уровне уже вводятся монологические высказывания с элементами рассуждения – это использование сложноподчиненных причинно-следственных, изъяснительных, уступительных предложений с союзами, наличие вводных слов (*конечно, разумеется, во-первых* и др.). На базовом и предвузовском уровнях слушатели в основном знакомятся и учатся создавать монологические высказывания повествовательного и доказательного характеров [7].

В целом первоначальная системная работа над текстом, предусматривающая как правильный выбор монолога на определенном участке обучения, так и языковую обработку высказывания, от начального этапа обучения до базового этапа и уже далее до достижения I сертификационного уровня помогает обучающемуся овладеть «лексическим минимумом уровня минимальной коммуникативной достаточности в количестве 2300 единиц, обслуживающих повседневную, социально-культурную, учебно-научную сферы общения» [8]. Таким образом, обучение учащихся созданию текстов разных типов речи направлены на формирование коммуникативно-речевой и языковой компетенции иностранных слушателей, которые способствуют активному усвоению учебного материала и адаптации в чужой стране.

Список источников

1. Капитонова Т. И. Методика обучения русскому языку как иностранному на этапе предвузовской подготовки / И. Т. Капитонова, Л. В. Московкин. СПб.: Златоуст, 2006. 272 с.
2. Балыхина Т. М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового): Учебное пособие для преподавателей и студентов. М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2007. 185 с.
3. Русский язык – мой друг: Базовый уровень: учебник русского языка для студентов-иностранцев / Под ред. Т. В. Шустиковой и В. А. Кулаковой. 3-е изд., испр. и доп. М.: РУДН, 2013. 851 с.
4. Владимирова Л. В. Привет! Учебное пособие по русскому языку для иностранных учащихся (элементарный уровень) / Л.В. Владимирова, Р.Р. Залялова. 5-е изд., перераб. и доп. Казань: Издательство Казанского университета, 2019. 230 с.

5. Владимирова Л. В. Как дела? Учебное пособие по русскому языку для иностранных учащихся (базовый уровень) / Л. В. Владимирова, О. В. Кулигина, Р. Н. Сафин. 3-е изд., перераб. и доп. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. 214 с.

6. Владимирова Л. В. Удачи! Учебное пособие по русскому языку для иностранных учащихся (предвузовский уровень) / Л. В. Владимирова, О. В. Кулигина. 4-е изд., перераб. и доп. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. 252 с.

7. Пассов Е. И. Урок иностранного языка в средней школе. 2-е изд. дораб. М.: Просвещение, 1988. 222 с.

8. Программа довузовской подготовки, дополнительная общеобразовательная программа, обеспечивающая подготовку иностранных граждан и лиц без гражданства к освоению профессиональных образовательных программ на русском языке, для слушателей предбакалаврской подготовки (нулевой уровень владения русским языком - А0). КФУ, 2022 URL: <https://prepschool.kpfu.ru/obshheobrazovatelnye-programmy/> (дата обращения: 27.01.2023)

References

1. Kapitonova, T. I. (2006). *Metodika obucheniia russkomu yazyku kak inostrannomu na etape predvuzovskoi podgotovki* [Methods of Teaching Russian as a Foreign Language at the Pre-University Stage]. 272 p. St. Petersburg, Zlatoust. (In Russian)

2. Balykhina, T. M. (2007). *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak nerodnogo (novogo)* [Methods of Teaching Russian as a Non-Native (New) Language]. *Uchebnoe posobie dlya prepodavatelei i studentov*. 185 p. Moscow, izdatel'stvo Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. (In Russian)

3. *Russkii yazyk – moi drug: Bazovyi uroven': uchebnik russkogo yazyka dlya studentov-inostrantsev* (2013) [Russian Is My Friend: Basic Level: A Russian

Language Textbook for Foreign Students]. Pod red. T. V. Shustikovoi i V. A. Kulakovoi. 3-e izd., ispr. i dop. 851 p. Moscow, RUDN. (In Russian)

4. Vladimirova, L. V. (2019). *Privet! Uchebnoe posobie po russkomu yazyku dlya inostrannykh uchashchikhsya (elementarnyi uroven')* [Hello! Textbook in Russian for Foreign Students (Elementary Level)]. 5-e izd., pererab. i dop. 230 p. Kazan', izdatel'stvo Kazanskogo universiteta. (In Russian)

5. Vladimirova, L. V. (2017). *Kak dela? Uchebnoe posobie po russkomu yazyku dlya inostrannykh uchashchikhsya (bazovyi uroven')* [How Are You? Textbook in Russian for Foreign Students (Basic Level)]. 214 p. Kazan', izd-vo Kazan. un-ta. (In Russian)

6. Vladimirova, L. V. (2019). *Udachi! Uchebnoe posobie po russkomu yazyku dlya inostrannykh uchashchikhsya (predvuzovskii uroven')* [Good Luck! Russian Language Textbook for Foreign Students (Pre-University Level)]. 4-e izd., pererab. i dop. 252 p. Kazan', izd-vo Kazan. un-ta. (In Russian)

7. Passov, E. I. (1988). *Urok inostrannogo yazyka v srednei shkole* [Foreign Language Lesson in High School]. 2-e izd. dorab. 223 p. Moscow, Prosveshchenie. (In Russian)

8. *Programma dovuzovskoi podgotovki, dopolnitel'naya obshcheobrazovatel'naya programma, obespechivaiushchaya podgotovku inostrannykh grazhdan i lits bez grazhdanstva k osvoeniyu professional'nykh obrazovatel'nykh programm na russkom yazyke, dlya slushatelei predbakalavrskoi podgotovki (nulevoi uroven' vladeniya russkim yazykom - A0)* [Pre-university Training Program, an Additional General Education Program that Provides Teaching for Foreign Citizens and Stateless Persons to Master Professional Educational Programs in Russian, for Students of Pre-Bachelor's Level (zero level of Russian language proficiency - A0)]. – KFU, 2022 g. URL: <https://prepschool.kpfu.ru/obshheobrazovatelnye-programmy/> (accessed: 27.02.2023). (In Russian)

The article was submitted on 09.03.2023

Поступила в редакцию 09.03.2023

Гордеева Лариса Павловна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
lp-gordeeva@mail.ru

Юсупова Зульфия Фирдинатовна,
кандидат педагогических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
usupova.z.f@mail.ru

Gordeeva Larisa Pavlovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
lp-gordeeva@mail.ru

Yusupova Zulfiya Firdinatovna,
Ph.D. in Pedagogy,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
usupova.z.f@mail.ru

УДК 372.881.111.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-161-166

РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА В КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ

© Ирина Ерофеева, Найля Файзуллина

DEVELOPING THE SKILLS OF A WORD-FORMATION ANALYSIS IN CHINESE STUDENTS

Irina Erofeeva, Nailya Faizullina

This article is devoted to the problem of international students' step-by-step study of Russian word formation basics. The article puts forward the suggestion that the study of the Russian word-formation features should initially be based on the linguistic structure of the student's native language, in particular, Chinese. Taking into account the L1 characteristic features will allow the teacher to create a certain logic for presenting the linguistic material, to detect similarities and differences between the mother tongue and the target language. Thus, the understanding of the typological differences between the Russian and Chinese languages highlights the need to develop the skills for isolating morphemes in a word, especially the root morpheme, and only then to introduce tasks, focused on the assimilation of certain, primarily productive word-formation models, into the educational process. We propose to use stylistic comments when working with derivative words of productive word-formation types and to use graphs that allow the students to understand the mechanisms of word production in the Russian language. By gradually expanding the range of analyzed lexemes, we develop the skill of isolating derivational affixes, primarily regular ones, teach international students to determine the word-formation meaning depending on the nature of the generating basis, to see and explain semantic shifts in derived formations, contributing to a better understanding of the pair "derivational base" – "derivative". Moreover, it will be a serious reason for expanding the students' vocabulary. The presented analytical work on the word-formation material is supposed to be carried out taking into account the principles of clarity, consistency and structuring.

Keywords: Russian as a foreign language, Chinese audience, linguistic typology, Russian word formation, word-formation type

Настоящая статья посвящена проблеме поэтапного изучения иностранными учащимися основ русского словообразования. Авторами выдвигается положение о том, что изучение словообразовательных особенностей русского языка изначально должно строиться с учетом языковой структуры родного языка учащегося, в частности китайского. Учет особенностей родного языка позволит преподавателю выстроить определенную логику подачи языкового материала, обнаружит сходства и различия между родным языком и иностранным. Так, понимание типологической разности русского и китайского языков выдвигает на первый план необходимость формирования навыков вычленения в слове морфем, особенно корневой морфемы, и лишь затем вводить в образовательный процесс задачи, ориентированные на усвоение определенных, в первую очередь продуктивных, словообразовательных моделей. Авторами предлагается сопровождать работу с производными словами продуктивных словообразовательных типов стилистическими комментариями, использовать схемы, позволяющие понять механизмы словопроизводства в русском языке. Постепенное расширение круга анализируемых лексем позволит выработать навык вычленения деривационных аффиксов, прежде всего регулярных, научит иностранцев определять словообразовательное значение в зависимости от характера производящей основы, видеть и объяснять семантические сдвиги в производных образованиях, что будет, с одной стороны, способствовать более глубокому усвоению пары «производящее» – «производное», а с другой стороны, будет выступать серьезным основанием для расширения лексического запаса учащихся. Представленная аналитическая работа по словообразовательному материалу должна непременно образом строиться с применением принципов наглядности, системности и структурированности.

Ключевые слова: русский как иностранный, китайская аудитория, лингвистическая типология, русское словообразование, словообразовательный тип

Для цитирования: Ерофеева И.В., Файзуллина Н.И. Развитие навыков словообразовательного анализа в китайской аудитории // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №1 (71). С. 161–166. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-161-166

В последнее время все больше внимания в процессе обучения русскому языку как неродному уделяется развитию аналитических навыков студентов при работе с языковым материалом, довольно серьезным подспорьем в данном случае выступает работа по словообразовательному анализу лексем [1].

Изучение русского словообразования китайскими студентами имеет свои специфические особенности. Для развития и закрепления навыков словообразовательного анализа у иностранных учащихся необходимо применение специальных методических приемов, направленных на выработку механизмов понимания производности русского слова и способности объяснения как значения его структурных элементов в отдельности, так и лексической семантики в целом. Это позволит в дальнейшем усвоить грамматические принципы русского языка, в том числе обеспечит системное понимание синтаксических конструкций [2]. Как справедливо отмечает Д. Д. Дмитриева, «узнавая знакомые элементы в новых словах, понимая их значение, учащиеся постепенно овладевают навыками перевода без словаря. <...> словообразовательный языковой материал заключает в себе большие возможности для развития необходимых навыков и умений, позволяет за короткий промежуток времени значительно расширить лексический запас» [3, с. 47].

При этом «преподаватель-русист, работая в китайской аудитории, должен знать менталитет, культуру китайского народа и иметь общее представление об особенностях китайского языка» [4, с. 23]. Первая сложность, с которой сталкиваются китайские студенты – это разная структура русского и китайского языков. Китайский, как известно, язык изолирующего типа, в котором отсутствуют формообразование и грамматические формы, слабо развита аффиксация. В отношении аффиксов языка изолирующего типа отличаются от языков флективных. В китайском языке аффиксы практически не могут быть извлечены из слова, настолько тесно они спаяны с другими составными частями слова. Поэтому членение на морфемы почти невозможно, и исключение аффикса приводит к нарушению семантической целостности слова [5, с. 150].

Однако ученые, занимающиеся типологической классификацией языков, отмечают, что есть некоторые общие для двух разных по морфологическому строению языков, а именно: понима-

ние морфемы как «синтаксически несамостоятельной единицы языка, обладающей либо вещественным, либо грамматическим значением» [6, с. 64]. Если в китайском языке границы между морфемами и простыми словами нечетко определяются, то в русском языке отличия между словом и морфемой в большинстве случаев четко прослеживаются. Именно на это и следует обращать особое внимание китайских студентов на занятиях по словообразованию, делая акцент на том, что основное лексическое значение слова в русском языке заключено в его корне (основе), а словообразовательные морфемы несут дополнительные значения, хотя и очень важные, но второстепенные в семантической структуре производного. Морфемы уточняют, характеризуют то, что выражено в корне слова: например, если в производном слове *учитель* основное лексическое значение заключено в производящей основе *учи(ть)*, то словообразующий суффикс *-тель* указывает на лицо, которому приписывается процессуальный признак. В целом в результате словообразовательного разбора слова студент-иностранец не просто обогащает свой лексикон, но и расширяет свои когнитивные способности, выражаемые в возможности осуществления таких логических операций, как сравнение, обобщение, анализ, синтез [7, с. 462].

В русском языке отношения в словообразовательной паре достаточно прозрачны (за исключением деэтимологизированных слов), поэтому упражнения для китайских учащихся должны быть направлены на формирование когнитивных представлений о механизмах построения производных слов в русском языке как языке флективного типа, типологически иного, нежели их родной. Практика преподавания русского словообразования китайским студентам показывает эффективность изучения основных положений деривационной науки от простых к более сложным понятиям. Первые результаты данной кропотливой работы проявляются в способности китайских студентов выделить в слове корневую морфему, что поначалу является для учащихся довольно трудной задачей: «нередко студенты-иностранцы не могут определить в слове корень. Систематическая работа по установлению значений слова, работа с омонимичными корнями ... позволяет преодолеть данные трудности» [8, с. 151].

При изучении русского словообразования необходимо иметь в виду, что в речевой деятельно-

сти иностранцев используется не только активная и рецептивная лексика, но и лексика потенциальная. К ней относятся такие слова, о которых учащийся может догадаться на основании знаний способов словообразования русского языка [9, с. 70]. Поскольку большая часть лексики русского языка является производной, то выработка умения видеть общность корневой морфемы у разных производных слов, а также осознавать их формальные, логические и смысловые связи является одной из важнейших задач формирования навыков владения русским языком. Актуализация в сознании иностранцев принципа аналогии при анализе производных слов позволяет значительно расширить их словарный запас.

Начинать знакомство китайских студентов с системой производных единиц целесообразно с примеров производных единиц одного словообразовательного типа с легко вычленимыми морфемами, без морфонологических изменений на стыке морфем, где производящая основа полностью, без усечения или наложения отражается в производном слове. При анализе большого количества однотипных примеров формируется не только навык их членения на морфемы, но и определения словообразовательного значения внутри типа.

Для этого можно использовать такое задание, как построение модели словообразовательного типа с использованием наглядных схем. Так, можно привести примеры 3-4 слов одного словообразовательного типа с указанием производящих основ и словообразовательного значения и далее, для активизации мыслительных способностей учащихся, предложить им вспомнить слова с данным суффиксом и записать их, найдя к ним производящие основы. Например:

учитель ← *учить*;
любитель ← *любить*;
писатель ← *писать*;
водитель ← *водить* и т.д.

Студенты достаточно легко и с интересом дополняют данный ряд примерами слов, обозначающих лиц по профессии, роду занятий, и подбирают соответствующие производящие глаголы. Тем самым вырабатывается понимание самой структуры производного слова, в котором глагол указывает на характерное действие, занятие или сферу интересов лица, а суффикс – выражает собственно личное значение.

Учить определять словообразовательное значение производных слов лучше начинать на примерах слов продуктивных словообразовательных типов. Так, одним из наиболее активных суффиксов при образовании отглагольных имен со значением отвлеченного действия с древности

является аффикс *-(е)ниџ-*. Он используется для образования большого количества стилистически нейтральных деепричастий, мотивированных глаголами разных лексико-семантических групп: *вождение, стремление, желание, хождение, выживание, поражение* и т.п. Преподаватель пишет на доске 3-4 примера слов с данным суффиксом, показывает их структурную зависимость от глаголов, приводит словообразовательное значение, объясняя, почему данные имена выражают именно значение «отвлеченного» действия, после чего предлагает продолжить ряд слов, найти и записать производящие основы, повторить значение. При этом необходимо обратить внимание иностранных студентов на то, что «особенностью образований с транспозиционным значением является тесная связь с семантикой производящего слова» [10, с. 76]. Таким образом закрепляется понимание механизма образования данного ряда слов, активизируются мыслительные механизмы речевой деятельности иностранцев в процессе подбора аналогичных слов данного словообразовательного типа. При выполнении задания можно обратить внимание на чередования согласных, возникающих при образовании имен на *-(е)ниџ-*. Для достижения большего эффекта примеры целесообразно выписывать в столбик парами, например:

вождение ← *водить*;
хождение ← *ходить*;
учение ← *учить*;
возвращение ← *возвратить* и т.д.

При подборе примеров производных слов с одним и тем же суффиксом, нахождении однокоренных производящих глаголов, воспроизведении словообразовательного значения в сознании иностранцев закрепляются определенные логические цепочки. У них формируется понимание семантической связи компонентов пары «производящее» → «производное», фиксируется осознание того, что в именах на *-(е)ние* выражается опредмеченное действие, так как они служат транспозиции глагола в имя существительное. На следующем этапе можно предложить для анализа примеры, в которых имена на *-(е)ниџ-* выражают вторичное конкретизированное значение – результата, объекта, места, орудия действия. Например, в таких производных именах, как *печенье* – от глагола *печь* или *сооружение* ‘постройка’ от глагола *соорудить / сооружать*, первичное значение действия для иностранцев осознается с трудом, поэтому для его понимания необходимо привести контекст, а вторичное значение – конкретное, предметное, результата действия им, как правило, хорошо известно. Поэтому надо показать, что предметное значение в

словах *печенье* или *сооружение* является производным от первичного процессуального значения данных имен и указывает на результат того действия, которое обозначает производящий глагол.

Очень важным представляется для иностранцев изучение глагольного словообразования, и в нем, как известно, в русском языке преобладают префиксальные способы. В пособиях по русскому языку как иностранному предлагается множество заданий на изучение различных префиксальных моделей. Они направлены на усвоение значения приставок, вносящих в производные глаголы новые смысловые оттенки. Часто такие префиксы достаточно однотипны и однозначны и легко запоминаются студентами-иностранцами: например, глагольные приставки со значением направления действия: *вы-ехать*, *при-ехать*, *за-ехать*, *отъ-ехать*, *пере-ехать*, *въ-ехать*, *у-ехать*, *подъ-ехать*, *до-ехать*, *съ-ехать*, *объехать* и др. По данному образцу студенты самостоятельно образуют слова от основ со значением перемещения и объясняют значение направления действия, выраженного префиксальными морфемами. Задание образовать по аналогии с приведенными преподавателем примерами производные от глаголов *ходить*, *лететь*, *бежать*, *плыть* / *плавать* и под. студенты выполняют с интересом, тем более что они хорошо понимают значение каждого приставочного образования. Восприятие приставочных моделей морфемного словообразования осуществляется легче в силу прозрачности структуры таких слов, почти полного отсутствия таких морфонологических изменений на стыке аффиксов, как наложение, усечение, интерфиксация (вставка между двумя морфемами асемантического элемента).

Для наглядности и активизации зрительной памяти, играющей важную роль именно у китайских студентов, которые при изучении родного языка запоминают множество иероглифов, можно схематически изобразить с помощью стрелок направления движения, выражаемые префиксами *вы-*, *от-*, *об-*, *у-*, *из-*, *до-*, *под-* и прочих. В данном случае наиболее эффективны такие виды наглядности, как изобразительная – предъявление рисунка, схемы – и моторная – демонстрация действий и название их.

На следующем этапе ознакомления со словообразовательными механизмами русского языка китайским студентам целесообразно предложить задания, включающие примеры производных слов, образованных разными морфемными способами. После изучения суффиксального способа словообразования и префиксального способа словообразования по отдельности китайские

слушатели готовы к восприятию заданий, направленных на их разграничение. При этом первые задания такого рода должны включать примеры производных слов одной части речи, в частности, только существительные. Пример задания:

Выпишите слова в два столбика: в первый столбик – слова, образованные приставочным способом, во второй – суффиксальным. Выделите приставку или суффикс в каждом примере:

читать → *читатель*, *друг* → *недруг*, *мудрый* → *мудрость*, *ходить* → *ходьба*, *звук* → *ультразвук*, *белый* → *белизна*, *порядок* → *беспорядок*, *экзамен* → *экзаменатор*, *комфорт* → *дискомфорт*, *внук* → *правнук*, *хрипеть* → *хрипота*, *академия* → *академик*, *акция* → *акционер*, *музыка* → *музыкант*, *город* → *пригород*, *программа* → *программист*, *дождь* → *дождик*.

И, наконец, можно переходить к заданиям более сложного типа и предложить для анализа производные формы, образованные приставочно-суффиксальным (конфиксальным) способом. Знакомство с ним необходимо начинать также с продуктивных словообразовательных моделей, чтобы учащиеся сами продолжали ряды производных слов и чтобы в их сознании закреплялась связь структуры и словообразовательного значения производного с прерывистой морфемой: например конфикса *на.....ся*. В качестве образца необходимо привести несколько известных иностранцам слов, в которых также схематически выделить значимые части, морфемы для наглядности восприятия. В то же время иностранцы уже готовы самостоятельно охарактеризовать значение данного конфикса, что они осуществляют с помощью лексических средств (например, *наесться* – ‘много съесть’, *начитаться* – ‘много прочитать’), после чего преподаватель дает научное определение словообразовательного значения данной модели – «интенсивность действия»:

на-есть-ся ← *есть*;
на-читать-ся ← *читать*;
на-смотреть-ся ← *смотреть* и т. д.

Иностранные студенты с интересом выполняют задание по подбору аналогичных примеров и продолжают данный ряд. Если работа осуществляется в группе, студенты приводят разные примеры и в процессе их записи, анализа и формулировки значения в их сознании осуществляется переход многих лексических единиц из потенциального словарного запаса в активный словарь.

Таким образом, при изучении словообразования русского языка в китайской аудитории важными в силу особенностей родного языка явля-

ются принципы наглядности, структурированности, системности. При этом на первом этапе важно знакомить китайских студентов именно с отдельными словообразовательными моделями и лишь потом переходить к более сложным заданиям, включающим анализ производных разных типов. При таком подходе основные принципы русского словообразования хорошо усваиваются, запоминаются, и сформированные навыки позволяют в дальнейшем, за счет использования потенциального словарного запаса, существенно увеличить количество слов русского языка в активном словаре иностранных учащихся.

Список источников

1. Иванова Т. М. Система принципов и приемы обучения лексико-грамматическим явлениям русского языка как иностранного на основном этапе изучения РКИ (на примере словообразования) // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. 2012. № 4 (32). С. 256–261.
2. Фаттахова Н. Н., Файзуллина Н. И. Методика преподавания синтаксиса в концепции Л.З. Шакировой // Лингвометодическая школа в Республике Татарстан: История и современность (к 100-летию со дня рождения выдающегося ученого-методиста, основателя Казанской лингвометодической школы Шакировой Лии Закировны). Казань, Издательство Казанского университета, 2021. С. 360–366.
3. Дмитриева Д. Д. Изучение словообразования на занятиях по русскому языку как иностранному // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Том 9, № 1 (30). С. 47–49.
4. Петрова С. М., Слепцова А. И. Особенности обучения русскому языку как иностранному в китайской аудитории // Серия «Вестник СВФУ», № 2 (18). 2020. С.19–24.
5. Волков К. В., Гурулева Т. Л. Сопоставительный анализ типологических характеристик китайского и русского языков // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, № 8 (131). 2018. С. 148–154.
6. Солнцев В. М. Введение в теорию изолирующих языков. М.: Изд. фирма «Восточная литература», РАН, 1995. 352 с.
7. Черниговская Т. В. Мозг и язык: врожденные модули или обучающаяся сеть? // Вестник Российской академии наук. 2010. Т.80. № 5/6. С. 461–465.
8. Герасимова К. М., Темкина Н. Е. К вопросу обучения словообразованию студентов-иностранцев гуманитарных специальностей: (на материале текстов по языку специальности: психология, связь с общественностью) // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования, 2012. № 3. С. 151–156.
9. Чеснокова М. П. Методика преподавания русского языка как иностранного: учеб. пособие. М.: МАДИ, 2015. 132 с.
10. Ерофеева И. В., Шентухина Е. М. Словообразовательная синонимия производных имен нулевой

суффиксации и образований на -(е)ние в древнерусском языке (на материале «Повести временных лет») // Филология и культура. Philology and culture. 2016. №2(44). С. 75–81.

References

1. Ivanova, T. M. (2012). *Sistema printsipov i priemy obucheniya leksiko-grammaticheskim yavleniyam russkogo yazyka kak inostrannogo na osnovnom etape izucheniya RKI (na primere slovoobrazovaniya)* [The System of Principles and Methods of Training Lexical and Grammatical Phenomena of Russian as a Foreign Language at the Main Stage of Teaching (on the Example of Word Formation)]. *Gumanitarnyi vektor. Seriya: Filologiya, vostokovedenie*, No. 4 (32), pp. 256–261. (In Russian)
2. Fattakhova, N. N., Faizullina, N. I. (2021). *Metodika prepodavaniya sintaksisa v kontseptsii L. Z. Shakirovoi* [Methods of Teaching Syntax Based on L. Z. Shakirova's Concept]. *Lingvometodicheskaya shkola v Respublike Tatarstan: Istoriya i sovremennost' (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya uchenogo-metodista, osnovatelya Kazanskoi lingvometodicheskoi shkoly Shakirovoi Lii Zakirovny)*. Pp. 360–366. Kazan, izdatel'stvo Kazanskogo universiteta. (In Russian)
3. Dmitrieva, D. D. (2020). *Izuchenie slovoobrazovaniya na zanyatiyah po russkomu yazyku kak inostrannomu* [Studying of Word Formation on Lessons of Russian as Foreign]. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*, Tom 9, No. 1 (30), pp. 47–49. (In Russian)
4. Petrova, S. M., Sleptsova, A. I. (2020). *Osobennosti obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu v kitaiskoi auditorii* [Features of Teaching Russian as a Foreign Language in a Chinese Audience]. *Seriya "Vestnik SVFU"*, No. 2 (18), pp.19–24. (In Russian)
5. Volkov, K. V., Guruleva, T. L. (2018). *Sopostavitel'nyi analiz tipologicheskikh harakteristik kitaiskogo i russkogo yazykov* [Comparative Analysis of Typological Characteristics of the Chinese and Russian Languages]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, No. 8 (131), pp. 148–154. (In Russian)
6. Solntsev, V. M. (1995). *Vvedenie v teoriyu izoliruyushchih yazykov* [Introduction to the Theory of Isolating Languages]. 352 p. Moscow, Vostochnaya literatura, RAN. (In Russian)
7. Chernigovskaya, T. V. (2010). *Mozg i yazyk: vrozhdennye moduli ili obuchayushchayasya set'?* [Brain and Language: Innate Modules or Learning Network?]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, T. 80, No. 5/6, pp. 461–465. (In Russian)
8. Gerasimova, K. M., Temkina, N. E. (2012). *K voprosu obucheniya slovoobrazovaniyu studentov-inostrantsev gumanitarnykh spetsial'nostei: (na materiale tekstov po yazyku spetsial'nosti: psikhologiya, svyaz' s obshchestvennost'yu)*. [The Problems of Teaching Word-Formation to Foreign Students of Humanitarian Specialties: (examining texts on psychology)]. *Vestnik RUDN, Seriya: Voprosy obrazovaniya*, No. 3, pp. 151–156. (In Russian)

9. Chesnokova, M. P. (2015). *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo: ucheb. posobie*. [Methods of Teaching Russian as a Foreign Language: A Textbook]. 132 p. Moscow, MADI. (In Russian)

10. Erofeeva, I. V., Sheptukhina, E. M. (2016). *Slovoobrazovatel'naya sinonimiya proizvodnyh imen nulevoj suffiksatsii i obrazovanii na -(e)nie v*

drevnerusskom yazyke (na materiale "Povesti vremennyh let") [Word-building Synonymy of the Names with the Zero Suffixes and Derivative Formations with the Suffix -(E)nie in the Old Russian Language (based on "The Tale of Bygone Years")]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*, No. 2 (44), pp. 75–81. (In Russian)

The article was submitted on 26.03.2023

Поступила в редакцию 26.03.2023

Ерофеева Ирина Валерьевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
erofeeva89@mail.ru

Erofeeva Irina Valer`evna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
erofeeva89@mail.ru

Файзуллина Найля Ивановна,
доктор филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Nelya7@mail.ru

Faizullina Nailya Ivanovna,
Doctor of Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Nelya7@mail.ru

УДК 37.091.3

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-167-172

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ В ПРЕПОДАВАНИИ ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

© Нурфия Юсупова, Айрат Юсупов

PROBLEM ASPECTS IN TEACHING TATAR LITERATURE

Nurfiya Yusupova, Ayrat Yusupov

The article discusses the key trends in the school course of literary education, identifies problematic aspects in the teaching of Tatar literature in educational institutions with the Tatar language of instruction.

The relevance of the study is determined by the insufficiently studied problematic aspects in the teaching of Tatar literature in general educational institutions with instruction in the Tatar language, and, therefore, the need to analyze sample syllabuses for Tatar literature in this aspect. The scientific novelty is determined by the fact that in the course of our study, firstly, attention is focused on the main principles, on which two groups of authors based their programs, built according to concentric and chronological principles, underlying the current teaching of Tatar literature; secondly, problematic aspects are identified in teaching Tatar literature.

As a result of the study, it is argued that the main problem in teaching Tatar literature is the knowledge of the theoretical foundations for students to learn the creative path of a particular writer and the literary process as a whole; to this end, students need to know the system of theoretical terms and concepts, the criteria for analyzing a literary text and artistic phenomena. The second urgent problem concerning the algorithm of Tatar literature learning at school is related to the study of the history of verbal art. The third important problem is the problem of motivation for reading literary texts, since reading a literary text is an important component in the school course of literary education.

Keywords: Tatar literature, teaching methods, literary education, problem, sample syllabus

В статье рассматриваются ключевые тенденции в школьном курсе литературного образования, выявляются проблемные аспекты в преподавании татарской литературы в общеобразовательных учреждениях с татарским языком обучения.

Актуальность исследования обуславливается малоизученностью проблемных аспектов в преподавании татарской литературы в общеобразовательных учреждениях с обучением на татарском языке и, следовательно, потребностью анализа примерных рабочих программ по татарской литературе в данном направлении. Научная новизна определяется тем, что в ходе исследования, во-первых, акцентируется внимание на основные принципы построения программ двух авторских коллективов, построенных по концентрическому и хронологическому принципам, по которым в настоящее время реализуется обучение татарской литературе, во-вторых, выявляются проблемные аспекты в преподавании татарской литературы.

В результате исследования утверждается, что основной проблемой в преподавании татарской литературы является освоение теоретической базы, так как для усвоения учащимися творческого пути того или иного писателя, литературного процесса в целом нужна система теоретических терминов и понятий, критериев анализа литературного текста, художественных явлений. Вторая актуальная проблема, касающаяся алгоритма преподавания татарской литературы в школе, связана с изучением истории словесного искусства. Третьей важной проблемой является проблема мотивации чтения литературных текстов, так как чтение литературного текста является неотъемлемым компонентом в школьном курсе литературного образования.

Ключевые слова: татарская литература, методика преподавания, литературное образование, проблема, примерная рабочая программа

Для цитирования: Юсупова Н.М., Юсупов А.Ф. Проблемные аспекты в преподавании татарской литературы // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №1 (71). С. 167–172. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-167-172

Татарская литература изучается в системе начального, основного, среднего общего образования и высшего профессионального образования. Она включена в инвариантную часть учебного плана образовательной программы, является обязательным предметом во всех общеобразовательных учреждениях и традиционно преподаётся на трех ступенях литературного образования: 1–4 классы (литературное чтение – ступень начального общего образования), 5–9 классы (ступень основного общего образования), 10–11 классы (ступень общего среднего образования). Соответственно, примерные рабочие программы по татарской литературе построены на основе этих трех концентров.

В настоящее время разработки авторских программ и учебников по татарской литературе для общеобразовательных учреждений с обучением на татарском языке осуществляются по примерным рабочим программам, разработанным двумя авторскими коллективами – Д. Ф. Загидуллиной, Н. М. Юсуповой, Ф. Ф. Хасановой и Д. М. Абдуллиной, Г. Н. Мухарлямовой, которые включают в себя «формирование необходимых для понимания и интеллектуального осмысления литературного произведения и творчества писателя теоретических и творческих навыков, а также знакомство учащихся с информацией о национальной культуре татарского народа» [1].

Основной целью литературного образования в РФ «является приобщение учащихся к богатствам отечественной и мировой классики, формирование культуры художественного восприятия и воспитание на этой основе нравственности, эстетического вкуса, культуры речи. Основой содержания литературного образования признано чтение и изучение художественных текстов с учетом литературоведческого, этико-философского и историко-культурного компонентов» [2]. В соответствии со стандартом ФГОС в общеобразовательных учреждениях с обучением на татарском языке на ступени начального общего образования предполагается формирование у учащихся читательской деятельности, первых представлений о художественном произведении, закладываются основы литературного образования. В 5–11 классах на первый план выдвигается развитие литературного чтения, умений читательской деятельности, совершенствование логического мышления, обогащение духовного мира учащихся. Вместе с тем предполагается развитие навыков анализа художественного произведения, формирование общего представления об образной природе словесного искусства, особенностях формы и содержания литературного

текста. В ходе анализа произведения требуется выделение учащимися смысловых частей литературного текста, составление тезисов и плана по прочитанному, характеристика героев, раскрытие сюжетных, композиционных особенностей произведения, роли изобразительно-выразительных средств, сравнение событий и героев в тексте, выражение собственной позиции, связанной с изучаемым произведением, участие в обсуждении по произведению, умение мотивировать мысли, выявление своего отношения к прочитанному произведению, написание аргументированного текста в виде сжатого и развернутого ответа. От изучения литературного произведения постепенно переходят к изучению литературного творчества писателей и поэтов, учащиеся начинают последовательно знакомиться с жизнью и творчеством татарских авторов-классиков. Позже изучение литературного творчества переходит к изучению литературного процесса, таким образом формируется системное видение исторического развития татарского словесного искусства.

Долгое время одной из серьезных проблем в преподавании татарской литературы в общеобразовательных учреждениях с татарским языком обучения являлось недостаточное внимание к теоретическому материалу. Как известно, в школьном курсе литературно-теоретическое образование и литературное чтение тесно связаны друг с другом. Самым сложным в школьном курсе является понимание и усвоение теоретических понятий и терминов. Как отмечает М. В. Черкезова, «в основе филологического анализа лежит художественная картина мира и особенности авторской поэтики» [3, с. 12]. Действительно, для усвоения учащимися творческого пути того или иного писателя, литературного процесса в целом нужна система теоретических терминов и понятий, критериев анализа литературного текста, художественных явлений. Для этого в учебниках нужен лаконичный по форме изложения теоретический материал. Ученик должен не только выучить определение того или иного теоретического понятия, но и развить в себе способность самостоятельно, без учителя, приобретать новые познания и навыки, всесторонне анализировать литературный текст, творчество отдельных писателей, дать характеристику образам, оценить события, определить специфику литературного процесса. Таким образом, отдельные теоретико-литературные понятия, изучаемые на уроках татарской литературы, должны быть связаны с анализом внутренней структуры художественного произведения. Это, в свою очередь, способствует развитию логического и творческого мыш-

ления учащихся, расширению их кругозора, обогащению представления о национально-художественных традициях.

Именно по такому принципу построена примерная рабочая программа Д. Ф. Загидуллиной, Н. М. Юсуповой, Ф. Ф. Хасановой [1]. Специфика данной программы заключается в том, что она, в отличие от предыдущих программ, ориентируется на теоретическую базу. Так, в 5 классе предполагается формирование у учащихся представления о жанровой природе фольклора и литературы. В связи с этим предполагается изучение образцов устного народного творчества с точки зрения жанровой специфики. Материал 6 класса концентрируется вокруг образной системы. Учащиеся в течение года изучают специфику образа в контексте представленных произведений, виды образов, особенности образов в эпических, лирических, драматических произведениях, постигают секреты характеристики героев. В 7-м классе в качестве ведущей темы выступают литературные виды и жанры, на первый план выходит изучение специфики жанровой парадигмы татарской литературы на примере художественных текстов. Материал 8 класса концентрируется вокруг понятия стиля. Учащиеся изучают понятия стиля писателя, стиля эпохи в контексте литературных текстов и творчества отдельных авторов, через что формируется у них представление об общих особенностях, специфике татарской литературы и чертах национального стиля татарского словесного искусства.

Примерная рабочая программа Г. Н. Мухарьямовой и Д. М. Абдуллиной составлена по такому же принципу. Основными содержательными линиями их программы выступают «Устное народное творчество» которое представлено в 5–7 классах, «Татарская литература» (изучение татарской литературы в соответствии с этапами ее развития), «Теория литературы» (освоение теоретико-литературных понятий в процессе изучения конкретных литературных произведений) [4, с. 7–8]. В 5 классе даются предварительные сведения о фольклоре, его жанрах (сказки, предания и легенды, мифы и другие жанры устного народного творчества), а также о литературных жанрах (литературная сказка, рассказ, басня, лирические и драматические жанры). Материал 6 класса концентрируется вокруг понятия образа: приемы создания образа в лирическом произведении, образная система произведений фантастики, аллегорическая образность, особенности образной системы в автобиографических и биографических произведениях, образность в жанре рассказа и повести, образная система в лиро-эпических и драматических произведениях. Материал 7 клас-

са полностью концентрируется вокруг видов и жанров в татарской литературе.

При подобном изучении татарской литературы учащиеся учатся самостоятельно анализировать художественное произведение, у них формируется восприятие литературного произведения в единстве его содержания и художественной формы, в результате совершенствуются умения и навыки сопоставления, обобщения, умения определять причинно-следственные связи, задавать самостоятельные вопросы, правильно доносить свои мысли.

Вторая важная проблема, касающаяся алгоритма преподавания татарской литературы в школе, связана с изучением истории словесного искусства. Через освоение литературных произведений, образцов устного народного творчества, литературного творчества в 5–8 классах осуществляется переход к изучению истории литературы, то есть к восприятию словесного искусства как художественного развития. По примерной рабочей программе Д. Ф. Загидуллиной, Н. М. Юсуповой, Ф. Ф. Хасановой история татарской литературы изучается в 9–11 классах. Переход на концентрическую структуру школьного литературного образования предполагает завершенность каждого этапа. Поэтому в 9 классе на фоне лучших образцов татарской литературы представляется экскурс в историю словесного искусства, целью которого является формирование у учащихся общего представления об основных тенденциях его развития.

Курс татарской литературы для 10–11 классов в данной программе построен по хронологическому принципу и направлен на создание системного видения исторического развития национального словесного искусства, «на формирование цельного и системного представления о путях развития национальной литературы с древнейших времен до сегодняшнего дня» [5, с. 20]. В связи с этим в старших классах актуализируется освоение татарской литературы в ее хронологическом развитии, изучение творчества отдельных авторов и их произведений в контексте литературно-эстетического процесса и историко-культурной жизни эпохи, системе развития литературных эпох. Соответственно, в таком контексте ученики должны определять эстетическую ценность творчества того или иного классика, выявлять специфику литературного процесса той или иной эпохи, оценивать произведения татарских классиков в контексте отечественной и мировой литературы, подтверждать и доказывать свои взгляды с учетом мнения оппонентов, готовить рефераты, доклады, писать сочинения по отдельным темам, совершенствуя та-

ким образом свое читательское восприятие, умения и навыки литературоведческого анализа. Исходя из этого, материал 10 класса концентрируется вокруг истории татарской литературы со средних веков до середины XX века, а в 11 классе предполагается изучение истории татарской литературы второй половины XX – начала XXI века.

Согласно примерной рабочей программе, составленной Г. Н. Мухарлямовой, Д. М. Абдуллиной, в 8 классе предполагается освоение истории татарской литературы со средних веков до 1920-х годов, а литературный процесс начиная с 1920-х годов до начала XXI века изучается в 9 классе.

В данном ключе выявляются две проблемы, связанные с изучением истории словесного искусства. Во-первых, в обеих примерных рабочих программах изучение истории литературы, по сути, начинается с изучения творчества отдельных авторов-классиков и их произведений в 5–7 классах. В данном случае при составлении учебников и УМК, при изучении произведений часто повторяющихся авторов-классиков, хотя и представлены их разные произведения, необходимо учитывать разнообразие литературных и биографических сведений на уроках татарской литературы.

Во-вторых, в школьном литературном образовании процесс изучения истории литературы проходит довольно сложно, что связано с несколькими аспектами. Олимпиадные работы, результаты ГИА и ЕРЭ по татарской литературе часто демонстрируют несистемность знаний учащихся об особенностях развития словесного искусства, они часто путают литературные периоды или не представляют их в последовательном порядке. Кроме того, литературные тексты должны быть доступными и понятными для современного ученика, то есть адаптированными, так как неадаптированные тексты могут стать причиной отчуждения ученика от татарской литературы и чтения литературных текстов.

Исходя из этого, в примерной рабочей программе, составленной Г. Н. Мухарлямовой, Д. М. Абдуллиной, материал 10–11 классов отходит от хронологического принципа и ориентируется на концентрический принцип. Например, предлагаются такие тематические блоки, как «Человек как высшая ценность», «Человек и семья», «Человек и национальный характер», «Человек и общество», «Человек и история», «Человек и природа» [6]. Конечно, этот путь значительно облегчает преподавание татарской литературы и освоение учащимися литературного материала, но вызывает вопросы: будет ли у учащихся всесторонний взгляд на историю татарской литературы, смогут ли они представить

ее богатство, специфику развития? В то же время в этом есть и свои приоритеты, что может привести к росту мотивации к изучению татарской литературы в школьном курсе, так как в настоящее время наблюдается снижение мотивации и интереса к чтению татарской литературы среди учащихся, связанное, с одной стороны, с непониманием учащимися значения литературного образования в повседневной жизни, с другой – со сложностью образовательной программы. Кроме того, в 9, 10, 11 классах в приоритете изучение произведений классиков татарской литературы, в то время как изучению современной татарской литературы отводится меньше времени. Таким образом, концентрическое изучение татарской литературы в 10–11 классах дает возможность облегчить учебный материал и позволяет увеличить материал, связанный с литературой XX–XXI веков.

Из второй проблемы проистекает третья важная проблема в преподавании татарской литературы, обусловленная, «в первую очередь, изменением роли литературы и чтения в жизни общества» [7, с. 5], – проблема мотивации чтения литературных текстов, так как чтение литературного текста является важным компонентом в школьном курсе литературного образования. В современных условиях модернизации образования основу учебной деятельности на уроках татарской литературы составляет анализ произведения, знакомство с историко-культурной информацией о литературном процессе. Эта важная аналитическая деятельность эффективна только после тщательного прочтения и глубокого понимания художественного произведения. Для этого, в свою очередь, в ходе составления программ и учебников, наряду с классикой, должны быть выбраны интересные для подрастающего поколения художественные произведения современных писателей. В данном ключе эффективным является не количество, а качество: доминирование большого количества и объема литературного материала, нехватка учебного времени не способствуют привлечению подростков к чтению литературных произведений.

Однако в настоящее время литературное образование столкнулось «с необходимостью поиска внутренней мотивации для изучения татарской литературы, приобщения детей и подростков к литературе, выработки аргументации и методик для повышения интереса к знакомству как с классикой, так и с наиболее значительными произведениями современной литературы» [5, с. 6]. Как показывают исследователи, «прежде всего это проблема социальная, когда изменившиеся условия жизни общества внесли свои корректив-

вы в образовательное пространство. Сегодняшние дети не мечтают быть Гагариными. Их больше манит своей видимой простотой взлета модельный бизнес, карьера удачливого предпринимателя. К тому же для этого не нужно особо вникать в постижение нравственных исканий героев русской литературы» [8].

«Филология лежит в основе не только науки, но и всей человеческой культуры» [9, с. 3], – так заявил Д. С. Лихачев. К сожалению, в современном обществе прослеживается падение уровня культуры школьников в целом, отсутствие системы национально-эстетических ценностей. На рубеже XX–XXI веков – в эпоху бурного развития интернета, средств массовой информации, мобильной связи – «появился и разрыв между жизненным опытом, нравственными представлениями школьников и содержанием изучаемых художественных произведений» [5, с. 7]. В данном ключе основная задача современного учителя татарского языка и литературы – поиск более гибких форм организации учебы, формирование мотивации к чтению художественных произведений как необходимое условие интеллектуального, творческого и нравственного развития личности учащихся. «Не принуждать к учению, а пробуждать интерес, тягу к постоянному получению знаний, осуществлять свою педагогическую деятельность так, чтобы процесс обучения стал важен для каждого, чтобы обучающийся был мотивирован к изучению всех школьных предметов и к литературе в частности – вот задача учителя» [10, с. 66]. Учителю татарского языка и литературы «необходимо постоянно повышать уровень своей идейно-теоретической и профессиональной подготовки...» [11, с. 3]. Он должен сам любить литературу, должен интересно организовать обсуждение произведения с учащимися на уроках литературы. Именно учитель может увлечь за собой учеников в особый мир литературы.

Таким образом, проблемные аспекты в преподавании татарской литературы в общеобразовательных учреждениях с обучением на татарском языке, хотя и имеются многолетние традиции в данном направлении, заключаются, во-первых, в специфике освоения учащимися теоретической базы, во-вторых, в изучении истории словесного искусства. Третьей важной проблемой выступает проблема мотивации чтения литературных текстов учащимися. Системное, научно-обоснованное с методической точки зрения изучение художественных произведений и литературного процесса в курсе татарской литературы, учитывающее общие и национальные черты словесного искусства, способствует более глубо-

кому усвоению учащимися родной литературы, расширению их кругозора, активизации их мыслительной деятельности, развитию логического и творческого мышления.

Список источников

1. Примерная рабочая программа учебного предмета «Татарская литература» для общеобразовательных организаций с обучением на татарском языке / Д. Ф. Загидуллина, Н. М. Юсупова, Ф. Ф. Хасанова // https://mon.tatarstan.ru/file/pub/pub_2685515.pdf
2. Богданова О. Ю., Леонов С. А., Чертов В. Ф. Методика преподавания литературы: Учебник. URL: <http://www.lit-mp.ru/materials/bogdanova/bogd3.html> (дата обращения: 28.03.2023).
3. Черкезова М. В. Проблемы преподавания русской литературы в инокультурной среде: метод. пособие. М.: Дрофа, 2007. 318 с.
4. Примерная образовательная программа учебного предмета «Родная (татарская) литература» для 5–9 классов основного общего образования с обучением на родном (татарском) языке / Д. М. Абдуллина, Г. Н. Мухарлямова. URL: https://mon.tatarstan.ru/primernye_rabochie_programmy.htm?page=2 (дата обращения: 28.03.2023).
5. Концепция преподавания татарского языка и татарской литературы // https://mon.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1001503.pdf
6. Примерная образовательная программа учебного предмета «Родная (татарская) литература» для 10–11 классов основного общего образования с обучением на родном (татарском) языке / Д. М. Абдуллина, Г. Н. Мухарлямова. URL: https://mon.tatarstan.ru/primernye_rabochie_programmy.htm?page=2 (дата обращения: 28.03.2023).
7. Гладышев В. В. Методика преподавания литературы: актуальные проблемы теории, истории, практики: монография. М.: Флинта, 2021. 273 с.
8. Сенчило Л. Д. Актуальные проблемы преподавания русского языка и литературы в современной школе. URL: <https://nsportal.ru/shkola/rodnoy-yazyk-i-literatura/library/2017/12/21/aktualnye-problemy-prepodavaniya-russkogo-yazyka> (дата обращения: 28.03.2023).
9. Лихачев Д. С. О филологии. М.: Высш. шк., 1989. 208 с.
10. Калина В. Г. Проблемы преподавания русского языка и литературы в школе // Наука и образование сегодня. 2018. № 5. С. 65–66.
11. Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения. М., 1972. 375 с.

References

1. *Primernaya rabochaya programma uchebnogo predmeta "Tatarskaya literature" dlya obshcheobrazovatel'nykh organizatsii s obucheniem na tatarskom yazyke* [A Sample Syllabus for the Subject "Tatar Literature" for General Educational Institutions

with instruction in the Tatar Language]. D. F. Zagidullina, N. M. Yusupova, F. F. Khasanova. URL: https://mon.tatarstan.ru/file/pub/pub_2685515.pdf (In Russian)

2. Bogdanova, O. Yu., Leonov, S. A., Chertov, V. F. *Metodika prepodavaniya literatury: Uchebnik* [Literature Teaching Methodology: A Textbook]. URL: <http://www.lit-mp.ru/materials/bogdanova/bogd3.html> (accessed: 28.03.2023). (In Russian)

3. Cherkezova, M. V. (2007). *Problemy prepodavaniya russkoi literatury v inokul'turnoi srede: metod. Posobie* [Problems of Teaching Russian Literature in a Foreign Cultural Environment: A Method. Guidebook]. 318 p. Moscow, Drofa. (In Russian)

4. *Primernaya obrazovatel'naya programma uchebnogo predmeta "Rodnaya (tatarskaya) literature" dlya 5–9 klassov osnovnogo obshchego obrazovaniya s obucheniem na rodnom (tatarskom) yazyke* [A Sample Syllabus for the Subject "Native (Tatar) Literature" for Grades 5–9 of Basic General Education with Instruction in the Native (Tatar) Language]. D. M. Abdullina, G. N. Mukharlyamova URL: https://mon.tatarstan.ru/primernye_rabochie_programmy.htm?page=2 (accessed: 28.03.2023). (In Russian)

5. *Kontsepsiya prepodavaniya tatarskogo yazyka i tatarskoi literatury* [The Conception of Teaching the Tatar Language and Tatar Literature]. https://mon.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1001503.pdf. (In Russian)

6. *Primernaya obrazovatel'naya programma uchebnogo predmeta "Rodnaya (tatarskaya) literature"*

dlya 10–11 klassov osnovnogo obshchego obrazovaniya s obucheniem na rodnom (tatarskom) yazyke [A Sample Syllabus for the Subject "Native (Tatar) Literature" for Grades 10–11 of Basic General Education with Instruction in the Native (Tatar) Language]. D. M. Abdullina, G. N. Mukharlyamova. URL: https://mon.tatarstan.ru/primernye_rabochie_programmy.htm?page=2 (accessed: 28.03.2023). (In Russian)

7. Gladyshev, V. V. (2021). *Metodika prepodavaniya literatury: aktual'nye problemy teorii, istorii, praktiki: monografiya* [Teaching Methods of Literature: Current Problems of Theory, History, Practice: A Monograph]. 273 p. Moscow, Flinta. (In Russian)

8. Senchilo, L. D. *Aktual'nye problemy prepodavaniya russkogo yazyka i literatury v sovremennoi shkole* [Current Problems of Teaching the Russian Language and Literature in Modern School]. URL: <https://nsportal.ru/shkola/rodnoy-yazyk-i-literatura/library/2017/12/21/aktualnye-problemy-prepodavaniya-russkogo-yazyka> (accessed: 28.03.2023). (In Russian)

9. Likhachev, D. S. (1989). *O filologii* [On Philology]. 208 p. Moscow, Vyssh. shk. (In Russian)

10. Kalina, V. G. (2018). *Problemy prepodavaniya russkogo yazyka i literatury v shkole* [Problems of Teaching the Russian Language and Literature at School]. *Nauka i obrazovanie segodnya*. No. 5, pp. 65–66. (In Russian)

11. Korman, B. O. (1972). *Izuchenie teksta khudozhestvennogo proizvedeniya* [Studying the Text of Fiction]. 375 p. Moscow. (In Russian)

The article was submitted on 29.03.2023
Поступила в редакцию 29.03.2023

Юсупова Нурфия Марсовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
faikovich@mail.ru

Юсупов Айрат Фаикович,
доктор филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
faikovich@mail.ru

Yusupova Nurfiya Marsovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
faikovich@mail.ru

Yusupov Ayrat Faikovich,
Doctor of Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
faikovich@mail.ru

УДК 811.111

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-173-178

**РЕАЛИЗАЦИЯ СИТУАЦИОННЫХ КОГНИТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ УЧЕБНОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ МАЛОФОРМАТНЫХ ТЕКСТОВ ПО ЧТЕНИЮ УМК
«ENGLISH UNLIMITED» (ELEMENTARY))**

© Екатерина Яковлева

**LINGUO-COGNITIVE MODEL ANALYSIS OF LOW-FORMAT TEXTS
IN EDUCATIONAL DISCOURSE
(IN THE COURSE BOOK “ENGLISH UNLIMITED” ELEMENTARY)**

Ekaterina Yakovleva

The article deals with cognitive modeling of low-format texts from the course book “English Unlimited. Elementary”. The aim of the article is to reveal the dominant constituents of the linguo-cognitive model and to highlight their relevance to this very level of language learning (Elementary). The study shows that *Participants*, *Setting and Scene* and *Act Sequence* are the dominant components of the linguo-cognitive model in the texts. The constituent *Participants* is expressed by personal pronouns and proper nouns. The component *Setting and Scene* is represented by toponyms and nouns with locative semantics. Action verbs and stative verbs in present tenses are used to express the constituent *Act Sequence*. The importance of these constituents can be explained by the anthropocentric approach to educational material selection and to the learning process where the main purpose is to develop communicative competence of a student. These components of the linguo-cognitive model and their language representations show that the authors of the course book consider them the leading ones for developing language competence acquired at A2 level of language learning. It has been also found that linguistic representations of the objective-referential situations refer to the concept of *National Identity* in the educational discourse under analysis.

Keywords: cognitive modeling, educational discourse, linguo-cognitive model, low-format texts, objective-referential situation

В статье рассматриваются конститuentы лингво-когнитивной модели ситуаций на материале малоформатных англоязычных учебных текстов (МФТ) по чтению учебного пособия «English Unlimited», уровень Elementary. Целью настоящей статьи является выявление доминантных компонентов ситуаций, характерных для данного уровня обучения. Исследование показало, что основными компонентами предметно-референтных ситуаций МФТ являются *Участники*, *Место*, *Последовательность действий*, что обусловлено антропоцентрическим подходом к отбору учебного материала. Так, конститuent *Участники* представлен личными местоимениями и именами собственными; компонент *Место* выражается при помощи топонимов, предложно-падежных словосочетаний и лексем с локативной семантикой; а лингвистическая репрезентация компонента *Последовательность действий* осуществляется статальными и акциональными предикатами в формах настоящего простого и длительного времен. Анализ когнитивных моделей ситуаций выявил, что именно эти компоненты ситуаций являются ключевыми на уровне обучения А2. Лингвистические средства репрезентации конститuentов *Участники*, *Место*, *Последовательность действий* доказывают соотнесенность предметно-референтных ситуаций МФТ с базовым концептом *National Identity* в рассматриваемом учебном дискурсе.

Ключевые слова: когнитивное моделирование, лингво-когнитивная модель, малоформатный текст, предметно-референтная ситуация, учебный дискурс

Для цитирования: Яковлева Е.В. Реализация ситуационных когнитивных моделей в англоязычном учебном дискурсе (на материале малоформатных текстов по чтению УМК «English unlimited» (Elementary)) // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №1 (71). С. 173–178. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-173-178

Когнитивные исследования приобретают все большую актуальность в рамках учебного дискурса в связи с глобализацией мирового пространства и статусом английского языка как языка международного общения [1].

Использование аутентичных учебно-методических комплексов при обучении иностранному языку способствует развитию всех навыков, как продуктивных, так и рецептивных, с учетом наиболее интересных и актуальных тем, которые отражают ситуации живого общения. Целью настоящей статьи является выявление доминантных компонентов лингво-когнитивных моделей малоформатных текстов (МФТ) и языковых средств их репрезентации. Одной из задач выступает анализ конstituентов когнитивных моделей МФТ на уровне «Elementary» с целью проследить коммуникативные и прагматические цели авторов учебника, то есть определить, почему именно эти компоненты выдвигаются на первый план учебного материала на этом уровне обучения. Материалом исследования послужили малоформатные учебные тексты из аутентичного учебного пособия «English Unlimited» (Course book) уровня Elementary [2].

Одним из самых результативных методов изучения учебного дискурса является моделирование [3, с. 147]. Для исследования особенностей коммуникативных процессов в образовательном дискурсе мы обратились к схеме, предложенной американским социолингвистом Д.Х. Хаймсом S-P-E-A-K-I-N-G [4, с. 53–62].

В каждой модели предметно-референтной ситуации или события мы будем выделять такие категориальные составляющие или конstituенты, как *участники* (Participants), *их действия* (Acts / Sequence), *временной* (Time) и *пространственный* (Setting / Scene) аспекты, а также *стиль общения* (Tone) и *стилистические приемы* (Instrumentalities). Также возможно выделение других составляющих когнитивной модели в рамках МФТ в зависимости от коммуникативных целей и установок автора.

Рассмотрим когнитивную модель ситуации, представленную в текстах вводного раздела *Intro* «About you» [2, с. 13].

Конституент лингво-когнитивной модели события	Средства лингвистической репрезентации
1. Participants (Участники)	I'm Astrid. I'm from My name's Andrew. My name's Anna My name is Sameh. Hi, my name is Claudia.

2. Setting and Scene (Место)	I am from <i>the United States, from San – Francisco.</i> I'm from <i>Mexico.</i> I am from <i>Egypt.</i> My home town is <i>Cairo.</i> My home town is <i>Graz.</i> I'm from <i>Wales.</i>
3. Languages (Владение языками)	I speak <i>French and Arabic.</i> I speak <i>Arabic and English.</i> I can speak <i>some French, some Japanese</i>
4. Стиль общения (Tone)	<i>Hello! Hi!</i> I'm from ... / My name's ... I speak German of course, <i>erm,</i> a bit of French, <i>erm</i>

В представленной лингво-когнитивной ситуации можно выделить 4 компонента: *Участники, Место, Стиль общения* и *Владение языками.*

Лингвистическая репрезентация конstituента *Участники* представлена личными местоимениями 1-го лица и именами собственными (*Andrew, Anna, Sameh, Claudia, I*).

Другой доминантный компонент *Место* реализуется посредством топонимов *The USA, Mexico, Wales, Austria, Egypt; San-Francisco, Graz, Cairo.* Имена собственные, обозначающие географические названия, фиксируют внимание реципиента на определенной информации, а также способствуют прагматической цели учебного дискурса, а именно – актуализации лексических единиц по теме *Countries and Nationalities.*

По нашему мнению, интертекстуальный характер учебного дискурса в приведенных МФТ отражается в таком конstituенте лингво-когнитивной модели как *Место* [5, с. 45–46]. Знания географии выступают здесь в качестве содержательно-подтекстовой информации таким образом, что авторы предполагают у студентов наличие определенных сведений о местонахождении городов и стран.

Стоит отметить, что в рассматриваемых МФТ не репрезентируется последовательность событий в динамике, представляя статальную характеристику ситуации при помощи глагола состояния *to be* и глагола *to speak* в значении «владеть каким-либо иностранным языком», что можно проиллюстрировать следующими примерами: *I am from Egypt. My home town is Graz. I speak Arabic and English.*

Конституент ситуации *Стиль общения* представлен при помощи неформальных реплик приветствия *Hello! Hi!*, которые создают непринужденный тон общения в рамках образовательного дискурса. Также в языковом плане выражения данной составляющей можно выделить краткие

редуцированные формы глаголы *Гm, My name`s*, характерные для неформального стиля общения, и междометие *erm*, употребленное для обозначения паузы в устной речи, когда говорящий думает, как ответить на реплику или вопрос.

Проанализировав данную лингво-когнитивную ситуацию, можно сделать вывод о том, что доминирующими конститuentами являются *Участники* и *Место*.

Одной из базовых тем обучения иностранным языкам выступает тема ориентации на местности и передвижения по городу, комплексно включающая такие подразделы, как виды общественного транспорта, покупка билета, городские объекты и т. п.

Рассмотрим лингво-когнитивные модели ситуаций, отражающие темы про транспорт и поездки, из раздела *Getting Around* на материале МФТ для чтения «*One-wheeled Wonder*», представленного в виде мини-интервью и дополненного визуальной составляющей – фотографией человека, передвигающегося на моноцикле по городу [2, с. 76].

Следует отметить, что в МФТ «*One-Wheeled Wonder*» на первый план выходит информативная цель образовательного дискурса – предоставить читателю сведения о таком необычном виде транспорта, как моноцикл, и показать преимущества данного вида транспорта.

Конституент лингво-когнитивной модели события	Средства лингвистической репрезентации
1. Participants (Участники)	For computer programmer, <i>Joe Marshall</i> the daily journey to work (...) <i>Marshall</i> doesn't think so (...) <i>Someone</i> rode (...) <i>a group of people</i> rode across
2. Setting and Scene (Место)	(...) the daily journey <i>across one of the most crowded cities</i> (...) to travel <i>the nine-mile journey across London by unicycle</i>
3. Act Sequence (Последовательность действий)	It <i>takes</i> Joe 50 minutes to travel nine-mile journey across London. You <i>can't stop moving</i> . I have to <i>jump up and down</i> at the traffic lights. You <i>can turn in</i> a really small space. <i>Someone rode</i> across America a few years ago. And last year <i>a group of people rode</i> across Norway

4. Instrumentalities (Стилистические средства)	The unicycle is <i>the real king of the road</i> <i>One-wheeled Wonder</i>
5. Key (Эмоционально-оценочный тон)	It's <i>like playing</i> on the way to work. The daily journey is <i>fun</i> That's <i>really stupid</i> . <i>Buy a car!</i> I get a lot of comments like: "Where's the other wheel?"
6. Qualities (Характеристика / Качества)	Unicycles are <i>safer</i> than they look and <i>easier</i> to ride (...) ten minutes <i>quicker</i> than by car But aren't unicycles <i>more dangerous</i> than bikes? And drivers are <i>more careful</i> with me than with cyclists

Так, в анализируемом МФТ можно выделить 6 компонентов когнитивной модели ситуации. Доминантными составляющими, по нашему мнению, выступают конститuentы *Действия* и *Место*. Конституент *Действия* репрезентуется посредством глагольных лексем, обозначающих движение и перемещение в пространстве: *can't stop moving, to travel*, а также сочетаний динамических глаголов с предлогами направления: *jump up and down, turn in, rode across*. В рамках данных глаголов можно выделить такие концептуальные признаки, как движение, перемещение, а также такой семантический компонент, как «активность» [6, с. 6].

Лингвистическая репрезентация компонента ситуации *Стилистические средства* достигается за счет использования метафор: *one-wheeled wonder u the real king of the road*. Метафора в заголовке статьи представлена атрибутивным словосочетанием, которое состоит из сложного двусоставного эпитета с производной основой *one-wheeled* и существительного *wonder*. Придавая тексту экспрессивность, эмоциональность и оценочность, метафора создает подтекст, который заключается в отождествлении необычного транспортного средства с чем-то невероятным, и актуализирует такие признаки транспортного средства, как «неповторимый», «уникальный».

Узуальная метафора с ингерентной положительной коннотацией *the real king of the road* имплицитно призвана подчеркнуть такие характеристики моноцикла, как мобильность передвижения и удобство, то есть преимущество моноцикла над остальными видами транспорта. Данные стилистические приемы в контексте МФТ употребляются с целью придать тексту экспрес-

сивность и произвести определенное эмоциональное воздействие на читателя.

В языковой репрезентации другого конституента – *Характеристика / Качества* – представлены прилагательные в сравнительной и превосходной степени: *more careful, easier, quicker, more dangerous, safer, the best*, семантически несущие характеристики процесса движения (*quicker, slower*) и степень безопасности передвижения (*more careful, easier, quicker, more dangerous, safer*) в контексте перемещения по городу.

Использование грамматических атрибутивных конструкций позволяет автору подчеркнуть преимущества передвижения на моноцикле по сравнению с велосипедом и автомобилем.

Также в МФТ можно проследить лингвистические средства выражения конституента *Эмоционально-оценочный тон*, который представлен при помощи выражения *to be fun*, сочетанием прилагательного с интенсификатором *really stupid* и сравнительной конструкции *to be like* в синтагме *It's like playing* on the way to work. Данная сравнительная конструкция помогает автору подчеркнуть непринужденность и удовольствие от процесса передвижения на моноцикле, сравнивая процесс езды с процессом игры. Другие лексические и стилистические средства в синтагмах *That's really stupid. Buy a car!*; *I get a lot of comments like: «Where's the other wheel?»* передают эмоционально-экспрессивную и оценочную характеристику. Так, в вопросительном предложении *Where's the other wheel?* можно проследить ироничное отношение к моноциклу, в то время как другой комментарий, включающий императив *Buy a car!* и сочетание атрибута с ярко-выраженной отрицательной семой *stupid* и интенсификатора *really*, содержит пейоративную коннотацию. По нашему мнению, компонент *Эмоционально-оценочный тон* позволяет обучающимся после прочтения текста подумать над преимуществами и недостатками передвижения на моноцикле, имплицитно подчеркивая неоднозначность точек зрения (мнений) на использование данного необычного вида транспорта в условиях городской среды.

Рассмотрим пример предметно-референтной ситуации из раздела *Getting together*, которая представлена креолизованными МФТ в виде фотографий экрана телефона и компьютера с текстами сообщений, основной целью которых является обсуждение планов на вечер [2, с. 84].

Конституент лингво-когнитивной модели события	Средства лингвистической репрезентации
1. Participants (Участники)	Hi, <i>Kimiko</i> Hello, <i>John</i> I'm going to the cinema with <i>Mia</i> We're waiting for you
2. Setting and Scene (Место)	Not a good day <i>at the office</i> I'm <i>in a meeting</i> this afternoon. Meet 7.00 <i>outside the cinema</i> . Sorry, <i>stuck in traffic</i> . Going to see the Others <i>at Picture House</i> .
3. Time (Время)	7.00 OK Having coffee first 6.15 Stuck at work until 6.30
4. Act Sequence (Последовательность действий)	What <i>are you doing</i> tonight? I'm <i>having</i> a lot of problems. Hi. <i>Going to see</i> the Others at Picture House. <i>Stuck</i> at work until 6.30 I'm <i>going to</i> the cinema with <i>Mia</i> We're <i>waiting</i> for you!

Среди основных составляющих ситуации можно выделить такие компоненты, как *Участники, Место, Время* и *Действия*. Компонент *Участники* представлен именами собственными и личными местоимениями 1-го лица в форме единственного и множественного числа (*We, I, Kimiko, John, Mia*). Данный компонент является значимым в рамках предметно-референтной ситуации в связи с особенностями диалогической речи и непосредственного обращения коммуникантов друг к другу по имени.

Для выделения другого важного компонента *Действия* в когнитивной модели ситуации автор использует глагольную форму Present Continuous для обозначения запланированных действий или намерений, чтобы подчеркнуть коммуникативную цель общения – обсуждение планов участников на вечер: *I'm going to the cinema; Going to see the Others*. В исследуемой ситуации эта видо-временная форма также используется в прямом значении – показать действия участников в момент разговора (переписки), как в следующих репликах: *I'm having a lot of problems. We're waiting for you!*

Эллиптические конструкции с глаголом *stick* в третьей форме призваны отразить статичность ситуации и указать на место нахождения человека в определенном месте без возможности перемещаться или двигаться согласно семантике вы-

ражения *to get / be stuck somewhere* (unable to move, or set in a particular position, place, or way of thinking).

Значимым в рамках рассматриваемой ситуации является конституент *Место*. Он репрезентируется при помощи единиц с локативной семантикой, обозначающих рабочее пространство (*in the office, in meeting*), внутригородские объекты (*the cinema, Picture House*) и уличное пространство (*traffic*). В контексте отрывка лексема *meeting* приобретает сему «пространственность» и контекстуально связана с существительным *office*.

В данной когнитивной модели важным элементом является конституент *Время*. Он представляет особую значимость в смысловой нагруженности МФТ, так как служит выражению коммуникативной цели сообщений, а именно – планированию и договоренности о встрече в определенное время и в определенном месте.

В исследуемых отрывках МФТ в синтаксическом плане можно выделить эллиптические конструкции, побудительные предложения и стяженные грамматические формы, характерные для неформального стиля общения и разговорной речи.

Представленная модель предметно-референтной ситуации способствует реализации прагматической цели учебного дискурса. МФТ, проанализированные в рамках модели, обладают такими качествами, как информативность и ситуативность. Креолизованные МФТ в рамках учебного дискурса аутентичного пособия «English Unlimited» доказывают интердискурсивный характер представленных учебных материалов, репрезентируемых поликодовыми текстовыми образованиями.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для МФТ данного уровня обучения характерно наличие таких доминантных конституентов когнитивной модели ситуации, как *Участники, Место, Последовательность действий*. Компонент *Участники* становится особенно значимым в рамках антропоцентрического подхода к обучению и доказывает, что учебный дискурс основывается на антропоцентричной парадигме, где человек выступает в качестве основной составляющей предметно-референтной ситуации. Наличие такого компонента, как *Место*, представленного топонимическими единицами, позволяет проследить влияние на учебный дискурс процесса глобализации и его отражение на представлении учебного материала, который ориентирован на представителей разных стран и культур. Реализация данного конституента призвана

подчеркнуть лингвокультурные особенности современного англоязычного учебного дискурса.

Языковые средства выражения доминантных составляющих предметно-референтных ситуаций содержат лексические маркеры, характерные для базового концепта *National Identity*, который реализуется посредством МФТ по таким темам, как «Транспорт», «Передвижение по городу», «Свободное время», «Планы и намерения» [7, с. 133–135]. Исследование показало, что авторы англоязычного пособия «English Unlimited» уровня Elementary проводят отбор языковых средств для изображения ситуаций, придерживаясь антропоцентрического подхода.

Список источников

1. Карасик В. И. О типах дискурса. Языковая личность: институциональный и персональный дискурс // Сборник научных трудов: Издательство ВГПУ «Перемена», Волгоград. 2000. С. 5–20.
2. Tilbury Alex, Clementson Theresa, Hendra Leslie Anne, Rea David. English Unlimited. Elementary Coursebook. Cambridge University Press, 2010. 160 p.
3. Доброва В. В. Моделирование как метод познания ненаблюдаемых объектов // Вестник ВятГУ. Вып. №1. Вятка. 2015. С. 146–152.
4. Hymes D. Foundations of Sociolinguistics: An Ethnographic Approach. University of Pennsylvania Press. Philadelphia, 1974. 260 p.
5. Шевченко В. Д. Пространственная и хронологическая доминанты в дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 3(19). 2015. С. 44–53.
6. Димитренко Л. Ю. Макроконцепт «Mouvement» во французской языковой картине мира: структура и лексическая объективация: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Воронеж, 2005. 24 с.
7. Сарайкина Ю. С. Современные тенденции в англоязычном образовательном дискурсе (на материале серии учебных пособий «OUTCOMES»): дис. ... канд. филол. наук: Самара, 2017. 194 с.

References

1. Karasik, V. I. (2000). *O tipah diskursa* [On Discourse Types]. *Yazykovaya lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs*. Sbornik nauchnyh trudov. Pp. 5–20. Volgograd, izdatel'stvo VGPU "Peremena". (In Russian)
2. Tilbury, Al., Clementson, Th., Hendra, L. A., Rea, D. (2010). *English Unlimited. Elementary Coursebook*. 160 p. Cambridge University Press. (In English)
3. Dobrova, V. V. (2015). *Modelirovanie kak metod poznaniya nenablyudaemyh ob"ektov*. [Meaning Modelling of Nonobservable Objects]. *Vestnik VyatGU*. No 1, pp. 146–152. Vyatka. (In Russian)

4. Hymes, D. (1974). *Foundations of Sociolinguistics: An Ethnographic Approach*. 260 p. Philadelphia, University of Pennsylvania Press. (In English)

5. Shevchenko, V. D. (2015). *Prostranstvennaya i hronologicheskaya dominanty v diskurse* [The Spatial and Chronological Dominants in the Discourse]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*. No. 3 (19), pp. 44–53. (In Russian)

6. Dimitrenko, L. Y. (2005). *Makrokontsept "Mouvement" vo frantsuzskoi yazykovoii kartine mira: struktura i leksicheskaya ob"ektivatsiya: avtoref. dis. ...*

kand. filol. nauk [Makrokoncept "Mouvement" in the French Language Picture of the World: Its Structure and Lexical Expression: Ph.D. Thesis Abstract]. Voronezh, 24 p. (In Russian)

7. Saraikina, Y. S. (2017). *Sovremennye tendentsii v angloyazychnom obrazovatel'nom diskurse (na materiale serii uchebnykh posobii "OUTCOMES")*: *dis. ... kand. filol. nauk* [Modern Tendencies of English Educational Discourse (based on the "Outcomes" Textbook Series): Ph.D. Thesis]. Samara, 194 p. (In Russian)

The article was submitted on 07.12.2022

Поступила в редакцию 07.12.2022

Яковлева Екатерина Васильевна,
аспирант,
ФГБОУ ВО «СамГТУ»,
443100, Россия, Самара,
Молодогвардейская, 244.
eka-khikhlich@yandex.ru

Yakovleva Ekaterina Vasilievna,
graduate student,
Samara State Technical University,
244 Molodogvardeyskaya Str.,
Samara, 443100, Russian Federation.
eka-khikhlich@yandex.ru

РУКОВОДСТВО ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения

Научный журнал «Филология и культура. **Philology and Culture**» публикует статьи по следующим разделам:

- филологические науки;
- психологические науки;
- педагогические науки.

Журнал «Филология и культура. **Philology and Culture**» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его высоким научным критериям (актуальность, научная новизна и др.). В тексте статей следует отдавать предпочтение ссылкам на публикации последних 15 лет. В журнале печатаются материалы, которые не опубликованы и не переданы в другие редакции.

Все статьи проходят рецензирование. Результаты рецензирования и решение редколлегии о принятии представленной статьи к публикации в журнале «Филология и культура. **Philology and Culture**» сообщаются авторам по электронной почте.

Небольшие исправления стилистического и формального характера вносятся в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или статья направляется авторам на доработку.

Рукописи авторам не возвращаются.

Порядок приема и движения рукописи

Редакция журнала принимает статьи исключительно в электронном виде (формат Word, файл типа .doc) на электронный адрес журнала: journal@ifi.kpfu.ru

Научные статьи должны быть объемом от 20 000 до 40 000 знаков (с пробелами).

Аннотация на русском и английском языках должна включать характеристику основной темы, проблемы, стоящие перед автором, цели работы и ее результаты. Не рекомендуется приводить цитаты из текста статьи. Средний объем аннотации от 150 до 250 слов. В тексте аннотации должны быть использованы все ключевые слова (5–7 понятий, терминов и имен собственных).

В конце статьи приводится краткая информация об авторе на русском и английском языках:

- фамилия, имя, отчество (жирным шрифтом),
- научная степень (если есть),
- должность, место работы с указанием почтового адреса, e-mail (данные – 12 кегль, почтовый адрес – 10 кегль).

Образец:

Иванов Петр Александрович,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
ivamariak@mail.ru

Ivanov Petr Aleksandrovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
ivamariak@mail.ru

Художественные тексты, исторические источники должны быть на языке оригинала, при переводе текста указывается автор перевода.

Образец:
(перевод наш. – П. И., М. А.)

Качество иллюстраций должно быть максимальным (не ниже 600 dpi). Иллюстрации прилагаются к статье отдельным файлом в формате jpeg и должны быть с подписями на русском и английском языках, указанием места иллюстрации в статье. Подписи к иллюстрациям дублируются в отдельном файле.

После того как рукопись пройдет двойное «слепое» рецензирование, мнение рецензента сообщается автору.

Анкета статьи должна быть заполнена следующим образом:

ФИО автора / Author
Организация / Organization
Страна / Country
Город / City
E-mail:
Наименование статьи / Title of article
Аннотация / Abstract
Ключевые слова / Keywords

1) Перечень затекстовых библиографических ссылок помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «Список источников». Использование слов «Библиографический список», «Библиография» не рекомендуется.

2) В перечень затекстовых библиографических ссылок включают записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи.

3) Библиографические записи в перечне затекстовых библиографических ссылок нумеруют и располагают в порядке цитирования источников в тексте статьи. Для связи с текстом статьи порядковый номер библиографической записи и страницу указывают в квадратных скобках. Сведения разделяют запятой. Пример:

В тексте статьи:

[10, с. 81]

В Списке источников:

10. Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.

4) Пристатейный библиографический список помещают после перечня затекстовых ссылок с предшествующими словами «Библиографический список» (в пристатейный библиографический список включают записи на ресурсы по теме статьи, на которые не даны ссылки).

б) Библиографические записи в пристатейном библиографическом списке нумеруют и располагают в алфавитном порядке.

Библиографический список оформляется следующим образом:

– Список литературы (по центру);

– труды должны быть представлены в алфавитном порядке: сначала указывается литература на русском языке, затем – на иностранном языке (согласно алфавиту английского языка);

– References (по центру);

– транслитерированный список литературы (порядок должен быть изменен согласно алфавиту английского языка).

Просьба оформлять научные статьи по следующему образцу:

Текст научной статьи должен быть оформлен на листе формата А4 по ГОСТ 9327-60, ориентация книжная, шрифт Times New Roman, кегль 14. Межстрочный интервал 1,5.

- Формат MS Word
- Поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое и правое – 2 см.
- Абзацный отступ – 1,25.
- Выравнивание текста статьи по ширине.

Межбуквенный интервал – обычный.

Квадратные скобки – на латинской клавиатуре.

Межсловный пробел – в один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях т. е., т. п., т. д.

Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: М., 1995. В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: А. С. Пушкин.

Дефис должен отличаться от тире, например: литературно-художественный (дефис), русская литература конца XIX – начала XX века (тире с пробелами слева и справа, без пробелов – в числах и датах, например: 1960–1970 гг., с. 52–65.

Кавычки в тексте статьи:

- французские («елочки»), внутри цитаты – немецкие („лапки“).

Образец:

«Роман И. С. Тургенева „Отцы и дети“ был опубликован в журнале „Русский вестник“».

– при переводе значения иноязычного слова используют английские одиночные (‘марровские’) кавычки.

Образец:

Критика в комментарии может быть также выражена при помощи лексемы *leider* ‘к сожалению’.

- в тексте на иностранном языке употребляются “английские двойные кавычки”.

Образец:

I. S. Turgenev’s novel “Fathers and Sons” was published in the journal “Russian Messenger”.

Точка, запятая и точка с запятой при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски.

Римские цифры набираются с помощью латинской клавиатуры.

Буква ё / Ё заменяется буквой е / Е за исключением важных для смысловоразличения контекстов и имен собственных, например: Генрих Бёлль.

При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.

Не допускаются пробелы между абзацами.

Выделения в тексте должны осуществляться по следующим правилам:

Жирный шрифт – для заголовков, подзаголовков.

Разрядка – для смысловых выделений.

Светлый курсив – для коротких примеров.

Образец:

Значение оборота «по сравнению с чем-нибудь» в составе устойчивой конструкции *против / противу прежнего*: «Я думал издерживать *втрое против прежнего*, вышло *вдесятеро...*» [Пушкин, т. 8, с. 7–47].

Мелкий шрифт с отбивкой от основного текста (полуторный интервал, кегль 12) – для фрагментов текста.

Образец:

Так, у А. И. Куприна читаем:

«В середине августа, перед рождением молодого месяца, вдруг наступили отвратительные погоды, какие так свойственны северному побережью Черного моря. То по целым суткам тяжело лежал над землею и морем густой туман, и тогда огромная сирена на маяке ревела днем и ночью, точно бешеный бык. То с утра до утра шел не переставая мелкий, как водяная пыль, дождик, превращавший глинистые дороги и тропинки в сплошную густую грязь, в которой увязали надолго возы и экипажи» [Куприн, с. 3].

Порядок оформления статьи

В начале статьи указывается УДК (в левом верхнем углу).

Название статьи – по центру, без отступа, прописными буквами.

Автор (ы): имя, фамилия.

Далее необходимо продублировать название статьи, имя и фамилию автора (или авторов) на английском языке.

Аннотация на английском языке (интервал 1,5; кегль 12).

Ключевые слова на английском языке. Слово *keywords* курсивом. После ключевых слов точка не ставится.

Аналогично – аннотация и ключевые слова на русском языке. После ключевых слов точка не ставится.

Текст статьи.

Список источников.

Библиографический список (если есть).

References. Библиографический список (если есть).

Данные об авторе: на русском языке и английском языках.

Внимание! Обязательны указания на количество страниц в издании и на страницы цитируемых статей.

Ссылки на иностранные источники следуют после русскоязычных.

Для ссылок на электронные ресурсы используют аббревиатуру URL (Uniform resource Locator – унифицированный указатель ресурса) и дату обращения.

Например: URL: <http://www.ruslit.ru> (дата обращения: 12.01.2016).

Список источников оформляется на языке оригинала издания с обязательным указанием места издания, издательства, года, количества страниц.

К статье прикладывается расшифровка использованных сокращений.

Примеры оформления списка литературы:

Список источников

Гринвалд Д. Кассандра // Сюжеты. 1990. № 10. С. 3–103.

Зайцев В. В. Теория и практика развития личностной свободы учащихся в системе начального образования: автореф. дис. ... докт. пед. наук: Волгоград, 1999. 48 с.

Ильинская С. Б. Константинос Кавафис. На пути к реализму в поэзии XX века. М.: Наука, 1984. 320 с.

Исаева Е. Две жены Париса // Isaeva.ru: Поэтесса и драматург Елена Исаева, 2015. URL: <http://www.isaeva.ru/plays/wife.html> (дата обращения: 24.02.2015).

Rabassa G. *One hundred years of solitude*. New York: Harper Perennial Modern Classics, 2006. 417 p.

References

Grinvald, D. (1990). *Kassandra* [Cassandra]. *Siuzhety*, No. 10, pp. 3–103. (In Russian)

Ilinkaya, S. B. (1984). *Konstantinos Kavafis. Na puti k realizmu v poesii XX veka* [Constantinos Cavafy. On the Way to Realism in the Poetry of the Twentieth Century]. 320 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Isaeva, E. (2015). *Dve zheny Parisa* [Two Wives of Paris]. Isaeva.ru: Poe'tessa i dramaturg Elena Isaeva. URL: <http://www.isaeva.ru/plays/wife.html> (accessed: 24.02.2015). (In Russian)

Rabassa, G. (2006). *One Hundred Years of Solitude*. 417 p. New York, Harper Perennial Modern Classics. (In English)

Zaitsev, V. V. (1999). *Teoriia i praktika razvitiia lichnostnoi svobody uhashchikhsia v sisteme nachal'nogo obrazovaniia*: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk [Theory and Practice of the Learner Personal Freedom Development in Primary Education: Doctoral Thesis Abstract]. Volgograd, 48 p. (In Russian)

**Транслитерация текста
(пошаговая инструкция)**

1. На главной странице сайта <http://translit.net> в строке «Включен» выбираем «русский транслит», вариант BSI (при этом следует делать исключение для имен собственных и названий периодических изданий, которые необходимо транслитерировать в соответствии со сложившейся традицией).

Например:

Вопросы языкознания = Voprosy jazykoznaniiia, а не Voprosy iazykoznaniiia.

2. Копируем из списка литературы данные об источнике (например: *Ильинская С. Б. Константинос Кавафис. На пути к реализму в поэзии XX века. М.: Наука, 1984. 320 с.*), вставляем в поле и нажимаем кнопку «в транслит». Получаем: P'inskaya S. B. Konstantinos Kavafis. Na puti k realizmu v poe'zii XX veka. M.: Nauka, 1984. 320 s.

3. После фамилии автора ставим запятую, затем инициалы.

4. В скобках год издания.

5. После названия книги (дается курсивом) в квадратных скобках даем перевод на английский язык.

6. Количество страниц (на английском).

7. Город (указывается полностью, например: Moscow, Leningrad, Kazan, St. Petersburg).

8. Издательство (без кавычек).

9. В скобках указываем язык оригинала:

На русском – (In Russian)

На татарском – (In Tatar)

На английском – (In English)

На немецком – (In German)

На французском – (In French)

На испанском – (In Spanish)

На китайском – (In Chinese)

На турецком – (In Turkish)

На казахском – (In Kazakh)

На польском – (In Polish)

На чешском – (In Czech)

На башкирском – (In Bashkir)

На чувашском – (In Chuvash)

На хакасском – (In Khakas)

На туркменском – (In Turkmen)

На киргизском – (In Kyrgyz)

На корейском – (In Korean)

На узбекском – (In Uzbek)

На азербайджанском – (In Azerbaijani)

На якутском – (In Yakut)

С требованиями к рукописям, обзорами номеров журнала можно ознакомиться на сайте: <http://philology-and-culture.kpfu.ru>